

HEBA

10 • 2024

НЕВА

10
2024

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Борис КОВАЛЕВ

Стихи • 3

Дмитрий ТАРАСОВ

Опыт бессмертия, или Поручик Тенгинского
пехотного полка. *Повесть* • 7

Евгений ЧИГРИН

Волки и мойры. *Стихи* • 60

Анатолий БУЗУЛУКСКИЙ

Нежность Пушкина. *Стихотворения в прозе* • 67

Александр КУРАПЦЕВ

Стихи • 76

НЕСТОЛИЧНАЯ РОССИЯ

Мария ЗНОБИЩЕВА,

Александр МАКАРОВ, Елена ЧАСОВСКИХ

Тамбовские лирики. Стихи. *Предисловие М. Кудимовой* • 90

Анна БАКАЛОВА

Город людей. *Рассказ* • 92

Андрей БЕЛОЗЁРОВ

Грустное волшебство.

Как пройти в библиотеку. *Рассказ.*
Москвы нет. *Правдивая повесть* • 103

ВСЕЛЕННАЯ ДЕТСТВА

Алла КЕЧЕДЖАН

Городской остров. *Мариупольские рассказы* • 128

ПУБЛИЦИСТИКА

Павел УСАНОВ

Загадка промышленной революции: какое событие
вызвало промышленную революцию в Англии • 142

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Вера КАЛМЫКОВА

«И жадно взор гонялся мой
за каждой краской и чертой» • 176

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Территория памяти. К 210-летию М. Ю. Лермонтова. Екатерина Соснина. Мистический след в биографии М. Ю. Лермонтова. **Искусство чтения.** Николай Маркелов. Лермонтов: кавказский контекст. **Рецензии.** Ольга Краплак. Некритические эссе. **Книжный остров.** Публикация Е. Зиновьевой • 191

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

Харбин — «русский Китеж». Часть 17 • 243

Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства цифрового
развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.
Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор

Александр Мотелевич МЕЛИХОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Игорь Сухих (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**

Макет **С. Булачевой**

Корректор **Е. Рогозина**

Верстка **Д. Зенченко**

© Журнал «Нева», 2024

Борис КОВАЛЕВ

АХИЛЛЕСОВА ПЬЕТА

Здесь каждый хоть немного Ахиллес,
Но никогда о нем не снимут пеплум.
На остров убегает или в лес
И скорбно пряди посыпает пеплом.

Не воскресить ушедшего Патрокла,
Не примирить враждующих людей,
И не броня — душа его промокла,
Продрогла вся от пепельных дождей.

Погибнет прежде Троя или он?
Но их кончины несоизмеримы:
Во прах падет Ахилл, а Илион,
Как Феникс, оживет на холмах Рима.

Страшна неувядающая Троя,
И вся душа бессмертная — в пяте.
Он как печальный Бог — один и трое,
Идущий твердо к собственной пьете.

ВСЕ МИНОВАЛО

Не тот я стал теперь — и миновало
Не то что все, но точно то, что мило.
Таков закон не круга, но овала:
Проходит все — и все проходит мимо.

Борис Вадимович Ковалев родился в 2000 году. Член Союза писателей Санкт-Петербурга, переводчик с испанского языка (стихи М. де Сервантеса, Ф. Гарсиа Лорки, С. Вальехо, Л. де Гонгоры-и-Арготе, стихи и эссе Х.-Л. Борхеса; роман И. Фальконеса). Сотрудничает с издательствами «Азбука-Аттикус», «Планета музыки». По образованию филолог-романист, в настоящее время работает в СПбГУ. Занимался в ЛИТО В. А. Лейкина и затем в ЛИТО В. Е. Пугача. В 2021 году опубликовал дебютный сборник стихов «Формальный метод» (СПб.: Геликон-Плюс, 2021). В 2023 году вышла в свет монография «Имя в прозе: очерки по номинологии» (СПб.: Нестор-История, 2023). Переводы и рецензии также публиковались в журнале «Иностранная литература» и в альманахе «Отражения». Победитель международного конкурса переводчиков им. Э. Л. Линецкой (2020) в номинации «Художественный перевод с испанского языка (поэзия)», лауреат XII Международного молодежного поэтического конкурса им. К. Р. (2022).

Кто на меня из зеркала глядит
И в зеркале найти не может места,
И в облике моем не различит
Любимый образ царская невеста.

Ключом скрипичным по сердцу скребя,
Не отличаю арии от рева:
Не узнаю теперь я сам себя,
Не узнаю Бориса Ковалева.

Как записи умерших голосов,
Звучащих сквозь колонны запоздало,
Я отраженье кем-то спетых слов.
Все миновало, говоришь?
Все миновало.

* * *

Есть разновидность глупая тоски,
Когда скучаешь по ненужной вещи,
Осознавая, что сменил тиски
На новые, удобные — но клещи.
И хоть неподходящий был размер,
Ты заскучаешь, словно по объятьям,
По шубам, юбкам и безвкусным платьям,
Которые ты отдал на размен.
Но быстро отряхнешься — и сугроб
Останется у входа на прощанье, —
И сдашься, как сдаются в гардероб
Пальто, бинокли и воспоминанья.

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ «РИГОЛЕТТО»

Мне снился город балтийский, лето,
И бесконечным казался сон.
Я видел Ригу. И «Риголетто»
Очередной закрывал сезон.

Паяц угрюмый бродил по сцене
И пел беспомощно, зная, тут
Он бледной публикой обесценен:
Его не любят, его не ждут.

Он сходит медленно, как по нотам,
И вдруг срывается и бежит,
По бенуару, пескам, болотам —
Католик, каторжник, вечный жид.

Куда судьбина ведет слепая,
Какие тропы ему торя?
Далеко прежняя Лиепая,
Как жук за плитами янтаря.

И так далек он от края бури —
От оркестровых ее границ,
Что в этой горестной партитуре
Уже не хватит ему страниц.

Но скоро кончится в Риге лето:
На зависть, наспех, навек, навзрыд.
И ты останешься, Риголетто,
Один на сцене. Сезон закрыт.

* * *

Полуночный канал, как прежде, темен
И ловит нас, как рыбу, на крючок:
И мы с тобой не будем больше теми,
Кто цепенел, касаясь мокрых щек,

Кто и страшился, и хотел объятий,
И вглядывался в запертую дверь.
Ненужные, смешные, словно яти,
Отверженные, где они теперь?

Мы стали мельче, мелочней, короче,
И только просим: память, говори,
Какими были эти дни и ночи,
Аптеки, улицы и фонари.

* * *

Все было зря: предательства, отравы,
изменчивых стихов анжамбеман,
наивных утешающий обман
любви, надежды и, быть может, славы.

Напрасно ждать, что тихие напевы
утихомят неотмирный нрав.
И жизнь, качнувшись вправо (он был прав),
качнется, не раскачиваясь, влево.

Один в снегах исхоженных стоишь,
дошедший не на карте, но до точки,
ужасный, словно уж в начале строчки,
и лишний, как любой последний лишь.

Всего вокруг не мало и не много:
и на стихи, на снег, на этот скорбь
ложится, умножая страх и скорбь,
бессмысленную скатертью дорога.

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ «НОЧИ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ»

Библейскому покорен многострочью,
И я пишу апокрифы о том,
Как видел сон однажды летней ночью,
А оказалось — перед Рождеством.

И в нем волхвы дары несут, читая
По памяти заветные стихи,
Пока ведет дорога их святая —
Как в дом стада уводят пастухи.

И далека, и тягостна дорога,
Густая ночь тревожна и страшна,
Но держат путь волхвы — и ради Бога
Находят в полутьме полутона.

И отряхнув с одежд ночного черта,
Они заходят в лучезарный хлев
И, сверившись между собой о чем-то,
Дары свои читают нараспев:

О музыке, о памяти, о лете,
О будущем, о прошлом и о том,
Что тем яснее будет на рассвете,
Чем ночь темнее перед Рождеством.

Дмитрий ТАРАСОВ

ОПЫТ БЕССМЕРТИЯ, ИЛИ ПОРУЧИК ТЕНГИНСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА

Повесть

ГЛАВА I. В УМЕ СВОЕМ Я СОЗДАЛ МИР ИНОЙ

Я настолько к нему привык, что порой не замечал, смотрел сквозь него, времени вообще забывал о том, что он существует. Однако правда и другое: он всегда обладал редкой способностью напоминать о себе: «Ты хочешь оставить меня здесь одного?»; «Разве ты не видишь, что я устал?»; «А как же твое обещание больше туда не ходить?»; «Почему я должен выслушивать твои глупости?». В мыслях — но никогда вслух, чтобы, не дай бог, не обидеть — я обычно отвечал: «Иди на фиг, Анатолий». Почему так?.. В детстве у меня был кот с таким именем: прилипчивый, наглый и в то же время трусливый, когда чувствовал за собой вину, — словом, имел повадки точь-в-точь как у него.

Каким бы вздорным, или хамовитым, или навязчивым он ни был, я не мог прервать с ним отношения. Даже не задумывался об этом. Причина простая: мы дополняли друг друга. Мне иногда казалось, будто происходит какой-то эксперимент или исследование, называйте как угодно, где мы с ним выступаем в роли подопытных кроликов. И возникал законный вопрос: кто тот ученый (или тут нужно писать с заглавной буквы?), который руководит группой коллег, изучающих человеческие существа под микроскопом?

Пока не станет известен окончательный результат опыта, я вынужден скрепя сердце терпеть и этих экспериментаторов, и Анатолия, не посылая его туда, куда он заслуживает. Пожалуй, здесь кроется единственный шанс на бессмертие (что бы это ни значило, для чего бы ни было нужно и как бы ни расходилось с канонами Церкви): если уходит один, другой остается, независимо от того, кто первым стоял в очереди. Недаром же русский поэт, а вместе с тем завязанный кавказский (и не только!) дуэлянт, подойдя к той развилке мысли, к которой подошел теперь я, поставил многоточие — как знак отмены смерти.

Дмитрий Михайлович Тарасов родился в 1965 году в Ленинграде. Работал инженером, экскурсоводом, журналистом, сейчас работает редактором в телекомпании «Петербургское телевидение». Публиковался в журналах «Нева», «Звезда», «Новая Юность», «Москва», «Сибирские огни», «Север», «Нижний Новгород», «Дон», «Крещатик», «Зинзивер», «Северная Аврора» и других. Рассказы переводились на сербский язык. Автор трех книг прозы. Член Союза писателей России с 2011 года.

НЕВА 10'2024

Вернусь, однако, к моему, так сказать, напарнику — к Анатолию, как часто я про себя его называл... Трудно представить людей, столь непохожих во всем. Прежде всего в образе мысли. Что бы я ни предложил, какую бы идею ни высказал, он неизменно находился на противоположных позициях. Я уверен, он начинал о чем-либо судить лишь после того, как становилось известно мое мнение. А раньше он об этом и не помышлял! Теперь же был готов спорить до хрипоты, отстаивая «выстраданную» точку зрения.

Обыкновенно споры возникали на ровном месте. Стоило мне только сказать или даже подумать: «Пойдем направо», — как он тут же протестовал, настаивая на левой стороне. А скажем, безобидное предложение идти пешком вызывало у него мгновенное и резкое неприятие, мол, лучше на автобусе, на метро, на такси, да на чем угодно, лишь бы противоречить. Со временем мне пришло на ум, что надо говорить не то, что я хочу, и тогда, сам того не понимая, он станет поддерживать нужный мне вариант. Однако этот метод не сработал, потому что он моментально согласился с первым же такого рода предложением. И потом, когда я начал чередовать «правду» с «ложью», он с легкостью отличал одно от другого. Не ошибся ни разу. Понятия не имею, каким образом это у него получалось...

До некоторых пор наши споры касались всякой ерунды. И вдруг, неведомо, по какой причине, столкновения стали происходить в вопросах принципиальных. Впервые, как вспоминается мне сейчас, это произошло в театре. Не буду называть ни сцены, ни пьесы, ни ее автора, ибо все перечисленное не имеет ни малейшего отношения к делу. Скажу лишь, что спектакль, на мой взгляд, весьма талантливо показывал, какая гигантская пропасть порой отделяет поведение человека от его внутреннего мира. Едва я эту мысль сформулировал, как он, доселе молчавший, принялся обвинять меня во всех смертных грехах.

— Как это понимать? — опешил я, поскольку не подозревал, насколько широки его познания по части площадной брани.

— А так и понимай, что мне надоело слушать подобную чушь.

Далее — по его выражению, к гадалке ходить не надо — он попытался доказать мне, что стилистика жизни определяет стилистику мыслей в той же степени, как бытие определяет сознание. Словом, вылил на мою бедную голову целое ведро марксистско-ленинских воззрений, да еще в самом пошлейшем исполнении.

— Ты материалист? — только и поинтересовался я.

— В твоих устах это звучит как ругательство.

— Любые убеждения хороши, если они искренни, а не навеяны духом противоречия.

На этом разговор закончился. И вскоре мы вернулись к привычному: «налево-направо», «трамвай-автобус». А спустя месяца два, что ли, мы снова отправились в театр.

Спектакль назывался «Вы сказали — герой?» и был переделан для сцены из самого известного произведения Лермонтова весьма ловким образом... У меня вырвалось «ловким»?.. Да, в той мере, в какой современные режиссеры умеют исказить шедевр, чтобы он стал одновременно и скандален, и удобоварим для публики, и совершенно непохож на первоисточник и прославил режиссера как актуальнейшего из актуальнейших... Пусть его поглотит геенна огненная! Во всяком случае упоминать здесь имя этого шарлатана не намерен, а вот некоторые приемы, которые он использовал, упомянуть придется. От одного акта к другому, коих набралось аж четыре, было продемонстрировано все богатство нынешних сценических штампов: перенос действия из девятнадцатого века в наши дни; гендерная инверсия некоторых персонажей относительно того, кем они были в романе (попросту говоря, мальчики сделались девочками).

ми, и наоборот); гомосексуальные отношения, ограниченные, правда, лишь поцелуями; ненормативная лексика как способ общения русских дворян; пляски и акробатические этюды голышом; сексуальный акт без попытки хоть что-нибудь прикрыть; элементы садомазохизма, черной магии и языческих обрядов... Приятно завершить то, что было сделано исключительно по необходимости.

Каким бы бездарным ни был спектакль, я всегда, наверное по традиции, досиджал до финала. Только один раз ушел раньше — из-за жуткой мигрени. Досидел и теперь, хотя в какой-то момент едва сдержался, чтобы с шумным недовольством не выйти из зрительного зала.

Тот, который во всем мне перечил, был тут же, промолчал и весь спектакль, и три антракта, созданные, казалось бы, именно для того, чтобы обсуждать увиденное. Открыл рот он лишь тогда, когда мы вышли из здания театра.

— Видел бы ты сейчас свое лицо! — рассмеялся он. — Как могут ужиться вместе злоба, недоумение и брезгливость?

— А ты, судя по всему, получил невероятное наслаждение, — недовольно пробурчал я.

— Более чем! Не будь оригинального авторского прочтения, этот архаичный текст заставил бы заснуть половину зала.

— Половину зала... — повторил я, сдерживая закипающий гнев. — Разве архаика, о которой ты говоришь, есть в пьесах Шекспира, Мольера, Островского, Чехова? Не надо делать из трех сестер лесбиянок, из Гамлета рок-музыканта, а ревизора превращать в блогера. Уймись, господа!.. А если вам это непонятно, то вы либо тупицы, либо мошенники.

Он, видно, принял мои слова не только на счет псевдорежиссеров, но и на свой счет тоже, потому что повернулся ко мне боком, похоже обидевшись, и оставшийся путь мы проделали в молчании. А дома, окунувшись с головой в компьютер и тут же забыв о капризах Анатолия, я сделал ревизию туристическим и гостиничным интернет-ресурсам. Закончил же тем, что открыл посвященный Лермонтову сайт и погрузился в чтение его биографии, начав с детских лет, которые прошли под присмотром любимой бабушки.

Через этот виртуальный портал я стремительным и в то же время самым естественным образом переместился в усадьбу Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, что в селе Тарханы Пензенской губернии.

Мальчиком (у него еще нет учителей) Миша рисует пейзажи, что видны в окно. Слабый от рождения, он в очередной раз болеет, и ему запрещено выходить на улицу. Так что же еще делать, как не рисовать?

На широком подоконнике лежат листы бумаги и коробка с акварельными красками, которые ему подарила бабушка. Одно изображение сменяет другое: примыкающий к барскому дому яблоневый сад; вдалеке на полях лошадки, пастух и стога; темная полоска леса у горизонта. Картинки разноцветные, в деталях отражающие натуру. И с той же точностью ему удастся показать самого себя, только почему-то лишь в двух ипостасях: он либо резвится на природе, либо словно бы со стороны наблюдает за тем, что происходит вокруг.

Часто, а со временем все чаще и чаще возникает в его детских работах образ загадочной княжны. Почему, собственно, княжна?.. Да потому, что понизу соответствующ-

шая подпись, пусть вкривь и вкось, зато без ошибок. Вопросы бабушки Елизаветы Алексеевны и прочих родственников он не то чтобы игнорирует, но отвечает столь путано, что поди разберись, какой стати княжна и какого рода. Тем не менее если прежде она была в углу или с кем-нибудь соседствовала, то теперь в фокусе внимания, ибо занимает господствующее положение в композиции.

Всякий раз, когда к бабушке приезжают гости, она хвастается перед ними рисунками маленького Миши. А гости расхваливают его наперебой:

- Какой, однако, одаренный ребенок!
- Подлинные ландшафты! И рисует он восхитительно!
- Его работы надобно сохранить. Ну, как он сделается знаменитым художником!

Мишу, впрочем, не обмануть. Хоть он и мал, ему понятны все эти взрослые, которым до него дела нет, лишь бы бабушке польстить. Миша уже давно не выходит к столу, как бы его ни звали. Ему приятно быть в одиночестве возле окна: хочешь — рисуй, хочешь — лепи фигурки из крашеного воска, а хочешь — просто в сад гляди. Иногда заходит бабушка. В отличие от остальных, у нее подлинный интерес, какого не сыграешь. И она все допытывается:

- Как так, что ты везде разный?
- Где же, бабушка?
- Да вот, и вот, и здесь тоже, — показывает она на рисунки, где изображен Миша.
- Может, и разный, да только как ни посмотри, а это я.

Со временем, поскольку хвори его не отпускают и надо себя чем-то занимать, Миша начинает сочинять стихи. Порой рисует и пишет разом. А если его от занятий отвлекают, то, обернувшись, он зачастую отвечает в рифму. И сам тому улыбается, ведь эти вирши выходят у него ненароком.

Улыбается Миша от души, правда, наблюдательному человеку заметны в его улыбке отнюдь не детские свойства. Какие именно и откуда они взялись, прояснится гораздо позже, когда он станет разговаривать с княжной. Да-да, той самой — бесплотной, созданной воображением для иного мира... Княжна скажет, что если ему вздумается говорить о ней дурно, то лучше пускай возьмет нож и ее зарежет.

— Разве я похож на убийцу? — спросит он.

— Вы хуже...

— Такова была моя участь с самого детства! — в его голосе соединятся боль и гордость.

И вот тогда, поймав ее недоуменный взгляд, он расскажет, что мальчиком был скромен, однако его обвиняли в лукавстве, — так он сделался скрытным. Он расскажет, что в его лице другие читали признаки дурного, которых не было, и как раз поэтому они появились. Он расскажет, что был угрюм, тогда как другие дети веселы и болтливы, что ему всегда ставили их в пример, и в нем родилась зависть. Он расскажет, что его никто не ласкал, наоборот, не упускали случая, чтобы оскорбить, и он стал злопамятен. Он расскажет, что чем больше в его словах было правды, тем меньше им верили, и ему ничего не оставалось, как начать обманывать. Он расскажет, что был готов любить весь мир, но миру этого не требовалось, и у него возникла привычка ненавидеть... С тех пор в его груди свило гнездо отчаяние — не то, которое лечат дулом пистолета, а холодное, прикрытое любезностью и приветливой улыбкой. Тогда он за ненадобностью отрезал и бросил одну половинку своей души, между тем как другая шевелилась и жила к услугам каждого. Но никому не приходило в голову, что он нравственный калека, только потому, что они не застали то время, когда его душа была неделима...

Он закончит на этом и встретится глазами с княжной. Она же будет жалеть его, и дрожать, и едва сдерживать слезы — но все молча!.. Да и как ей ответить, будучи лишь невоплощенной мечтой юного поэта?

ГЛАВА II. ЕЩЕ У НОГ КАВКАЗА ТИШИНА

Есть в России прелюбопытнейшие места. Например, Пушкинские Горы. Когда туда едешь, то, конечно, заранее берешь в расчет, что без Пушкина никак нельзя обойтись. Но не в таком же количестве!

Или другое место, уже на юге страны — Пятигорск. Здесь кумир тот, кого прочли в наследники Александра Сергеевича. Чего только не узнаешь о бывшем гвардейце на улицах этого славного городка! Вот лишь некоторые успехи, которых добились местные креативщики: завод имени Лермонтова (интересно, что там можно производить?); оружейный магазин «Дуэль»; отель «Печорин и княжна» (она-то с какой стати?); магазин женского нижнего белья «Бэла»; букмекерская «Фаталист»; автозаправка «Казбич» (у владельца, очевидно, среди предков имелись абреки); туристическая фирма «Максим Максимыч» (тут, быть может, совпадение имен/отчеств фирмача и персонажа); парикмахерская, уважительно названная «Михаил Юрьевич»; или, наоборот, фамильярное «У Юрьича», горящее ядовито-зелеными буквами возле входа в пивную. Я уж не говорю о том, что вывеску «Герой нашего времени», над каким бы заведением она ни красовалась, можно встретить едва ли не на каждом втором фасаде в центре города. А сколько изображений литератора на сувенирах, книгах, конфетных коробках и далее до бесконечности! Создается впечатление, будто жителей Пятигорска ничего, кроме творчества Лермонтова, не интересует.

— Миша, не носись как угорелый, — кричит мама ребенку, и у меня нет сомнений, что отчество у него «Юрьевич».

В трамвае девушка вынимает из сумки книгу, и я наперед знаю, что это окажется томик стихов поэта.

Еще издали замечаю экскурсовода, стоящего перед группой туристов, и, проходя мимо, слышу: «Лермонтов, Лермонтов, Лермонтов...»

Неужели, думаю я, за прошедшее время, а это почти двести лет, не нашлось здесь никого, кто хотя бы отчасти мог составить конкуренцию автору «Героя...»? Или такова сила инерции? Или людям непременно нужен только один, единственный и неповторимый? Так проще, удобнее. Говоря современным языком, система одного окошка. И в конце концов, не это ли стало причиной победы монотеизма над всеми разновидностями многобожия?..

Совсем забыл, а сказать нужно, пусть и с опозданием: мы тут вдвоем и по-прежнему препираемся, независимо от того, важен ли предмет спора. Например, как я ни отпирался, ему все-таки удалось затащить меня на местное торжище. А где больше всего витрин с дорогим товаром? Правильно, на центральном бульваре. Что ж, наблюдения за магазинами и прочими парикмахерскими в известной мере пополнили мою копилку впечатлений.

Долгое время бульвар, по существу, был единственной в Пятигорске улицей в полном смысле этого слова (кстати, улицей безымянной). Затем бульвар назывался Царским, пока в честь трехсотлетия правящей династии его не переименовали в Романовский, и еще раз, уже в советские времена, он изменил имя, став проспектом Кирова и сохранив вывеску до наших дней.

Не смог удержаться от экскурсии в историю, настолько выпирает противоречие: с одной стороны, в городе повсюду обозначены места, куда Лермонтов, согласно ми-

фам и легендам, хотя бы раз да заглядывал, с другой — имеем проспект Кирова вместо бульвара, с которым, между прочим, кавказская жизнь поэта связана самым непосредственным образом. Парадокс — наиболее мягкое слово, какое можно подобрать.

В эпоху Лермонтова бульвар утопал в зелени. Понятное дело, прежних лип давно нет, как нет и никаких других: в середине прошлого века их вырубili, взамен посадив каштаны. Никто не спорит, красивые деревья, и плоды у них красивые — темно-бурого цвета с благородным отливом, — но уж больно тяжелые. Мы на себе испытали исходившую от них угрозу, когда они с гулким звуком падали на тротуар, скамейки, на крыши торговых павильонов и автомобилей и норовили упасть на голову, отчего то и дело приходилось увертываться.

— Приехали в конце сентября, — ворчал он, — в самый каштанопад.

— Ты прекрасно знаешь, что отпуск мне не перенести.

— Погода дрянь, — продолжал он в том же тоне и неожиданно повысил голос: — Скажи, для чего нужен юг, когда тут холодно, ветер, дожди?

— Не позагорать и не покупаться, — с иронией посочувствовал я такому горю, а он тяжело вздохнул:

— Пропал отдых...

— Хочу напомнить, что мы не отдыхать сюда приехали.

— А зачем же? — мгновенно отреагировал он.

— Литература, история, Пятигорск, Лермонтов, — одним духом перечислил я. — Разве этого мало?

Внезапно и довольно мерзким голосом он запел что-то очень знакомое:

— Только-только-только-только этого мало...

Я промолчал, продолжая смотреть на дешевого паяца, который гримасничал и пытался вывести меня из равновесия. Сдержаться мне не удалось:

— Твои манеры, интонации, шуточки... Я иногда сомневаюсь, кого ты предпочитаешь.

— В смысле?

— Мужчин или женщин, — ответил я резко, а он прямо-таки задохнулся от возмущения:

— Как ты мог такое подумать!.. Меня даже бабником называют... Сам знаешь!.. Вообще, мое терпение...

— Вот и веди себя достойно, — отрезал я, закрывая тему.

До поры до времени он с самым мирным и даже слегка провинившимся выражением лица вышагивал по бульвару (не хочу и не буду называть его проспектом Кирова!). То, что его поведение не более чем банальная маскировка, стало ясно, когда он бросился наперерез пожилой женщине интеллигентного вида.

— Дамочка, где у вас хорошие книжные магазины? Подскажите хотя бы один, а то сложилось впечатление, будто горожане совсем не читают.

Его актерство было столь очевидным, что на ее месте я и разговаривать бы не стал. Она, однако, ответила весьма любезно: «Почему же один?» — и дальше перечислила несколько книжных, заодно объяснив, как лучше до них добраться.

— Что вас конкретно интересует? — решила она уточнить.

— А вы что, библиотекарь? — прокукарекал он, но я вовремя ткнул его в бок и вежливо пояснил:

— Ищу путеводитель по Пятигорску, желательно наиболее полный.

— Тогда вам нужен магазин местного издательства. В-о-о-о-н большие красные буквы! — она показала в конец выстроившихся вдоль бульвара павильонов.

— Снег, — прочитал он с ехидной улыбкой. — В курортном городе такое название! — продолжал веселиться он, видно, позабыв, что совсем недалеко отсюда вы-

сятся заснеженные пики кавказских гор. Схватив его за шкурку и в то же время смущенно улыбаясь нашему «гиду», я увлек за собой этого историка, географа и краеведа в одном лице. Спустя десять минут мы сидели на скамейке возле магазина «Снег», окрашенные с головы до ног в багрово-красные тона полыхавшей напротив вывески.

Он скучал, как делает обыкновенно, когда не с кем поболтать. Впрочем, не берусь судить об этом наверняка, потому что, будучи поглощен путеводителем, не слышал ни звуков шумного бульвара, ни шлепков, с которыми, немного напоминая мелкие камни, падали там и сям каштаны.

Написано было увлекательно, не тем казенным языком, каким обычно грешат подобного рода издания. Даже в неизбежно сухие повествовательные фрагменты автор приносил звучание собственного мотива, и мне начинало казаться, что мы с ним одинаково смотрим на...

Вероятно, для того, чтобы я не отвлекался на посторонние мысли, слетевший с ветки каштан стукнул меня по затылку и тем самым вернул к чтению.

* * *

В общем очерке Пятигорск выглядел совсем как немецкий городок, опрятный, красивый, с регулярной застройкой, но еще не вымощенный и без тротуаров. С высоты птичьего полета он являл собой укрепление, расположенное в большой яме и огражденное отрогами горы Машук. В этой природой созданной крепости не только держали оборону от черкесов с кабардинцами. Сюда, к горячеводским ключам, что били у подножия горы, съезжались ради исцеления со всей России. Среди статских было немало и военных мундиров: пехотные армейцы, раненые или отпущенные на отдых после боев, составляли большинство. Стараясь избегать их общества, держались друг друга гвардейские офицеры, либо ищущие крестика, либо отправленные в армию за провинности. После петербургских и московских салонов им было, разумеется, скучно, и едва ли не единственное их развлечение состояло в волокитстве за дамами из разномастной курортной публики...

— Ах, Мишель, таких красавиц, как юная Верзилина, не найти и в Петербурге!

— И что ж?

— Мне хотелось бы вновь и вновь целовать ее всю жизнь.

— Как, Монго, и далее не продвигаться?

— Что бы ты обо мне ни подумал, я сейчас не перемену свою судьбу ни на какую другую.

— Не знаю, готов ли я взять твое счастье взамен моей скуки... Как бы потом не заскучать пуще прежнего!

Мишель был горазд на подобные фразы. Он произносил их с видом неунывающего мудреца, после чего собеседнику, кем бы он ни был, оставалось только глубокомысленно замолчать. То же сделал и Монго, начав с осмотра собственных ногтей и закончив наблюдением за прохожими. Вдруг его глаза, всегда чуть прикрытые и сонные, расширились и стали похожи на рыбы.

— Что ты увидел?

— Мишель, идет твой давний друг и нынешний соперник... Наш майор в своем репертуаре: самолюбив, горд и непреклонен. Свиный человек! Или, как ты его нарек — Мартышка, что ли?

— Как смеешь ты, ничтожный раб, так называть самого Николая Соломоновича Мартынова? — преувеличенным голосом прогремел Мишель, а после предложил

в игровой манере: — Может, развлечемся умной беседой с человеком, достойным поклонения всей Европы?

— Опять ты станешь его задирать, он обижаться... Пускай себе гуляет!

— Раз уж ты столь щепетилен, ограничусь эпиграммой. Надеюсь, это не оскорбит ни твоих, ни его чувств.

Мишель привел свой внешний вид, главным образом лицо, в соответствие с тем, как должен выглядеть декламатор.

Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон,
Но Соломонов сын,
Не мудр, как царь Шалима, но умен,
Умней, чем жидовин.
Тот храм воздвиг, и стал известен всем
Гаремом и судом,
А этот храм, и суд, и свой гарем
Несет в себе самом.

Выждав паузу, Монго начал аплодировать, как делают в первых рядах перед сценой — негромко и медленно. И для него было полной неожиданностью, что у товарища, неизменно уверенного в себе, чуть покраснели щеки, вдобавок, чтобы скрыть смущение, он надвинул фуражку на лоб.

Два гвардейца, Мишель и Монго, оба сосланные на Кавказ за участие в дуэли, шли вдоль улицы с одноэтажными строениями, намереваясь свернуть на главную, которая представляла собой обсаженный липами бульвар, лениво забиравшийся по скату Машука. Единственно здесь во всем Пятигорске стояли каменные дома, гостиницы и торговые лавки с русским, местным и колониальным товаром. В продолжение всего курса лечения гуляли по бульвару больные, составляя живую и пеструю картину. Самые заметные в толпе, конечно, женщины: столичные модницы, толстые купчихи, чванные чиновницы, провинциальные барышни с диковатым и в то же время ищущим взглядом...

— Постой, — Мишель придержал за рукав товарища, устремившегося было на встречу шляпкам, юбкам и аромату духов. — Успеется, мой порывистый друг. Они ведь в этот час как раз к источнику идут, а там, сам знаешь, придется пить эту теплую вонючую отраву, коли хотим за больных сойти.

— Объяснись, Мишель.

— Изволь. Мы с тобой офицеры на излечении. Стало быть, пьем воду, принимаем ванны. А уклонись от этого, так, не сомневайся, найдутся те, кто донесет, и комендант враз возьмет нас на карандаш. Нужна ли нам такая история?..

Когда они ехали сюда из Петербурга, то должны были сразу явиться в отряд, действовавший на левом фланге в Чечне. Мишель, однако, предложил отправиться в Пятигорск. Поскольку Монго был против, то бросили жребий, и монета, упав решеткой вверх, указала дорогу на воды. Там предстали перед комендантом, выложили на стол медицинские свидетельства, где знакомый лекарь военного госпиталя указывал на их болезни, и получили разрешение провести на водах целое лето.

— А напомним, — сказал Монго теперь, когда они разместились на бульваре, выбрав скамью в тени, — напомним, какими болезнями ты одержим.

Говорил он развеселым голосом, и Мишель отвечал ему в тон:

— Выявлены золотуха и цинготное худосочие, сопровождаемое припухлостью и болю десен... Тебе тоже есть чем похвастать, не правда ли?

— Мишель, убей бог, не помню!

— Хорошо, возьму на себя роль эскулапа. Не забывай, легкомысленный больной, что у тебя изъязвление языка и ломота ног!

Вскочив, Монго прошелся вперед, припадая на одну ногу, и назад, припадая на другую.

— Ну полно, полно, — смеялся товарищ, а Монго, остановившись, спросил жалобным голосом:

— Как же мне поправить здоровье?

— Три сотни серных ванн. До десяти стаканов кисло-серной воды всякий день. С перерывом же курса его нужно начинать сызнова!

Вдоволь насмеявшись, они пересели на соседнюю скамью, куда переместилась и тень. Разговор, однако, по-прежнему шел вокруг болезней и коменданта Пятигорска.

— Этот Ильяшенков, даром что служака старой закваски, оставил-таки нас в городе.

— А помнишь, — Мишель снял фуражку и стал ею обмахиваться, точно веером, — помнишь, как он сказал: «Только, господа, не шалить и не бедокурить!» На что я резонно заметил, что ежели жить совсем без веселья, то можно умереть от скуки, и ему же придется нас хоронить, причем за свой счет.

После этих слов, пожалуй, потому, что прозвучало «хоронить», Монго вдруг сделался серьезен. Выждав с минуту, он сказал:

— Послушай, я родственник тебе, двоюродный дядя, хоть и младше на два года. Но главное, я преданный друг, в чем ты не раз имел случай убедиться. Посему дурного желать никак не могу... Будь осторожен, Мишель, иначе история с дуэлью повторится уже близ Машука...

Дуэль с сыном французского посланника де Барантом была за Черной речкой под Петербургом. Сперва дрались на рапирах, и Мишель получил легкую рану руки. Затем взялись за пистолеты: француз дал промах, тогда как Мишель выстрелил на воздух. Тем дело и кончилось, если не считать ссылки на Кавказ, куда, будучи секундантом, был отправлен и Монго.

— Здесь нет ни одного француза, — Мишель раскинул руки в стороны. — С кем же прикажешь драться?

— Я решительно против твоего желания обернуть мои слова в шутку.

Чтобы показать свою непреклонность, он стукнул ладонью по скамье, отчего его товарищ начал хохотать от души:

— Этак ты все тут в щепки разнесешь! По принуждению меня к благоразумности тебе соперник лишь моя бабушка.

— Сравнение лестное...

— Чем же бабушка плоха?.. Впрочем, я знаю, ты не обидчив, за что всегда тебя ценил...

Пораженный чем-то, он замолчал, а когда открыл рот, то начал говорить словно бы в горячке:

— Постой, что это? Гляди, Монго, гляди! Никак княжна?

— Княжна?.. Насколько знаю, ни одной княжны сейчас на водах нет. Ты, верно, обознался...

Еще немного времени Мишель сидел с напряженным лицом, а после, ссутулившись и сразу став как будто меньше ростом, с грустью проговорил:

— Моя обычная болезнь... Это у меня с детства. Еще бабушка рассказывала, что любил княжон рисовать, и всех на одно лицо, и всех инкогнито... Вырос, кажется, а все как ребенок! — весело закончил он, и Монго, встав и отряхнув мундир от невидимой пыли, с той же веселостью объявил:

— Однако ж пора провести водянное общество!

На ходу офицеры решили, что пока публика наполняет стаканы целебной водой, им следует идти в ванны, в противном случае, как показывал опыт здешней жизни, придется занимать немалую и весьма болтливую очередь.

И вот они уже поднимаются к Александровскому источнику, куда ведет высеченная в скале лестница, а потом, по горло погрузившись в теплую воду, сидят в закрытой галерее и, отделенные друг от друга легкой перегородкой, громко перешучиваются, смеются, пока снаружи не раздастся дребезжащий звонок, а следом довольно грубый голос: «Пора выходить, ваша половина прошла!»

Позже они лежали в пристроенной к галерее комнате, где было еще несколько человек, и все потели, и чувствовался такой сильный запах серы, точно дьявол тоже захаживал принимать здешние ванны.

Из Александровских вышли свежи и бодрь, как будто собирались на бал. После этого кто скажет, что душа не зависит от тела!

ГЛАВА III. НЕ СМЕЙСЯ, ДРУГ, НАД ЖЕРТВОЮ СТРАСТЕЙ

Кому из нас пришла мысль пойти в кабак, объяснений не требует. Хотя моя вина здесь тоже есть: был безволен и легко дал себя уговорить. Однако по порядку...

Прежде чем пойти туда, где зловоние складывалось из запахов кислого пива, тухлой рыбы и несвежей человеческой плоти, мы по обоюдному согласию (редчайший случай для наших отношений!) направились в фирменный магазин Прасковейского винзавода.

— Дивное место! — оценил я, не услышав ни единого возражения с его стороны.

Мы стояли посреди большого помещения, светлого от широких окон, выходивших сразу на две улицы. Перед нами был деревянный прилавок, позади которого в шахматном порядке поднимались полки от пола до потолка, заставленные красивым бутылочным стеклом с нарядными этикетками. Преимущественно тут стояли коньяки да многочисленные вариации виски и самогона. Были и вина; они-то меня и заинтересовали в первую очередь. Люблю, знаете ли, эстетику винопития! Как там у Николая Заболоцкого:

В глуши бутылочного рая,
Где пальмы высохли давно,
Под электричеством играя,
В бокале плавало окно...

Справа от нас находился дегустационный зал, тоже с прилавком и изобилием разного рода напитков.

— Возьму на пробу, — обратился я к нему, а затем к продавщице: — Дайте, пожалуйста, бокал красного полусладкого.

— А мне, — развязно произнес он, — плесните-ка самогончику. — Он что, по завещаниям предков?

Продавщица ограничилась легким кивком и позже, о чем бы ни спрашивали мы или другие покупатели, умудрялась общаться исключительно при помощи языка жестов.

Мы сели возле окна (оно точно плавало и, как золото, блестело), сели друг напротив друга. Если я смаковал вино, то он залпом опрокинул стакан с витражным изображением скульптуры орла — символа Пятигорска.

— Здесь дегустируют, — напомнил я.

— Прикажешь пить самогон глоточками?

В ответ я пожал плечами, а он внезапно заявил:

— Пойду.

— Куда?

— Продолжу.

— Не вздумай, — я показал кулак. Он как-то весь сжался, думаю, по привычке к лицедейству, и начал говорить, что самогон ему очень приятен, что он хочет купить бутылку как местный сувенир. В общем, уговорил меня...

Когда, расплатившись, он стал с очевидным удовольствием поглаживать этикетку с видом бескрайнего хлебного поля, я вскользь заметил: «Ласкаешь, как ребенка», — и получил мгновенный ответ:

— Не отставай! Приобрати винище — тоже как сувенир.

И хотя «винище» меня покорило, тем не менее, еще ощущая приятное послевкусие, прасковейское я купил.

Некоторое время, оба с фирменными винзаводовскими пакетами, мы озирались по сторонам. Слева — Спасский кафедральный собор, куда не пойдешь навеселе, тем паче гремя бутылками. Напротив собора — сквер, огороженный с южной стороны массивной балюстрадой, с памятником Лермонтову в центре и скамейками по периметру. Решено было идти к Михаилу Юрьевичу, чтобы, как принято у приличных людей, представиться по всей форме.

К моему удивлению, он начал, не дожидаясь меня:

— А мне памятник нравится!

Очевидно, таким манером ему захотелось прощупать, каким будет мое впечатление, потому что стоило мне всего лишь одобрительно хмыкнуть, как он без паузы выпалил:

— Что это за фигура? Что за слезливо-печальный лик не то чиновника, не то сельского фельдшера?

Мои возражения, пусть и произнесенные раздраженным тоном, были вполне аргументированы: это первый в России и, по мнению многих, лучший памятник Лермонтову; композиция передает настроение поэта, погруженного в созерцание природы; а его несколько скованная поза как бы намекает на то, что ранняя смерть не позволила полностью раскрыться блестящему таланту.

— Ха! Так люди не говорят, так говорят искусствоведы, — он явно злорадствовал. — Какие огромные скулы! И нос пуговицей!

На этот раз я с силой ударил его в солнечное сплетение, отчего он сразу согнулся пополам. Едва придя в себя, он заявил:

— Ты меня избил, теперь лечи.

— По-моему, был анальгин, — я открыл молнию на сумке.

— Лекарства лучшего, чем самогон, еще не придумали, — произнес он с безапелляционной интонацией врача и авторитетным видом человека, чего только не испытывавшего на своем веку.

Мы сели на скамейку, выпили, и в какой-то момент рядом оказался господин в крапчатом пиджаке, из-под которого виднелся до крайности грязный ворот рубашки. Его лицо напоминало картофелину далеко не идеальной формы. Он предложил перекинуться в картишки. Я отрицательно помотал головой, после чего он вытащил из внутреннего кармана пиджака помятый пластиковый стакан и протянул мне.

После двойной дозы алкоголя «картофелина» сделал повторное предложение и даже начал мешать, причем довольно ловко, выдавшую виды колоду. Остановив

мельтешение его пальцев — длинных, узловатых, с грязью под ногтями, — я строго произнес:

— Не играю!.. Зато он, — я глянул на бронзовую фигуру поэта, — был заядлым картежником. Как, впрочем, все дворянское сословие, в особенности офицеры. Вы только представьте, глухой военный гарнизон, где из развлечений либо вино, — я плеснул «картофелине» в стакан, — либо карты. Скучный выбор, не правда ли?

* * *

Вечером играли в карты у майора С. Его дом стоял ближе к бульвару на той сбегавшей вниз улочке, по которой они обыкновенно спускались в город. Вход был со двора, куда офицеры попадали, пройдя мимо каретного сарая, хлебной лавки и мастерской, где сапожник-армянин починял господские сапоги.

Теперь сидели за столом уже часа два. Играли в бостон. То ли потому, что из-за стоявшей весь день духоты к вечеру хотелось спать, то ли ввиду дурной карты торговля шла вяло, временами без партнера, а иногда и вовсе без объявления игры. Наконец, наскучив картами и бросив колоду под стол, перешли к беседе, впрочем, и тут не имели успеха, пока Мишель не привлек к себе внимание.

— Позвольте, господа, — сказал он, обедая присутствовавших офицеров Тенгинского пехотного полка слегка насмешливым взглядом, — позвольте попробовать поменять общее выражение вашего лица на более веселое.

— Каким же образом?

— Самым обыкновенным, господа. Хочу рассказать историю, надеюсь, занимательную.

— Из вашей жизни?

— Я бы сказал, из здешней жизни, потому что действие происходит неподалеку от того места, где мы сейчас находимся.

После этих слов офицеры заметно оживились: кто-то закурил, кто-то рассмеялся, а Монго в приятном ожидании откинулся на спинку кресла и вытянул свои длинные ноги. На его лице застыла заранее приготовленная улыбка.

— Чему ты радуешься? — перед тем как начать, Мишель перевел взгляд на товарища.

— Это о Белинском?

— Друзья, Монго, как всегда, прав. Мало того, у него прекрасная память, если учесть, что эту историю он услышал от меня вчера вечером.

Ответом на его слова был смех, и только старый майор, хозяин дома, добродушный, но не слишком далекий вояка, произнес в усы:

— Ну полноте, вы же родственники...

— Никогда, господин майор, родственные связи не мешали моей объективности. Впрочем, я могу только повторить: Монго прав. Да, господа, — он постучал серебряным портсигаром по пепельнице, — в Пятигорске теперь критик Белинский. Уверен, вы слыхали о нем.

На этот раз сделалось так тихо, что с улицы послышался далекий перестук копыт. А после донесся откуда-то гортанный крик черкеса, потом затих, и снова установилась кругом немая южная ночь.

— Ты, кажется, объявил, что хочешь нас развлечь, — напомнили Мишелю.

— Собственно, я уже подошел к этому... Итак, мой старый приятель еще по московскому пансиону Николай Сатин нынче лечится здесь. Он остановился прямо на бульваре, перед Цветником, и я часто заглядываю к нему поболтать после обеда. Был и на днях. Зашел, а там уже Белинский сидит. Оказывается, он тоже приехал

на лечение. Сатин, само собою, нас представил... Признаться, я его статьи прежде не читал, хотя, конечно, имя мне знакомое... Словом, разговорились, и выяснилось, что мы из одних и тех же мест, так что беседа стала оживленной. И вдруг он хватает со стола книгу кого-то из французских энциклопедистов и начинает пылко говорить о Вольтере. Представьте, только что обсуждали пензенские дела и ни с того ни с сего... Да с такой горячностью, будто я или Сатин ему возражаем, чего, разумеется, не было.

— И что же, этот Белинский так и не дал слова вставить? — спросил черноусый корнет, чья левая рука после ранения в схватке с горцами держалась на перевязи.

— Глебов, с чего ты взял?! Вы же меня знаете, господа!.. Я глядел на него с юмором и бил своими шутками наповал. Но он сам тому виною! Не знаю, право, кто бы на моем месте повел себя иначе, случись при нем такой поспешный и нелепый переход от пустого к серьезному.

— Так ты, Мишель, добил его, по обыкновению? — князь Васильчиков со своим неизменно проницательным видом прищурился на рассказчика.

— Ничуть не бывало! Просто чем более он возбуждался, тем сильнее я хохотал... В заключение же говорю ему в шутку, что явись Вольтер теперь в нашу родную Пензу, так его ни в одном порядочном доме не взяли бы и в гувернеры. Тут Белинский, озадаченный совершенно, молча смотрит на меня, потом, взяв трость и еле заметно кивнув, выходит из комнаты.

Дождавшись, когда стихнут голоса и смех, Мишель с интригой в голосе сказал:

— Господа, это не финал!.. На другой день я вновь у Сатина, и он говорит, что я едва разминулсЯ с Белинским. Оказывается, тот до сих пор не может забыть наш разговор, с моей стороны положительно шутливый. По словам Сатина, он называл меня не иначе как пошляком.

Мишель рассмеялся, на что корнет с простреленной рукой то ли спросил, то ли сказал утвердительно:

— Ты вызвал его на дуэль...

— Разумеется, нет. Пойми, Глебов, это статский, в той степени, какая только возможна. А второе... Он недоучившийся фанфарон, который, прочитав несколько страниц Вольтера, воображает, будто проглотил всю премудрость. Для чего же драться с таким человеком?

Далее разговор зашел о дамах, и офицеры старались изобразить себя отменными сердцеедами, чьи любовные подвиги должны вызывать зависть у всякого мужчины. Наконец, когда все истории были рассказаны и все честолюбия удовлетворены, майор С. обратился к Мишелю:

— Поручик, что же вы молчите?

— Мне приятнее слушать, нежели говорить, — Мишель, не вставая из-за стола, поклонился.

— Но наверняка вам есть что вспомнить из петербургской жизни. Утверждают, будто ваши похождения там просто легендарны.

— Легендарны?.. Мне смешно, когда так говорят... Впрочем, если желаете... После возвращения с Кавказа я стал очень популярен в свете, особенно среди тех, кто вечно толпится в дамских салонах. Мне, однако, высшее общество было в высшей же степени безразлично, кое-кто откровенно неприятен, и я терпел их исключительно ради женского щебетанья. Зачастую у меня было по три, по четыре аристократки одновременно. Я и в бордель перестал ходить, потому что уж незачем.

Он вдруг смолк, точно его речь, доселе подобная быстрому горному потоку, уперлась в каменную преграду. Продолжил он уже холодным тоном:

— От света можно оторваться, а от женщин — другое дело. Так что я рад случаю, который, в лице этого ничтожного французика, направил меня на Кавказскую линию.

Майор С., чья тяжелая челюсть, кажется, отвисла сильнее обычного, долго не издавал ни звука, прежде чем неожиданно резко для своих немолодых лет поднялся и произнес в пространство комнаты:

— Господа, благодарю всех за игру.

Затем, поменяв суровое выражение лица на благосклонное и вернув челюсть в прежнее состояние, он обратился к Мишелю:

— В ваши годы я тоже не видел другого смысла, как только быть донжуаном, и потому отлично знаю, чем победить эту напасть. Считайте, поручик, вам повезло служить под моим началом. При первой же возможности позабочусь, чтобы вас определили на передовые позиции. Не сомневаюсь, под черкесскими пулями вы быстро развеее свой сплин.

ГЛАВА IV. БЫТЬ МОЖЕТ, ТЫ ПИСАЛ С ПРИРОДЫ?

У хозяина отеля, в котором мы остановились, наверняка своеобразный вкус, потому что он отверг все расхожие в здешних местах названия: «Печорин», «Герой нашего времени», «Княжна Мери»... В результате над входом в наше жилище была вывеска «Лацио», и та же надпись бежала сверху вниз по световому табло вдоль круглой башенки, которая вырастала посредине черепичной крыши гостиницы. Не исключая, кому-то подобные игры могут быть интересны, — но при чем тут Лацио? Какое отношение к Пятигорску имеет область в Центральной Италии?

На эти вопросы никто так и не ответил, если не считать ответом десятки висевших на лестницах и в коридорах фотографий и эстампов с видами итальянских городов. Внутри гостиничного номера влияние Апеннинского полуострова тоже чувствовалось: на светильниках, сантехнике, на мебели — словом сказать, везде — имелось клеймо «Made in Italy».

При внешнем лоске обстановки ее качество было так себе. К барахлившему с первых дней смесителю добавилось бра, которое то включалось через раз, то не включалось вовсе. Последнее произошло и в то недоброе утро, когда я проснулся после вчерашнего визита в винный магазин. Не найдя тапки, я босиком добрался до выключателя, зажег пятирожковую люстру и зажмурился от ее невыносимо яркого света.

Изгоняя вялость и головную боль, я долго стоял под холодным душем, а когда вернулся в комнату, то увидел его сидящим с расческой перед зеркалом.

— Ну, намного лучше, — оценил он мое отражение, завернутое в белый халат с вышитым в овале контуром Колизея и понизу надписью «Lazio». По правде сказать, его мнение меня не интересовало, в отличие от упаковки анальгина в верхнем ящике прикроватной тумбочки.

— Графин с водой на столике, — позаботился он о моем здоровье.

— Лучше бы вчера следил, — огрызнулся я беззлобно.

— Как же, уследишь за тобой!.. Вот простейший вопрос: где мы заканчивали?

Сообразив, почему я так долго молчу, он поведал историю о кабаке — пыльном и воющем притоне бездельников и пьяниц с висящими от пива животами и одутловатыми лицами. Каждого из персонажей он описывал настолько подробно, что мне пришлось его потропить. В ответ он вспыхнул, выкрикнув:

— Вообще, ты помнишь, что вытворял?

На мое скованное стыдом «нет» он с нескрываемым упоением стал рассказывать, как я пил самогон с каким-то местным алкашом, как громогласно читал Лермонтова,

чья стихи поддерживала выкриками подвыпившая публика, как полез на постамент памятника, откуда позорно свалился.

— Поэтому и головой страдаешь, — словно бы врач, поставил он диагноз.

— Выходит, кабак был в конце... — произнес я неуверенно, поскольку некоторые пункты нашей «культурной программы» вылетели из моей памяти напрочь.

— Ага, все мозги пропил!

Тут я не сдержался и перешел в наступление, понимая, что против этого лицемера и демагога по-другому нельзя:

— Значит так, сейчас собираемся и идем в музей Лермонтова!

— А почему не в музей шоколада или восковых фигур?

С его ерничаньем можно было бороться единственным способом — гнуть свою линию, — и тогда ему ничего не оставалось, как плестись за мной следом.

— В городе множество музейчиков, но только два крупных — музей Лермонтова и краеведческий музей. Последний как формат мне никогда не был интересен. Бивни мамонта, ржавые наконечники копий, рваные бусы, горшки с отколотыми ручками...

— Ты когда-нибудь закончишь? — спросил он так, словно сам звук моего голоса был ему противен.

— Другое дело — Государственный музей-заповедник Лермонтова, — я нарочно произнес полное название, чтобы, зная его любовь ко всякого рода сокращениям вроде «Лермонтовки», сбить этот развязный тон.

— Уверен, большой разницы нет, — все-таки пробурчал он, и мы продолжили подниматься к подножию Машука.

Музей занимал целый квартал. Пока его обходили, пошел мелкий дождь. Купив билеты, мы расположились под навесом в ожидании либо экскурсовода, либо ясной погоды. Вместе с нами было с дюжину человек, готовых поверить в бессмертие поэта.

Экскурсия началась с зала, где нас стали просвещать касательно той роли, которую сыграл Михаил Юрьевич в истории русской культуры. Говоря проще, здесь имелись книги, изданные в разных странах и в разные эпохи, афиши и фотографии спектаклей, поставленных по произведениям Лермонтова, хроника научных конференций и юбилейных торжеств. Хвалебные высказывания о поэте его великих коллег по цеху были написаны крупными и на редкость красивыми буквами, помещены в свитые из лавровых листьев рамки и развешаны в произвольном порядке по всему пространству зала. Ничего живого я в этом не обнаружил, зато пафоса было хоть отбавляй.

— Свалить бы отсюда, — склонившись к моему уху, шепнул он с явно провокационным безразличием. Проверяет, тут же подумалось мне, а после мелькнула озорная мысль: раз он сам начал, то надо поддержать.

Было забавно наблюдать исподтишка, как он плетется сбоку и не знает, что же предпринять в неожиданных обстоятельствах. А я, стараясь этого не показывать, праздновал победу. Во-первых, оставил его в дураках. А во-вторых, меня на самом деле не привлекал осмотр этого зала, подобного хрестоматии для начальных классов.

Мы остановились перед стендом с планом музея. Само собою, мне больше всего хотелось попасть в дом, где жил Лермонтов, а еще — в усадьбу Верзилина, куда вели многие нити событий, происходивших в Пятигорске во время пребывания поэта. Я, однако, молчал. Соображения были простые: если он один раз ошибся, высказавшись первым, значит, ошибка может запросто повториться. Так оно и случилось.

— Лермонтов в изобразительном искусстве, — выхватил он из списка экспозиций, перечисленных на плане. — По-моему, самое достойное из того, что есть в музее!

Это был призыв. Отступить, при всем желании, у него теперь не получится. Что ж, подумал я, мне только на руку его сегодняшняя горячность.

Экспозиция представлялась скучнейшей, наподобие той, где висели таблички с хвалебными высказываниями. Мы переходили из одной комнаты в другую, от больших стендов к маленьким. Смотрели, приглядывались... Иллюстрации к произведениям Лермонтова, портреты поэта и его современников, виды Кавказа, жанровые сцены, эпизоды сражений...

Когда мы вошли в последний зал, откуда слышались приглушенные голоса и звуки, то увидели, что все пространство заполнено скульптурными работами, между которыми стоят мольберты, а юноши и девушки лет двадцати с усердием переносят на листы ватмана высеченного из камня Михаила Юрьевича.

Тихонько, чтобы не мешать, я обошел сзади всех художников и возле одного из них, работавшего углем, остановился. В отличие от других, он рисовал не просто поэта, а поэта, который переносит на холст прекрасный кавказский пейзаж. Меня словно привязали к этому месту, потому что на моих глазах рождалось живое, упругое, исполненное смысла...

* * *

Он снова сидит у окна и снова рисует. Краски, кисти, широкие листы бумаги... Но нет, перед ним вовсе не яблоневый сад в пензенском имении бабушки, а причудливо изогнутый ствол черешни. Да и рисунок не похож на те, что из детства: при заходящем солнце на фоне снеговых гор едут двое конных черкесов.

С ленивой медлительностью жаркого дня кружит под потолком муха. Ветка черешни тянется в открытое окно. Изредка, когда налетает порыв теплого ветра, мелкая дрожь пробегает по листе. Шевелятся на длинных и каких-то беззащитных стебельках, показывая себя с разных сторон, точно девушки на выданье, темно-пурпурные ягоды. Кажется, нарочно дразнят, приманивают к себе взгляд. Но чтобы их сорвать, нужно отложить краски, встать из-за стола, иначе просто не дотянешься. И он неспешно встает...

— Мишель, вот ты где, оказывается! — восклицает вошедший в этот момент офицер.

— Монго, у тебя есть редкое свойство, — замечает он, отправляя в рот сорванную черешню, и после внимательно оглядывает фигуру офицера. Тот при полной форме: темно-зеленый двубортный сюртук с вызолоченными пуговицами, с красной выпушкой поверху, стоячим воротником и круглыми обшлагами.

— К чему такой парад? Только эпolet не хватает...

— Да хоть бы и парад, что с того?

— По мне, так в зной лучше всего льняная рубаха...

Они живут на окраине Пятигорска. Выше начинается лес, который забирается на вершину Машука. А внизу — такое впечатление, будто прямо под окнами лежит небольшой чистенький город. Дом, который они снимают у отставного майора, словно бы нарочно рассчитан на двоих. У каждого своя спальня и свой кабинет. Обе половины выходят в общую комнату, где они собираются по вечерам и куда приходят другие офицеры. Сложен дом из бревен и с внешней стороны обмазан глиной. Такие же мазанки, в стиле южнорусских строений, здесь повсюду, и если смотреть в сторону бульвара, то взгляду тесно от беленых стен и камышовых крыш.

— Твое свойство, — возвращается он к начатому разговору, — каким-то чудесным образом связано с моим настроением... Как ты знаешь, я очень дорожу теми минутами, когда меня посещает вдохновение. Посещает, увы, нечасто... И вот едва это происходит, — он повышает голос, — как появляешься ты. Заметь, всегда!

И хотя он добавляет в конце «мой друг» и даже вполне миролюбиво отправляет в рот очередную ягоду, это никак не может смягчить его рассерженную интонацию. В ответ, озадаченный и виноватый, Монго лепечет:

— Ты же знаешь, Мишель, с каким трепетом... Ни за что я бы не посмел...

— Полно, полно... А для чего же ты заходил?

— Собственно, дело простое... В здешнем Благородном собрании, а попросту в ресторации, дают бал.

— К какому же числу готовиться, дядя? — иногда, по-родственному, он так обращается к пятигорскому сожителю.

— Так нынче и дают. Я потому к тебе, собственно...

Жестом он останавливает Монго:

— Не усердствуй, я все равно не пойду... Впрочем, какая бы цель у тебя ни была, желаю успеха.

Когда дверь за Монго закрывается, он снова берет в руки кисть. Аккуратными мазками пишет горцев: у обоих за плечами ружья в чехлах, один на белой лошади в длинном башлыке, другой на гнедой — в черкеске и папахе. Капризное вдохновение, однако, улетучилось: то ли само по себе, то ли из-за вмешательства Монго. Черт дернул его с этим визитом!

В конце концов, убрав работу на верхнюю полку шкафа, где меньше пыли, Мишель выходит на воздух. Собрав полную фуражку спелых ягод, он располагается на скамье под черешней. Сад ничем не напоминает бабушкин в имении, но почему-то именно здесь на него чаще всего накатывают детские воспоминания. Сегодня, правда, вместо них перед глазами по-прежнему стоит картина скачущих на закат горцев. О чем они беседуют? Что говорит молодой пожилому? Может, готовят ночной налет на русский лагерь или просто обсуждают завтрашнюю охоту? Один Аллах разберет этих азиатов!

Пока он сидит, исчезают и всадники, и породившие их впечатления, и волнистая линия гор вдали. Он смотрит вниз на Пятигорск, точно на очередную черешневую косточку, только очень большую. Ее надо положить в ладонь, где уже скопились десятки других, превратившись в липкий комочек.

Сквозь вечеряющий воздух дома видно плохо, скорее, это размытые очертания, и только здание ресторации, самое высокое в городе, построенное в классическом духе петербургской архитектуры, вполне различимо. С той стороны доносятся оживленные голоса, шум подъезжающих экипажей, полковая и танцевальная музыка. Искушают, думает он и, доев черешню, захлопывает ладонь заодно с поместившимся туда городком, что лежит в долине у горячих вод.

ГЛАВА V. О, ПОЛНО ИЗВИНЯТЬ РАЗВРАТ!

За несколько следующих дней я исходил Пятигорск вдоль и поперек, побывал в культовых, так называемых лермонтовских местах. Прошагал тропами Льва Толстого, Валерия Брюсова и еще многих других, кто прославил Кавказ и русскую литературу.

Надо сказать, я хожок, то есть при всякой возможности стараюсь передвигаться пешком. Будучи полной моей противоположностью, он с юных лет постоянно ныл, что нужно ехать/плыть/лететь в зависимости от расстояния, которое предстоит осилить. Тем не менее в Пятигорске мне удалось его приструнить. Мы поднимались в горы, спускались в ущелья, балансировали на веревочном мосту над пропастью, пересекали вброд бурную речку.

Я сжалился над ним, вконец уставшим, когда он самым искренним голосом, на какой способен, попросил о пощаде.

— Так и быть, — сказал я. — А ты подумал, чем нам заняться? Или мы проделали такой огромный путь, чтобы смотреть телевизор в номере? Сидеть на диване можно было и дома.

Тут требуется небольшое пояснение. Из окна нашей гостиницы, несмотря на ее гордое имя, видны отнюдь не античные римские постройки и не заливные луга в долинах благодатной области Лацио. Видна, скажу честно, всякая, по преимуществу пятиэтажная дрянь, которая откликается на народное прозвище «хрущевка». Дело в том, что мы остановились на окраине города — точно так же, как Лермонтов, даром что в его время окраина была там, где сейчас центр.

Поэтому можно понять мое удивление после того, как он заявил:

— При чем тут номер, диван и телевизор? Будем изучать округу.

Вероятно, мы вкладывали в слово «округа» разный смысл, или его зрение обладало каким-то особым фокусом... Выяснилось, однако, что оба предположения очень далеки от действительности. Он имел в виду наш отель и те радости досуга, которые здесь предлагались жильцам. С семи вечера в их распоряжении находился бар, а часом позже открывалась дверь, ведущая из бара в соседнее помещение, где, собственно, и была святая святых. Подвыпившие, кто больше, кто меньше, могли выбирать между бильярдом, кальянной и боулингом. Да, имелся еще небольшой танцпол, правда, танцевать там было затруднительно из-за гудения голосов, стука валившихся друг на друга кеглей и бильярдных шаров, которые разлетались с сухим треском.

— Как они двигаются? — спросил я, показав на танцующую пару. — Ведь ничего же не слышно.

— Музыка звучит у них внутри, — довольный своей фразой, он потянул в себя дым и откинулся на спинку мягкого кожаного кресла. Деревянным мундштуком кальяна он начал стучать по краю стола в понятном лишь ему одному ритме.

— Может, хватит уже?

— А ты не замечаешь, что я нервничаю?

— Из-за чего?

— Ты неправильно куришь, — заявил он вместо ответа. — Чтобы был лучший эффект, делаешь несколько коротких затяжек подряд, — он продемонстрировал образец для подражания.

— С каких пор ты сделался кальянных дел мастером?

На его лице застыла глуповатая и одновременно блаженная улыбка наркомана, каковым, к слову сказать, он не был, просто любил корчить из себя то одного отъявленного негодяя, то другого. Словом, артист из погорелого театра...

Я не заметил, когда он поднялся, однако поскольку ему неизбежно пришлось проходить мимо меня, успел выставить ногу поперек пути.

— Ты куда?

— Сколько он может ее лапать?!

— Ах, вот оно что... — теперь я глядел туда же, куда и он — на танцующих. — Насколько помню, ты всегда с пренебрежением относился к исполнительскому искусству, называл его сплошным кривляньем.

— Мало ли что! — продолжал истерить он. — Вот смотри, они закончили! Значит, сейчас моя очередь!

Музыка действительно смолкла, но ненадолго, и вскоре они (оба высокие, он блондин с отсутствующим и вместе высокомерным выражением лица, она с короткой стрижкой каштановых волос и влажным взглядом) вновь и очень умело заскользили по паркету. Вопрос, казалось бы, решил сам собой. Стоило, однако, мне так подумать, как он встал, сообщив, что ему нужно в туалет, и настолько долго там пропадал, что я на-

чал беспокоиться. Наконец, окинув взглядом помещение, я обнаружил его стоявшим у столика, за которым пила белое вино эта танцорка. Ее партнера поблизости не было.

Догадываюсь, конечно, о чем они разговаривали. С другой стороны, понятия не имею, чем бы это закончилось, не раздайся от бильярдного стола громкий окрик:

— Эй, любитель чужих жен, отошел от нее на десять метров!

Кричал, разумеется, танцор. Вид у него был теперь вовсе не отрешенный, скорее грозный, но смотрел он по-прежнему с превосходством. Я бросился к нему, желая предотвратить назревавший конфликт. И в этот момент, одним резким движением схватив бильярдный шар, он обрушил его на мою голову, успев предварительно проорать несколько слов. Я его не расслышал. Окружавшее меня сперва рвануло галопом, затем замедлилось, встало на месте, только вверх тормашками, а после куда-то исчезло.

* * *

Мишель быстро пересек танцевальную залу, куда публика только-только начинала подходить, и скрылся за дверью, поверх которой была надпись «Бильярдная». Там никого не оказалось, если не считать скучающего без дела маркера. Он стоял возле окна, опершись на кий.

— Прохлаждаешься, братец?

— Ваше благородие, так никого ж нет, — у маркера под усами соломенного цвета появилась хитроватая малороссийская улыбка.

— А я на что? Или не гожусь, по-твоему? — с этими слова Мишель взял кий, ловко подбросил его в руке и натер наконечник мелом.

— Во что изволите? — спросил маркер.

— Ставь пирамиду.

После того как жребий показал очередность ударов, Мишель разбил позицию и, отойдя в сторону, начал следить за действиями соперника...

Когда корнет Глебов открыл дверь в бильярдную, то находившийся к нему вполоборота маркер, стоя на одной ноге и положив другую на борт стола, изготовился к удару. В глубине помещения корнет различил стоявшую на фоне яркого света коренастую фигуру офицера в форме Тенгинского пехотного полка. И вдруг фигура произнесла громким в тишине голосом:

— Здравствуй, Глебов!

— Здравствуй, Лермонтов.

То ли из озорства, то ли потому, что хотели выглядеть старше, они обращались друг к другу исключительно официальным образом. Со стороны казалось, будто ни имен, ни отчеств у них нет, одни только фамилии да звания.

— Отчего, Лермонтов, ты здесь, а не в танцевальной зале?

— Ты же знаешь, я не охотник водить хороводы.

— Охотник, однако, до женского общества.

— Танцы и дамы, корнет, суть явления одного порядка, но все ж таки разные... Как бы то ни было, это вопрос философический, оставим его мыслителям. Нам же более пристало думать о предметах, достойных внимания офицеров.

Глебов со смешком произнес:

— Вино, карты, женщины... Что же еще, поручик?

— Разумеется, бильярд, — Мишель повернулся к столу, возле которого маркер ожидал, когда офицеры закончат беседу.

— Ваше благородие, удар за вами.

— Карамбодем от шестерки одиннадцатым номером тройка прямо в середину, — скороговоркой назначил Мишель и, прицелившись, загнал шар в лузу, после чего, как будто перед строем солдат, скомандовал: — Семьдесят одно очко. Моя партия.

Подмигнув на прощание вновь заскукавшему малороссу, Мишель вышел из бильярдной вместе с Глебовым.

— А что, корнет, скоро ли мы с тобой скатаем?

— Как только заживет, — он слегка поднял забинтованную руку, — буду готов принять твой вызов. А пока...

Развернувшись на каблуках, он внезапно направился к ближайшему окну, отдернул тюль, надутый воздухом из открытой форточки, и взял с подоконника букет роз. Их было никак не меньше двух десятков — красных, лиловых, желтых. Возможно, привлеченный крепким и жарким ароматом, который тотчас распространился кругом, откуда-то сбоку появился Монго и еще издали радостно закричал:

— Так вот ты где, поручик!

— Это, верно, твое любимое выражение, — Мишель смерил его недовольным взглядом.

Монго остановился, растерянный холодностью товарища, и не нашел ничего лучшего, как произнести:

— И ты, корнет, здесь... Этаким у тебя букет выдающийся...

— Вынужден, господа, вас оставить, — коротко кивнув и прижав цветы к сердцу, Глебов легким шагом направился к невысокой даме с плавными манерами. Глядя на нее, похожую на южанку с бронзовым цветом лица и черными очами, Мишель медленно проговорил:

— Прекрасная смуглянка.

Определение это так ему понравилось и настолько было верным, что он сейчас же позабыл и обиду на Монго, встрявшего в беседу, и свой настрой перед балом, когда казалось, будто нет ничего скучнее танцев. Теперь расположение его духа сделалось самым наилучшим. Вместе с Монго и князем Васильчиковым он спрятался за толпой мужчин, которые, как изволил выразиться князь, вытянулись во фронт вдоль стены и высматривали стоявших напротив дам. Мишель тоже высматривал, но лишь затем, чтобы с неизменной находчивостью высмеять то или иное женское создание. Независимо от возраста и положения в обществе все они делились преимущественно на «бледных красавиц» и «лягушек в обмороке». В таком общем анализе были, однако, и свои градации, посему каждая получала только ей предназначенное прозвище.

Монго смеялся:

— Если ты окрестишь кого-то по-своему, так уж прежнее христианское имя само собою отпадает.

Между тем игра в прозвища настолько разбудила в Мишеле юмор, что он никак не мог остановиться. И делался только язвительнее с каждым разом, когда мимо проносились платья, звенели шпоры и поднимались фалды.

Наконец, увидев зашедших в залу дочерей генерала Верзилина — трех граций, как называли их на водах, — он воскликнул:

— Взгляни только на этих граций, Монго! Как они жеманны — мухи дохнут!

— Младшая, Надежда, обещала начать со мной мазурку.

— Так не теряй надежды, топ ами! А я, пожалуй, выберу старшую, Эмилию — она, на мой вкус, наименее скучна.

Спустя минуту офицеры уже вели сестер в танце и всячески, как к тому обязывает мазурка, показывали себя в образе блистательных кавалеристов. Если Мишель ограничился лишь идеальной выправкой и пружинистым шагом, то товарищ пошел зна-

чительно дальше: удар каблуком об пол означал «дать жеребцу шпоры», взмах руки — натянуть поводья, а легкая хромота служила напоминанием о ранах, полученных в конных атаках.

ГЛАВА VI. В ТЕСНИНЕ КАВКАЗА Я ЗНАЮ СКАЛУ

Жить с подбитым глазом, который превратился в узкую щелку, плохо везде, но в особенности на курорте. Ходишь либо нахлобучив шапку, что явно не по погоде, либо голову опустив, что неудобно само по себе. К тому же сильно болит там, куда ударили.

Позже я догадался использовать повязку. Первое время, когда бинтовал вокруг глаза, Анатолий не вспоминал о своих набивших оскомину, ехидных шуточках — наверное, потому, что он-то и был причиной моего увечья. Наглость, однако, всегда брала в нем верх. Кем он только в дальнейшем меня не называл! И Кутузовым, и Моше Даяном, и адмиралом Нельсоном. Эрудированный, сукин сын! На мои возражения, что эти люди, повстречайся они по воле случая, вряд ли бы разошлись миром, он лишь смеялся.

— Ну ты и сволочь, — не выдержал я.

— Почему? — он искренне удивился.

— Ведь я тебе, дураку, помогал.

— Тебя, между прочим, никто не просил.

Тут я разозлился:

— А тебя просили напиться, курить кальян, приставать к этой девице? Тебя просили?!

В конце концов я додумался, какое можно дать толкование огромному синяку на лице человека, который приехал на курорт. Версия была следующая: я выбрал Пятигорск, чтобы посредством здешних вод вылечить опухший глаз; мол, это у меня с детства, есть такая болезнь, вот только забыл, как она называется. Понятное дело, никто не задавал подобных вопросов, да и объяснение было, мягко говоря, так себе, — просто мне самому, вооруженному чем-то вроде медицинской справки для собственного потребления, стало гораздо проще находиться среди отдыхающих. С особой легкостью я перемещался возле бюветов. Каждый, кто приходил туда пить минералку, по определению что-то лечил. Так чего смущаться? Разница только в том, что их болезни скрыты, а моя на виду. Уверенности добавлял, как это ни странно, Михаил Юрьевич Лермонтов, у которого в «Герое...» наибольшее скопление инвалидов и раненых как раз около Елизаветинской галереи. Короче говоря, повязку я перестал надевать.

Вообще, источников в городе десятки. Но расположены они в основном на отшибе, куда ходить совсем не хотелось. Зато Центральная питьевая галерея, которая недаром так называлась, ибо построили ее прямо в Цветнике (или на бульваре, или, кому как нравится, на проспекте Кирова), стала моим излюбленным местом, даже несмотря на уродливую наружность типичной советской постройки в виде безликого серого прямоугольника. На втором этаже, где всегда скапливалось много народу, пили сероводородные и углекислые воды, а еще воды эссентукского типа (так гласила надпись сбоку от массивного крана, к которому временами выстраивались очереди). Этажом ниже была только одна разновидность минералки — из скважины номер семнадцать; ее-то, чуть кислую, я предпочел всем остальным.

Подходя к источнику, я изредка ловил на себе сочувствующие взгляды, дескать, надо же, попал в какую-то переделку. Но это даже ободряло, ведь убедить себя в при-

думанной версии не так уж и сложно. Жалели всегда женщины, но никто со словами поддержки не подходил. И вдруг...

— Кто же вас так?... О, Господи, какие звери!

Рядом со мной стояла девушка чуть выше среднего роста, худенькая, что подчеркивали узкие джинсы и ремешок на талии, с круглым свежим лицом, где сияли большие глаза — умные и в то же время с искоркой. Собственно, именно такие меня и привлекали раньше. А как теперь, даже не знаю... В любом случае мне хотелось развеяться, пофлиртовать, избавиться хотя бы на время от... Ладно, назовем его докучливым напарником.

Историю о врожденной болезни, попытках лечить ее разными средствами и надежде на исцеляющее действие горячих вод я поведал с такой убежденностью, какую можно ожидать лишь от артиста, глубоко вошедшего в образ. Ответом был ее дружелюбный смех. Она, правда, тут же извинилась, объяснив, что работает врачом в больнице и привыкла выслушивать от пациентов самые невероятные истории.

— Иногда настолько правдоподобно придумывают, что диву даешься!.. А в вашем случае... Знаете, отличить болезнь — которой, признайтесь, нет! — от обширной гематомы обязана обычная медсестра.

Я признался, взамен попросив сказать, как ее зовут.

— Таня, вы первая, кто высказал мне сострадание.

— Это профессиональное, — смущение и улыбка соединились на ее лице. — Лучше расскажите, как в действительности было дело. Наверно, девушку защищали?

— Скорее, наоборот.

Она посмотрела на меня с удивлением, а я продолжил:

— Стал разнимать драку между парнем девушки и этим... — я искал глазами ловеласа, как самым невинным образом собирался его представить, но он словно бы надел на себя шапку-невидимку.

— О ком вы? — задала она естественный вопрос.

— Куда-то отошел... Только что был здесь... Обычно всегда рядом крутится.

— Рядом? — в ее голосе послышалась ирония. — Это кто же такой? Кем он вам приходится?

Как принято говорить, для ясности я этот вопрос замял, перейдя на самую любимую тему отдыхающих — о здоровье и пользе минералки. Также признался в своем предпочтении источника номер семнадцать — то ли из-за мягкой на вкус воды, то ли потому, что не чувствуется запах серы.

— Может, как врач вы объясните, в чем дело, — я хотел сказать комплимент, а вышло, будто проверяю ее квалификацию. Она, однако, не обратила на это внимания:

— Запаха и не должно быть, потому что тут углекислая вода. Ее рекомендуют при гастритах, панкреатитах, заболеваниях печени, желчевыводящих путей, эндокринных желез...

— Хватит, — взмолился я, уж слишком явным было чувство, будто передо мной доктор, который, собрав из моих болезней большой и, как ему кажется, красивый букет, хочет торжественно вручить его родственникам умирающего, то есть моим родственникам.

— Вы не любите людей в белых халатах?

— Если бы я обладал даже половиной из того, что вы перечислили, с вами сейчас разговаривал бы кто-то другой... Кстати, — вырвалось у меня, хотя это было совершенно не кстати, — а вас что занесло в эти курортные места?

После паузы, в продолжение которой был подпит стакан воды и наполнен следующий, она в какой-то задумчивости произнесла:

— Странное дело, когда люди узнают, что я врач, то разговор сразу уходит в сторону прогрессивных методов лечения... Но если вам интересно, то я в Пятигорске просто на отдыхе, живу у подруги, вместе с которой училась в институте. А воду пью из спортивного интереса, чтобы не отставать от обитателей санаториев.

— Значит, далеко не все медики говорят правду.

— Вам никак не сойти с проторенной дорожки, — вздохнула она. — Может, о чем-нибудь другом? Например, как вам Северный Кавказ?

Ее подсказка попала в самое яблочко! Что я хорошо знал и чем всегда интересовался, был как раз этот южный край, где исконная Россия садится на бойких кавказских коней и надевает одежды горцев. Переходя от черкесов к кабардинцам, от вершин к долинам, от эссентуков к нарзанам, наконец, от Пушкина к Лермонтову, я настолько увлекся, что обратился к Тане на «ты», выпил подряд три стакана минералки и то ли под ее воздействием, то ли от лихачества прокричал: «Ужель та самая Татьяна?» От дальнейшего чтения романа в стихах уберегло лишь то, что начался дождь, и мы, раскрыв зонтики, побежали к трамвайной остановке...

На другое утро мы снова встретились возле Центральной галереи. Теперь погода была отличная, мягко пригревало солнце, и дул медлительный теплый ветер. Мы шли по улице, которая брала начало сразу за галереей и упиралась в стоянку автобусов. Переведя взгляд от игравшей у нас под ногами светотени на поросший лесом Машук, который впервые за последние дни скинул с себя завесу тумана, Таня каким-то очень серьезным голосом спросила:

— Ты здесь один, без жены?

— Не совсем, — ответил я, подыскивая слова, чтобы объяснить ситуацию с моим двойником, который опять куда-то запропастился, но тут ее громко позвали от автобуса. Она уезжала на экскурсию в Кисловодск и вечером должна была возвратиться.

— Давай сходим к Лермонтовскому гроту! — крикнула она уже из открытого окна автобуса.

— Когда?

— Автобус вернется сюда в семь часов!

— Хорошо, я встречу тебя на остановке!

* * *

Нет места укромнее, чем этот грот. Он расположен в скале, да так неприметно, что дорогу туда знает далеко не каждый. С севера грот защищает гора Машук, и здесь всегда тихо, лишь изредка шумят верхушки дубов и ясеней, когда прилетает снизу ветер — от реки Подкумок, что, разбиваясь на рукава, бежит вдоль окраины Пятигорска.

Он спустился сюда с белокаменного отрога, на краю которого стоит павильон «Эолова арфа» и снуют любители, а большей частью любительницы пейзажных видов и пустых бесед. В их обществе ему стало скучно, и он отправился бродить один, даже не заметив, как лесная тропинка, которая с каждым шагом все круче устремлялась вниз, вывела его на ровную площадку с высаженной вдоль нее виноградной аллеей. В дальнем конце аллеи виднелся тенистый грот...

Что за славный вид открывается отсюда! Если искать что-то лучшее, то все равно не найдешь! Тут-то, думается ему, и можно уединиться. Но как бы не так: едва приближается он к гроту, как слышит, что там кто-то есть, а следом из полумрака появляется... Бог мой, княжна! Между ними за все эти годы было сказано так много, что теперь, когда они впервые встречаются тет-а-тет, говорить, кажется, уже не о чем. Слова, однако, находятся, и довольно быстро.

— О, вы тут!.. Так неожиданно...

Она выглядит растерянной, тогда как он холоден, со своим неизменным мрачным взглядом, с язвительной улыбкой.

— Княжна, когда вы взяли за привычку гулять в одиночестве? Что скажет на это ваша матушка?

— Ах, матушке сейчас не до меня!.. Она готовится к завтрашнему концерту в ресторации.

— А вы, стало быть, туда не идете?

— Зачем же мне идти, когда вы сказали, что вас там не будет?

— Из ваших слов следует, будто теперь мы с вами ходим только в одни и те же места. Или я не прав?

— С вами тяжело вести беседу.

— Отчего так, разрешите узнать?

— Вы подменяете одну тему другой.

— Какая же предпочтительнее для вас?

— О нас с вами...

— Позвольте, последнее время мы только это и обсуждаем.

— Что толку, когда вы так жестоки со мной.

— Княжна, я устал от этих разговоров... А что касается жестокости, то сколько же мне повторять, что я не создан для семейных радостей. Мало того, что вы будете несчастны, ибо я любить не способен, только увлекаться, так я еще превращу ваше существование в кошмар, мстя за то, что вы непременно начнете требовать от меня чувств, которых я дать не могу.

Не перебивая, она слушает, как он описывает трагическую жизнь женщины, рискувшей выйти за него замуж. Когда его монолог заканчивается, она поспешно говорит:

— Зачем вы об этом рассказываете? Мне все равно, каким станете вы, мне важно лишь то, чтобы быть с вами рядом. Ради этого я готова сносить косые взгляды и сплетни, даже от близких людей... Я не могу жить одна! Не могу без вас!

Последние слова она произносит с чувством, прижав руки к груди и глядя на него блестящими глазами. Он старается смотреть в сторону, крутит в руке сорванную с дерева ветку, когда, с очевидностью преодолевая себя, начинает медленно говорить:

— Княжна, я не люблю вас. Говорю прямо, чтобы не давать вам ложной надежды. Я и теперь бы промолчал, но ваш порыв вынудил объясниться так откровенно... Не правда ли, что если вы меня прежде и любили, то с этой минуты презираете?..

Слушая, она стоит, отвернув лицо, и вдруг резко поворачивается, бледная, с влажными глазами и текущей по щеке слезой:

— Я вас ненавижу... О, оставьте меня!..

Он пожимает плечами и собирается уйти, но она, приподняв обеими руками подол юбки, опережает его и бросается вниз по ступеням. Лестница ведет от грота к Елизаветинскому источнику с устроенной возле него крытой галереей. Он наблюдает, как, спустившись, она растворяется в толпе гуляющих и пьющих воду. С высоты, где он находится, хорошо виден бульвар, который заканчивается полукругом площадки со стоящими там и сям беседками, и видна сразу за галереей общая ванна, то есть выложенный камнем бассейн, и в отдалении, на берегу Подкумка, кабардинская слобода, населенная по преимуществу отставными солдатами.

Среди пестроты одежд и лиц он ищет княжну и, не найдя, уединяется в гроте. Здесь, в прохладе и тишине, он спрашивает себя, какая роль ему уготована, и признается, что это роль топора, который падает на головы обреченных — часто без злобы, всегда без сожаления... Его любовь (хотя какая любовь? возможно ли, чтобы у орудия каз-

ни была такая способность?) никого не сделала счастливым, потому что он не умеет приносить жертв, да и его увлечения ублажали исключительно гордыню. Из раза в раз он потворствовал странной потребности сердца: с жадностью забирать у женщин их чувства, нежность, их радости и страдания. И никогда не насыщаться тем, что украл! Это хуже, чем быть вором! Тот берет чужое обдуманно, там, где это наверное, и столько, сколько по силам. Ему же всегда мало и тем интереснее, чем больше риска, чем неприступнее крепость. При этом и приз-то его не манит, вернее, наскучивает, как только оказывается в руках... Так неужели его единственное назначение — разрушать надежды других? И почему драматург этой непостижимой пьесы вводит его в финал, словно без него никто не может ни отчаяться, ни сойти с ума, ни умереть?.. А может, все иначе, и судьба тут ни при чем... Что мешает помыслить так: необходимые для последнего акта свойства выработались в нем не потому, что его туда по какой-то случайности поместили, а напротив, эти-то свойства и стали причиной, почему ему дали роль палача, или предателя, или того и другого вместе... Мало ли людей, которые, по молодости заблуждаясь в своих способностях, метили в спасители Отечества, между тем как целый век оставались в коллежских ассессорах? Это, впрочем, Гоголь какой-то. Хотя пусть и Гоголь, зато верно. А коли так, тогда той роли, какой он удостоился на этих жизненных подмостках, и не жалко вовсе. Только вот досада, выносить приговор самому себе не в его праве... Да и все тот же интерес подогревает: каких персонажей наберет автор в новый спектакль, кого из них надо помиловать, кого казнить, когда, каким методом...

Продолжая сочинять текст, начатый в полумраке грота, он идет по лестнице. На его лице — печать задумчивости и тихая радость от того, что сцена с княжной, похоже, удастся. Сожалеет он лишь о том, что нельзя тотчас перенести мысли на бумагу. Будь у него волшебный чернильный прибор, который всегда носишь с собой, тогда можно было бы писать в любом месте, где только пожелаешь!

Около Елизаветинского источника его сразу окружают сотни смеющихся и кричащих, худых и толстых, офицеров и статских. И хотя по-прежнему он думает о своем, ненароком тут и там слышит шепотки: «Лермонтов... Где?.. Неужто тот самый?..»

И вот он уже бежит — от блеска, шума и грохота — сначала вдоль залитой солнцем галереи, а затем по бульвару в тени хорошо разросшихся лип. В голове в такт бегу бьется целый сонм перепутанных мыслей: ничего не забыть... княжна была сегодня в ударе... записать слово в слово... никогда не скажешь, что это просто видение... не перепутать и ни в чем не соврать...

Воображение зримо рисует рабочий стол с пресс-папье и ножом для разрезания бумаги, с пером и чернильницей. Ах, как хочется сейчас там оказаться! И от одной этой мысли он начинает бежать еще быстрее.

ГЛАВА VII. ИЗМУЧЕННЫЙ ТОСКОЮ И НЕДУГОМ

Дело шло к вечеру, а темнеет на юге настолько стремительно, что пока идешь от гостиницы до ближайшей трамвайной остановки, вечер тут как тут: светит уличными фонарями, разливается рекламой вывесок, обжигает фарами машин.

Когда я втиснулся в гармошку задней двери, густая чернота лежала повсюду, изредка озаряясь иллюминацией площадей. В отличие от скрытого внешнего пространства, в трамвае горел мягкий желтоватый свет, над сидячими местами мерно раскачивались головы пассажиров, и так тихонько и по-домашнему постукивали колеса на стыках, как может постукивать лишь в любимых мною поездах.

К слову сказать, пятигорский трамвай — один из старейших в России. Его регулярное движение началось в сентябре 1903 года, почти на пять лет опередив появление трамвайных путей в столичном Санкт-Петербурге. Кроме того, стандартная колея во всей Российской империи составляла примерно полтора метра, в то время как в Пятигорске на полметра меньше.

Эта история местного трамвая вспомнилась мне не случайно. Из-за узкой колеи и вдобавок пересеченной местности пассажиров порой бросало в разные стороны. Положение усугубляла провинциальная неспешность жителей, особенно заметная, как мне казалось, у водителей транспорта. Я то и дело подсвечивал часы на мобильнике, понимая, что могу не успеть к Центральной галерее в назначенный час. Но самое неприятное состояло в том, что, держась со мной за один поручень, тряся в трамвае мой сосед по гостинице и не давал мне ни секунды покоя.

— Боишься опоздать? — спрашивал он с язвительностью, заставляя меня снова смотреть на часы. После очередного вопроса я сказал ему то, что, наверно, в силу хорошего воспитания до сих пор не произносил, но очень часто именно так и думал:

— Иди на фиг, Анатолий.

Было заметно, что он постепенно восстанавливает в памяти образ Анатолия из нашего общего детства, и поскольку серый в полоску кот оставил по себе лишь дурные воспоминания, его лицо на время сморщилось в кислую гримасу. Не знаю, какие чувства в нем бурлили, но на время что-то заставило его замолчать. Однако когда мы встали на углу бульвара с улицей, названной в честь некоего местного большевика, он не сдержался:

— Теперь точно опоздаешь.

— Тебе-то какая радость?

— Не мне, а ей, — он отвернулся в сторону окна, будто разговор перестал его занимать, и только когда я сказал: «Объяснись», вновь посмотрел на меня:

— Да проще простого: у тебя жена, и хоть с год вы живете по отдельности, тем не менее ты не разводишься.

— Обязательно разведемся, — заверил я, — как только вернусь отсюда.

— То-то и оно, что ничего не изменится, — наглым тоном сказал он и, поймав мой насмешливый взгляд, продолжил: — Наобещаешь этой крале с три короба, а после взглянешь на происходившее как на курортный роман, который остался далеко позади. Дома же все вернется на круги своя: жена, пусть и в отдалении, дочь, с которой всегда можно видиться, привычная работа, друзья, хобби...

Он во многом был прав. За исключением того, что я действительно собирался по-прежнему на развод. Ведь мы давно, извиняюсь за банальность, стали чужими людьми...

— Ты судишь по себе, — сказал я и схватился обеими руками за поручень, потому что трамвай затормозил у самого светофора. Стояли мы минут десять, похоже, впереди была авария. Едва тронулись, как на него напал приступ красноречия:

— На тебя мне наплевать — ты существо прожженное. Максимум, что тебе грозит, так это легкое повреждение панциря. А вот что ты сделаешь с этой Таней, даже представить сложно. Хотя почему бы не представить... Ты ее соблазнишь, дашь надежду, увлечешь за собой. Что ж, вполне понимаю... У вас будет прекрасное время! Но надолго ли? Сомнительно... Как всякая другая, она тебе скоро надоеет, и ты будешь тяготиться ею до тех пор, пока не найдешь повод от нее избавиться... Ты слишком привык быть один — без разницы, кто рядом с тобой: жена, эта Таня или какая-нибудь другая, еще неведомая избранница. Все равно ты всегда сам по себе и такое положение ни на что не поменяешь.

— Иди на фиг, Анатолий, — бросил я в его сторону и, поскольку трамвай замер на очередной остановке, выпрыгнул на тротуар. После того как у меня дважды получилось назвать его тем именем, какое ему и пристало носить, я почувствовал огромное облегчение. Обычно говорят: гора с плеч!.. Отныне он будет мерзким котом, недостойным человеческого облика.

Я почти бежал по бульвару, уворачиваясь от прохожих, от падавших каштанов, мимо чебуречных и кафе, мимо ювелирных лавок и магазинов одежды. А он остался в трамвае, где были еще десятки людей, и все они желали ехать дальше, но так и не двигались с места.

У Цветника, откуда два шага до источника, я был без десяти семь. Автобусы делали кольцо позади питьевой галереи, и я расположился рядом с их парковкой. От находившегося неподалеку бювета с сероводородной водой дурной запах распространялся на добрую сотню метров. Впрочем, терпеть пришлось недолго: ловко развернувшись на небольшом пятчке, замер на остановке нахального и дорогого вида автобус, откуда начали появляться заспанные пассажиры и вынимать багаж из туго набитого машинного брюха, а около них сразу возникли пронырливые местные таксисты; вскоре подъехал еще один туристический труженик, меньшего размера, весь в дорожной пыли, без расписанных броской рекламой бортов.

Таня вышла из задней двери: ни чемодана, ни пакетов, лишь маленькая дамская сумочка. Она постояла у столба, где висело расписание рейсов. Затем стала расхаживать туда-сюда вдоль шеренги скамеек, в конце концов усевшись на одну из них и продолжая поглядывать по сторонам.

Наблюдая за ее перемещениями издали — под прикрытием пышного куста акации, я поначалу просто откладывал удовольствие от грядущей встречи. Водится за мной такая привычка: не сразу, а с постепенностью, подкрадываясь, что ли... Но как-то незаметно в меня проникли слова, услышанные по дороге от моего всегдашнего преследователя: соблазнишь... сомнительно... надоест... избавишься... привык быть один... А спустя минуту-другую появился и он сам: по-видимому, неспешной походкой как раз успел дойти от трамвайного кольца. С ходу он спросил:

— Ты еще не развелся?

Поскольку я молчал, он решил самостоятельно распределить роли рассказчика и слушателя.

— Я понимаю, за такое короткое время, даже имея связи в гражданском суде... — ему всегда очень нравилось глумиться над любым, кто подворачивался на его пути. — Но знаешь, честность самоотчета еще никто не отменял. Если ты с этим согласен, то согласишься и с другим: тебе хочется длить теперешнее время до бесконечности. Так удобней, практичней, ничего не надо менять. До бесконечности, — повторил он каким-то зловещим голосом, на секунду надулся и неожиданно захохотал, так что пришлось его заткнуть, хорошенько двинув по ребрам.

Таня по-прежнему сидела на скамейке, только теперь с каким-то потерянным лицом. Без отрыва я продолжал на нее смотреть, пока она не поднялась и не побрела в сторону бульвара, почему-то едва заметно прихрамывая.

* * *

Он выходит со двора на улицу, откуда только что въехала груженная телега. Глядя, как легким пухом осыпается с телеги высушенная трава, он не замечает, что створка ворот, закрываясь, с силой бьет его по колену. От внезапной боли он садится на ка-

мень, к которому мужики, входящие в подчинение Монго, обычно привязывают лошадей. Потирая ушибленное место и слегка морщась, он идет к Цветнику, когда, лихо осилив поворот, его обгоняют дрожки. В них сидит, откинувшись на сиденье, молодая дама. И хотя лицо ее в кружевной тени от солнечного зонтика, у него нет сомнений — это княжна. Он даже пытается догнать экипаж. Но куда там с больной ногой!

Проходя мимо дома генерала Верзилина, он наблюдает, как сидящая возле окна Эмилия, то есть старшая грация, вертит в руках то ли зеркальце, то ли книжку, то ли рисунок. Издалека не разобрать, да и желания разбирать нет никакого. Однако, отмечает он про себя, все ж таки любопытно...

Он идет медленно, так что его опережает насквозь больной однокашник Николай Сатин.

— Гляжу, ты иль не ты...

— Аз есмь, — он смиренно склоняет голову.

— Отчего же хромаешь?

— Кавказ, война, горцы, — отшучивается он.

— Ай-ай-ай... А я хотел пригласить тебя в гости, ко мне как раз должен Виссарион Григорьевич пожаловать.

— Вот уж не «как раз», — резко бросает он и, кивнув на прощание, заходит в лавку, лишь бы отстать от прилипчивого Сатина.

В лавке местный товар: черные и белые папахи, бурки, подобные шалашам, какие обыкновенно ставят в горах, разной длины и степени кровожадности кинжалы, сабли с рукоятками, усыпанными камнями, черкески, бешметы, кожаные пояса. Всю эту экзотику ходит и рассматривает Белинский. Вот уж неожиданность!

Подойдя к петербургской знаменитости сзади, он с тонкой улыбкой замечает:

— Каждый, кто на Кавказе впервые, создает себе по несколько азиатских туалетов, — и, немедленно удаляясь, добавляет, пока словоохотливый критик не пришел в себя: — Оказывается, вы тоже не избежали здешней дикой моды.

От одной этой язвительной шутки ему становится легче на душе. Утешение, правда, длится недолго: из бокового переулка прямо на него, так что свернуть не успеешь, движется крупная фигура майора Мартынова. Делать нечего, они здороваются.

— Как-то странно ты приволакиваешь ногу.

Оттого что за короткое время он слышит эту фразу уже второй раз, в нем поднимается глухое раздражение. А еще у него возникает неприятное предчувствие: нервный, с ноющей болью, он сейчас не способен взять обычную веселую манеру, и, стало быть, куда менее сообразительный, но все-таки не лишенный юмора Мартышка получает известное преимущество. Этого допустить никак нельзя!

Как только Мишель замечает на лице майора ту самодовольную усмешку, которая всегда предшествует его казарменным шуточкам, он решает, пусть это и будет блеф, зайти с козырей:

— Видел в окне старшую грацию с портретом какого-то военного. Чудны дела твои, Господи!

Вмиг сделавшись серьезен, Мартынов пристает с расспросами, тогда как Мишель, окутав себя завесой тайны, уходит. На самом деле он едва преодолевает боль, но пока майор поблизости, старается идти ровно. Только на бульваре удастся остановиться и, выбрав пустую скамью, с приятностью вытянуть ноги. Его взгляд неспешно скользит вокруг, подмечая приметы курортной жизни: модные лавки с одеждой, где манекены похожи на застывших от жары людей; ползущую в гору, точно змея, пеструю толпу; верхушки деревьев, откуда временами осыпаются стаи голубей; шумную проез-

жую часть с торговцами вдоль нее и медлительными экипажами. И вдруг, как уже было возле дома, катят те же дрожки, с тем же кучером, с той же дамой, то есть княжной. Она машет издали сложенным в руке зонтиком, машет именно ему, тут не ошибешься. Но он качает головой, словно хочет отогнать морок. Ему не верится ни в этот знак внимания, ни в появление княжны. Не станет же она разъезжать по городу просто так, без цели, без значения...

Мимо проходит майор С., в доме которого обыкновенно собираются за картами. У штабс-офицера Тенгинского пехотного полка тяжелая лошадиная челюсть, и забавно, что у жены, которая его сопровождает, точно такая же — лошадиная.

— Ваше высокоблагородие! — вскочив, Мишель прикладывает ладонь к фуражке, но майор делает движение рукой, мол, отменяю субординацию.

Едва супруги С. пропадают из виду, как на скамью присаживается корнет Глебов. Что за день, думает Мишель, ведь ни минуты не дадут побыть в одиночестве. Но внешне он рад товарищу:

— Корнет, бесшумность твоей походки сделает честь любому пластуны.

— Кавказ этому быстро учит.

— Как твоя рука?

— Спасибо, Лермонтов, заживает понемногу.

— А что прекрасная смуглянка?

— Должна быть поблизости, — он смотрит на часы, чья цепочка по диагонали перечеркивает военный сюртук: — Через пятнадцать минут. У меня, знаешь, как в армии!

Пока Глебов, подкрутив уголки своих холеных черных усов, рассказывает, как двигаются его отношения со смуглянкой, в Мишеле происходит разительная перемена: он весь подается вперед, напрягается шея, глаза смотрят куда-то вдаль.

— Гляди, опять она! — в его восклицании непонятно чего больше: радости, удивления или испуга.

— Где, кто? — недоумевает корнет, а Мишель показывает на те же дрожки, что были тут недавно, едущие теперь в обратном направлении. — Прости, Лермонтов, не разгляжу... По-моему, кроме армянина с тележкой, там никого нет.

В поведении поручика Глебов не находит особых странностей: офицеры давно призывали, что Лермонтов — поэт, художник, что он может позволить себе такое, чего нельзя делать остальным.

Покинув бульвар, корнет идет к Скорбященской церкви, где назначено свидание. А поручик остается, раздумывая над тем, отчего с ним такие чудеса происходят... Мираж, видение, душевная болезнь... От духоты, от волокитств, от того, что всякое время пишет... Или, может статься, здешний климат ему вреден... Или горячие воды, которые отдыхающих успокаивают, в нем, напротив, обостряют нервы...

Когда колокол Скорбященской церкви отбивает очередной час, он подходит к безымянной улице позади храма. Чаще всего именно здесь делают кольцо немногочисленные городские экипажи: одни ссаживают седоков, другие их поджидают. Везде он ищет княжну — с усердием, но тщетно. Зато, что немного сердит, ему отчетливо видны корнет с девушкой: они прогуливаются перед колоннадой церкви, затем, сдастся, нарочито близко друг к другу стоят в тени липы, а после, оставив «смуглянку» у дерева и осмотревшись вокруг, корнет забирается в городскую клумбу с розами, прикрываясь от посторонних взглядов зданием курсовых касс.

Ах, вот откуда у Глебова всегда свежие цветы! Каков, однако, проказник!

ГЛАВА VIII. НЕТ, НЕ ТЕБЯ ТАК ПЫЛКО Я ЛЮБЛЮ

В нашем «Лацио», то есть в гостинице, есть открытая терраса, правда, я там ни разу никого не видел. Только подумайте, какой силы воображением надо обладать, чтобы, лежа в гамаке под дождем, думать, будто загораешь?.. Сейчас ведь в Пятигорске осень! Не то чтобы сверху постоянно льет, но и по-настоящему солнечных дней не припомню.

И вот однажды я вышел из номера в коридор — а мы жили на последнем этаже — и встретил ту самую танцорку, из-за которой чуть не лишился глаза и которая теперь, перекинув через плечо полотенце, направлялась к металлической лестнице, ведущей на террасу. Ее стройную фигуру обтягивал купальник самой игривой расцветки. Чтобы убедиться, не обманывает ли меня зрение, фальсифицируя девушку, идущую в пасмурную погоду принимать солнечные ванны, я выглянул в окно, подобное иллюминатору.

— Небо на редкость чистое, — произнес я почему-то вслух.

— Что? — спросил появившийся Анатолий и тотчас забыл о своем вопросе, увлеченный безупречными ногами, которые, осиливая ступеньки, исчезали где-то за пределами человеческой доступности.

— Отлучусь-ка на часок-другой, — он юркнул в ту же темную дыру, что и она.

Приняв душ, я привел себя в тот благостный порядок, который только и достигим под действием горячей воды. Еще было приятно, что вот-вот начнется футбол, и я без помех посмотрю, как сборная играет с сильными бельгийцами.

Удовольствие продолжалось минут двадцать: наши лишь отбивались, но счет держался ничейный. За первым пропущенным голом, по существу случайным, последовали второй и третий — забитые по делу, после красивых комбинаций, — и я, как делаю всегда в таких, увы, распространенных случаях, от расстройства выключил телевизор. Или прикажете радоваться позору?

Так, в полной тишине и дурном настроении, я просидел несколько минут, пока не влетел в комнату — от неожиданности я даже слегка вздрогнул — вернувшийся с крыши ловелас и с порога заорал:

— Ты чего в потемках?

Включив свет, орать он не прекратил:

— Мы вино прасковейское покупали, помнишь?

— Не мы, а я.

— Хорошо, ты... Где вино-то? — он рванул на себя дверцу холодильника, погромел там, вытащил на свет божий бутылку и поднял ее против этого света, чтобы полюбоваться, значит, как играет солнце в густом, темно-красном, манящем...

Это зрелище приманило и мой взгляд, тем более что сборная безнадежно проигрывала, мазохистом я не был и не любил подолгу оставаться в одиночестве.

— Тебе же не понравилась Карина, — он на ходу повернул голову, когда я шествовал за ним по коридору.

— Не знаю никакой Карины.

— Ее так зовут, — он похотливо улыбнулся, опять показав мне свой профиль.

— А я думал, княжна Мери.

— Брось свои книжные шуточки!

На террасе стояло, пожалуй, десятка два лежаков — все одинаковые, из черного пластика, за исключением одного, белевшего в отдалении, где, вытянувшись этакой

ленивой кошечкой, лежала девушка Карина. На ней были упомянутый ранее цветастый купальник, солнцезащитные очки и для той же цели козырек-тенниска. Возле лежака расположилась тумбочка с двумя бокалами, бутылкой какой-то сладкой шипучки и открытой книгой, страницы которой прижимал красивый, с желтым ободком камень.

Анатолий лег на соседний с нею лежак, немного придвинул к себе стоявшую между ними тумбочку, куда водрузил прасковейское, а рядом поставил еще один бокал (надо думать, заботливо взятый для меня). Я же присел неподалеку на стул из того же пластикового гарнитура.

— Ну, — он с радостью потерял руки, и тут, по-видимому, ему вспомнился оставленный в номере штопор. Ни пальцы, ни нож, ни зубы даже в совокупности помочь делу не могли. Тогда он рванул вниз, заверив, как ему было угодно выразиться, что одна нога здесь, другая там.

— Что ты читаешь? — обратился я к девушке, едва улегся ветерок после его поспешного исчезновения.

— Подруга посоветовала, — она показала обложку книги, почти целиком занятую золотистого цвета овалом, посреди которого красовалась кинодива, чем-то похожая на Карину. Названия книги, да и бог с ним, я разглядеть не успел.

— А почему это на «ты»? — вдруг сообразила она.

— Представь, как было бы глупо, если бы я обращался к тебе по имени-отчеству, которого, к слову, не знаю. Поэтому только Карина и только на «ты».

Якобы обидевшись, она шевелила надутыми ботоксом губами, правда, недолго. Да и будешь ли особо усердствовать, когда не обращают внимания?

— Что-то его не видно... — протянула она, на что я рассеянно ответил, будто штопор такая непростая вещь, такая загадочная... И сам для себя неожиданно спросил:

— Карина, без вина тяжело приходится?

До нее не дошла язвительность вопроса. Хотя когда ее гипертрофированные губы начали вытягивать сладкую влагу из бокала, мне подумалось: может, тем самым она показывает, что предпочитает безалкогольные напитки?

Так ли это, осталось неясным, поскольку он — в плавках, тапочках на босу ногу, с безумно горящими глазами — внезапно появился с противоположной стороны, где, оказывается, тоже была лестница на террасу. Из его сумбурной речи стало понятно, что, обшарив все углы, он добился лишь одного: привел наше жилище в полнейший беспорядок.

— Попробуй спросить на ресепшене или, что скорее, у бармена, — посоветовал я, и он унесся столь же быстро, как и возник.

— Куда делся твой ревнивец? — продолжил я светскую беседу.

— Его Кириллом зовут, — ответила она так, словно я интересовался именем. — Знаешь, ты не обижайся на него из-за этого... — она подбирала слово и остановилась на весьма странном, — из-за бильярда.

— Где же он сейчас? — повторил я. Странно, во мне уживались два взаимоисключающих желания: с одной стороны, мне не хотелось новой драки, а с другой — в глубине души я рассчитывал на реванш.

— У него какие-то дела в Краснодаре, на несколько дней уехал. А вообще, он владец клуба исторического оружия: алебарды, шпаги, пистолеты... Ты что, обзавидовался? — вдруг спросила она. И было непонятно, почему и, главное, к чему у меня может возникнуть зависть.

— Если честно, то очень, — я рассмеялся и после продолжил, показав на то место, где прежде был синяк: — Обидно, что, так сказать, непрофильным оружием.

Развить эту увлекательную тему помешал какой-то сложносоставной звук; приблизившись, он распался на простые части: торопливый и тяжелый топот, позвякивание железа о стекло бутылки и вопли, превозносившие гений человека, который сумел завершить сложнейшее «штопорное» дело.

— Кариночка, — он налил бокал ей, затем себе, — Кариночка, за тебя, дорогая. За твою неземную красоту!

Не удивляясь ни примитивности тоста, ни тому, что меня не угостили моим же вином, я распрощался, что было почти не замечено, и направился к выходу под звон бокалов и щебетанье голосов.

* * *

— Оказывается, вы не Верзилина, а Клингенберг, — Мишель изобразил на лице сардоническую улыбку вкупе с inferнальным взглядом.

— Оказывается, — без паузы ему в лад ответила она, — вы охочи до сплетен.

— Сплетнями занимается ваш монсеньор Кинжал, — движением руки он показал как бы висевшее на поясе холодное оружие горцев.

— Отчего же он мой?

— Потому хотя бы, милая Эмилия, что именно ему вы доверяете семейные тайны.

— Помилуйте, Мишель, какие тайны?! О том, что Петр Семенович мне отчим, только ленивый в Пятигорске не знает.

— Стало быть, я ленив, в отличие от того же монсеньора.

Он вел разговор со старшей грацией напротив дома генерала Петра Семеновича Верзилина. Увидев ее с книгой перед открытым окном, Мишель тихонечко, совсем школярски присвистнул, и она, отложив чтение и вкрадчиво посмотрев по сторонам, через минуту уже была на улице...

— Ах, пожалейте бедную падчерицу, — во всех затруднительных случаях, не будучи готова с ответом, Эмилия прибегала, как ей казалось, к колдовским чарам, а именно разыгрывала из себя, естественно отчасти в шутку, провинившегося ребенка, даже в шалостях которого столько невинности и обаяния, что ничего не остается, как только дитя простить.

Судя по выражению его лица, Мишель прощать не собирался и, похоже, приготовился решительно это обнаружить, когда издали донеслось:

— Поручик, ты где?.. Привезли, что ты просил!

Отличить голос Монго, соучастника проделок еще с юношеских лет, ему удалось бы среди тысячи. Интересно, какая нынче оказия, подумал он и с серьезностью, которая как раз и выдавала юмор, обратился к Эмили:

— Сами посудите, как я могу послушаться родного дядю?

Далее он с тем же озорством посетовал, что у них как в деревне — кричат на всю округу, и обещал немедленно вернуться.

Прошло, однако, не менее получаса, прежде чем Мишель вновь появился на улице. Он сразу увидел старшую грацию, благо расстояние от дома, где они с Монго квартировали, до генеральского особняка с белокаменным цоколем составляло всего-то сотню метров. Эмилию окружали молодые поклонники, по преимуществу в азиатских костюмах. Их кони стояли тут же, привязанные к изгороди.

Даже издали было заметно, что девушка теперь опоясана черкесским кушаком, на котором висит маленький, самой изящной работы черкесский же кинжал. Его, по всей видимости, подарил кто-то из наездников. Они о чем-то весело говорили, и она, беззаботно отвечая, тоже веселилась.

— Не правда ли, хорошенький? — Эмилия вытащила кинжал из ножен, повертев им из стороны в сторону. — Как вам, поручик? — обратилась она к подошедшему Мишелю.

— Да, очень хорош, — произнес он. — Таким детей особенно ловко колоть.

Этим дерзким ответом он явно намекнул на упорно ходившую молву, будто Эмилия Клингенберг терпеть не может детского общества. Кто-то из молодежи рассмеялся. А после все они сели на коней и с хохотом умчались вниз по улице.

Снести оскорбление, пусть в завуалированной форме, но сделанное при всех, самолюбивой грации было непросто. Но недаром Эмилия слыла девушкой с характером: ее выдала только мимолетная злая искра в глазах, в остальном же она превосходно справилась с эмоциями.

— Для чего вы понадобились дяде? Что за срочность?

— Грузин-торговец привез две бочки кахетинского. Я их давно ждал, так что нужно было снять пробу.

— И как вам?

— И цена сходная, и вино отличное, — он провел ладонью по губам, на что Эмилия улыбнулась:

— Выходит, вы пьяны.

— Ничуть, я лишь пригубил. А вот касательно Монго не уверен, ведь он остался наедине с дивным напитком, противостоять которому способен не всякий.

Они уже не колюче, а с приятнью посмотрели друг на друга, и Мишель спросил:

— На чем мы закончили, перед тем как меня позвали?.. Ах да, вы бедная падчерица!

Она снова приняла наигранно скорбный вид:

— Вам и не представить, насколько тяжело мне приходится.

— Вы, солнце Кавказа, как называл вас Данилевский или как вторил ему Пушкин, звезда Кавказа, вы, которую сейчас зовут не иначе как роза Кавказа, — вы терпите несчастья? Не поверю!

— А это так... Я девушка, и вы не способны меня понять...

— Эмилия, что я могу для вас сделать? — он приблизился, мягко взял ее за плечи. — Может, от моего поцелуя вам станет хоть чуть-чуть легче?

Она молчала, но было заметно, что услышанное доставило ей немалое удовольствие. Как же приятно вертеть мужчинами! Она исполнила свою роль с блеском, и теперь черед за ним. Прямо в эту минуту, когда ее глаза томно прикрыты, голова откинута, слегка дрожат губы...

Эмилия не сразу догадалась, что вдруг возникшие неясные звуки есть не что иное, как удалявшиеся шаги Мишеля. Когда он обернулся, то его радостное лицо, а после поднятая рука с растопыренными пальцами привели ее в такое смятение, что ладонь сама собою легла на рукоять сувенирного кинжальчика...

Мишель же отправился к Юрию Павловичу, знакомство с которым он завел исключительно из баловства, уж больно карикатурен был этот пожилой мужчина в истертом старомодном сюртуке, который к тому же был столь узок, что весьма смешно обтягивал его немалый живот. Не менее забавно он погружал свой стакан — на беленьком снурочке, как ему нравилось выражаться — в целебный колодец, принимая, подобно другим отдыхающим, самую академическую позу. Воду он пил так, словно бы на балконе своей дачи прихлебывал чай, даром что сушек не хватало. Обыкновенно подобным образом выглядели в Пятигорске приехавшие из провинции почтенные отцы семейств. Выяснилось, однако, что, будучи на самом деле таковым отцом, Юрий Павлович прибыл на воды один и остановился в гостинице неподалеку от источников, дабы лечить застарелую геморроидальную болезнь.

Кроме беседы с Юрием Павловичем, что всегда служило Мишелю развлечением, он рассчитывал хотя бы наскоро у него перекусить, раз уж из-за старшей грации остался без обеда.

— Увы, — постоялец вытянутого чулком дешевого гостиничного номера развел руками, — я уже отобедал в ресторации у Найтаки. А здесь ничего не держу. Извините...

— Да ничего и не надо. Мы же на водах, а тут принято не есть, а пить, — он вынул из кармана мундира бутылку предусмотрительно взятого с собой кахетинского.

После выпитого обычно скромный Юрий Павлович стал разговорчивым:

— Что сейчас пишите, Михал Юрьич?

— Так, прозу всякую из здешней жизни...

— Интересно-интересно!

— Ей-богу, ничего особенного... Ну, есть герой, который очень устал от людей, от всего нашего времени...

Юрий Павлович с оживлением подхватил фразу:

— И он едет лечить свой сплин на воды!

— Вы необычайно догадливы! — рассмеялся Мишель, после чего как бы в награду налил хозяину до краев бокал вина, который тот одним махом выпил и, придя в крайне взволнованное состояние, воскликнул:

— А стихи? Дайте мне образец ваших последних опытов!

— Что ж, извольте... — задумавшись на мгновение, Мишель начал с преувеличенным и оттого смешным значением в голосе:

Очарователен кавказский наш Монако!
Танцоров, игроков, бретеров в нем толпы;
В нем лихорадят нас вино, игра и драка,
И жгут в нем женщины, а по ночам — клопы!

Исполнившись еще большего восторга, хозяин заявил, что строки чудные, что, наверное, это только почин и в дальнейшем будет целая поэма. Ничего не отрицая, Мишель выглядел совершеннейшим ребенком, нашедшим, к своей радости, полного дурака во взрослом.

Наконец и как-то вопреки прежде сказанному Мишель стал убеждать собеседника, будто литература всего лишь забава, в то время как подлинный его интерес всецело на стороне женщин.

— Как же так? — Юрий Павлович был решительно поражен перемене, произошедшей во взглядах поэта.

— Вы только представьте, — Мишель дал время хозяину, чтобы тот представил, — взялся бы я за перо, когда не было бы вокруг нежнейших созданий, которые одни только и могут понять и оценить? И другие сочинители, вы уж поверьте, имеют точно такое же суждение.

Пока Юрий Павлович размышлял над словами Мишеля, тот принялся рассказывать о своих светских приключениях и был и умен, и находчив, и остер на язык.

— Взять мое последнее волокитство — Эмилия Клингенберг... Как, вы ее не знаете?.. Роза Кавказа!.. Вот видите, стоит только с точностью назвать предмет, чтобы не осталось никаких сомнений. Что она такое?.. Одни говорят: грациозная, до невероятности обворожительная девушка, превосходная музыкантша на фортепиано. Для других же ее прелести в прошлом, нынче она лишь бледная тень себя самой, вдобавок с незавидной репутацией.

— А вы о ней какого мнения? — от любопытства Юрий Павлович аж руки потер.

— По мне она... — закулив пеньковую трубку с янтарным мундштуком, что, вообще-то, было запрещено для офицерского состава ниже капитана, Мишель сделался плавным в манерах и речи — под стать медлительному табачному дыму. — Именно что роза, но роза увядающая. Кокетка, которая разбивала сердца мужчин, сталкивала своих поклонников и получала от этого наслаждение. Она пытается делать это и теперь, только, глядя на ее потуги, наслаждение получаю уже я.

— Не могу вас до конца понять, — высказался Юрий Павлович.

— Да оно и ни к чему, — Мишель выбил табак из трубки. — Мне, знаете ли, пора на службу, иначе разжалуют в рядовые, особенно за курение. Надеюсь, вы не желаете для меня такой участи?

Мишель самым учтивым образом откланялся.

ГЛАВА IX. ТАИНСТВЕННЫМ Я ЗАНЯТ РАЗГОВОР

Побывать в Пятигорске и не увидеть Провал — это, знаете ли... Вот и я не знал, почему он упрямится, когда я предлагаю туда сходить.

— Ты же любишь литературу, — лгал я, лишь бы вызвать у него интерес.

— Да, — важным голосом соглашался он, — только хорошую.

— Два знаковых произведения — куда уж лучше? Во-первых, «Герой нашего времени», а второе — «Двенадцать стульев». Такие разные, но такие одинаково прекрасные романы!

— И что? — равнодушно осведомился он.

— А то, что и там, и там упоминается Провал. Помнишь, как Остап Бендер организовал продажу билетов, а когда подошедшие милиционеры спросили, для чего взимается плата, он ответил, что с целью капитального ремонта Провала, чтоб не слишком проваливался.

Моя тирада ничуть на него не повлияла, и тогда, зная о его любви к кино, я перечислил по памяти, какие фильмы снимались в Пятигорске и конкретно возле Провала. Эти подробности тоже не возымели действия. Оставалось только одно средство...

— Идем направо, — предложил я, когда мы вышли на прогулку, не имея ни цели, ни сколько-нибудь примерного маршрута.

— Направо какая-то глушь... Давай в противоположную сторону.

— С удовольствием.

Так дошли до перекрестка, где повторился тот же разговор.

— Теперь вокруг этого садика, — почти приказал я, что, к моей радости, вызвало в нем бурю чувств:

— К черту садик! Как шли прямо, так и пойдем!

Не скрывая, насколько мне приятно, что мой хитрый план срабатывает, я в то же время сильно удивлялся ничтожности затраченных для этого усилий. Тут можно было и по прежним временам заскучать, когда он нипочем не поддавался на мои уловки. Что же изменилось?.. Неужели у минеральной воды есть еще и такое доселе неизвестное свойство?..

На следующем распутье, откуда путь лежал либо вниз, либо вверх, у меня естественно возникла мысль двигаться по наклонной, а у него, столь же естественно, топтать в гору. Его желание было тем поразительнее, что за время нашего пребывания в Пятигорске впервые выдалась по-настоящему южная погода. Когда мы очутились на самом верху, я предложил отдохнуть на скамейке, но он, хоть по его вискам и скатывались капли пота, прошептал мимо меня с гордо поднятой головой. Догнать его не составило большого труда, и я зашагал рядом.

Уверен, мы так и шли бы дальше, если бы я не сказал, насколько приятна тенистая аллея в этот жаркий день. Он моментально свернул на разбитую тропу, где на поверхность земли выбирались огромные, серого цвета камни, ящерицы выскакивали из густой высокой травы, а по лицу хлестали ветки какого-то колючего кустарника. Казалось, выбраться отсюда нам уже не суждено...

Прислонившись к символу города — скульптурной композиции «Орел, терзающий змею», — он долго не мог отдышаться. В китайской беседке у него на губах выступила белая пена. Он едва не упал, не сумев одолеть ступеньку, когда мы поднимались по лестнице к павильону «Эолова арфа». Здесь стояли рядышком дорогой ресторан и дешевая столовка, которые были без возражений отвергнуты, стоило мне только заикнуться туда зайти.

Я ушам своим не верил, потому что, в отличие от меня, он в любых поездках в первую очередь заботился о том, чтобы был полноценный обед. Кроме того, повторяюсь, я ходо, тогда как для него порой и километр пройти тяжело.

От Академической галереи (в прошлом Елизаветинской) дорога пошла еще круче. Не радовали ни старинные постройки, ни двухвековые деревья старейшего в городе Емануелевского парка. То есть не радовали меня, ему-то наверняка было вообще не до них. Он отдувался, пыхтел и временами ругался сквозь зубы. Такова уж его натура: в пик у меня хоть умереть.

Хаотически чередуя улицы и переулки, площади и сады, в конце концов мы вышли на бульвар Гагарина. Плавный, без резких подъемов и спусков, он полукругом огибал подошву Машука. После передрыг предыдущего пути идти было одно удовольствие. По левую руку вырастали из-за заборов дачи, возведенные в начале двадцатого века, когда здесь случился строительный бум. Советское время превратило их в санатории, а нынче многие вновь сделались частной собственностью. О стоявших справа постройках можно было бы повторить то же самое, что, впрочем, ничуть не умаляло ни достоинств стиля «модерн», ни таланта архитекторов.

Над нами, давая сплошную тень, переплетались листья дубов; то здесь, то там пульсировали группы фонтанчиков или самодовольно бил струей фонтан-одиночка в окружении каменных скамеек; повсюду приманивали взгляд бокалы, львы, курительные трубки, луноподобные крендели, перекрещенные мечи, медведи и прочее, что служило украшением вывесок разного рода заведений, где знают, какие мелодии ароматов нужно исполнять, играя на страсти чревоугодия.

Даже у меня, обычно равнодушного к еде, сводило желудок от голода. Можно представить, какие чувства испытывал он! По правде говоря, его мучения пора было прекращать...

— Так бы и ходил еще и час, и два. Никакой усталости!

— Усталости... — повторил он обреченно и вдруг окатил меня всем тем, что с утра в нем копилось: злостью, отчаянием, безнадежностью и желанием растерзать того, кто принуждает совершать марш-броски под палящим солнцем. А я, словно бы его не расслышав, оставался верен выбранной теме:

— Удивительно, есть совсем не хочется. Весь день на ногах — и не хочется!.. Впрочем, — сразу поправился я, вовремя заметив, что его желудочный сок может забрызгать меня с головы до ног, — впрочем, имеется тут неподалеку одно заведение с хорошей кухней.

— Что значит неподалеку?! — ему насилу удалось сдержать ярость.

На самом деле едва мы вышли из «Лацио», я все время вел его к Провалу — кружными путями, не давая ни присесть, ни перекусить. По-другому, увы, было невозможно... Сознаюсь в содеянном! Но как говорит о том русский парадокс: не согрешишь —

не покаешься, не покаешься — не спасешься. Именно спастись я и отправлюсь в здешний кафедральный собор, и буду усердно молиться, и зажгу свечу перед ликом Господа. Но сначала мы сходим к Провалу, вход в который с лежащими по бокам львами уже виднеется за плавным поворотом бульвара.

* * *

Мишель с товарищем выходят во двор, где у коновязи стоит пара оседланных офицерских лошадей.

— Верхом, — предлагает Монго.

— Я не видел еще ни одного, кто смог бы доскакать до Провала. Если помнишь, туда ведет узкая тропинка меж кустарниками и скалою.

— Разве мы говорили не о том, чтобы отправиться в кабардинскую слободу?

— О чем бы я ни говорил, но мыслил о Провале, — коротко смеется Мишель и смолкает, потому что они входят в тесный от деревьев лес, который начинается сразу за их домом. Отсюда дороги с версту, может, чуть более. Провал расположен на скате горы Машук — это воронкообразная пропасть глубиною в пятнадцать саженей, на дне которой находится глубокий бассейн серной воды.

У Мишеля странное настроение, тем не менее знакомое многим офицерам полка: он задумчив, угрюм и смотрит на собеседника так, будто впервые его видит. Всю дорогу до Провала и обратно он молчит, так что смущает даже малоразговорчивого Монго, и тот, лишь бы завести беседу, начинает:

— Ученые, кому случилось побывать в Пятигорске, утверждают, что этот провал есть не что иное, как угасший кратер.

— Откуда же взяться ученым? Ты хотя бы одного встречал? — только и говорит Мишель, вновь погружаясь в раздумья. Очевидно, его спутнику молчать нелегко, и он заходит с другой стороны:

— Как тебе серный дух?.. Туда славно было бы привести наших дам. Пускай знают, каково в преисподней!

Обыкновенно, услышав о женщинах, Мишель становится весел и насмешлив, но теперь он пропускает шутку мимо ушей. Что-то глубокое и тихое, чему нет названия, лежит на его челе и ограждает от внешнего мира.

Когда они проходят под окнами дома Верзилина, то невольно сбавляют шаг. Оттуда доносится изумительной красоты и силы музыка, так что несколько человек, среди которых виднеется и один офицерский мундир, слушают затаив дыхание.

— Шуберт? — будто самого себя спрашивает Мишель.

— Какая-то из граций, — откликается Монго, — либо Надежда, либо Эмилия. Бьюсь об заклад, что старшая.

Оставив товарища в недоумении стоять посреди улицы, Мишель идет к воротам генеральского особняка. Пользуясь свободой здешних нравов, он без доклада заходит в гостиную, где, чуть откинувшись, раскачивается и играет, играет и раскачивается...

Он садится сбоку от фортепиано, свешивает голову на грудь и застывает в этой позе, пока последние звуки, как будто на цыпочках, не удаляются из гостиной. Тогда он встает, целует руку пианистке и по-прежнему молча, никому не мешая, выходит в прихожую, а оттуда на крыльцо. Первым, кто попадает в поле его зрения, оказывается Монго, хотя с момента, как они расстались, прошел уж добрый час.

— Дядя, — так он обращается чаще всего в шутку, иногда, как сейчас, от удивления, — дядя, ты что, все время был здесь?

— Отчего же? Сходил в ресторацию, отобедал... Ну что, моя правда?

— Нет, пари ты проиграл.

Достав кошелек, Монго видит, что после обеда там почти ничего не осталось, и, смутившись, говорит:

— Я отдам, как только вернемся...

— Помилуй, какие деньги? Мы же не делали ставку!.. А младшая играет бесподобно! С таким талантом ей бы в Петербург!

— Надежда... — едва слышно произносит Монго и хочет что-то добавить, но слова разбегаются в стороны.

— Впредь слушай не музыку, а голос сердца, — Мишель обнимает за плечо старого друга. — Да, кстати, ты куда сейчас?..

Услышав ответ, он невольно хмурится, говорит, что тоже собирается домой, что хочет... Однако товарищ его перебивает, проявляя редкое для его апатичной натуры живое чувство:

— Как замечательно, а то день идет с какой-то унылостью! Позовем хоть корнета, хоть князя Васильчикова, хоть Мартышку — вот и состоится партия в бостон!

— Извини, не расположен сегодня к игре... Решил, что буду рисовать.

— Ничего не может быть лучше! — и этому радуется Монго. — Я молчальником сяду в углу, возьму книгу или журнал... Как думаешь, что предпочесть?

Они заходят в комнату с окнами в сад, и Мишель достает с полки французский иллюстрированный журнал, где на обложке перемешано все подряд: дама в модном наряде с вышитым розами шлейфом; кружащийся платьями и фраками дворцовый бал; охотник, у которого ружье под мышкой, а патронташ на боку; рядом с ним гончая в черных и рыжих пятнах на голове и плечах, а чуть дальше французской верховой породы жеребец.

— Тут, дядя, на любой вкус, — он протягивает журнал, раскрывая его на картине, изображающей офицера перед пустым бильярдным столом, и заканчивает, сдерживая улыбку: — По-моему, шаров не хватает.

Закинув ногу на ногу, дядя погружается одновременно в кресло и в чтение. Как и обещал, сидит он тихо, разве что иногда тянет воздух ноздрями и легонько вздыхает.

Пока поручик готовится к рисованию, звуки со стороны кресла становятся реже, а потом и вовсе смолкают. Он оборачивается: положив журнал на колени, Монго спит без малейшего движения; при этом иллюстрация на развернутой странице показывает жокея, несущегося, с горбатой от усердия спиной, к финишной черте. Усмехнувшись разности положения жокея и дяди, Мишель возвращается к работе...

Когда рисуешь с детства, то так и будешь до конца дней. Деревца сменяются деревьями, травка — травой, а человечки — людьми. Вот и вся разница... Да, еще жанр стал другим — он теперь карикатурный. Здесь иначе нельзя: офицеры принимают лишь те рисунки, где изображены общие знакомые (никак не они сами!) и где можно дать волю смеху — хоть дружелюбному, хоть злому.

Для этой нужды всеобщего увеселения есть альбом, в котором языком рисунка дается полный отчет о буднях и праздниках. Тут имеется все: и муштра на плацу, и кавалькады, и пикники, и балы, и батальные сцены. И хотя офицеры, кто лучше, кто хуже, владеют, одни карандашом, другие кистью, — он среди них единственный, чье рисование принимается единодушно. А самый любимый его персонаж — отставной майор Николай Мартынов. Существует даже, кроме основного альбома, еще один, поменьше, целиком посвященный майору.

Например, Мартынов верхом перед триумфальной аркой, а кругом встречают его дамы, восхищенные и пораженные красотой наездника. И сам герой, и многие из дам

замечательно похожи. Под рисунком, если кто-то не понял, надпись: «Кинжал, въезжающий в город Пятигорск», что в известной мере отсылает к библейскому сюжету. Также есть Мартынов исполинского роста, с громадным кинжалом от пояса до земли, и этот гигант общается с самой миниатюрной из сестер Верзилиных. А вот еще рисунок, где Мартынов в стычке с горцами что-то кричит, машет кинжалом, сидя вполоборота на лошади, поворачивающей вспять. Подоплека здесь такая: майор ездит плохо, но с претензией, неестественно изгибаясь, при этом объясняет свое не слишком храброе поведение в бою тем, что его лошадь боится выстрелов и скачет от них.

Он рисует и остальных офицеров, и горцев, и местных жителей, и поправляющих здоровье, и матерей семейств, и, конечно же, трех граций. Однако все они ничто по сравнению с Мартыновым, изображение которого он довел до такой гениальной простоты, что показывает только характерную кривую линию да длинный кинжал, и каждый тотчас узнает, кто перед ним.

Оба альбома хранятся у корнета Глебова. В иные дни, чтобы вместе посмеяться над карикатурами, он наведывается к Мишелю. Вот и теперь, предварительно стукнув в дверь, как у них заведено, три раза, корнет заходит в комнату. С порога он весело спрашивает, показывая на рисунок в альбоме:

— Кто этот худой посреди кровожадных кавказцев? Неужто князь Васильчиков? Или все-таки Монго?

Только сейчас он замечает, что автор рисунка, перед которым лежат отложенные в сторону краски, читает книгу с английским титулом. Не скрывая недовольства занятого делом человека, Мишель смотрит на вошедшего.

— Прости великодушно... — начинает Глебов, но Мишель прикладывает палец к губам и кивает в сторону спящего офицера. Тот, однако, подает признаки жизни: мотает головой, трет ладонью глаза и медленно встает, так что французский журнал с коленей падает на пол. Его красивая голова на худой шее склоняется над столиком, где лежит альбом. Известный своим ровным характером, он добродушно улыбается, узнав себя в длинноногом наезднике с нелепо серьезным выражением лица.

— Будь на твоём месте монсеньор Кинжал, — замечает Глебов, — нам с Лермонтовым было бы несдобровать.

Монго поднимает с пола журнал, кладет его рядом с альбомом, мимоходом обращаясь к поэту:

— Кажется, ты хотел рисовать... Чем же занят теперь? — и поскольку тот молчит, он настаивает с вопросом.

— Тут две библиотеки, но одна другой хуже, — нехотя объясняет Мишель. — Вот попросил бабушку, чтобы прислала, — он показывает на стопку изданий, занимающих всю поверхность тумбочки.

— Жуковский, Шекспир, Пушкин, Бэкон... — читает вслух корнет.

— Добавь сюда лорда Байрона в оригинале, — Мишель кладет томик стихов, где на обложке выведено золотом «The Giaour», рядом с остальными книгами. — Вы, господа, все равно не дадите спокойно почитать, так не лучше ли будет прогуляться, благо вечер тихий и совсем нежаркий.

— Я пас, господа. У меня встреча с прекрасной смуглянкой, как ты ее называешь, — быстро произносит Глебов.

— Не забудь сорвать свежие цветы, — кричит Мишель вдогонку корнету, и тот в растерянности замирает в дверях. Не обращая на него внимания, поручик продолжает самым обыденным тоном: — А мы с Монго, подобно старым воякам, проветрим раны на воздухе и вспомним былые схватки.

ГЛАВА X. НЕТ, Я НЕ БАЙРОН, Я ДРУГОЙ

Редко ходишь в один и тот же музей несколько раз подряд, пусть даже в такой необъятный, как Эрмитаж, Лувр или Третьяковка. И уж точно остаешься дома (если нет какой-то особой причины), когда экспозицию от начала до конца можно осмотреть за час-другой.

Однако я шел. Несмотря на то, что с последнего посещения музея Лермонтова минуло-то всего ничего. Вернее, мы шли вместе, и на этот раз он не слишком упирался, хотя ради приличия поворчал, конечно, и даже не отказал себе в удовольствии упрекнуть музейных работников в непрофессионализме. В чем заключался этот непрофессионализм, он, правда, объяснить не удосужился. Причины его теперешней податливости были яснее ясного: в предыдущий раз экскурсию мы не дослушали, в самые любопытные отделы музея не зашли, зато побывали там, куда обычно никто из туристов не ходит, — и все лишь из-за его упрямства и страсти к противоречию. Теперь надо было наверстывать упущенное.

Мы изначально договорились (договорились!) идти не по следам экскурсовода, а направиться к домику Лермонтова; его так в музее называют, хотя поручик Лермонтов и капитан Столыпин (он же более известный друзьям и знакомым как Монго) здесь только снимали жилье, а принадлежал дом совсем другому человеку...

— Отставной плац-майор Василий Иванович Чилаев построил на своей усадьбе домик для сдачи внаем приезжим посетителям вод и офицерам.

Это рассказывала пожилая, но вполне бойкая женщина, к чьей экскурсии мы незаметно подкрались и встали в задних рядах.

— В середине дня, — продолжала она свой рассказ, — Лермонтов со Столыпиным приехали к Чилаеву. Они снаружи осмотрели стоявший на дворе домик, зашли вовнутрь, и Лермонтов, выйдя на балкон, погрузился в раздумья. Между тем Столыпин сделал еще раз ревизию комнатам, не обошлось с его стороны без замечаний и поправок, после чего, осведомившись о цене квартиры, он также проследовал на балкон и сказал Михаилу Юрьевичу: «Просят сто рублей серебром до конца курортного сезона... Что, Лермонтов, хорошо?» — «Ничего», — ответил поэт с небрежностью, но, очевидно, остался недоволен тем, что вмешались в его заветные мысли. Наверняка он писал стихи, быть может, именно эти:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья...

Завершив на замирающей ноте, она постояла молча и не двигаясь. Пауза длилась ровно столько, сколько нужно, чтобы экскурсанты до конца впитали в себя великую поэзию.

— Сказав «ничего» — так лаконично! так для него несвойственно! — поэт, возможно, предчувствовал, какая участь ожидает его в этом доме. Но отказать другу не смог... Окажись на месте Столыпина человек более чуткий, он, скорее всего, уловил бы настроение Михаила Юрьевича и тем самым спас его от гибели... Столыпин, однако, упорствовал: «Так что, поручик?» И даже тогда поэт долго молчал, прежде чем произнес

через силу: «Здесь будет удобно... Дай задаток!» Столыпин вынул бумажник и заплатил все деньги за квартиру. Вечером того же дня они сюда въехали...

Когда вместе с Анатолием я вошел в дом, тот оказался настолько тесным, что группе пришлось делиться на части, иначе преимущество получали те, кто повыше или понаглее. Экскурсовод рассказывала, что офицеры держали один стол, жили дружно, что комнаты, выходявшие во двор, назывались столыпинской половиной, а выходявшие в сад — лермонтовской, что хозяйством и людьми, как более рачительный, завел Столыпин.

Анатолия больше другого привлекли (вероятно, ему уже хотелось домой) стоявшие у стены дорожные вещи: колясочный сундук, обитый телячьей кожей, деревянная шкатулка для бумаг, а также вещь, можно сказать, полудорожная — железная складная кровать, незаменимая в походных условиях. Пока он осматривал предметы минувшей эпохи, я выбрался на балкон, откуда поэт любил глядеть на утопавший в зелени город и хорошо видные в ясную погоду хребты кавказских гор. Мне, однако, открылась совсем иная картина: на траве, в тени акаций и сирени, лежали юноша и девушка — те самые Кирилл и Карина. И все бы наверняка как-нибудь обошлось, если бы одновременно не случилось два события: изучив, что надо брать в дорогу, Анатолий присоединился ко мне, а Кирилл и Карина, по-прежнему лежа и теперь отбросив всякие приличия, слились в страстном поцелуе (употребляя эту невинную и расхожую формулировку, дабы не описывать откровенную сцену, которая перед нами разыгралась).

Разумеется, я не вправе был ожидать от него каких-нибудь героических поступков, но то, что он вмиг умчался обратно в гостиную лермонтовского дома, иначе как трусостью не назовешь.

— Ты что? — я потряс его за плечи.

— Уходим, — прошипел он.

— А то, что тебе нравится эта, с позволения сказать, девушка?

— Так, глупое увлечение...

— А то, что Кирилл перепутал мой глаз с бильярдной лузой?

— Уходим, — снова прошипел он и, увлекая меня за собой, поспешил к выходу. Собственно, я особо не сопротивлялся: синяк исчез, оставив после себя лишь узкую желтоватую полоску; к тому же Кирилл, если разобраться, был по-своему прав: к его девушке или жене (бог знает, кем она ему приходилась) нахально пристают, вдобавок какой-то тип встает на пути...

Когда мы покинули музей, я отчасти в шутку, отчасти всерьез сказал:

— Тебе нужно было воспользоваться опытом предков — вызвать его на дуэль!

— Ага, ты же сам рассказывал, что он владеет всеми видами оружия.

Я развеселился и, чтобы добавить перца, нервным движением повернул голову назад; затем, пройдя несколько шагов, повторил этот маневр, только с большой опаской.

— Он сзади, — я резко одернул Анатолия, не давая оглядываться. — Пусть думает, что нам на него наплевать, что мы его не боимся, идем как ни в чем не бывало.

Однако «как ни в чем не бывало» не получилось: Анатолий сразу припустил по направлению к бульвару, мне пришлось торопиться следом. Между памятником Лермонтову и Спасским собором, где надо было определиться, в какую сторону идти, он предложил:

— Не сходить ли нам в Цветник? Наши соседи по отелю утверждают, будто там есть красивейший грот!

И хотя тон у него был приподнятый и в описании грота даже мелькнуло словечко «уникальный» (он иногда любил окрылять свою речь, путая, правда, какие крылья

каким птицам принадлежат), его руки беспокойно теребили ворот куртки, а взглядом он все пытался нырнуть поглубже в проем той улицы, по которой мы только что шли. Нет ли там зловещего соперника с пистолетами и шпагами?

Еще меня очень удивило его «соседи по отелю» применительно к гроту. Ведь об этом я, именно я, читал ему большую статью из купленного в первые дни путеводителя.

— Грот Дианы! — провозгласил он с воодушевлением, понять которое вряд ли смог бы и самый восторженный краевед.

Мы стояли напротив скалы, вход в которую являл собой портик о трех арках и двух колоннах темного камня.

— Грот Дианы, — уже без прежнего пафоса повторил он и дальше сбивчиво, многое перевирая, начал рассказывать историю этого места. Еще в самом начале ему, похоже, сделалось ясно, что задача не по плечу, и он без всякого зазрения совести, а напротив, с проворством фокусника извлек из куртки путеводитель и, точно написано было им самим лет десять назад, стал читать:

— Это искусственная пещера на склоне горы Горячей. Ее задумали и осуществили архитекторы братья Бернардаци, швейцарцы по происхождению, на счет которых десятки жилых и казенных домов в Пятигорске. Грот строили в честь первого восхождения на гору Эльбрус экспедиции под руководством генерала Эммануэля. У входа в пещеру раньше стояли чугунные доски с текстами на русском и арабском, которые рассказывали о покорении вершины Кавказа. Открытый в 1831 году, грот был назван именем римской богини Дианы. Поскольку напротив него находилось женское отделение Николаевских ванн, то вскоре возникла легенда, согласно которой богиня, искупавшись, предпочитала отдыхать в прохладе пещеры. Часто бывал здесь и Михаил Юрьевич Лермонтов...

* * *

Так уж повелось в Пятигорске, что распорядителем на всех праздниках обыкновенно бывал князь Владимир Сергеевич Голицын. Однако когда стало известно, что молодежь задумала дать бал, а точнее, устроить пикник, князь ни с того ни с сего заупрямился. Дескать, неприлично танцевать с кем ни попадя на открытом воздухе, а после угощать женщин хорошего общества трактирными ужинами.

Разговор происходил в казенном особняке, который занимал Голицын на правах командующего кавалерией левого фланга Кавказской линии. Сюда явилась делегация молодых офицеров, и князь вышел к ним в домашнем халате, турецкого фасона тапочках, с опухшим лицом и растрепанными волосами.

Мишель вместе с другими недоумевал, какая причина могла вызвать столь разительную перемену в этом добросердечном человеке. То ли не выспался, то ли заболел, то ли просто не в духе... Наконец Мишель не выдержал:

— Господин полковник, здесь не Петербург, чтобы соблюдать все правила этикета. То, что дурно в столице, совершенно на своем месте на водах.

Голицын чуть помедлил с ответом и предложил компромиссное решение:

— Вот что... Устроим не пикник, устроим настоящий бал, и так, как вы хотите — на улице. Единственно, не на бульваре, а в Ботаническом саду.

После этих слов среди офицеров раздался одобрителный гул. Тем не менее Мишель заметил, что сад далеко за городом, куда добираться тяжело и еще тяжелее вывозить оттуда дам, уставших после танцев, вдобавок поздней ночью.

— Своих экипажей почти ни у кого нет, а дрожек в городе раз, два и обчелся, — закончил он. — Не на повозках же тащиться?

Голицын возразил с резкостью:

— Так здешних дикарей учить надо!

Когда, хмурые, вышли из особняка, Мишель обвел всех задорным взглядом:

— Господа! На что нам непременно главенство князя на пикнике? Если не хочет быть у нас, то и не надо. Мы и без него справимся.

И хотя такая мысль в голову никому не приходила, тут все поддержали Мишеля и хором начали обсуждать, каким должно быть грядущее увеселение.

На следующий день составили подписку среди знакомых. К всеобщему удивлению, затея приняла громадные размеры, и уже вскоре искомая сумма была собрана.

О месте, где пройдет праздник, долго не спорили. Конечно, грот Дианы! Здесь уже не единожды гуляли, и всем нравилось. На сей раз грот убрали узорчатыми шаями, соединили их в центре в красивый узел, прикрыв, дабы придать пространству больший объем, круглым зеркалом. С внешней стороны на стены грота повесили персидские ковры, люстры из простых обручей и веревок, однако же искусно обвитых великолепными живыми цветами и зеленью. На огромных дубах вблизи площадки, где собирались танцевать, развесили сотни радужных фонарей, так что весь Цветник оказался освещенным. Музыка для бала разместили в аллее, тогда как прямо над гротом выстроился военный оркестр, который должен был вступать в антрактах между танцами.

Как будто в согласии с общим желанием повеселиться, в вечернем небе, чистого темно-синего цвета, горели ярчайшие звезды, какими они даже на юге редко бывают. К тому же установилась необычайно тихая погода: ни один листок не шевелился на деревьях, ни в одном из фонарей не колебался свет.

Когда к восьми часам все приглашенные собрались, без промедления зазвучала музыка, и танцы начали быстро сменять друг друга. Те, кто не имел билетов, густыми рядами окружили импровизированную танцевальную залу. И вот уже завелись между ними разговоры и обсуждения, кто эта в широчайшей белой шляпке, кто тот с усами и бакенбардами, у кого лучше танец, а кому следовало бы оставаться дома.

— Гляди, Лермонтов, — сообщила особа средних лет, но по виду совершеннейшая «мамаша».

— Так и что? — не поняла ее ровесница, правда, более худая и подвижная. «Мамаша» отрекомендовала танцора по всем правилам здешнего этикета:

— Гвардеец. Из Петербурга. Сочинитель.

— Фигуры делает старательно, но так себе, — проводила Мишеля взглядом та, что потоньше.

— У моей знакомой кухарка еще и офицерам готовит. И про этого Лермонтова много рассказывает, — «мамаша» склонилась к товарке. — У него когда настроение шаловливое, так просто удержу нет: затевает танцы на целый вечер, или увлекает всех на двор, или начинает разные игры.

— Приличные хоть?

— Да кто разберет... Одна из них «серсо» называется — слыхала, может?.. А так если не конная прогулка, то карты, если не карты, то вино. Но больше всего любят плясы. Они у них без конца: в домах, на улицах, вот как сегодня, или в ресторации у Най-таки, или в других сомнительных местечках. И Лермонтов там всегда душа общества, всех развлекает и всем дирижирует.

В этот момент он собственной персоной вместе с персоной другой, одетой в нежно-розовое платье, пронесся в бешеном туре вальса. С последним тактом Мишель поклонился своей спутнице и проследовал к одиноко стоявшему Монго. Запыхавшийся от нескольких танцев подряд, он спросил:

- Что ж ты как рыцарь печального образа? Совсем тебя не узнать!
- Ты раньше тоже не жаловал балы, а теперь скачешь, как заводной.
- Я же не воробей, чтобы все время одно и то же чирикать... Нет, ты только посмотри, какая грация!.. Глаза серые, карие, голубые! А лица, а ножки, а талии!
- Мишель, откуда такой восторг? Все это когда-то да было... А если что-то кажется свежим... Просто обман зрения!
- Не ожидал, что у тебя новая философская школа... Но знаешь, тебе это не идет.
- Тогда что, по-твоему, мне нужно?
- Поверь, немного... Возьми пример с Глебова. Его дела с прекрасной смуглянкой стремительно продвинулись. А почему, как думаешь?.. Он смотрит на вещи молодым здоровым взглядом и даже в плохом старается видеть хорошее. Ты же, прости, впадаешь в меланхолию.
- Такова примета времени, — приняв скучающую позу, проговорил Монго.
- Ты дашь фору самому лорду Байрону! — рассмеялся Мишель и после паузы продолжил серьезно: — Тебе известно, как я чту великого британца, но под его влиянием вовсе не утрачиваю индивидуальность, напротив, ее приобретаю. Что же касается романтического скепсиса его сочинений, то это всего только литературная стилистика, чему доказательство — героическая биография лорда. Да и с чего ты вообще взял, что пресыщенность жизнью нынче в моде?
- Разве не так, Мишель?
- У тебя есть возможность убедиться в обратном. Надеюсь, ты разглядел девушку в нежно-розовом, с которой я сейчас танцевал, и мне нет нужды ее представлять?.. Так вот, младшая грация очень хочет тебя видеть прямо сейчас.
- Надежда тебе сама об этом сказала? — рыбы глаза Монго вдруг превратились в мерцающие огоньки.
- Сама, — лаконично заверил Мишель.
- А как... — Монго подыскивал слова, желая отблагодарить товарища за его участие и одновременно самому проявить интерес к его делам. — Как у тебя с Эмилией?
- Не у меня с Эмилией, а у нее с Мартышкой. Видишь ли, она предпочитает холодное оружие — небольшой кинжальчик красуется теперь даже у нее на кушачке.
- И тебе... — он снова замялся, — тебе все равно?
- Я холоден, как Чайльд Гарольд, — Мишель сделал актерски надменное лицо. — Иди, однако, грация заждалась... А я продолжу искать княжну...
- Опять?! Ей-богу, кто она?
- Когда бы я сам знал, Монго... — он уже удалялся и, поравнявшись с висевшим на ветке радужным фонариком, подпрыгнул и слегка по нему стукнул, отчего тот закачался, переливаясь всеми своими цветами.

ГЛАВА XI. ПРОСТИ! УВИДИМСЯ ЛЬ МЫ СНОВА?

Если я оказывался вблизи Цветника, то, как правило, заходил в кофейню Гукасова. Заведение построил сто с лишним лет назад предприимчивый армянский купец, коих в Пятигорске и теперь в каждой лавке через одного. Меня влекло туда не столько качество кофе — он был не лучше и не хуже, чем в других местах, — сколько царившая там атмосфера.

Обыкновенно, если не накрапывал дождь, я садился на открытой террасе второго этажа. Отсюда во все стороны открывалось пространство пятигорской старины с ее аллеями, зданиями ванн, лестницами, сложенными из тесаных плит. А рядом вилась

по краю террасы ажурная ограда из кованого чугуна, и опоясывали весь этаж изящные, наподобие свечек, тоненькие колонки.

Вместе с кофе я брал что-нибудь сладкое — эклер или медовик, торт или вафли; мне казалось, что раз уж вокруг меня сплошь приметы Серебряного века, то нужно соответствовать его вычурным излишествам. Пусть иллюзия былой эпохи длилась недолго и ее прерывали то крики с улицы, то гудки автомобилей, я не мог отказать себе в удовольствии купить эти прекрасные минуты по цене капучино с пирожным. Такая возможность появлялась, правда, лишь в том случае, если он хранил молчание — тот самый, который любил поговорить.

— Хочу прокатиться, — он показал в сторону дрожек, какие обычно используют для развлечения туристов.

— Знаешь, сколько стоит такая забава?

— А кофе каждый день пить, а торты жрать?

Я согласился, зная, что проще потратить впустую время и деньги, чем с ним спорить. Расплатившись, мы встали из-за стола, и тут я как бы со стороны услышал свой сдавленный голос:

— Иди к своим дрожкам.

— Как, один?

— Один, — подтвердил я. — Мне сейчас надо отлучиться, а после встретимся здесь же, — с этими словами я бросился вниз по витой металлической лестнице.

Мне действительно необходимо было спешить. Пока я выбирался из кофейного заведения и потом почти бежал мимо сияющих витринами магазинов для отдыхающей публики, Таня успела уже довольно далеко уйти по одной из улиц, которые без всякой надежды пытались штурмовать Машук. Название улицы — Карла Маркса — настолько не соответствовало здешнему аристократическому кварталу, что хотелось в принудительном порядке дать ей имя Лермонтова, тем более что замыкалась улица музеем поэта.

Когда Таня скрылась за воротами бывшей усадьбы генерала Верзилина, я внутренне усмехнулся. Трижды за несколько дней посетить один музей — это, скажу я вам, чересчур. Зайдя под навес, где собирались туристы, хотя ни малейшего признака дождя не было, я мгновенно ее разглядел. Она сидела в тех же джинсах и вроде бы в том же пиджаке, в каких я видел ее в прежние дни. Придумать причину, почему у меня не получилось встретить ее после поездки в Кисловодск, не составляло большого труда.

Вскоре нас позвали на экскурсию, куда мы отправились, продолжая оживленный разговор.

Экспозиция рассказывала о пребывании Лермонтова на Кавказе, точнее, о пребываниях, ибо впервые ввиду слабого здоровья его привезли сюда еще десятилетним ребенком. Впоследствии были две ссылки в действующую армию, которая умирала воинственных горцев.

Мы переходили из зала в зал. То поднимали головы, чтобы охватить разом картины, рисунки, акварели, в том числе подлинные работы Лермонтова, то нагибались, стараясь рассмотреть листы рукописей поэта, стихи и прозу, отрывки из его писем. И при этом мы с Таней чему-то улыбались, что-то комментировали, обменивались короткими репликами. Скорее всего, мешали очкастому пухлощекому экскурсоводу, похожему на Пьера Безухова в исполнении Бондарчука.

И вдруг посреди всей этой круговерти залов, гравюр, прижизненных изданий книг, речей Пьера Безухова, наших колких фраз и неумеренных восторгов — вдруг, говорю, мне пришло на ум: почему я здесь? с какой целью слушаю и произношу разные

слова, за которые потом станет стыдно? и зачем любезничаю с этой приятной, милой, но в сущности... Неужели я влюблен?.. Меня так глупо создали, что этого вполне можно ожидать...

Между тем группа вошла в гостиную дома Верзилиных. Комната оказалась большой и светлой благодаря четырем окнам с широкими простенками; два окна выходили на улицу, два других — во двор. Были тут пружинный трехместный диванчик со спинкой, обитый ситцем, над диванчиком — овальное зеркало, а слева — орехового цвета рояль. Остальную обстановку составляли мягкие полукресла и раскладной стол, половинки которого были придвинуты к стенам.

— Именно здесь вечером 13 июля 1841 года собралось общество: знакомые хозяев, приезжие и местные, главным образом молодежь. Пришли, по некоторым источникам, человек пятнадцать.

Пьер Безухов говорил, и перемещался по залу, и делал широкие взмахи руками, и округлял глаза, и едва не пускался впрыскаду, чтобы показать, каким блестящим выдался вечер.

— Гости Верзилиных, — продолжал он, — рассказывают о том, что произошло позже, по-разному, иногда расходятся в деталях, но все едины в одном: ссора вышла из-за Эмилии Клингенберг. Она сидела рядом с Михаилом Юрьевичем, — он показал на диванчик, — и поэт, по своему обыкновению, смеялся и много острил, в том числе над майором Мартыновым. Тот всегда носил черкеску и замечательной величины кинжал, отчего Лермонтов в шутку так его и называл. И надо же было случиться, что когда один из гостей закончил играть на рояле, — Пьер снова сопроводил свою речь жестом, — в тишине прозвучало «горец с большим кинжалом». Фраза предназначалась лишь Эмилии, однако услышали все гости и, конечно же, сам Мартынов...

— Предлагаю, — шепнул я Тане, — погулять по территории музея, ведь это целый комплекс соединенных вместе усадеб...

— Сейчас самое интересное начинается, — она в упор посмотрела на меня одновременно удивленными и просящими глазами и вновь устремила их на говорливого экскурсовода.

— Подожду на улице, — отделяя одно слово от другого, произнес я и на цыпочках вышел из гостиной.

Возле парадной двери дома Верзилиных стояла металлическая труба пепельницы. Тут же курил мужичок, по виду местный сторож. Ни на секунду не задумываясь, хотя до этого обходился без табака месяца три, я стрельнул сигарету. Третьесортная дымная гадость с запахом сырых опилок тем не менее помогла мне собрать мысли воедино. И первым вернулось недавнее: неужели я влюблен?.. Нет, сказал я себе, ничего подобного. Скорее, симпатия, забава, переключение скоростей... А может, размышлял я дальше, она выглядит в моих глазах непобедимой красавицей, и меня увлекает трудность предприятия... Но тоже ничуть не бывало! Тогда, собственно, ради чего я покидаю кофейню Гукасова, точно там пожар, и мчусь в музей, где меня уже знают в лицо едва ли не все кассиры, контролеры и зрители?.. На самом деле ответ прост — для насыщения гордости. Это чувство, я знаю, не может даже короткое время быть при мне без того, чтоб я не находил ему приложения к действительности. У нее, действительности, могут быть разные имена, правда, исключительно женские. Сегодня ее зовут Татьяна...

Она вышла с таким грустным лицом, словно до сих пор думала, что Лермонтов прожил сто лет и умер дома в постели, а не был убит оскорбленным при дамах майором Мартыновым из дуэльного пистолета на склоне Машука. Я попытался успокоить ее тем, что подобным образом уходят из жизни почти все великие.

— Ты проводишь меня? — голос ее по-прежнему был печален.

— Да, конечно...

Я ответил инстинктивно, продолжая держать в голове прежние мысли. Поскольку держались они крепко, мы шли по улице Карла Маркса в полнейшем молчании, которое не нарушали ни машины, ни прохожие, по-моему, даже птицы не пели. Ее, видимо, это тяготило, а мне, признаюсь честно, было все равно.

— Ты здесь один, без жены? — она покосилась на меня испытующим взглядом.

Помнится, когда этот вопрос прозвучал впервые, я не успел ответить. Теперь же и желания отвечать не было. словно уловив мое настроение, она поспешно сказала: «Уже недалеко, дойду сама», — интонацией и лицом подразумевая, что мне должно проявить себя истым кавалером. Я только пожал плечами, посчитав лишним ссылаться на то, будто меня ждет товарищ.

А товарищ и вправду ждал: он вылезал из экипажа, расплачивался с возницей, когда, заметив меня, поспешил навстречу.

— Не один, а два раза прокатился, — то ли похвастался он, то ли пошутил (его юмор зачастую бывает своеобразен).

— Так понравились дрожки?

— Ужас какой-то! — почему-то радостно воскликнул он и как-то без перехода поинтересовался: — У тебя от княжны такое же впечатление?

— Что еще за княжна? — изумился я до крайности.

— Выражаюсь иносказательно, — он хохотнул. — Ты же сам рассказывал, будто у Лермонтова был образ княжны, ну такой... идеальной женщины. А после он осознал, что это одна беспокойная потребность юности и что даже если идеал найти, он непременно окажется таким, какой нас терпеть не может.

Меня поразили и эти слова, и сложность мысли, учитывая его неизменную страсть к упрощениям, и то, насколько точно он запомнил сказанное мною далеко не вчера. Вот только, подумалось мне, его следует отчитать (а может, просто дать в ухо?) за одну попытку хоть в чем-то сравнивать меня с почетным гражданином Пятигорска. И хотя «почетный гражданин» проник в мои мысли ненароком, определение понравилось, ведь де-факто поэт таковым и был, по крайней мере, никого почетнее, чем он, за всю историю города не сыщешь...

Все это в долю секунды пронеслось в голове, между тем как вслух я сказал, возвращаясь к прежней теме:

— Что такого ужасного в дрожках?

— Прямо кишки выворачивает, — он показал, как именно. — Особенно на булыжнике.

— И сколько стоит развлекуха?

— Цены курортные, заоблачные... Кстати, нет ли желания проехаться?

* * *

У запряженной в дрожки лошади какой-то неверный шаг, отчего седоков то и дело бросает в стороны. Вдобавок дорога плохая, с ямами да камнями. Разговору, однако, это отнюдь не мешает.

— Я задумал большой роман из здешней жизни. Будет там и Тифлис при Ермолове, и его диктатура с кровавым усмирением Кавказа, и персидская война, и катастрофа, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране.

— Экий у тебя размах, Лермонтов!

— Подумаешь! Второй роман — еще более монументальная картина! Представь, смертельный бой двух великих наций с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и, наконец, развязкой в Вене.

Они едут из Железноводска, где Мишель провел несколько дней. Конечная цель пути — Перкальская скала, наиболее глухое место на западном склоне Машука. Там назначен поединок между поручиком Лермонтовым и майором Мартыновым. Несмотря на это, всю дорогу Мишель пребывает в хорошем расположении духа. Как секундант, Глебов не слышит от него ни последних имущественных распоряжений, ни покаянных слов, ни моральных заветов. Наоборот, дуэлянт весел, много шутит и по внешнему впечатлению едет словно бы на званый пир. Единственно, сожалеет о том, что не смог получить отставку от воинской службы, чтобы совершенно предаться литературным трудам.

— Но ничего, дадут когда-нибудь мне вольную... Знаешь, Глебов, я мечтаю об основании журнала!.. Мое твердое убеждение, что нам незачем тянуться за немецким и французским, а надобно иметь самобытное.

— И чем же мы можем отличаться?

— Так о том журнал и будет!.. Я много размышлял, раз уж волею судеб мы оказались на Кавказе, об устройстве и философии азиатского мира. Его жители малопонятны нам, а Европе и того меньше. Но поверь мне, на Востоке зарыт тайник с редкими богатствами! Показать их у нас, показать везде, да в придачу с исконно русским — это ли не назначение современного журнала?..

Вдали пылит что-то неясное, и корнет направляет дрожки ближе к обочине, иначе на узкой дороге не разминутся. Вот встречный экипаж уже близко: это бричка с открытым верхом, без рессор, отчего она то и дело подпрыгивает и дребезжит. От ее шума и пыли из-под колес Мишель отворачивается и прищуривает глаза, как вдруг слышит чей-то знакомый голос:

— Михал Юрьич, какая судьба вас тут встретить!

Остановив кучера, через борт брички перегибается Юрий Павлович. На нем все тот же истертый старомодный сюртук, обтягивающий живот, а на голове, невзирая на дневной зной, шляпа с низкой тульей и широкими краями, которую, чтоб от тряски не слетела, он придерживает одной рукой, в то время как другой с воодушевлением машет поручику.

— Куда путь держите? — кричит он, точно по-прежнему все кругом дрожит и несется.

— Так, прогулка...

— А я в Железноводск, там второй курс лечения, после чего заканчиваю нарзанамы в Кисловодске, — он понижает голос и встает во весь рост, словно бы прислушиваясь к тишине.

— Обычная схема, — без интонации замечает Глебов, а Юрий Павлович, вне всякой связи с предыдущим, обращается к Мишелю:

— Намедни видел вас издали, вы хромали... В порядке ли ваше здоровье?

Недолго думая, Мишель отвечает с комично серьезным выражением лица:

— Сделанный в Ставрополе деревянный протез настолько хорош, что почти скрывает мое увечье.

Собеседник юмора не слышит и в смятении глядит сначала на ноги поручика, а затем почему-то на ноги лошади. В этот момент Глебов, присвистнув, натягивает вожжи и вопит дурным голосом, подобно настоящему лихачу:

— Но, пошла, пошла!

Гнедая кобыла срывается с места, вытягивая дрожки на середину дороги. Обернувшись, Мишель кричит пятигорскому приятелю:

— Я пошутил! Здоровье отличное, проживу сто лет!

Сквозь пыльное облако, теперь уже от собственного экипажа, Юрий Павлович виден плохо, тем не менее его непокрытая голова и шляпа в поднятой руке еще какое-то время маячат в отдалении...

Они уже недалеко от Пятигорска. С утра жаркая безветренная погода меняется: наплывают из-за гор тучи, дует с той стороны прохладой — сперва еле заметно, но с каждой минутой все сильнее, и наконец, при том, что солнце продолжает печь неистово, начинают сверху сыпаться редкие тяжелые капли. А спустя всего-то четверть часа на небе, которое сделалось чернильного цвета, уже сверкают ослепительные молнии, горохом рассыпается по долинам гром, порывы ветра гнут и ломают ветви.

Корнету все сложнее управляться с вожжами одной правой рукой, поскольку левая на перевязи.

— Глебов, дай я возьму.

— Отдыхай! Твердая рука — первое, что для выстрела нужно.

— Не будь так серьезен, Глебов. Все это не более чем анекдот, игра, нервы разве что пощекотать...

— Дуэль, ты считаешь, шутка?

— Смотря по тому, с чем сравнивать... Вот тебе пример: сижу я у себя, пишу — ты иногда видишь, но не знаешь, что именно — и какая часть главенствует, по-твоему?

— Не пойму тебя, поручик...

— Ну, в чем важности больше — в дуэли или в письме?.. Признаться, я и сам толком не знаю. А между тем, Глебов, уверен в одном: письмо-то как раз на эти вопросы и отвечает...

Его мысль переносится назад — на окраину Пятигорска, в мазанку под камышовой крышей. Он сидит за столом и пишет уже несколько часов подряд, он измучился, у него перед глазами круги, копирующие игру светотени в черешневом саду, у него болит со стороны виска, у него болят даже пальцы из-за того, что он по привычке слишком крепко сжимает перо. Но так всегда: чем дольше пишешь, чем сильнее устает, тем получается лучше. Исчезают с глаз шоры, облетает шелуха повседневности, и обнажается сама суть...

Пробегая в памяти все прошедшее, он невольно спрашивает себя: зачем жил? для какой цели родился?.. А ведь, верно, она, цель, существовала, и, верно, было ему высокое назначение, потому что от рождения чувствовал он в душе силы необъятные. Однако он не угадал этого назначения, увлекшись приманками пустых страстей; от их влияния он стал тверд и холоден, как железо, но утратил навсегда пыл благородных стремлений — этот лучший цвет природы и человека!

Из жизненной бури он вынес только несколько идей. И ни одного чувства. Теперь он уже давно не прислушивается к сердцу, а рассчитывает только на рассудок. Взвешивает, разбирает собственные страсти и поступки со строгим любопытством, но без участия. В нем постоянно два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, умрет в старости от инфлюэнцы или погибнет молодым на дуэли, а второй... С ним сложнее. Он существует лишь тогда, когда есть первый, в противном случае у него не останется работы. С другой стороны, если станет исправно выполнять свою миссию — наблюдать, записывать, делать наброски, угадывать грядущее сквозь туманные дали десятилетий, — он будет вечен и добьется вечности для того, кто о ней даже не задумывался.

ГЛАВА XII. СКВОЗЬ ТУМАН КРЕМНИСТЫЙ ПУТЬ БЛЕСТИТ

Всю ночь шел дождь. Его шум звучал в номере отеля «Лацио» так ровно и с такой скукою, что думалось, будто этому не наступит конца. К утру, однако, лить перестало. Установилась та сырая и теплая погода, когда, наверное, проще чувствовать себя рыбой. За окнами, что не находило у меня разумного объяснения, контуры рядом стоявших домов казались размытыми, тогда как далекий горный хребет и более близкий Машук были видны отчетливо.

- Раз видны, — на ходу придумал я, — то и пойдем, как договаривались.
- Насчет Машука это примета такая? — с издевкой поинтересовался он.
- Здесь всегда так ориентируются, — согласился я с его абсурдной версией.
- Кто? — уточнил он.
- Туристы.

Стоило только выйти на улицу, как он снова превратился в нытика:

- Мы что, пешком?
- Можно подъехать две остановки. Но тут совсем близко, дольше трамвая ждать будем.

Прошло минут двадцать, прежде чем до него дошло, что ноги надежнее колес. Мы двигались по центральной улице нашего спального района, которая все время плавно поднималась. Когда миновали подобные пропилям каменные пилоны с изображениями раскрытой книги и арфы, дорога пошла гораздо круче и постепенно втянулась в сосновый бор. И сразу, как часто бывает в горах, с погодой случилась метаморфоза: на вершину Машука нахлобучилась туча и, медленно сползая вниз, достигла подножия горы. Внезапно мы оказались среди плотного тумана, так что видели не дальше десяти шагов, да и друг друга различали с трудом. Нам еще повезло, что мелкий и противный дождь начался незадолго до того, как мы подошли к летнему кафе, откуда, укрывшись под огромным козырьком и заказав чай с бутербродами, мы озирались по сторонам с тем чувством, которое возникает, когда стихия, казалось бы, рядом, а ты наблюдаешь за ней из надежного укрытия.

Несмотря на то, что потоки с небес располагали скорее к медитации, чем к разговорам, мне оказалось не по силам противостоять напору того высокого и трагического духа, каким веяло на нас сквозь туман.

— Нынешний памятник, — я жестом повторил его намеченный в воздухе силуэт, — третий на этом месте. Его поставили к столетию со дня рождения Лермонтова, но из-за Первой мировой открыли только на следующий год. Интересно, что автор монумента скульптор Микешин на открытие не явился, поскольку был против ограды, созданной без его участия.

Анатолий, который шумно попивал горячий чай и всячески делал вид, что в моих комментариях не нуждается, неожиданно высказал чисто практическое соображение:

- Камень-то, похоже, местный...
- Да, это светлый кисловодский доломит, имеющий...

Меня перебил хозяин кафе, хрестоматийного вида кавказец с усами наподобие обувной щетки:

- Слушай, здесь всегда толпа народу. Один автобус уехал, другой приехал. К месту дуэли идут, сюда, в кафе, идут.

Его наблюдения, может, и были по-своему интересны, однако не имели никакого отношения к нашему с Анатолием разговору. Тем не менее исключительно из вежливости я спросил:

— Что же сегодня никого?

— Смешной ты человек! Не видишь, что ли? — его рука описала полукруг. — Кто в такой день поедет?

Он еще много говорил — о торговле, туристах, о том, как ему нравятся стихи Лермонтова, — пока я его не прервал, показав на небо, хоть и хмурое, но уже без дождя. К жесту пришлось добавить (нет, не крепкое выражение!) краткое пояснение относительно того, что для путешественников в первую очередь важны новые впечатления.

Когда мы выбрались из-под козырька, Анатолий не упустил возможности проворчать:

— Оттуда было прекрасно видно...

Я промолчал и вернулся к разговору уже возле светло-серого обелиска с бронзовым медальоном в нижней части, на котором был выбит барельефный портрет поэта.

— Сидя в кафе, как бы ты смог разглядеть этот барельеф и этих каменных грифонов на углах ограды? А эти столбики в виде пуль... Знаешь, что они обозначают?

Поскольку ответа я не дождался, пришлось продолжить так, точно к моим словам был проявлен редкий по нынешним временам интерес:

— Мучительная смерть поэта от огнестрельной раны — вот к чему обращена символика мемориала.

Он едко заметил:

— Ты неправильно выбрал профессию, тебе следовало стать экскурсоводом.

— Может, ты и прав. Тем более что нам предстоит еще один туристический марш-бросок.

— Это куда же? — прямо взвился он. — Мы шли на место поединка, не так ли? Вот оно! — свои слова он подкрепил гневно-указующим жестом.

— Так, да не так, — произнес я для самого себя неожиданную фразу. — По дороге объясню. Не бойся, тут недалеко, — я слегка подтолкнул его в нужном направлении.

Медленно, будто лишь по частям можно было показывать себя миру, выполз на парковку автобус. Как раз из тех, подумал я, о каких рассказывал усатый хозяин кафе. Передняя дверь отворилась, и оттуда стали высыпаться крохотные фигурки первоклашек. Они направились к памятнику, похожие в расстилавшейся вокруг пелене на птенцов, которые идут следом за наседкой, то есть за учительницей.

Наш путь лежал вдоль подошвы Машука, огибая гору, если смотреть от Провала, с противоположного конца. Собственно, было две дороги: одна, для машин, немного ниже, и другая, скорее тропа, по которой мы и двигались. Кругом в густом подлеске стояли печального вида деревья с мокрыми стволами и плачущей листвой.

Иногда хмарь редела, разрываясь на летучие клочья, а порой, наоборот, сгущалась до такой степени, что хотелось потрогать, не твердая ли она. Отчего это зависело, не имею понятия, ведь не было ни малейшего ветерка. Правда, опять пошел дождь. Чтобы от него укрыться, мы вышли на нижнюю асфальтированную дорогу, по сторонам которой росли мощные дубы, чьи кроны смыкались надежной крышей.

Так мы осилили еще с километр, когда спереди стал приближаться характерный шум автомобильного двигателя. Голубого цвета «ниссан» еле полз, так что казалось, будто он срывает одну белесую завесу за другой и постепенно в них запутывается. Проводив глазами эту черепаху, мы направились дальше, и он спросил, показывая на бескрайнюю муть, которая заполнила лежавшую впереди низину:

— А все-таки куда мы идем?

— Понимаешь... — я подбирал слова, как подбирают рассыпавшуюся в сумраке мелочь, не различая, какая монета мельче, какая крупнее, — понимаешь, когда в девятнадцатом веке комиссия определяла место дуэли, то почему-то взяли в расчет показания лишь двух пятигорских старожилов, хотя весь город знал, что дрались не там, где мы побывали, а вблизи Перкальской скалы. В последние годы эта версия получила подтверждение в десятках научных работ, так что теперь мемориал стал не более чем символом, не имея отношения ни к местности, ни к исторической правде.

— Где же эта, как ты назвал... Перкальская скала?

— Уже близко, — я хотел показать на навигаторе, где находится конечная точка маршрута, но телефон был вне зоны приема, поэтому пришлось продолжить на словах: — По существу, это не скала, а отрог Машука. Там раньше пролегалла дорога, по которой ездили поправлявшие здоровье из Пятигорска в Железноводск и обратно.

— Ничего не вижу, — он заинтересованно всматривался в то, что можно было назвать огромным куском ваты. В этот момент на экране мобильного наконец-то появилась картинка местности, и я увеличил ее масштаб.

— Судя по всему, чуть ниже и правее метров на триста... Стой здесь, только никуда не двигайся. А я на разведку.

Пробиваться через заросли боярышника, бузины и бересклета, зачастую на ощупь, было малоприятным занятием. Несколько раз я падал на сыром склоне, однажды сильно ударившись коленом о корягу. В конце концов удалось выбраться на небольшую возвышенность, откуда, если бы не поглотившая окрестности дымка, наверняка открылся бы просторный вид. Непонятно, в какой стороне шумел невидимый источник. Поблизости, завиваясь ветками в какую-то немыслимую круговерть, кустарники расходились в стороны, образуя поросшую высокой травой поляну. Где-то тут, промелькнуло у меня, должны были остаться следы от старой дороги...

— Я думаю, господа, на поляну идти нет смысла.

— Полностью разделяю ваше мнение. Не хотят же соперники шагать по мокрой траве и лужам? А здесь, на дороге, не слишком размокло, да и камни почти высохли.

— Единственно попрошу поспешить, в противном случае мы рискуем снова попасть под дождь, и одному Богу известно, когда он закончится...

— К тому же зачем подвергать себя опасности быть застигнутыми случайным проезжим?

— Итак, не пора ли приступить? Господа, вы готовы?..

Я слышу их голоса, вижу, где стоят секунданты, как топчутся на месте привязанные к деревьям лошади, в каких позах застыли противники. Картина настолько явленная, что мне делается не по себе. Особенно когда вдали, освещая на миг вязкое марево, начинает вспыхивать небо и следом доносятся глухие раскаты. Так было и в тот день: молнии сменялись громом, проблески солнца — ливнем, дождь — зябкой сыростью...

Назад, пусть и вверх, двигаться легче — по знакомому пути с примятой травой и погнутыми ветками. Местами, где возможно, я перехожу на бег, все время боясь услышать, как сзади раздастся выстрел. Иногда я даже затыкаю уши, но долго бежать в таком положении невозможно. Мне почему-то кажется, что чем быстрее я поднимаюсь, тем меньше шансов состояться поединку.

Дорога, на которой мы расстались, появляется неожиданно, хотя до этого я пару раз обманывался, принимая за желаемое то выстроившиеся в линию ясени и грабы, то тропинку, отполированную бурными потоками до состояния, похожего на асфальт. Туман заметно спал, но как ни кручу головой в разные стороны, моего двойника ни-

где не вижу. В его поисках прохожу метров пятьсот в один конец, возвращаюсь и потом отмериваю столько же в обратном направлении. Я зову его на весь лес, замираю и слушаю, нет ли ответа, и снова кричу. В окружающей тишине мой голос гудит в верхушках деревьев, и откуда-то издалека глумится надо мной презрительное эхо.

В тумане я не обращаю внимания, а из-за собственного крика не слышу, как сзади подкрадывается автомобиль. Вероятно, водитель замечает меня тоже в последний момент. Я успеваю сделать всего полшага к обочине, перед тем как в сантиметрах от моего лица проносится сначала серебристая машина, а после белый бок прицепленного к ней туристического трейлера.

Когда стихает мимолетный ветер и опять становится тихо, я сажусь на замшелый пенек возле дороги. Странно, но я совсем не переживаю по поводу того, что едва не случилось. Меня по-прежнему волнует одно — куда он мог пропасть? — и лезет в голову самое страшное... Ничто, к примеру, не мешало в мое отсутствие появиться таким же туристам с трейлером или, что еще хуже, автобусу, который перевозит детей... Поди заметь в этом сгущенном молоке...

Комком сжимает горло, так что я не в состоянии освободиться от кашля, который тем не менее лезет и лезет наружу и клокочет пузырями внутри. Я харкаю кровью на землю, еще раз и еще. Но лучше не становится. Найти молитвенное утешение я не успел, позабыв, хоть клятвенно и обещал, сходить в храм. Облегчение могли бы принести слезы, но мне не дано это счастье — плакать. И все же в уголках глаз выступает влага. Мы ведь с ним были от рождения вместе, пусть и составляли две противоборствующие половинки. Если же теперь его нет, так, стало быть, нет и меня. А то, что я продолжаю рассуждать, еще ничего не значит. Вполне вероятно, мысли и чувства отмирают постепенно...

Я опять их вижу, только теперь они чернеют силуэтами вдали. А между тем, невзирая на расстояние, мне понятен каждый из них: князь Васильчиков, корнет Глебов, отставной майор Мартынов и поручик Тенгинского пехотного полка Лермонтов. Они завершают последние приготовления к тому, что представляется обычным делом, после которого недурно будет распить шампанского в честь примирения Мартышки и Мишеля. Им так кажется...

А вдруг эта картина мне только привиделась и на самом деле ничего, кроме горы и тумана, здесь нет?.. Эй, люди, ответьте!..

И хотя единственный, кто постоянно рядом, покинул меня, тогда как других тут попросту быть не может, я говорю в полный голос — без тени сомнения в том, что всегда есть выбор между сырой землей и небесами, просто необходимо поставить опыт. Чтобы принять в нем участие, выстраиваются из века в век огромные очереди, и я обращаюсь к этим отчаянным, которые готовы ради бессмертия пожертвовать жизнью:

— Посмотрите, видите ли вы там, на скале, мужские фигуры, которые явно готовятся к дуэли?.. Послушайте, не ощущается ли запах пороха и конской сбруи?.. Простите, мне показалось или на самом деле только что прогремел выстрел?..

Евгений ЧИГРИН

ВОЛКИ И МОЙРЫ

* * *

А я уже знаю, что вышел в тираж...

Анатолий Кобенков

А я вот не знаю: я вышел в тираж?..

Я вышел к деревьям, к реке и туману,
Мерцаю в метафоре, вижу пейзаж,
В котором, поддавшись дурному обману,

Стоит человек, запустивший в себя
Красивого демона, пахнет айдом.
(Куда там Де Ниро...) Сверкнула волшба,
Из облака выплыла музыка с видом

На берег, залив, на пугающий Стикс?
Заначу обол, чтоб задачу Харону
Банально облэгчить. Сойдет за ремикс.
На рифмах затертых к какому дракону

Взлетаешь и падаешь, чтобы в тираж?..
Скорее, в объятия ангела, чтобы..
Туман расширяется. Это монтаж?
Возможно. Одеты в стильные роботы

И кеды три ангела-вестника высь
Обстали в молчании. Где ваш четвертый?
От Брейгеля Старшего выросла рысь..
А я не пойму: я живой или мертвый?..

Евгений Чигрин — поэт, эссеист, автор 14 книг стихотворений (вместе с переведенными на иностранные языки). Публиковался во многих литературных журналах, в европейских и российских антологиях. Стихи переведены на европейские и восточные языки. Лауреат премии Центрального федерального округа России в области литературы и искусства (2012), Международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских (2013), Горьковской литературной премии в поэтической номинации (2014), Всероссийской литературной премии им. Павла Бажова (2014), общенациональной премии «Золотой Дельвиг» (2016), Оренбургской областной премии им. Сергея Аксакова (2017). В 2021 году стал лауреатом премии «Литературной газеты» и ОАО РЖД «Золотое звено» в номинации «Поэзия». По итогам 2021 года получил Международную литературную премию им. Эрнеста Хемингуэя журнала «Новый Свет» (Канада). Премия учреждена в 2015 году для поддержки авторов, пишущих на русском языке. Является лауреатом премии журнала «Урал» (2021). Живет в Москве и подмосковном Красногорске.

КАК БУДТО ЛЕЗВИЕМ

1

Большую книгу мне принес
С утра Владимир Нарбут,
А что сказал, так я забыл...
(Сзывало солнце всех на пир...)
В той книге складность и хаос,
Ведьмак подвластен ямбу.

2

Ну, это первый! А второй?
Второй ласкает лиру
И смотрит будто фон-барон,
Аидом днешно награжден:
Красавчик модный, молодой,
Здоровье, фарт и силу

3

Мне предлагает, только сдай
Того, Кто много выше...
Послать его бы к тем херам,
Что курят черту фирмам,
Я слышу шепот «Наливай!
Мы все в единой нише...»

4

«Ну нет», — скажу я тем врагам
(Мне улыбнулся Нарбут).
За все коврижки не продам
Того, Кто нам построил храм,
Прошел по водам, облакам —
Мои печали канут.

5

«Но это будет без тебя», —
Сказал мне Заболоцкий
В который раз, с небес взглянув
И все вокруг перевернув...
Втянулась легких муз волшба,
И взгляд любви сиротский,

6

Как будто лезвием меня
Прожег. Обнял крылатый,
И небо встало предо мной,
И облако взошло слезой,
И я отпрянул от огня,
Во многом виноватый.

7

«Да ладно. Грешник. Помолчи.
Не сыпь мне соль на раны...
Когда совсем умрешь — кричи
Из inferнальной ямищи,
О коей баяли грачи,
Теплыни капитаны».

8

А дальше — колокольный звук
Никольского собора.
А воздух жаден и упруг
По воле счастья, Демиург?
И хочется рвануть на юг,
Но полагаешь: скоро

9

Туда, где с Нарбутом В. И.
Немертвый Заболоцкий.
Рай говорит: «Свои, свои...»
Горят болотные огни...
Ты это видишь? Не тяни!
Я вижу край уродский.

10

В руках у них в полкниги — ад,
Эдем в полкниги (сверьте).
В той книге складность и хаос:
Большую книгу мне принес
Поэт, о нем с утра шумят
Незлые птицы смерти.

СТИХОТВОРЕНИЕ С КОРИЧНЕВЫМИ ОТТЕНКАМИ

Ольге Моисеевой-Чигриной

Цвет кофе, больше ничего?..
Цвет кофе
Да книга «Маятник Фуко»,
Зимовье...
А кофе в Дохе помнишь ты
Транзитный?
В порту цвели для нас кусты,
Защитный
Их цвет не рифмовался с тем
Ханом,
Где было все почти эдем
Обоим.
...Вовсю коричневые сны,
Там снова
Встают свиданий наших дни:
Вишнево.
Могáно, знаешь этот цвет? —
Коньячный.
Любовь оставила свой след
Не мрачный.
Была ты — горький шоколад
И — вечер,
Тянулся к нам нескучный фарт,
Как крейсер,
Который тянется всегда
Туда, где
Вербует море. Нет и да...
Во взгляде
Морей читается любовь
К походам.
Расклад прекрасный приготовь:
По водам
Пройди и снова повтори —
Возможно?..
Не уходи в тартарары,
Тревожно...
Кирпичный дом нас согревал
Для счастья —
Неубиваемый причал
Участья.
Камелопардовый закат
По цвету
Чудного зверя, помнишь над...
Монету

Подбросила ты вверх тогда.
Удача
В тебя смотрела, осветя,
Маяча...
И все. Коричневый финал.
В развязке
Засну под музыку кифар,
Как в сказке.

* * *

Вот ты и скинул личину подонка,
Снова какой-то нелепый мальчонка,
И без разборок подруги твои
Быстро слиняли, бирюльки не снявши,
Да прихватили последние башли,
Выкурив счастье и выпив чай.

Помнишь, как скалили девочки зубки,
Красили губки и мерили юбки,
Самоуверенно клубам грозя!
Так намахались хвостами по-лиси,
Диву давались осенние выси,
Где эти крысы? Пардон, так нельзя

Ни говорить, ни писать? Я запомню.
Свежий закат распахнул свою домну,
Что там еще? Обнаружился сквер.
Золотом вытянул старые ноги
Клен, что живет в простодушной тревоге,
Ворон вороне украл камамбер.

Вот и его объявили героем
В стае вороньей... Включился гобоем
Ветер, и плачет барочный концерт:
Тем и живет Алессандро Марчелло,
С этим адажио быстро стемнело:
Не задохнись от тоски, интроверт.

Или — уйди, не споткнувшись о рифму,
К лестнице неба, к небесному лифту...
Тени двоятся в глазах у зверей,
Ты их не видишь, но чувствуешь — рядом
Сны и химеры влачатся к кроватям.
Так ли сказал флибустьер Бармалей?

Так ли, не так — это лишь небылица,
Бедный старик никому не приснится,
Волк одинокий, иди умирать.

Дальше, не скрою, не знаю финала.
Кто ты? — животное, облачко дара.
В пятнах луны растянулась кровать...

ПЛАТКИ МАГРИТТА

Когда хвосты туманы распускают,
И апельсины-фонари моргают,
И призраки к иллюзиям текут,
Вздыхают мойры над младенцем чьим-то,
В кофейнях пьют глинтвейны и мохито,
Сильнее ощущается абсурд

Того, что называют жизнью... Кто ты?
Дотронешься: не легкий и не твердый,
Ни мертвый, ни живой — не отличить.
Живой тоскует в трепаном костюме,
Луна, что, видно, вымазалась в умбре,
Едва заметна. Хочется не жить...

В тумане все двоится и троится.
«И кто кому тут снится и не снится?» —
Огромный призрак мелкому сказал.
Услышали коты: так им пристало
Мир параллельный понимать немало.
Зарос безлюдьем каменный бульвар.

Абсурдность жизни тянется туманом,
На тонких ножках хорошо обманам
Входить в подъезды, говорить «привет»
Тем душам, что попали в их капканы,
В которых метки inferнальной дряни
И родственные тени прошлых лет.

Тень номер пять племянница? А подле
Другие две сулят прикончить в пойме
Тебя и мойрам на съеденье дать.
Ты спутал мойр с волчицами? В тумане
Взлетает ящер в ящике-обмане,
Качается над пропастью кровать

С любовниками, головы их скрыты
Платками от Магритта. Точно титры,
Плывут три тучи, наклоняя край...
Разносят ведьмы доброту и мерзость...
Все состояние автора — отдельность,
Бывает так? Как хочешь понимай.

КВАРТИРЫ

В квартире номер восемь ссора, холод,
Хозяйка мужу: «Ты давно не молод,
С развитием твоим засада: пень!»
Огни в глазищах, разметались патлы,
Развитие ее волнует? Вряд ли.
В окне рукою мрака вытерт день.
А в пятой старики молчат который?..
По телику: «Бабло ушло в офшоры,
Виновника порвали на куски...»
Мир в ящике и мир в однушке разный
Настолько, что и маразмат несчастный
Сравнение не принял бы. Тоски
В девятой столько, что удавка рядом.
На ком она? Загадка. Буду гадом,
Не раскушу, пусть думает следак.
Там стынет тело, радио играет
Дебильный марш, как будто понимает,
Покой и тишина на этажах.

Ну вот и хорошо, что я не в курсе...
Она уйдет к студенту, в этом пупсе
Отыщет счастье, негодяй ее
По миру пустит, сделав двойню: двойня
В конце концов окажется не дома —
В приюте на окраине. Жулье
Квартиру стариков отнимет. Что там
Случится дальше, судя по доходам,
Нетрудно догадаться, милый друг.
Нас тоже в Книгу трех сестер запишут,
Не стоит удивляться, сносит крышу,
Не зря же мойры любят больше юг.
В могилах будут черепа и кости,
Но это завтра, нынче ходит в гости
Без спросу осень, как в мультфильме тот,
Что мед любил, да разве я об этом?
Теряю жизнь, и за Морфеем следом
Меня уводит призраков эскорт.

ИАНА

1

В желтой куртке вошла в объятьях
Свежей ночи, вкрутилась над
Деревами в песочных платях...
Вышла к лесу водить дриад,

Что возникли из капли крови,
Тех, кто к смерти готовы, как
Люди глупые, дрофы, совы,
Темнотою раздутый Страх.

Королева манипуляций,
Самый черный рефлекс волков,
Мастерица галлюцинаций,
Селенологов семь томов

Ненаписанных?.. В цвет оливы,
В ядовито-зеленый цвет —
Обернулась Диана, в рифмы,
Дальше — больше — в кувшин легенд.

Все слова для простых и лучших,
То есть смертных. Диана нам

Ближе, если из всех нескучных
Сказок выбрать (скажи, Сезам).

«Передышка в глухую пору...» —
Вот что пишет богиня Д.,
Не подвинувшись к монитору,
На случайном, как жизнь, холсте.

Потому (не по теме вставляю)
Кошки прячутся при луне,
Что любая (пускай на каплю)
С миром демонов на волне

На одной, посмотри в глазища,
В перевернутый влипнешь мир:
Здесь уместна любая притча
Про пушистых обжор, проныр...

Потому и пишу курсивом,
Что под лампой богини лес
Посылает сигналы мифам
До каких-то седьмых небес.

В остальном под Дианой было
Трафаретно до тошноты.
Тянет музыку, типа, лира —
Траектория доброты.

2

...Осмотрелась Диана, села
На бесшовную гладь реки.
Собеседница Люцифера
Химерические мозги

Напрягла, и — река, как в детстве,
Испугалась, хотелось ей
В тихом озере отсидеться,
В сновидениях, где Морфей

В черномаковом распластался...
Многоточие... Ветра всхлип.
Посмотри, на лице пространства
Недочитанный манускрипт.

Анатолий БУЗУЛУКСКИЙ

НЕЖНОСТЬ ПУШКИНА

Стихотворения в прозе

КНИГИ

Я из тех, кто всю жизнь покупает книги.

В юности я не сомневался, что рано или поздно все эти книги я прочту.

Теперь, покупая какой-нибудь фолиант, я понимаю, что не прочту его уже никогда.

Я отговариваю себя покупать очередную новинку. Но опять и опять покупаю. Книжки смотрят на меня. И я смотрю на них. Ночами они спят, как и я. Они и днем спят. Многие, как медведи, по полгода. А то и — годами. Они разуверились во мне так, как разуверятся друзья, женщины, дети. Эти глазастые корешки были свидетелями моей жизни.

Но некоторые еще я прочту. Какие именно?

НЕЖНОСТЬ ПУШКИНА

Только я успел сказать про особую нежность в пушкинском «Евгении Онегине», как у моих учеников сразу загорелись глазки. Нынешнее юное поколение, слава богу, чувствительное. К следующему занятию они отыскали все производные от слова «нежность», которыми столь старательно пересыпан роман Пушкина.

Мы договорились, что нежность у Пушкина — это растущая симпатия, растущее чувство. Нежностью подготавливаются долгожданные изменения в человеке. Как бы нам ни мил был Онегин, его страсть поначалу звалась не только наукой — она была нежной. Нежность накапливается в душе, становясь залогом преображения.

— А вот Татьяне и накапливать ничего не нужно было, — говорили мальчики (они отвечали за Татьяну). — Потому что она «от небес одарена... сердцем пламенным и нежным».

— Но Евгений внутренне рос, его нежность росла, — парировали девочки (они звались защищать Онегина). — Вот послушайте:

Я вас люблю любовью брата
И, может быть, еще нежней.

Анатолий Бузулукский родился в Самаре в 1962 году. Окончил филфак Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Автор книг прозы «Время сержанта Николаева» (СПб., 1994), «Антипитерская проза» (СПб., 2008) и публикаций в журналах «Нева», «Знамя», «Звезда», «Волга», «Новая Юность», «Интерпоэзия» и др. Лауреат премий им. Гоголя и журнала «Звезда». Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

Или — в переломный момент:

Но как-то взор его очей
Был чудно нежен...
...
Но взор сей нежность изъявил:
Он сердце Тани оживил.

— Да, а что вы скажете на это? — оживлялись мальчики. —

Что над любовью робкой, нежной
Так подшутил вечер небрежно.

Подшутил ваш Евгений.

— Разве он в этом не раскаялся? — вступались девочки за Евгения. —

Случайно вас когда-то встреть,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел.

Мальчики зашумели:

— А напрасно. Искре, искренности только и надо верить.

Что в сердце вашем я нашла?
Какой ответ? Одну суровость.

А суровость — антоним нежности.

— Легко быть умным задним числом, — не сдавались девчонки. — Ваша Татьяна тоже хороша! Что случилось с ее нежностью?

Как изменилася Татьяна!
...
Кто б смел искать девчонки нежной
В сей величавой, в сей небрежной
Законодательнице зал?

...Мне захотелось напомнить еще об одной нежности Пушкина в этом романе. Я сказал:

— А ведь нежностью окутан и Владимир Ленский. Стих его назван «нежным». Он сам — «нежней, как мотылек». В Ленском, как и в Татьяне, — нежность изначальная, природная — как мотылек.

— Нежность только и может быть природной, естественной, — не сомневались мальчики.

— Нежности надо верить, — смирялись девочки. — Нежности во взоре. Не нежным речам, а нежным очам.

— Вот-вот. Наконец-то. Дошло до них! — вдруг праведно загудели мальчики о чем-то своем.

ТРИ ДРУГА

В юности нас было трое друзей. Склонные к теоретизированию и известному максимализму, мы настолько благоговели перед самим фактом наших товарищеских отношений, что пришли к выводу: именно союз трех людей составляет основу идеальной дружбы. Дескать, когда друзей двое, каждый из благородства намеревается уступить другому, оставляя себе меньшее. Рано или поздно кто-то из двух становится первым, ведущим. Жертва, считали мы, хороша, но равенство — выше. В конце концов, ликовали мы, и мир держится на трех китах. Если бы старый советский фильм «Верные друзья» не был бы для нас таким уж старым, допотопным, мы бы и его причисляли к доказательствам нашей идеи дружбы. То есть мы были друзья — не разлей вода, первокурсники-кореша — Женька, Андрей и я. Нас так и звали по-ремаркски — «Три товарища».

Через год я бросил учебу, перебрался в Ленинград, поступил там в пединститут, получил диплом учителя, собрался жениться. Андрей после первого курса ушел в армию, попал в Афганистан. Только Женька окончил университет в родном городе. Я прилетал домой на каникулы, встречался с Женькой, говорили об Андрее, который стал теперь среди нас словно старшим. И словно одним из двух, а не из трех. Мы с Женькой улыбались друг другу виновато. Двустороннего диалога и прежде не получалось, но когда появлялся третий, кто бы им ни был — Женька, Андрей или я, то общение становилось свободным и сердечным...

И вот спустя несколько лет мы с Андреем сидим у воды, у нашей городской речки на закате. На скамейке — поллитровка водки и колбаса. Раньше нам хватало вина. До Женьки не дозвонились. Андрей сообщил, что Женькина жена родила ребенка с серьезной патологией и Женька теперь избегает с кем-либо видаться без существенных причин.

Андрей всегда был степенным, кажется, родился таким. Но теперь его осанистая насмешливость становилась недоверчивой. Пили из раскладного стаканчика, смотрели на речку, к надкусанным огурцам не притрагивались. Солнце только начало заходить, а мы уже устали друг от друга. Андрей говорил о незаконченном ремонте в ванной, а мне все сильнее хотелось целоваться со своей красавицей невестой.

Вдруг Андрей спросил: «А тебе хорошо там, в культурной столице? Ты был среди нас таким весельчаком». — «Да и ты тоже не отставал», — сказал я. «Не отставал», — согласился Андрей. Я было хотел спросить его об Афганистане, но прикусил язык: почему-то казалось, что ему неприятен Афганистан еще и тем, что последние армейские полгода он провалялся в кабульском госпитале не с боевым ранением, а с каким-то обычным недугом.

Вдруг я зачем-то произнес: «Я хочу признаться тебе, что свою новую повесть написал из конъюнктурных соображений. Поэтому ее и опубликовали». Странно, что я это сказал, я совсем так не думал. Напротив, мне казалось, что моя повесть получилась — и получилась именно потому, что я ее писал честно.

«Как ты так можешь? — возмутился Андрей, и его возмущение было радостным. — Мы думали, ты настоящий писатель». От разочарования он начал качать головой, как от стыда. Я не ожидал, что Андрей примет на веру мое самоуничижительное признание. Я ожидал обратного, что Андрей приобнимет меня и скажет: «Ты брось на себя наговаривать, брат. Повесть я твою прочитал. И она хорошая».

Вскоре мы попрощались. Получилось, что навсегда. Андрей уходил плотный, победный...

Теперь я говорю своим ученикам, что с темой дружбы что-то случилось в поэзии двадцатого века. Поэтому у Евтушенко: «ко мне мой старый друг не ходит», и Высоцкому нужны доказательства дружбы. А вот Пушкин ни в каких доказательствах не нуждался.

СОН

WhatsApp пискнул зычно — разбудил меня посреди ночи. Пришло сообщение от дочери: «Долетели хорошо». Я ответил: «Приятного вам отдыха». В Арабских Эмиратах — жарко, детям отрада. Очень хотели в Дубай, в местный диснейленд.

Долго не мог уснуть вновь, улыбаясь в темноте внукам. А когда сон сморил, сам оказался в далекой и чуждой стране. Помнил, что изначально весь скарб, документы и деньги хранил при себе. Но теперь был словно опоенным, невменяемым, не держался на ногах от растерянности и потерянности. И догадался, что всего лишился. Ничего рядом не было. Рядом, на скамейках в аэропорту. Надо вылетать домой, а не могу. Стоял, покачиваясь, оглядывался по сторонам, ударял себя по лбу, всплескивал руками. Никакого решения — только отчаяние. И вокруг — понятливые ухмылки. А подростки попросту прыскали со смеху. Хотя бы у одного человека вспыхнул в глазах сполох страха за меня!

Однако стали приносить отдельные мои вещи: пиджак с вывернутыми рукавами, солнцезащитные очки, томик стихов Давида Самойлова, дорожный несессер с дезодорантом и зубной щеткой... Я даже стал благодарить — так смычок съезжает в финале неуклюже...

Медленно продирался после такого сна сквозь отчетливую плотность яви. Понимал, был там лишним и посторонним. Знал, что свою никчемность и утлость заслужил. Один многодетный отец, коренастый, как мой зять, там, в аэропорту, смотрел на меня в упор неосудительно. Это было как краткое объятие. Я ответил ему глазами: «Ты молодец — сколотил семейство...»

Расплачиваюсь снами за нравственный выбор, за недонравственный недовыбор. Улетел или не улетел? И если остался, то где я теперь?

...Уснул на рассвете. Ах, какая во сне теплота на рассвете!

СЕСТРА — МОЯ ЖИЗНЬ

Пока было у кого спросить, я не спросил, отчего умерла в пятилетнем возрасте моя сестра Галя. Умерла задолго до моего появления на свет. Я же был рожден для того, чтобы в нашей семье вновь стало два ребенка — мой старший брат и я. Два не один — так надежнее родительскому сердцу. Я живу словно вместо нее, словно она пожертвовала собой ради меня. Мама — человек словоохотливый, однако не любила распространяться о смерти дочери. Отец об этом грозно молчал, даже выпивши. Он ждал на Галино место вновь девочку, новую девчоночью нежность, равную прежней. Матери же было важно, чтобы попросту было еще одно дитя. Единственное, о чем рассказывала мать, что умирающая Галя просила отца отнести ее на взгорок рядом с поселком. Кажется, отец нес ее не только с мукой, но и с какой-то особой гордостью за дочь — покидающую наш мир мудро, по-взрослому. Почему Галя любила этот взгорок, что она хотела увидеть с него? Наверное, она утешала отца: «Папа, плачь — не бойся! У тебя

хорошие слезы, они как от ветра». Отец послушно и решительно улыбался ангельской кротости дочери. Быть может, она потянула отца сюда не для себя, а для него.

У сестры был взгорок. А у меня первое воспоминание о жизни связано с оврагом: присев на корточки, я, трехлетний малыш, взираю вниз с края оврага на темный сырой мох. Собственно, овраг — это взгорок наоборот. Но наоборот ведь. Как хорошо, что я не совсем я! Без этого, Галиного, участия в моей жизни я был бы еще хуже, еще ниже.

Мне кажется, что отец полюбил меня всем сердцем только перед самой своей кончиной. Он искал мою руку и словно разрывался между мной и Галей. Отец закрывал глаза и начинал шевелить губами, как в долгом велеречивом сне. Если в этом сне и говорила что-то Галя отцу, то не о себе — обо мне. Мать сказала: «Как будто хочет, чтобы его вынесли на воздух, на улицу». Открыли окна настежь, придвинули кровать с отцом к подоконнику. Отец выше и выше стал поднимать подбородок из последних сил...

РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ

Я разговариваю с самим собой, как с сыном:

— Почему мне снятся такие страшные и непотребные сны? Сегодня во сне я с матерью — в каком-то школьном актовом зале. Он ломится от подростков, хохочущих, матерящихся. Мы с мамой — где-то на задворках. Почему-то я сел позади нее по диагонали, а сразу за ней и по соседству со мной устроился вертлявый юнец. В зале стоял какой-то грязный гвалт. Но я расслышал поблизости отвратительное хихиканье девиц, компании этого юнца. Я увидел гадкое и невообразимое, что даже язык не поворачивается описать: юнец ногами в огромных кроссовках вдруг задрал юбку моей матери. Именно это показалось смешным его подружкам. Показалось не паскудным, а смешным. Я схватил его за горло. Он вырывался, хрипел: «Отпусти, я ударю тебя ножом». Я зачем-то вдруг произнес: «Сейчас я тебя так ударю, что это будет ударом судьбы». Все стихло, и я проснулся. Зачем я произнес эту дурацкую театральную фразу? Разве это я должен был изрекать в тот момент? Я должен был придушить его — дядя молча.

Сын:

— Ты думаешь, папа, другим подобное не снится? Нужно отмахиваться от таких снов. Представляешь, что будет, если все люди начнут придавать значение снам?.. А что ты вчера вечером делал, от чего у тебя были самые сильные впечатления?

— Я листал альбом Петрова-Водкина, смотрел его Богородиц, портреты матерей.

— Ну вот...

— Не переводи, сынок, пожалуйста, разговор в сферу психоделики. То, что мне приснилось, страшнее всяких объяснений... А вдруг ей там стыдно за меня? Вдруг я что-то делаю не так?

— Ну, папа!

ТАТУ НА ЛИЦЕ

Его девушка — ему:

— У тебя в комнате так пестро — аж в глазах рябит. Как на лугу — занавески в цветах, корешки книг, поднос с восточным орнаментом, картина — натюрморт, фотогра-

фии, шелковый халат с гербами, иконы. Но иконы спокойны и этим хороши. Потому к тебе и синичка желтогрудая прилетает.

- Не, она поклевать зернышек тыквенных прилетает.
- Изумрудных.
- Я вот думаю свести татушки с лица, — сказал парень.
- А я уже к ним привыкла. У тебя ведь там не какая-то хрень — а со смыслом.
- Ты прикалываешься — со смыслом?

Она нежно поцеловала его тату на лице: под левым глазом «Не вижу», под правым — «Смысла» и две того же синего цвета слезинки.

- И главное — нигде на теле, только — под глазами, — улыбнулась девушка.
- Зачем скрывать?
- А сейчас готов скрыть или смысл нашел?
- Не нашел.
- А меня?
- А тебя нашел... Не нужно на лице, даже если это и правда. Пусть будет все внутри.
- Ты мне сам говорил, что они как клеймо у каторжника, как тавро у коня. А еще — про сигнатуры.

- Не, сигнатуры — это ведь не по собственной воле... Ты ведь и сама не хочешь их?
- Не хочу. А вдруг ты еще в чем-то переменишься?
- Не, к тебе не переменюсь...
- Я знаю.
- Если нужно знакам каким появиться, они появятся.
- На теле?
- Да где угодно. На теле, на небе, в душе.
- А что я целовать буду?
- Найдем, что целовать.

ГНЕВ

Отец поругался с сыном. Теперь мучился. В голове крутилось: вот тебе и гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына.

Час беседовали миролюбиво, даже когда разговор касался политики. Отец ждал, когда сын вспомнит, что обещал *в следующий раз посмотреть компьютер — чего он у тебя плохо грузит*. Сын засобирался. Отец: «Не посмотришь компьютер?» Сын включил ноутбук — тот еле-еле ворочался. Сын вздохнул: «Давай в следующий раз, пап».

Сын одевался в прихожей. Отец сдерживал раздражение, произнес негромко, неровно, задыхаясь: «Когда тебе что-то надо, клещами выдерешь». Сын отставил в сторону ботинок: «Ты в своем уме?» И тут у отца гнев пошел горлом. «Не смей так со мной разговаривать!» — повысил он голос, покраснев. «И ты не смей так со мной разговаривать», — выпалил сын. Слово — за слово. «Не приходи больше сюда», — сказал отец беспощадно...

Теперь отец молил Господа за то, что тот удержал его от непоправимого: желания рукой подтолкнуть сына к входной двери. Сын бы ответил — грубо отвел бы руку отца.

Гнев изнемог, когда дверь за сыном захлопнулась. На кухне отцу первым делом бросилась в глаза подставка с ножами. Отец опустил веки, сжал лицо руками. Хотелось еще чем-то укрыться с головой, отгородиться. От кого? Не от сына же?

Вдруг всплыл в памяти недавний сюжет из новостей: старый отец убил взрослого сына, когда отмечали его день рождения вдвоем, расчленил именинника и бросил части тела в реку. Родное тело, кровное, неотторжимое, свое...

...Вечером отец позвонил сыну, сказал: «Извини, сын». Впервые не сынок — сын. Мгновенно услышал благодарную мягкость в ответных извинениях. Сын слегка робел — кажется, еще что-то мешало его оттаявшей душе.

Отец смотрел на фотографию сына маленького. «С какой радостью он встречал меня с работы! — вспоминал отец. — Ложился теплым комочком к моему боку, почти не дышал, чтобы не мешать мне слушать музыку. Так мы научились слушать музыку вместе... Наверное, теперь мы будем стесняться друг друга из-за чувства взаимной вины. Но научимся улыбаться этому смущению близких людей. А когда будем порой, прощаясь, обнимать друг друга, я буду тихонько поглаживать сыну плечо. Он жалеет меня, как прежде».

ПОКАЛЕЧЕННЫЕ

Последний год все чаще встречаю в общественных местах совсем молодых мужчин-калек — кто без руки, кто без ноги, колясочников. Похоже, участников СВО. Одно успокаивает: протезы им ставят современные, технологичные, бионические. После Великой Отечественной войны безногие инвалиды-фронтовики передвигались по улицам на самодельных каталках, отталкиваясь от земли какими-то деревянными колодушками. Хорошо, хоть наши юные ветераны — не у земли, не под ногами.

Не успел подумать об этом, в трамвай поднялся двадцатилетний парень, придерживая правой рукой свою искусственную левую. Кажется, протез был временный, сугубо косметический, из медицинской, рыжей резины. Вагон наполнился деликатным состраданием. Престарелая женщина попыталась уступить место парню. «Ну что вы, — улыбнулся он. — У меня же не ноги нет — руки».

Улыбка у него была хорошая, добродушно терпеливая. Никогда не встречал молодых людей с такой мягкой улыбкой. Мне хотелось подойти к нему и тихонько спросить: «Оттуда?» А вдруг он скажет: нет, не оттуда. А если и скажет, что не оттуда, неужели я разочаруюсь? Словно в таком случае мне нечего ему будет сказать. Да то же самое и сказать, как если оттуда. Поддержать, пожелать здоровья. Но он — оттуда. Потому что глаза у него, как оттуда — теплые, спокойные, ясные. Он догадался, о чем я хочу его спросить, и опустил веки в знак подтверждения. Поэтому и спрашивать ни о чем уже не было смысла. Его улыбки было достаточно и мне, и другим. Вскоре он вышел. Старушка сказала соседке: «А я своих бандеровцев тапком бью». — «Каких бандеровцев?» — решила уточнить другая пассажирка. «Тараканов. Опять появились — коммуналка. Больше ничто их не берет — только тапком».

НЕ ЗА ЭТО (из дорожного разговора)

— Христа они не любят еще и потому, что он до сих пор хранит Россию и русский народ. Дескать, что это за Бог, который спасает такой, с позволения сказать, несуразный этнос! Мол, за что нас хранишь — понятно. Их-то за что спасаешь — этих ничтожных русских? А вот за это-то и спасает.

— Не за это. Думать так о себе — гордыня. Вот и приходится нас спасать.

ЭКСПОЗИЦИЯ

Августовский вечер. Я брожу окрестными дворами, чтобы еще раз убедиться: какие мы все-таки хорошие — русские люди. И осетины, и чеченцы, и армяне. А евреев от нас и вовсе не отличить. И какие мы, оказывается, не крикливые — тихо вокруг. Автомобили встали на прикол до утра. Обитатели дворов погружены в собственные мысли. Но нет-нет да оглядываются на прохожих.

Девушка с розово-белыми волосами хохочет беззвучно, снимает на телефон своего парня-крепыша. Он невозмутим. Так и будет любить невозмутимо.

Два пацана (лет по тринадцать) мчатся на велосипедах. Один — другому:

— Мне нравится с ветерком.

— Мне тоже. Прикольно.

Кто первым ввел это «прикольно» в речевой обиход? Ведь был же первый, автор, как у всякого неологизма. Я не употребляю это словечко, хотя оно уже перестало меня раздражать. А в обнимку «с ветерком» даже радуется.

Ленивые птицы топчутся у шеренги электросамокатов.

Женщина наклонилась над клумбой. Другая, в темных очках, что-то ей увлеченно рассказывает.

— Бог в помощь! — перебиваю я. — Какие у вас цветы!

Удаляюсь. Та, что в темных очках, роняет:

— Общения не хватает.

— Всем нам чего-нибудь не хватает, — вздыхает ухаживающая за цветами...

Вдруг приходит нехорошая мысль: все это августовское затишье — экспозиция к грозной развязке. Не знаю, какой она будет. Страшной, потешной? Никто больше не будет отмалчиваться с покровительственной нежностью. И я хочу разговора начистоту...

ПРИЗНАНИЕ ПОЭТА N

Поэт N в этот вечер читал свои стихи самозабвенно. Публика, заполнившая конференц-зал новой городской библиотеки, была очарована его высоким баритоном и чеканной дикцией. Он был немолод, но щеки его пунцовели сквозь белесую щетину. Загадочно звучали его стихи о птицах. Это были истории о живых и реальных синицах и снегирях, лишенные аллегоричности, но таинственные по какой-то иной причине.

N отвечал на вопросы грустно, но без доли усталости. Этим он подкупал — что рассуждал бодро, подробно и не сбиваясь. Иногда чутких поклонниц так поражала точность концовки того или иного стихотворения, что они уже начинали тосковать по будущим и еще не написанным строчкам N.

И вдруг случилось непоправимое. Никакой блик с колокольни в окне, никакой закатный луч, никакой косой взгляд из зала не коснулись лица поэта, но оно вдруг побледнело и исказилось от боли. N стал говорить убежденно, словно не чувствуя слезы в глазах: «Я не тот, за кого себя выдаю. Во-первых, я сегодня понял, что не верю в Бога. Я стыдился отца, когда он был жив, а теперь стыжусь своего сына. Я говорю, что женат, хотя уже много лет как разведен. В юности я не возвращал книги друзьям, и таких книг скопилось немало. А сегодня я отказался помочь голодающему. Я сидел в кафе, куда вдруг зашел бомж и попросил меня купить ему чая. Я отвел глаза, сделал

вид, что не расслышал, о чем он просит. Чай этому бедолаге оплатил юноша за соседним столиком. А я поспешил ретироваться и еще бубнил себе под нос, что великодушные этого юноши показное — ведь рядом с ним была его девушка...»

Н шел от библиотеки в сумерках быстрым шагом. Но можно было и не спешить: никто его не преследовал. Но все равно хотелось провалиться сквозь землю. Голуби иногда путались под ногами. Он осознавал, что шагает не в пустоте. Если он и ощущал себя чистым, без чего не обходится ни одна явка с повинной, то все-таки это была какая-то призрачная чистота: некий жест сопровождал его признание. «Хотя бы потому, — настаивал он, — что всякое публичное саморазоблачение есть жест. А непубличного саморазоблачения не бывает... Утром я проснусь и начну сомневаться: а было ли это со мной, все это было ли со мной когда-нибудь? Да, было именно так. А по-другому и быть не могло».

ТУРГЕНЕВ

Я говорю своим экспрессивным ученикам, что напрасно они отодвигают Тургенева на второй план. Мне тоже это было свойственно в юные годы, полные крайностей. Как же я был неправ! И мне подсказывал мой учитель, что чище русского языка, чем у Тургенева, ни у кого больше нет. Я пропускал мимо ушей слово «чище». А именно чистота прежде всего и требуется языку, речи, литературе. Прозрачность Тургенева мне казалась тогда скучной, легкодостижимой. И еще мы часто относимся с прохладцей к автору «Отцов и детей», потому что занимаем сторону Достоевского в их с Тургеневым странном неприятии друг друга. Какая, дескать, может быть глубина у Тургенева в сравнении с вселенской глубиной Достоевского?! А вот такая — незамутненная, тихая.

Мне не переубедить с ходу моих талантливых учеников. Их скептицизм понятен, они подозревают, что мой поздний пиетет к Тургеневу имеет сугубо психологическое объяснение: мол, я, разменяв седьмой десяток, увидел в Тургеневе родственную душу в его «Senilia», в этих размышлениях пожилого человека.

Придет время, и мои ученики перечитают Тургенева, те же изумительные «Записки охотника», и согласятся со мной. В этом и состоит основной закон педагогики — закон отложенного понимания сути вещей. Порой отложенного — на целую жизнь.

Александр КУРАПЦЕВ

* * *

Парк всего одиночества —
самый спокойный парк,
все бывшие и небывшие
с гербариями в руках,
тонкие и прозрачные,
радуясь и кружась,
приходят и дарят прошлое,
сколько кому не жаль.
Засохшие листья памяти
по-старому шелестят,
бывшие и небывшие
о сбывшемся не грустят,
но радость их тает, тает,
мгновение погода,
они устают кружиться
и молча глядят, глядят.
И в свете фонарном блеклом,
как в невесомом сне,
друг друга не узнавая,
расходятся в тишине.
Тени ли, наважденье
или фантомная боль...
Я был в этом тихом парке
и видел себя с тобой.

* * *

Проводница провожает взглядом разных
Пассажирообразных
Пассажирообразные проводницу съели бы тут как тут
Но другой не дадут
Она улыбается им нежно и ласково
Под марлевой маской
Разливает чай горячие вкусные
А глаза грустные-грустные

Александр Курапцев родился в 1981 году в Донбассе, с 2014 года проживает в Санкт-Петербурге. Пишет стихи, песни, рассказы, выступает как автор-исполнитель. Член Межрегионального Союза писателей (Донецкое отделение). Участник ЛИТО «Пиитер». Один из авторов коллективного сборника о войне в Донбассе «Строки мужества и боли» (2015), участник съезда Международного сообщества писательских союзов в составе делегации поэтов Донбасса (Москва, 2015), XXXII Конференции молодых литераторов Северо-Запада (2016), сборника гражданской поэзии «Донецкий кряж» (2021) и антологии «Великий Блокпост» (2022).

Раздает вздыхая билеты-квитанции
Теплая и простая
Вот вы все сойдете сейчас на станции
А я останусь

* * *

вагон вагону брат	стучит гремит скрипит
и тягловая сила	но мы его не слышим
всеведущий ведущий	гадаем о своем
упрямо и насильно	храпим и громко дышим
а мы вагону кто	и сонный проводник
немыты и небриты	с улыбкой грустной постной
чаи гоняем в нем	нам выключает свет
живем как паразиты	и звук и сон и воздух

* * *

Идешь такой по городу спеша,
и все вверх дном и задом наперед,
спускаешься в подземный переход,
а там —
Иван-душа.

Бездонные, бездомные глаза.
Откуда ты, родимый, и куда?
Кругом вода и времени беда,
закрыт
базар-вокзал.

Я из него, из них и из тебя,
стою, пою у бездны на краю,
как жили мы и корчились в раю,
любя
и не любя.

Ведь мы родные братья пустоты,
красивые и тихие, как снег,
и говорим во сне, и слышим смех,
поём
и я, и ты.

Кладешь монеты мелкие в чехол,
держи, Иван-душа, прощай, прости,
и хочешь, но не можешь отойти,
стоишь
и смотришь в пол.

* * *

человек стоит и ждет
 день проходит год проходит
 в небе ходит пароходик
 в море тонет самолет
 дождь пришел и не уходит
 ни назад и ни вперед
 человек живет и ждет

человек умрет и ждет
 просто ждать сюда поставлен
 позабыт и пооставлен
 сто веков тому вперед
 руки паутиной стали
 ноги превратились в лед
 в голове сквозняк поет

пожалейте человека
 подмените на посту
 на калиновом мосту
 накормите чебуреком
 он спасает красоту
 с новым годом поздравляйте
 зацелуйте в усы
 молодильных яблок дайте
 холодильной колбасы
 и тогда он сам воскреснет
 и посмотрит на часы

* * *

Мы втиснулись в троллейбус в Симферополе,
 глазами и ушами долго хлопали,
 пока он каракатицей катился
 в распахнутую ялтинскую печь.
 И справа возвышались горы зауми,
 плескалось море слева динозаврами,
 и Гелиос на небе кипятился
 и норовил кого-нибудь испечь.
 И мы шкварчали, потные и томные,
 и покрывались корочкою темною,
 что даже чайки воротили морды,
 истаивая в дымной синеве...
 мы вспоминали, как философ Дима
 твердил, что не бывает в мире Крыма,
 и с умным видом отражался гордо
 в чернильной застывающей Неве.

* * *

за одним окном снега
 за другом пурга и мга
 вальки ходят вперевалку
 и миколки на рогах
 кто-то ехает в москвы
 кто-то ехает обратно
 все родимые как пятна
 нерадивой головы

все такие господа
все хотят туда-сюда
а отсюда да отсюда
не приходят поезда
вот заходит проводница
проводами скрежеща
и глаголит проводница
проводницами шкварча
не достроил демиург
ни москвей ни подмосковий
за билеты платим кровью
едем прямо в ленинбург
все воскликнули да-да-
даже лучше право слово
хоть во мгу хоть в пикалево
наливайте господа
пей до дна и будем ехать
хоть до страшного суда
вы отсюда мы туда

* * *

и ночь как дичь и сам как сом
плывешь усат и невесом
вдоль моря озера реки
пуская пар и пузырьки
и тень с тобой плывет сама
то человека то сома
и говорит на языке
не понимаемом никем
ты за собой ее ведешь
и переводишь и крадешь
пытаясь из себя извлечь
ее неведомую речь
она темна и не видна
ее успей достать со дна
ее испей до дна до дна
кругом одна она одна

* * *

по вагону ходят пауки
воздух разделяя на пайки
и пространство делят на сегменты
предъявив права и документы
к пауку подходит проводник
назови пароль аккаунт ник
тот сначала стушевался сник
а потом в проводника проник

как божок в проводнике зажил
и на чайник лапки наложил
и у всех потребовал билет
у кого на чай билета нет
тот обуреваемый виной
вылезает на ходу в окно
я лежу на полочке серчаю
и как черт хочу отведать чаю
проводник окошечком стращает
эх любимая прости-прощай

* * *

человечек боже мой
до чего же ты беспечный
и не очень человеческий
смерть принес в мешке заплечном
сам принес к себе домой

из чего она одна
ловко скроена и сшита
из какого алфавита
писем смайликов открыток
из какого полотна

на себя ее надел
всю обнюхал и потрогал
будто бороду у бога
вроде смерти было много
но ее не разглядел

перед зеркалом стоял
отражения листая
лайки с плюсиками ставил
смерть сидела как влитая
с черной рамкой по краям

он смотрел смотрел в нее
так и не найдя ответа
заявил тогда на это
значит смерти больше нету
и ушел в небытие

* * *

электричка приходит в шесть и привозит смерть
станция будто есть а города будто нету
говорящие чайки с воронами договаривают во сне
контролеры потеряли контроль и не проверяют билеты

слышен стон под железнодорожным мостом
под автомобильным — звонит и звонит мобильный
и нескорая помощь с покосившимся ржавым крестом
вопиет в матюгальник голосом замогильным

господа мертвецы начинайте ставить дома
чтобы было где оставаться во время оно
из окрестных болот наползает белая тьма
комсомольцы спешат круговую занять оборону

пулеметы молчат молодцы друг на друга стучат
то меняют цвета и лета то теряют обличья
и горят не сгорая в глуши шалаши ильича
и вещают из них голоса то медвежьи то птичьи

* * *

чучелко-подчучелко	чучелко-подчучелко
голова тряпичная	рукава бумажные
голова отличная	и глаза подложные
держится едва	с пуговкой на дне
знает много всякого	там такая музыка
злого неприличного	мертвая и страшная
собирает бусинки	что темно смотреть в нее
песенки-слова	и лежать под ней
ай затянет чучелко	скачут скачут по небу
песенку-чудесенку	огненные конники
всюду как подкошенный	рубят сны и головы
валится народ	звезды и кресты
и рыдает радостно	мы под ними корчимся
и горюет весело	сырые и голые
и глядит затравленно	и ошметки космоса
небу в черный рот	ловят наши рты

* * *

поезд едет чух-чух-чух
вам на север нам на юг
мы сидим на разных полках
разных елках разных толках
все в наклейках и наколках
у провала на краю

поезд едет чах-чах-чах
весь в мощах и овощах
весь болезный и железный
скорый хворый бесполезный
мы в него опять залезли
чтобы слушать и молчать

поезд едет ту-ту-ту
набирает высоту
набирает навороты
отвороты-повороты
речевые обороты
превращаясь в пустоту

ТАМБОВСКИЕ ЛИРИКИ

О поэтах, живущих на моей родной Тамбовщине, я пишу впервые. Чести мне это не делает, но разговоры о свойстве и кумовстве притормаживает.

Тамбов — город особенный с любой точки зрения, а с поэтической — и подавно. Город, где с советских времен существует такая институция, как Академия зауми (АЗ), созданная Сергеем Бирюковым — моим однокашником, выдающимся исследователем русского поэтического авангарда. Однако в настоящей подборке представлены вовсе не авангардисты (надеюсь, и до них дойдет черед), а поэты так называемой регулярной традиции. Почему именно они? На то есть свои резоны. Во-первых, силлабо-тоническое стихосложение было и остается в отечественной поэзии магистральным. С этим ничего не поделаешь (а уж как старались!). Во-вторых, Тамбов «на карте генеральной» отмечен присутствием не только члена союза «Председателей земного шара» Давида Бурлюка, но в первую голову — столпов русского романтизма Евгения Баратынского и Михаила Лермонтова.

И вот три поэта, предлагаемых в новую и мегаактуальную рубрику «Невы» — «Нестолличная Россия», на мой виноватый взгляд, именно эту линию продолжают. Не случайно стихотворение Александра Макарова предварено эпиграфом из абсолютного шедевра «Когда волнуется желтеющая нива». К стихам Макарова я питаю слабость с давних, еще юношеских времен. И профессию его, плотницкую, евангельскую, то есть самую поэтовскую, уважаю всемерно. Саша ни на йоту не изменил ни себе, ни своим крестьянским корням. Стихи его несочетаемо, таинственно эфирны и одновременно вещественны.

Неважно, проезжал ли Лермонтов Тамбовом по дороге в Тарханы, или это одна из легенд его короткой жизни, поэму «Тамбовская казначейша» из собрания сочинений не сотрешь. Тем более что дорога на Пензу после губернской столицы пролегла (и сейчас пролегает) через Рассказово, откуда родом одна из представляемых — Елена Часовских, учительница сельской школы, весьма «баратынский» поэт, тяготеющий к философской лирике.

О Марии Знобищевой давно пора написать большую статью. Но — всему свой срок. За годы знакомства Мария поэтически поднялась на несколько уровней — и, судя по интенции, рост ее замедляться не собирается.

Как, оказывается, легко и приятно писать о земляках — прямо как правду говорить. Доброго чтения всем!

Марина КУДИМОВА

Мария ЗНОБИЩЕВА

* * *

Всхлипнет рыба в реке, встрепется ночная сова,
Я люблю это царство надгробий и рыцарской ржави.
Здесь венчают на царствие всех, кто поверил в слова.
Вот и холм у седого Хопра величав, как Державин...

Мария Знобищева родилась в 1987 году в Тамбове. Окончила институт филологии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. Кандидат филологических наук. Автор восьми книг стихов. Лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова, литературной премии имени Ю. П. Кузнецова журнала «Наш современник», дипломант Волошинского фестиваля.

Как взлетают колонны, белея о славе былой,
Как стройны силуэты дубов на небесной эмали.
Колокольня и облако — словно скала со скалой:
Голубые пролеты, просветы, ступени-спирали.

Но в любой красоте червоточина, рана, изъян.
У наяд и харит так отколоты лица и руки.
Так среди земляничных, забрызганных светом полян
Замечаешь тугое зловещее тело гадюки.

Вот она изготовилась: миг, замедление, бросок —
И на пяточке детской появятся черные ранки,
Но отброшены ягоды, наземь летит туюсок —
И змея перехвачена сильной рукою крестьянки.

Красота — это утро, седая рассветная мреть,
Это вечная гибель, чужая — и все-таки наша.
Чтобы жизнь продолжалась, крестьянка должна умереть,
А потом перевесит другая, финальная чаша.

Чтобы не было сказкой прекрасное страшное Там,
Остаются мосты: остаются кресты и руины.
Чтобы после ходить босиком — по камням и цветам,
Где опять земляника и шелковый шепот змеиный.

* * *

О жизни вечной, жизни бесконечной
Не говори, оставь ее загадки.
Тяжелый шмель, толмач цветочной речи,
Толкует пусть слова лесной хохлатки.

Он принимает исповедь соцветий,
Паря, как дух, над розовыми ртами...
И горек так, и дорог так — что светел
Медвяный куст с разверстыми устами.

Он не знаком с изломом дальних линий,
Но помнит, что в начале было Слово,
Вот этот свет — сиреневый и синий —
Немыслимый. Зачем-то данный снова.

ТОЧКИ

Если, точку поставив, руки не отнять,
То чернильная капля вскипит, как смола.
И еще потерпеть, и помедлить опять —
Чтобы точка заплакала и потекла.

Так слезится, сужаясь, полуденный зрак,
Так лицо искривляется дрогнувшим ртом,
И рождается новый неведомый знак,
Темный-темный вначале, прозрачный — потом.

В этой точке последней, у черной черты
Плачьте, плачьте, пожалуйста, все, кто лучист!
...Мы обугленным точкам рисуем хвосты,
И они запятыми ложатся на лист.

НАД ВОДОЙ

Ты не слышишь хруста кленовых звезд.
Только это не значит, что их не тронут.
Вот и клен опрокинулся во весь рост
Златоглавым молодцем в темный омут.

Но и он небесной звездой храним,
Оттого, вскипая ультрамарином,
Небеса опрокинулись вместе с ним —
Лики облак в окладе своем старинном.

У остывшей воды не достанет слов
Исцелять болящим сердца и очи.
Я хочу, чтобы новый Андрей Рублев
Написал этот свет накануне ночи.

А вода... Так сладко стоять над ней,
Полевым ли цветком, камышом зеленым —
До скончанья веков, до начала дней,
Будто кто окликает озерным звоном.

* * *

Все уехали. Город пуст.
«Невесом» — говоришь? Весом!
Так что каждый промокший куст
Смотрит в душу бродячим псом.

Вот он прыгает и дрожит,
Лезет под ноги тут и там
И бежит за тобой, бежит,
Прижимаясь ко всем мостам.

Пустота — это ум и злость,
Красота — это жар и прыть.
Слово брошено, словно кость
(Следом броситься, взять, зарыть!).

Я не верую новостям,
Но когда-нибудь все прочту.
Мы идем по костям, костям
Сквозь слепящую пустоту.

* * *

Словно море, вздымается горе
(Говоришь, не увидеть лица?).
Под окном провожают. В соборе
Отпевают. И так без конца.

В голове разговоры о главном,
Ну а сердце... найдут — как ни прячь...
Дочке задали плач Ярославны.
...Глянь в окошко, родная, и плачь.

* * *

С утра в подъезде крикнули: «Горим!»
Горим, горим — понять пора давно бы.
Коль новый мир — все тот же Древний Рим,
Неронов нерв натянут до озноба.

Мы, от дворца в семи часах ходьбы,
Едим и пьем, по праздникам глаза,
Как бьются лбы и корчатся рабы
На сцене виртуальных колизеев.

Чернильно небо, запахи остры
(Как сладко пахнет роза, умирая...),
Всю ночь горят сигнальные костры,
И рукописи все-таки сгорают.

Напрасна тишь твоих библиотек,
И ни к чему оград узор чугунный.
Все отдано. Последний свет истек...
И листья жгут нагрывшие гунны.

* * *

Луч из окна — как белая тропа,
Но мама смотрит пусто и устало:
— За маму съешь и съешь еще за па...
Качнулась ложка. Мама резко встала.

Вчера повесили большой портрет,
Он не в рубашке там — в чужой одежке.
Вчера сказали: «Папы больше нет» —
И дали орден поддержать в ладошке.

Кому сказать? Снежинкам? Облакам?
Закутанной в кулек сестренке Ире? —
Как холодно вдруг сделалось рукам,
Как пусто стало в комнате и в мире.

Одни кричат, что дальше — только свет,
Другие уезжают, третьи — плачут.
На елке огоньки. А папы — нет.
У всех навеки... Вот что это значит.

* * *

Хлоп да хлоп, из-за окон
Белый хлопок, мокрый снег.
Скачет, скачет белый конь,
А седок — не человек.

Не ходи к нам на ночлег:
В нашей горнице светло.
...А на свете снег да снег,
Все дороги замело.

Хлопнет правое крыло,
Хлопнет левое — лети!
Все дороги замело,
Кроме Млечного Пути...

* * *

Не плакать в тине дней, а помнить, что жива
Земля, пока на ней рождаются слова.

Когда вернется мир, он будет сотворен
Из пенья флейт и лир — как свет со всех сторон.

Еще он нищ, и пуст, и голоден, и гол,
Не опаляет уст божественный глагол.

Когда горит костер, стань, сердце, Купиной —
За братьев и сестер, истерзанных войной.

Что отнят прежний дом, что рухнул древний храм —
Все сказано о том, и петь о том не нам.

И трудно говорить, но если жив — живи,
Чтоб слово сотворить из боли и любви.

Александр МАКАРОВ

ОДИНОКИЙ ЖУРАВЛЬ

* * *

...И в небесах я вижу Бога.
М. Ю. Лермонтов

Разбросанные мысли собираю.
Уйду из дома. Здесь мне было плохо.
Я отыщу в саду по серебру
Улитку на листке чертополоха.

Хотел со счастьем встретиться — и вот
Мечта сбылась. Так иногда бывает.
Здесь воробьи, как струи вешних вод,
С куста на куст, журча, перетекают.

Увижу и печаль свою сотру
Прикосновеньем ветреного вздоха.
Поверю в то, что здесь я не умру
И тоже, может быть, увижу Бога...

Одинокий журавль

Одинокий журавль на лугу.
Как он здесь очутился, понять не могу.

То ль от стаи отбился, а может, был ранен.
Я увидел его утром ранним.

Он смотрел на меня и, нагнувшись к траве,
Будто сделал поклон.
И я был удивлен.

Александр Макаров родился в 1946 году в деревне Еремеево Староюрьевского района Тамбовской области. Стихи начал писать в армии. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор восьми сборников стихотворений и поэм. Лауреат премий журналов «Подъем» и «Наш современник», областной премии имени Е. А. Баратынского. Живет в с. Вишневое Староюрьевского района.

Никого нет вокруг. И ему я не друг.
Но ему улыбнулся как другу.
Общим воздухом с ним я дышал.
И его в поле зренья своем я держал,
Когда шел, удивленный, по лугу.

Одинокий журавль на лугу.
Он смотрел мне вослед простодушно.
Передать на словах не могу,
Что сказал он и что ему нужно.

* * *

Знаю, Бог есть! И Он мне не изменит.
Дал молодому, воздаст старику.
Знаю, тот жернов меня перемелет
В белую или ржаную муку.
Лучше, конечно, об этом не помнить.
Зернам помочь бы взлететь из борозд.
Душу водой родниковой наполнить,
Пением птиц и молчанием звезд.

* * *

Когда я ближе к людям подхожу,
Я выпрямляю спину, став стройнее.
И зажигаю свет в своей душе,
Чтоб тех, кто рядом, разглядеть получше.

Проходят люди, как проходят дни.
Проходят мимо — кто вдали, кто рядом.
И если света нет в душе — они
Становятся невидимы для взгляда.

* * *

Встретил тщедушного старца,
Седого, скрипучего. Словом,
Ткни его пальцем — и он
Тотчас рассыплется. Прах...

Разговорившись, узнал я,
Что он мой ровесник. Выходит,
Что я такой же, как он,
Но избежал пуль и плах.

Только вчера мне Судьба
Говорила, что мне восемнадцать.
Я переплыл свою жизнь,
Будто мифический Стикс.

Возле открытой калитки
В иное пространство и время
Я сочинил для тебя
Реалистический стих...

* * *

Надо б кресты заменить на могиле родителей.
Да и ограду поставить бы новую надо,
Чтобы родные из тихой подземной обители
Знаком, травинкой качнувшейся,
Дали бы знать мне, что рады.

Встречные лица мне кажутся светлыми ликами.
Держат кресты фотографии, будто иконы.
Чистыми звуками в небе, друг друга окликая,
Будто бы птицы, летят колокольные звоны.

* * *

Хочу я птицей стать. И руки
Хочу я переделать в крылья.
Возьму с собою горсть разлуки
И брошу в ветер вместе с пылью.

Разлука создается ложью.
Из-за нее любовь несчастна.
Я полечу по воле Божьей
В то место, где живет сейчас она...

* * *

Я на тебя боюсь смотреть.
Боюсь тебя обидеть взглядом.
Моя судьба — в себе сгореть,
Оставшись горсткой пепла рядом.

Ты — ветер! Бурю ты пожнешь,
Шепнув «люблю» в пространстве гулком.
И горстку пепла разнесешь
По всем путям и переулкам.

Глаза открою, вижу смерть
В огне сухого листопада.
Я на тебя хочу смотреть,
Ты здесь. Всегда со мною рядом.

Гори, душа моя, гори,
Как будто ворох желтых листьев.
И ничего не говори —
Не слышно слов в осеннем свисте.

Елена ЧАСОВСКИХ

БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ НЕ ОСТАЛОСЬ

Мастерская

Это выглядит так, будто я вспоминаю.
Словно, глину словесную выбрав со дна,
Придаю ей объем, а потом обжигаю,
И звенит, и сияет глазурью она.

Это смотрится, будто бы с камнем в ладони
Я ныряю за жемчугом в злую волну,
И она все темнее, страшней и бездонней,
И настойчиво море влечет в глубину.

Никогда не пустует моя мастерская.
Ходит круг, повинуюсь движенью руки.
Я колдую — слова собираются в стаи,
А по полу — жемчужины и черепки.

Холод

Тихо. Холодно. Тихоходные,
Стадом тучи идут голодные.

Тучи съели луну и звезды.
Очень холодно. Очень поздно.

Голо. Ломкие, гололобые,
Из-под крыши искрятся злобою

Елена Часовских родилась в городе Рассказово Тамбовской области в 1976 году. Окончила филологический факультет Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. Защитила диссертацию по русской литературе, кандидат филологических наук. Работает в сельской школе учителем русского языка и литературы.

Ледяные ножи смертельно.
Завтра будет опять метельно.

Стынет немо вся тварь живучая,
Стонет, небо мольбами мучая.

Время вымерзло, поломалось.
Больше времени не осталось.

Рождественская ночь

Замешивать хлебы — нетрудное дело.
Мария стучала по ситу и пела.

Лукаво взглянул исподлобья на мать
И новые линии стал рисовать:

В горах, на востоке затерянных где-то,
Промчалось уже вифлеемское лето,

Цветы, и круги, и барашков стада,
И море, и радугу, и города.

Египетской осени время прошло —
И стало по-зимнему снова светло.

Вздыхались над углями волны огня,
И запах лепешек струился, дразня.

Ложилась мука из-под сита на стол.
Мальчонка по белому пальцем провел,

А в сумрачном небе далекой страны
В рассеянном свете продрогшей луны

Над лесом, над степью неслись облака,
И сыпался снег, и белел, как мука.

Точка

Ты зоркий глаз живущей в иве птицы,
Звезда, что направляет корабли,
Или конец блестящей острой спицы
В клубке Земли.

И если холст беленый небосвода
Перевернуть, то — видишь эту нить? —
Ты узелок. Тебе дана свобода
Все изменить.

Вселенная — развернутая точка.
Ты тоже можешь. С чистого листа.
Курсором обозначенная строчка
Пока пуста.

Анна БАКАЛОВА

ГОРОД ЛЮДЕЙ

Рассказ

От жары плавился асфальт. Было душно, пахло пересушенной землей. Зато зелено, жужжали шмели и майские жуки. Пошли разговоры о закрытии банков. Закрывались торговые центры. Медицинский университет тоже обязали выехать. Недавно объявили собрание. Договорились, что все, кто хотят уехать, могут уезжать, но все материалы — препараты, стекла гистологии и прочее — останутся в стенах вуза.

Марина училась тут юной девушкой и носила легкие платья, которые жестоко мял плотный белый халат. Она начала тут работать в девяностых молодой женщиной на высоких каблуках. Она продолжала тут работать взрослым сотрудником в серьезных костюмах. Марина не хотела уезжать.

Весь июнь Донецк жил более-менее спокойно. Только очень одиноко и пустынно. Люди вмиг куда-то исчезли. Детей осталось совсем мало. Во дворах не слышались крики, не засиживались допоздна шумные компании, никто не жарил шашлыков, не купался в мутной городской реке.

Бомбили Краматорск. Марина была родом оттуда. Она уговорила друзей приехать, хотя бы ненадолго. Хотя бы на сколько-нибудь. Переждать. Пережить. Друзья согласились. И приехала школьная подруга Ира вместе с мужем и сыном. А у Марины дома — только муж. Дочку отправили в Крым вместе со стариками. Пусть там. Лучше там. Лучше где угодно, только не здесь.

Ира все порывалась домой. И было страшно туда возвращаться, под обстрелы, и страшно не вернуться. Марина удерживала подругу, как могла.

— Ну давай до твоего дня рождения. Отметим вместе. Как и хотели.

Ира нехотя кивала.

— Да, мой день рождения обязательно нужно отпраздновать вместе. А потом сразу домой.

— А там и мой почти сразу. — Надо было говорить быстро, пока подруга сомневалась, пока ее разморило принятое решение. Ей только надо дать повод остаться. Так думала Марина. Но Ира сказала:

— Посмотрим.

И Марина поняла, что они не останутся. Так наступил июль.

Анна Бакалова родилась в 1998 году в Донецке. Ассистент ФГБОУ ВО Донецкого государственного медицинского университета им. М. Горького МЗ РФ. Окончила Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького в 2021 году по специальности «Врач общей гигиены и врач эпидемиологии». Автор двух книг (в соавторстве): «Алешкины сказки» и «Ло». Рассказы публиковались в журнале «Наш современник», в сборниках «Декабрь-2» и «Некнига № 4. Лирика». Лауреат литературного фестиваля им. Л. И. Ошанина (2023). Участница литературного фестиваля «Братья по духу» (2023).

Друзья уехали, как и обещали, за пять дней до дня рождения Марины. Через день после выхода военных из Краматорска. В родном поселке Марины остались ее крестная Таня, дед Егор и танк. И может быть, танк и дед Егор смотрели бы друг на друга, как в сорок пятом, если бы один из них не был слепым. Тетя Таня наблюдала за всем этим из своего двора. Дед загородил собой дорогу танку и бил по нему клюкой, приговаривая:

— Кто там? Кто там сидит?

И тетя Тане боялась и за деда, и за себя.

— Да свои, дед, свои! — наконец-то выглянул из танка солдат.

— Кто свои? — подозрительно осведомился дед.

— А у тебя много своих? — огрызнулся солдат.

— Тоже верно, — согласился дед и все же пропустил танк.

* * *

Марина работала в больнице, крыша которой была покрыта смолой. И смола эта уже давно растаяла, и на последнем этаже невыносимо жарило. Плотная ткань халата прилипала к телу, и в нем становилось липко и тесно. Телу хотелось в шорты и есть мороженое по дороге к морю. Телу ждало конец учебного года, белый бант, последний звонок и долгое-долгое лето. Телу было за сорок пять. И вот уже тридцать лет Марине сложно давалась мысль, что каникул больше не будет и летом надо работать. Ей хотелось сбежать с работы, сползти вместе с расплавившейся крышей.

Больница стояла полупустой, в палатах лежали только тяжелобольные, которым больше некуда было пойти. Оставшиеся врачи в короткие перерывы забегали друг к другу в кабинеты выпить чего-нибудь холодного и рассказать новости.

Заведующий отделением кардиологии появился на пороге внезапно, как всегда, без стука. Коллеги называли его по-простому Вадиком и знали, что в маленьком кабинетном холодильнике всегда стоит холодная бутылка шампанского. Просто так, на всякий случай.

Вадик был растрепан жарой, пытался весело улыбаться, бодриться и быть просто «старым добрым Вадиком». Но в последнее время от «старого доброго» оставалось только «старое». Да и то не всегда.

Раньше Вадик ходил плавно, немного вальяжно. Сейчас же резко сел на стул, вздрогнув от грохота на улице.

— Сюда бы хоть один вентилятор, — быстро проговорил он.

— Нельзя, — бросила Марина из-за стола.

— Это раньше было нельзя. А сейчас-то, может, уже можно?

— Нет, сейчас тоже нельзя.

Разговор завис. Как и недоделанный документ в компьютере Марины. Он висел повешенным смертником уже несколько часов на одной и той же странице, и курсор в конце недописанного слова мигал раздражающе.

— А у меня шампанское есть, — внезапно сказал Вадик.

Марина растерялась.

— А мне еще в университет ехать.

— Ясно.

Курсор мигал не в такт тиканью часов. И эти звуки заполняли густой воздух, ложились пылью на голубую кушетку, на дерево стола, на белые халаты и давили вниз. Шевелиться было тяжело, думать и разговаривать тоже. Даже переводить взгляд. Мо-

жет, поэтому Марина все никак не могла оторваться от курсора. А Вадик смотрел в потолок, который никак не мог расплавиться и уехать вместе с крышей.

— Ну ладно! Я, собственно, чего зашел! — Вадик хлопнул себя по коленям и проговорил внезапно бодрым голосом. И от этого звука словно заглохли часы, повисшие звуки опали, скатились на пол, и Марина наконец-то смогла посмотреть на собеседника. Тот продолжал: — Видела, что наш бывший ректор написал?

— Видела, — хмуро ответила Марина.

— И как тебе?

А как могло быть? Бывшие коллеги, которые добрались до Украины, начали писать, что в городе осталось только быдло и как им было неприятно здесь работать. Горько, обидно. Особенно когда буквально пару месяцев назад вы вроде так хорошо общались. И вдруг оказывается, что человек делал это через силу.

— Никак, — ответила Марина.

Вадик еще немного посмотрел в окно и ушел в пять минут первого. В семнадцать минут раздался телефонный звонок. Звонил брат.

— Алло, Пашуль? — на душе стало как-то тревожно.

— Собирайся, я за тобой еду, — сказал он каким-то напряженным голосом.

— Да мне еще в университет надо...

— Я сказал: собирайся, — отчеканил Паша звенящим голосом. Марина тут же захлопнула ноутбук с все еще мигающим нервным курсором. А в машину села нервничая.

— Что хоть случилось?

— Обстреляли, — сухо ответил брат.

— О, Господи! Твой дом?

— Нет. К соседям прилетело.

— Все живы?

— Вроде.

— А твой дом что?

— Не знаю.

Дальше ехали в тишине. Только у самого дома Марины Паша спросил:

— Я у вас переночую. Ладно?

Паша был низким, полным и лысеющим. А еще он был в семейных трусах и с кастрюлей котлет.

— Я вот нажарил, — сказал он с порога, протягивая кастрюлю мужу Марины — Алексею Сергеевичу.

— Ты хоть вещи какие-то взял? — спросила Марина, протискиваясь в квартиру вслед за братом.

— Да... Хотя не знаю. Я спасал самое главное вроде бы.

— А что может быть важнее котлет, действительно, — засмеялся Алексей Сергеевич.

Железнодорожный вокзал обстреливали. Поселок рядом гремел день и ночь. Паша с Алексеем на следующий день поехали за вещами, дом стоял, а место, где обычно была машина, все усыпано осколками. Вроде бы что-то застряло в крыше сарая, но смотреть что не стали.

— Так, оставайся пока у нас, — строго сказала Марина, разогревая привезенные котлеты.

— Наверное, да. Останусь.

— Там оставаться невозможно, — согласился Алексей.

И Паша снова кивнул. За окном несколько раз грохнуло. Но вроде бы далеко. Да, точно далеко, окна не дрожали. А к нам или от нас?

— Котлеты вкусные, — бросила Марина в пустоту.

— Да, я петрушку добавил, — ответил Паша.

— Надо же.

— Да.

Снова что-то грохнуло. Вроде бы ближе.

— А твои что?

— В Пологах.

— И как там?

— Да так... ну, не стреляют. А остальное как обычно. Говорят, что так нам и надо и мы сами виноваты. И что на танках надо сюда зайти, всех пострелять, — скороговоркой проговорил Паша.

— Хоть признают, что стреляют по нам, — сказал Алексей.

— Да ты что, новости не читаешь? Это же у нас кондиционеры взрываются! — Это, конечно, был сарказм. Но он почему-то всех развеселил.

А за окном продолжали стрелять.

* * *

И все-таки хорошо, что лето. Летом все проще пережить, даже войну. А к осени жизнь наладится. И можно будет привезти уехавших детей и стариков. И дочка пойдет в школу, как обычно, и будет заканчивать последний класс. А потом поступление. «Куда, интересно? Ну наверное, в медицинский, она вроде хотела». А зимой войны не надо. Марина не хотела зимы.

Город был пуст. Его наполняли только зной и немного музыки. Она лилась из открытых окон, и редкие прохожие иногда останавливались послушать ее. А без нее совсем тоскливо, и казалось, что город уже победили. Но ничего. Война пройдет, пока будет играть музыка.

Марина ходила привычным маршрутом к остановке, на работу и обратно, и было удивительно, что даже небо такое же. Военное небо мало чем отличалось от мирного. Все такое же голубое с россыпью облаков. И лето здесь такое же: знойное и ароматное. Все та же легкая прохлада с утра и запах акаций и роз. В центре сильнее всего пахло цветами, и аккуратные клумбочки повсюду. Особенно у памятника Артема Марине нравился коврик из стелющихся розовых роз. На дачу бы такие посадить. А ее розы, наверное, погибли. Жалко, только посадила.

Каждое утро ее забирал один и тот же автобус. Последний оставшийся на этой линии. У «Донбасс Арены» они подбирали еще одного мужчину, который тоже спешил на работу. Имен друг друга они так никогда и не узнали. Водитель называл Марину просто «доктор». А она его мысленно «мой водитель». И казалось, пока есть этот водитель, который готов каждое утро везти ее, пока есть попутчик, который так же спешит на работу к восьми утра, все будет хорошо.

Этот же водитель забирал ее с работы. Но сегодня Марина задержалась и брела медленно. «Придется пешком идти», — думала как-то лениво и невзначай.

— Доктор! Доктор! — окликнул ее водитель автобуса и помахал рукой.

Марина ускорила шаг.

— Я думала, вы уже уехали.

— Куда же я без вас уеду. Кто вас тогда домой довезет?

Он выглядел как обычный водитель: пожилой, сухой, с седыми усами. Носил белую кепку. Вот и все.

Где-то в городе они подбирали того самого мужчину и везли его обратно к «Арене».

— А вы только нас забираете или целый день по городу ездите? — спросил однажды мужчина.

— По графику, а как же, — оживленно ответил водитель.

— И кто-нибудь садится?

— Ну а вдруг, — как-то тяжело сказал он.

«Вдруг» иногда случалось. Однажды они наткнулись где-то в городе на женщину, удивительное дело, с ребенком — совсем маленьким. Он ел мороженое, весь в нем перепачкался и был счастлив, несмотря на жару и все остальное. Все здесь были несмотря. Мама несла тяжелые сумки, похоже, гуманитарку. Водитель остановился прямо посреди улицы.

— Заходи! — крикнул он ей, открывая дверь. Женщина остановилась и покачала головой.

— У меня денег нет.

— Я тебя что, про деньги спрашиваю? Заходи давай! — ответил водитель немного обиженно, как показалось Марине.

Странно и страшно смотреть, как умирает то, что еще недавно было полно жизни. Только в 2012 году весь город обновляли к Евро. «Донбасс Арена» каждую ночь горел синим. На ровно подстриженной лужайке, в лучших традициях европейцев, сидели болельщики и зеваки. «Господи, всего два года назад», — внезапно подумала Марина, глядя, как исчезают из поля зрения попутчик, «Арена» и парк «Виктория» возле стадиона. От выстрелов из «Арены» вылетело несколько стекол, и вместо них поставили панели из ДСП. Освещение больше не включали. А внутри, говорят, поселились зайцы. Они прибежали из лесов, в которых шли бои.

* * *

В полупустой больнице все иногда позволяли себе слоняться без дела. Марина в том числе.

Ранним утром она зашла в кабинет своей подруги Наташи. А Наташа была полной, жизнерадостной, вечно улыбающейся заведующей отделения. Человеком, у которого есть поучительная история на все случаи жизни. Сейчас, сидя в своем кабинете, она плакала. Марина никогда не видела ее в слезах. Ровно до этого момента.

— Наташа, что случилось? — тихо проговорила она с порога.

А та быстро попыталась утереть слезы, но нос и глаза уже были красными. Но это от недосыпа, честное слово. Какой же тут сон.

— Наташ, — с легким нажимом сказала Марина и прикрыла за собой дверь.

— Знаешь, а у меня сегодня день рождения, — после паузы ответила Наташа и улыбнулась. Но как-то горько, тяжело и почти сразу поджала губы. — Вот так вот.

— А семья что? — неуверенно спросила Марина.

— Разъехались. Дочку вывезла, не надо ей тут. Ну, ты-то понимаешь.

— Я-то понимаю, — сказала Марина, садясь на стул перед столом Наташи.

— Друзья тоже все повыезжали. — Это Марина тоже понимала. — Настроение, в общем, никакое.

— Ну ничего, глядишь, к осени все закончится. Я вот как раз шла тебя поздравить, — соврала Марина.

Она вышла из кабинета с тяжелым чувством. Сама не заметила, как спустилась на первый этаж в прохладное отделение кардиологии. В кабинете Вадика гудел холодильник.

— Знаешь что? — спросила Марина вместо приветствия.

— Что?

— У Наташи сегодня день рождения.

Вадику понадобилось всего несколько секунд на раздумья.

— Как раз для такого случая у меня в холодильнике есть бутылка шампанского.

Марина рассеянно кивнула, думая о чем-то своем.

— Я схвачу ординаторов и пойду в магазин. А ты собери пока остальных.

Знакомых искали по коридорам и кабинетам. Кому звонить, было непонятно: большинство уехало, кто остался, неизвестно, и даже если вчера видел человека, не факт, что сегодня он все еще на месте. Все, кто мог, скидывались деньгами. Но их оставалось мало. Зарплату не задерживали, ее не планировали больше платить.

Магазины были полупусты. Поставок больше не было, и на прилавки понемногу выкладывались старые запасы. Но в основном искусственные цветы, плющ и виноград.

— Помните девяностые? — спросила Марина.

— Я маленькой была, — сказала молодой ординатор.

— Тогда сейчас все почувствуешь.

Оттолкнув плечом Марину, у прилавка стал какой-то военный. Ее это возмутило, но она на всякий случай решила не лезть в спор. Военный как ни в чем не бывало начал что-то себе заказывать. Продавец, старый армянин, почти без акцента сухо сказал:

— Еще раз доктора оттолкнешь... — и дальше не продолжил.

Военный стушевался и отошел в сторону.

Под дверями Наташи собрались почти все, кто остался в больнице. Они переговаривались вполголоса, тихо посмеивались и чувствовали себя маленькими заговорщиками. Почти каждый держал в руках что-то, что нашлось в недрах кабинета. У кого палка сухой колбасы, у кого ломтики сыра. Кто-то даже нашел букетик цветов. Вадик торжественно держал бутылку шампанского.

Они всей толпой ввалились в кабинет Наташи, хором крикнули «поздравляю» и начали накрывать на стол. Наташа только привела себя в порядок, и тут на глазах снова начали выступать слезы.

Марина не помнила, когда они в последний раз так хорошо сидели. Так душевно, уютно и хорошо, как не было уже очень давно. Наверное, еще со времен студенчества, когда они молодые, бедные, голодные заваливались к кому-то домой и ели одну банку консервов на всех.

— Может быть, действительно так нам и надо? — проговорила Наташа.

Все удивленно посмотрели на нее. Еда уже была почти съедена, кто-то еще умудрился цедить шампанское.

— В каком смысле? — строго спросил Вадик. Ему эта мысль не понравилась.

— Понимаешь, мы со всей этой хорошей жизнью стали забывать о главном. Всех стала волновать какая-то ерунда: телефоны, одежда. Может, нам это нужно, чтобы мы снова стали людьми?

Вадик хмуро покачал головой. Он противился этой мысли, как мог.

— Наташ, не так сильно мы расчеловечились, и совсем не так нужно очеловечивать, — отчеканила Марина.

Эта мысль понравилась Вадику больше, и он воскликнул:

— Вот! Вот я всегда говорил, что Марина Петровна мудрый человек. И шампанское у нее еще есть.

— А слышали, что говорят о Пал Палыче? Он же недавно на Украину выезжал, — вклинилась в назревающий спор ординатор Настя.

О том, как выезжать на ту сторону, хотелось послушать всем. И о Пал Палыче, конечно, тоже. Он был уникальным человеком, который влипал в разные неприятности.

— Его на украинской стороне спросили: «Сколько блокпостов прошли?» А он возьми и ляпни: «Два ваших, два наших».

— И что с ним случилось? — напряженно спросила Наташа.

— Побили.

— Это понятно, а отпустили?

— Вроде бы да. Иначе бы откуда такие разговоры ходили.

Блокпостов начинали бояться. Не своих, но украинских. Но иначе было не ехать, только если в Россию. Город полнился историями, Марина слышала их в очередях, в магазинах, в больнице. Кого-то ставили на колени и заставляли петь гимн Украины, женщинам разрывали сумки на досмотрах, раздевали догола, вроде искали следы от ремней автомата.

На блокпостах пропадали люди. Их могли бросить в окопы, могли просто куда-то увезти, и с концами. Кого-то потом находили, кого-то нет. Одного знакомого врача, довольно известного в городе, еле удалось спасти. Его нашли со сломанными ребрами, руками и ногами.

Но все как один говорили: взэушники еще ничего. Когда как, но, в общем-то, нормально. Главное, не попасться на батальоны. Это был самый страшный кошмар всего Донецка. Только бы не азовцы. Они пришли убивать сепаратистов, и они будут их убивать. От азовцев целыми еще никто не уходил.

* * *

А через несколько дней, в конце июля, больницу обстреляли. Ровно через два месяца, после начала войны.

Обстреляли вместе с растаявшей крышей, холодильником Вадика, в котором наверняка снова стояла бутылка шампанского. Вместе с Наташей, в кабинете которой еще не завяли цветы. Вместе с Мариной, которая как раз бежала из корпуса в корпус.

Сначала были грохот и взрывная волна. Ты всегда знаешь, что она прошла, всегда знаешь, что где-то разорвался снаряд, даже если это случилось где-то очень далеко, даже если не слышно ничего. Взрывная волна проходит сквозь тело, и сердце на секунду замирает. Пропускает удар, будто бы эта волна сбила его, и оно озадаченно пытается понять, что произошло, прежде чем пойти снова.

Но все уже знали, что взрывная волна — это не страшно. И громкие звуки тоже не страшно. Уже прилетело, уже не на тебя. Страшен свист — это значит, что летит, и летит в твою сторону.

Марина услышала такой свист. Первое желание — бежать. Бежать со всех ног. А куда? Кругом только открытое пространство. До корпуса далеко. Не успеет. Человек не бегает быстрее снаряда. Снаряд упал где-то рядом, и Марина тоже упала. В летнем легком платье и белоснежном халате шлепнулась прямо на землю, прикрывая голову руками. Марине нельзя умирать. Ее ждет дочка.

А над головой снова просвистело и почти тут же упало. От взрыва земля затряслась под Мариной. И снова замерло сердце. Марина напряглась. Не специально, скорее на каком-то инстинкте. Есть ли у человека инстинкт выживать во время войны? Марина ждала, когда посыплются осколки.

Кто-то схватил ее за руку и потянул.

— Доктор, вставайте! Побежали!

Марина, путаясь в ногах, поднялась. Ей ничего не оставалось, как двигаться, куда ее толкала чья-то рука. Она краем глаза рассмотрела мужчину в военной форме. Они бежали. Военный прижимал Марину к земле, задавал направление. И прикрывал собой. Он довел ее до ближайшего корпуса и снова побежал на улицу. Марина не успела его поблагодарить. Она даже не запомнила его лица.

Казалось, обстрел продолжался. А может, ей это только казалось. Уши заложило от взрыва. Она слышала стук собственного сердца и какой-то гул.

К счастью, она попала в свой корпус. На первом этаже в пролете между стен собрались все, кто был в больнице. Из пациентов остались только тяжелые. Все, кто мог сам себя обслуживать, уже давно разошлись по домам. Дома всегда кажется безопаснее. Остались только бабушки с платочками на головах и дедушки, которые, несмотря на обстрел, травили байки и говорили: «А вот в сорок третьем!» Их на носилках укладывали прямо на пол в коридоре.

— Марина Петровна, — окликнул ее кто-то.

Это была Наташа. Она улыбалась и казалась нарочито веселой.

— Мариночка Петровна, присоединяйтесь к нам.

И Марина прошла в проем между двух стен. Она остановилась и посмотрела на глубокую трещину, ломаным росчерком прошедшую от пола до потолка. Хотелось что-то сказать, но что именно — непонятно. И Марина таким же искусственным тоном произнесла:

— Коллеги, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Глупая, абсолютно неуместная фраза вызвала нервный смех.

— Блин, компьютер не выключила! — воскликнула Настя.

— И что?

— Ну, говорят, при обстреле нельзя держать электрику включенной. Не знаю почему. Что, может, пойти выключить? — неуверенно спросила она.

— Да за то не переживай, — отмахнулся Вадик. — Тут вон за стеной два баллона с кислородом стоят. Вот за это переживай.

* * *

Обстрел прекратился. Вроде бы. Кто мог ручаться? Но вроде уже не стреляли.

Марина поднималась по старой лестнице на свой этаж. Ей казалось удивительным, что лестница осталась такой же, как и всегда. Так же висят красные пожарные гидранты, полустерты номера этажей на стенах. Удивительно, что ничего не изменилось. Что все стоит, как и стояло, и выглядит так же, как до обстрела, до войны. И время по-прежнему тикает в круглых настенных часах.

Сердце сжалось. Марина остановилась на лестнице. Было больно и дышать стало тяжело. До пятого этажа не дойти. Марина была хорошим врачом и понимала: еще немного, и инфаркт. Она завалилась в ближайшее отделение. Вторая дверь направо.

— Андрюша, коньяк есть?

Андрей Севастьянович был высоким стройным мужчиной, который всегда ходил исключительно в деловых костюмах и с выглаженным, застегнутым на все пуговицы халатом.

— У-у-у, — только и сказал он, посмотрев на Марину.

Сейчас он стоял взъерошенный в расстегнутом халате и в руке держал бутылку водки. Ею он отпаивал трясущуюся от рыданий коллегу. Где он сам был во время обстрела, одному Богу известно.

— Заходи, — сказал он Марине, а сам засуетился по кабинету. — Есть, есть. У меня все есть. Только стакана нет...

Марина присела на край кушетки. Ноги подгибались. Андрей сунул ей что-то в руки, и она с удивлением увидела мыльницу. Пластмассовую зеленую мыльницу, в которой было налито что-то прозрачное.

— Я ее вымыл, честно, — выпалил Андрей.

— Это водка? — спросила Марина.

Андрей кивнул.

— Я не пью водку, — как-то растерянно проговорила Марина.

— Пьешь, — строго сказала Андрей и подтолкнул руку Марины.

— Она же теплая.

— Пей, кому говорю!

Водка была теплой, обжигающей и с легким послевкусием апельсинового мыла. Андрей пробормотал что-то одобряющее и подлил водки обеим женщинам в кабинете.

В этот момент в кабинет зашел Вадик.

— А чего-нибудь крепкого не найдется? — спросил он.

— Заходи, — махнул рукой Андрей, сам делая большой глоток прямо из горла.

* * *

— Так, все. Мне надо в университет, — сказал Андрей Севастьянович.

Бутылка водки закончилась удивительно быстро. Плачущая сотрудница ушла несколько минут назад. В кабинете остались только Марина и Вадик.

— Я на машине, — сказал Вадим. — Давай подвезу.

— О, и меня подвези! — обрадовалась Марина, которая в обычный день ни за что бы не села в машину к выпившему человеку. Но сегодняшний день уже никак нельзя было назвать обычным, поэтому гори оно все!

И они втроем уселись в машину.

— А давайте посмотрим, куда прилетело, — сказал Вадим.

— Да, да. Обязательно нужно посмотреть, — согласилась Марина.

Зачем, никто точно сказать не мог, но было чувство, что посмотреть нужно.

Попало в соседний корпус. На кафедру стоматологии. Снаряд прошел здание почти насквозь. Он пробил все комнаты и застрял в стене лаборантской, где сидел последний оставшийся на кафедре человек.

Под главным входом напряженно курили сотрудники других этажей. И судя по количеству бычков, курили уже давно.

— Не хило. — Вадик вышел из машины и подошел к одному из них. Тот кивнул.

— Угу, — курильщик был хмурым и неразговорчивым. Он махнул рукой с сигаретой куда-то вверх.

— Этажом выше хирургия. До сих пор операция идет.

— И тогда шла?

— И тогда.

* * *

Крик из кабинета отдела кадров был слышен далеко по коридору. Марина шла с твердой уверенностью написать заявление на отпуск. В конце концов, ее ждет ребенок. Андрей шел рядом, бок о бок, с такой же твердой уверенностью. Но что он решил, Марина не знала. Только бы не увольнялся.

В отделе кадров женщина не просто кричала, она почти билась в истерику. А может, и не почти. Это и была лаборант с кафедры стоматологии — последний оставшийся на кафедре человек. И она кричала: зачем ей все это надо? И зачем это все вообще кому-либо надо? Почему не закрывают университет? Почему она должна ходить на работу под обстрелами? Кто придумал это распоряжение «один человек на кафедре?»

Начальник отдела кадров не знал, что с ней делать. Он вместе с помощницей пытался ее успокоить, что-то сказать, но вклинить в поток криков было тяжело. И начальник в конце концов смог только сказать:

— Я могу вам только посочувствовать, — и развел руками.

— Нам не нужно ваше сочувствие, — сказала Марина.

Она появилась на пороге, словно призрак, сложила руки в замок и смотрела осуждающе на всех.

— Ой... Марина Петровна! — только и смогла выдохнуть ошарашенная помощница. — Вы же тоже там работаете?

Даже лаборант перестала кричать.

— Да, — кивнула Марина. — И я, собственно, пришла написать заявление.

— Только не увольняйтесь, — простила помощница.

— Пока в отпуск.

И это «пока» повисло в воздухе.

* * *

Марина ехала домой в чужой душной маршрутке. Такой же полупустой, как и та, на которой она ездила на работу.

В городе шла жизнь. Уставшая, заторможенная, притихшая, но жизнь. После обстрела Марина это особенно хорошо видела, что жизнь все-таки течет своим чередом. Всего несколько часов назад была война — самая настоящая, такой, какой ее все себе представляют. Со свистом и взрывающимися снарядами. И вот снова вроде ничего. Удивительно, что войну и обычную жизнь разделяют всего пару часов.

Марина покачивалась в автобусе, рассматривая улицы через окно. В клумбах вдоль бульвара работники в ярких жилетах сажали цветы. Город не обстреливали, его расстреливали. Все здесь враз стали нелюбимыми, почти что злодеями, которых готовы были проклинать. А люди продолжали сажать цветы.

И Марина расплакалась.

* * *

Больницу обстреляли еще раз через пару дней и третий раз через четыре дня после этого. А на следующий день медицинский университет со всеми кафедрами перестал работать. Пора закрываться.

Было пятнадцатое августа. Марина ехала последний раз на работу. Думала, что зря взяла отпуск, раз университет и так закрыли. Но уже ладно. Все тот же автобус, тот же водитель и неизвестный знакомый попутчик. Все молчали. Было какой-то гнетущее чувство, которое смешивалось с утренней жарой.

— А я завтра уезжаю, — сказала Марина. Она должна была сказать им. Не могла просто взять и в одной утро не появиться на остановке.

Попутчик сказал.

— Я тоже. Последний день дорабатываю.

И снова тишина. Долгая пауза длиной в три пустых, никому не нужных остановки.

— Так что? Может, и мне завтра не выходить? — пробормотал водитель наконец-то.

Ему не ответили. Промелькнуло неловкое чувство, которое Марина постаралась отогнать. Она махнула головой в такт движению автобуса. Но чувство никуда не делось. Она бросала этого водителя, который каждый день выходил на работу ради нее. Ради двух людей, которые ехали на работу. И они оставляли его один на один с пустым городом.

* * *

Подруга уезжала. И Марине почему-то казалось, что навсегда. Она забежала перед отъездом. В последний раз была на даче и в квартиру к Марине зашла с коробкой из-под обуви. Клубника.

— На, последний урожай. Мне не надо, а вы поедите!

— Мы тоже уезжаем, — сказала Марина.

— Да? Ну и правильно, Мариш, правильно.

— Но мы не навсегда, — почему-то хотелось добавить Марине. Это обязательно нужно было сказать.

— Ну да. Да. Мы тоже. Наверное.

А клубника пахла летом, Мариной в семь лет, пыльным старым диваном в саду, старыми рыжими креманками, в которых бабушка всегда давала только что собранные ягоды.

Люди все спрашивали: как тут можно жить? На клубнике. На ней, жужжащих майских жуках, зное лета, пустых разговорах, которые в сонной дремоте кочуют по заброшенным кабинетам.

Здесь жизнь не другая. Она все такая же. Просто со своими оттенками.

Андрей БЕЛОЗЁРОВ

ГРУСТНОЕ ВОЛШЕБСТВО

С Андреем Белозёровым из города Абакана мы познакомились в самом конце 90-х в общежитии Литературного института. Я учился курсе на третьем, а он только поступил; я был рад встретить земляка. (В Лит тогда и немного позже влилась настоящая волна абаканцев: Олег Шолин, Сергей Чередниченко, Полина Кондаурова, Дарья Верясова...)

Институт Андрей, к сожалению, не окончил: некоторым преподавателям казалось, что, например, без знания латинского языка человека в писательство выпускать никак нельзя, — а без зачета или сданного экзамена студента рано или поздно отчисляют.

Я встречал прозу Андрея Белозёрова в абаканских изданиях. Запомнилась его повесть «Люди до востребования». Потом встречать перестал — говорили, что бросил писать. Оказалось, не навсегда. Может, и не бросал, а просто перестал публиковать написанное.

Уже несколько лет, как новые рассказы Андрея снова появились в журналах, в еженедельнике «Литературная газета». Это, по-моему, отличная, сильная проза. Вот, например, начало рассказа «Наташин день»:

«Квартира была на первом этаже — ближе к земле-матушке. Песок мелко от вечных новостроек напротив — он ввинчивался в щели и ложился на подоконники ровным слоем. В окнах завсегда недостаток света — решетки его скрадывали, и кусты на газоне, и нависший неподъемной хмурой бровью балкон, что на втором. И вязкий полумрак, словно пыльные застиранные тряпки, развесился по комнатам. Всякая вещь здесь по-особенному быстро ветшала. Ветшала, и ежели рвалась, то рвалась не по шву, а где-то посередине, распадаясь на нити и выпускающая клубочки пыли из разрушенных волокон ткани».

Андрей Белозёров не последователь натурализма, а, по моему мнению, самый настоящий реалист. Может быть, кому-то это утверждение покажется странным после прочтения маленькой повести «Москвы нет», но ведь это вполне реалистическое произведение.

У большинства жителей мегаполисов существуют два мифа о провинции. Первый: там все пьют и убивают друг друга, а особенно — приезжих; второй: провинция — это место, где еще сохраняются традиции, совесть, духовность. Отчасти оба мифа справедливы, и порой в одном человеке уживается агрессивный алкоголик и совестливый человек. Ну и об этом очень много пишут.

Андрей Белозёров родился в Абакане. Публиковался в журналах «Абакан литературный» (Абакан), «Наш современник» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Урал» (Екатеринбург), «Флорида» (Майями), «Бельские просторы» (Уфа), «Волга» (Саратов), «Сибирские огни» (Новосибирск). В «Литературной газете» (Москва). В сборниках «Новые писатели» (фонд СЭИП, Москва), «Первостепень» (фонд Астафьева, Красноярск) и др. Участник 6-го и 7-го Форумов молодых писателей России в Липках. Лауреат литературной премии им. В. П. Астафьева по прозе (2011). Издано две книги повестей и рассказов «Пост номер один» и «Люди до востребования». С 2014 года член Союза писателей России.

А вот о провинциальной тоске, провинциальном томлении — мало и редко. И кажется, о них как раз повесть «Москвы нет». И все *грустное волшебство* — видения и ощущения героини.

Когда я читал эту повесть, мне казалось, что я знаю тех людей, из которых создавал автором героиня, я видел Абакан, по которому она гуляет, представляя Москву. Я заразился ее тоской и томлением, будто сам надолго увяз в далекой провинции — милой и дорогой, если живешь там по месяцу-два, и невыносимой, как тюремная камера, если находишься там долго и не можешь выбрать себе занятие по душе, создать свой крепкий и яркий мир, найти не столько друзей, сколько товарищей по общему делу... Героиня повести из ненашедших...

Ладно, не буду пугать. Прочитайте напечатанные ниже повесть и рассказ Андрея Белозёрова. Надеюсь, вы согласитесь, что писатель он замечательный. Хотя и невеселый.

Роман СЕНЧИН

КАК ПРОЙТИ В БИБЛИОТЕКУ

Рассказ

Надо было работать. Чтобы родители перестали укорять каждый раз, когда выдают большую сумму для поездки на сессию. Лера не любила работать, вернее, брезговала тем кругом вакансий, который ей предлагался. Когда ты умен и красив и видишь, как некоторые менее умные и менее красивые одноклассники расползаются по Европе или престолонаследуют мягкие кресла в папином офисе за штуку баксов в месяц — волей-неволей начинаешь копать в списке, который предложило тебе бюро трудоустройства.

Тэкс, ведем пальчиком по бумажке: мойщик посуды, на три сезона, лагерь «Светлячок», санкнижка, без вредных привычек, зарплата полторы тысячи, питание и проживание за счет лагеря; лепщик пельменей, пельменная на Советской, санкнижка...

От чтения такого вставали перед ее глазами бесконечные погонные метры пельменей и грязной посуды, и Лера лишь пожимала плечами, не зная, как понять, зачем бы молодой девице, у которой неведомая и полная чудес жизнь только еще брезжит и манит, зачем бы ей оказаться в подобной пельменной и отсчитывать каждую секунду своего проживания, каждую заработанную малую копеечку — пельменем, и только пельменем, лихо завернутым, вот этими вот пальчиками защипнутым, пузатым и веселящимся над тобой. А такие девицы были и вполне отсчитывали: пельмени, тарелки, мелочь в душном ларьке, извлекались из бездны и добровольно в бездну сходили. Кто они? Зачем так задаром? Лера пожимала плечами.

Вот и сейчас, она едет в маршрутке, а кондуктор — тонкая девочка, носик-черточка, большие глаза — хлоп-хлоп, от кожи свет исходит. Такие по подиуму дефилируют, да и те, что похуже гораздо, все равно дефилируют, а она почему-то здесь. Медленная. Не идет, по автобусу, а словно бродит потерянно. Встала над новым пассажиром, и пока тот двигает плечами, уходя едва ли не по локоть в карманы в поисках денег, смотрит она взглядом тягучим, медленным в сторону. Потом к Лере. Горсть мелочи на сдачу, рука сухая и теплая, на пальцах трещинки, в трещинках денежная чернота. Добрела до кондукторского места, взяла книгу. Обложка: «Счастье на крови», цвет у надписи, естественно, кровавый. Это что получается? Выпускать из себя ленты синих и красных билетиков, брэнчать мелочью, раздражаться на пассажира, который пятисотку подал, и ты ему сдаешь, выворачиваешь потроха сумки-пояса до последней бумажонки, гонять блеванувшего на заднем сиденье алкаша — да и как его гонять,

когда ты тягуче и в сторону, а тут надо преобразиться, на матюгах его потаскать, тряпку в морду сунуть, чтоб вытирал, а потом, улучив свободную минуту, читать женский детектив, который писала шестидесятилетняя тетка для таких же теток. Как этими глазками — хлоп-хлоп — и в такую книгу. Самоубийство?! Остановка, новые пассажиры, кондуктор нехотя закрывает роман.

Конечно, Лера пыталась. Снизойшла, приоткрыла завесу странного их мира. Пробовалась в круглосуточном цветочном киоске. Но зимой там холодно, а обогревателем злоупотреблять нельзя: цветы сохнут. Ночью страшно, кругом стекло, туалет в полторашке из-под пива. Посидела, постажировалась... Зимой холодно, ночью страшно, а главное, обидно: стекло это, цветные огни ночного города в нем играют, всеми цветами радуги переливаются, как в новогодней сказке, молодежь резвится, развеселые парни с огоньком алкоголя и ночных фонарей в глазах к тебе в окошко головы просовывают, цветы покупают — но не тебе. А каким-то им, им, им! Которым нет нужды торчать по ларькам. Лера ночь пересидела с продавщицей на пару и больше в ларек не вернулась. А продавщица осталась...

Пробовалась еще в продуктовом магазине, тоже не сахар: с девяти утра до одиннадцати вечера толкись за прилавком. Ой, девушка, мне бы сметаны, ой, а поменьше упаковка есть? Ой, а тут двадцатипроцентная жирность? Вот уже и сбегал три раза до холодильника, открыл и закрыл его по три раза. А пока какая-нибудь привередливая старушка авоську свою наполнит, это сколько надо сбегать?

Еще поставили Леру сыр-косичку резать, взвешивать, паковать в пленку и цену лепить... Выдали ей метровую тяжелую сырную змею. Нарезала, взвесила. Все у нее по пять да по семь рублей обрубки получились. Пожала плечами Лера — косичка какая дешевая, не видела она такого ни в магазинах, ни в ларьках. Хотя пиво иногда в охотку пьет и косичку любит. Но что поделаешь — коммунизм в отдельно взятом магазине наступил, пожала еще раз плечами, все запаковала и цену нашла.

Через пять минут завмаг:

— Ты что же делаешь? Тебя кто так научил?

Лера:

— А что?

Завмаг:

— Где ручка?

Взяла завмаг один из готовых обрубков и единичку на ценнике дописала: было пять, стало пятнадцать, сошелся дебет с кредитом, кончился коммунизм, вернулась на свое место небесная арифметика.

— Вот, и так везде поправь. А ты куда смотришь? — это уже не Лере, а девушке, которая Леру стажирует.

— Я че-то самое главное и забыла.

Девушка симпатичная вроде и добрая, потешный зелено-белый форменный колпак, но улыбнулась виновато, и оказалось, что передних зубов у нее нет и вместо них чернота. Так и открылось Лере беззубо-зловещее великое таинство сыра-косички и коллективного разума всех продавцов, которые где бы ни были, но по наитию или, может, по какому мировому продавцовскому сговору дописывали эту единичку...

Но Лера и из магазина укатилась колбаской — гадко, несправедливо быть там... Да-да, отвратительно пред лицом породившей тебя величественной вселенной бросать свое тело и душу на прокорм жаркому помещению с дурными запахами из слабеньких холодильников, соваться в удавку из сыра-косички, отдаться вредным старухам, скупым, вечно хитрящим предпринимателям-работодателям, перед которы-

ми никакой душой и никакими понтами ничего не выходишь, ибо за твоей спиной всегда очередь из более покладистого мяса. Им нужны рабы, нужны вечное ощущение вины за время от времени возникающие недостатки и регулярная благодарность за денежную подачку. Им нужна ты без остатка. Дьявол вон души скупает за разные богатства, за исполнение заветных желаний, за счастливую жизнь, а предприниматель, хрен, он хуже дьявола, он тебя лопаает за так, а потом еще — гляди в оба — и приплатить заставит. Совершенно это «за так» Лере претило и сейчас, видя кондукторшу, похожую на тоненький лучик, пробившийся через приоткрытый вентиляционный люк в крыше маршрутки, видя жуткую старушачью книгу, жадно впитывающую ее свет, преисполнилась Лера брезгливой жалости.

Лерина остановка. Пора выходить. Пора. Все взбрыки, жалобы на плохие условия, чаяния на что-то иное лишь ненадолго отсрочили теперешний знаменательный момент — Лера идет на работу, настоящую, приближается к ней. Тут даже некая черта, что-то вроде клеймления или потери невинности. Если первые опыты — ерунда, понарошку, Лера ведь и сама не верила, что, допустим, останется в этом цветочном ларьке, сидела там, чтобы родителям показать — вот, пытаюсь работать, копила аргументы против: и туалета нет, и телефона с сигнализацией — если вдруг насильники-грабители. А теперь... Теперь она и сама согласилась. Библиотека. Тишина. Книжки... Книжки она любила. Отцу пришлось постараться, чтобы ее без спецобразования сюда определить — хотя забавно, престижа ноль, минимальная зарплата, а вот в блатных теперь получилась, девушка со связями.

В общем, сегодня все не понарошку — позади суровый заградотряд: отец, которому она обязана, Франческа Львовна, директор библиотечной сети, перед которой он хлопотал за дочку, санкнижка, на которую потрачено времени и денег, — отступать нельзя. Только вперед, с остановки, путаными тенистыми дворами, через детскую площадку с желтыми цветочками и скрипом качели — и вот она, Лерина библиотека.

Крыльцо с торца жилого дома и прилепленная к этому крыльцу клумба в бетонной оправе (клумба, правда, частично обрушилась и своей неопрятностью походила больше на корыто для свиней), бетонная загородка с отверстиями в виде ромбов. Так были оформлены практически все библиотечные филиалы, все и всегда, и, естественно, от вида этого пошевеливались детские полусказочные впечатления.

Филиалы предыдущей страны, ее маленькие островки, Стоунхендж ушедшей религии самых читающих. Здесь не приживлялись пластиковые окна и жалюзи, а единственно лишь вгрызлась в стену над входом, как белая вошь с красным глазком, современная сигнализация. Лера вошла.

Помещение ее напугало, казалось, что сюда свезли всю старую мебель, какая есть в городе, все, на чем вздулась, выцвела и полопалась полировка. Сразу же бросился в нос удушливый запах, никак не определяемый. Знакомый... Прение. Прение книг под переплетами, прение полок, стоящих близко друг к другу, прение цветов, бесконечного моря цветов, которые уже не украшали, а оккупировали библиотеку, душили, как сорняки неухоженную грядку. Прение земли в их горшках.

Дорожка от входа была протерта наподобие лыжни — две полосы тянулись метра на четыре, через прихожую, плавно выворачивая к столу для записи. Минут пятнадцать спустя Лере откроется секрет лыжни, с приходом первой старушки — та ровнехонько прошаркает слабыми ногами по этой траектории. Да. Судя по всему, старушек тут водилось в избытке.

Заведующая оказалась неприятной. Обесцвечена перекисью, глаза почти молочного цвета с точечкой-зрачком, рот тонкий и подрагивающий — не знаешь, то ли скри-

вит его в презрительной ухмылке, а то ли и ядом плюнет. На белого угря похожа, которого солнечный свет в библиотечных этих глубинах не касался и цветом никаким не раскрасил. А на шее под линией подбородка два симметричных шрама — жабры жабрами. Было видно, что она страшно гордится тем, как ровненько развешаны ужасные сиреневые шторы, бросающие ей на лицо трупный оттенок, как комично-услужливо веером разложены журналы на низком квадратном столике. Во взгляде — и кто ты такая? Я вот тут все украшаю, лелею, а ты кто? И цветы, цветы — она беспрестанно поливала тучные, с жирным лоском на мясистых лопухах кущи. За этим занятием Лера ее и встретила.

— Добрый день. Я по поводу работы. Франческа Львовна звонила вам?

Заведующая-угорь выплыла из своего растительного логова, поправила прическу.

— Здравствуйте, да, я в курсе. Тогда начнем с изучения отделов.

Без прелюдий Лере вручили том в шесть-семь Лериных пальцев толщиной и грозной надписью ББК — библиотечно-библиографическая классификация. Лера медленно отворила крышку дерматинового переплета.

Эта Книга Книг имела и не менее грозную предысторию. На самом деле истинный ее объем укладывался в тридцать томов, и в 1960 году ее выпустили тиражом в один экземпляр — чтоб было. А для прикладного пользования напечатали вот такой сокращенный вариант. Но тяжесть всех тридцати словно бы оставила в нем свой вес. Словно бы присутствие той, главной, угнездившейся где-то в столичных архивах, ощущалось на этих страницах.

Лера пыталась читать. Занудное описание, хаос — сотня отделов, классификаций, подотделов. Все мелким шрифтом. Глаза спешат за буквами-муравьями, а те врассыпную. Смысл ускользает, ускользает, ныряет в ближайшую ссылку сквозь толщу страниц, а оттуда в ссылку на ссылку... Тогда Лера принялась выписывать номера отделов, классы, шифры: три техника, семьдесят пять спорт, но исписав лист до конца, сдалась — решила на практике себя проверять. Пошла к картотеке, потом к стеллажам. Лере все сильнее начинало казаться, что библиотека — это старый, самый первый в мире компьютер, механический, шелестящий, с миллионом закладок и файлов — книг, страничек; с гигабайтами информации, где люди — курсоры, мышинные клики, в хитрозадуманной, обязательно что-то означающей циркуляции книг по полкам. А ББК — самая матрица, программа, которая всем здесь заправляет. И конечно же, книги она не ценила. Ценила бумажные единицы. Поэтому самый интересный отдел, и он же самый грустный — «Художественная литература». Лера вела пальцем по картотеке... Довлатов, Донцова, Достоевский и еще какой-то акын из местных — он тоже на «До» — и ББК велело им так вот сожительствовать вместе — вековать в одной камере с табличкой «До». Все одинаково ждали своего часа и по прошествии лет безжалостно удалялись, вытесненные новыми поступлениями...

Вот и сегодня в углу прихожей стояла очередная партия спеленатых в последний поход книг. Лера весь день бросала на них тревожные взгляды, еще не зная, для чего они там.

Наконец-то спросила.

— Эти-то? На сожжение, — подтвердила ее опасения заведующая.

— Но там же совсем целые есть...

— Ну может, в архивах пролежали. Мы списываем по дате издания. Нет сейчас места для хранения даже в центральной.

Наверное, беда Лерина в том, что она относилась к книгам как к живым. Под прищмотром ББК они медленно переминались в своей очереди на сожжение, стонали,

интеллигентно покашливали, опасливо на ББК озирались. Охал Волошин в потрепанном сюртуке — слишком потрепан, того и гляди, возьмут на заметку, по-хозяйски цветастым боком пихался Стогофф, Устинова — им пока нечего бояться, они на коне, в пахнущей еще типографией обложке, со свежим годом издания.

Живые. Со своими характерами, симпатичные и не очень. Наверное, Лера перечитала сказок Андерсена... Но и сам Андерсен стоял тут же и вздыхал. И Лера с грустью подумала, что со временем — поработает она библиотекарем месяц-другой — стихнут их голоса, превратятся они и для нее в бумажные единицы. И перестанет она замечать, как новые издания, в основном детективы и женские романы, вытесняют старые и как библиотека превращается в ларек.

Где-то к вечеру случилась первая стычка с заведующей. Из-за Пауло Козльо. Вернули книжку, Лера записала читателя и направилась с книгой к разделу художественной литературы.

— Куда? Куда? — встала грудью заведующая в проходе между стеллажами.

— Что куда?

— Куда ты хочешь поставить эту книгу?

— Сюда. Художка. — Лера искоса глянула в свой список, который носила с собой. — восемьдесят четвертый отдел.

— Это раздел духовная литература. Ты книгу-то не читала? Прочти, мои дочери мне сказали, что нашли там для себя много мудрого, — отрывисто и назидательно сказала заведующая.

— Это духовная литература?! — Лера не сдержала усмешку. — Вы ошибаетесь, восемьдесят четвертый отдел. Художка. И не самая лучшая.

И тут на заведующую снизошел дух. Еще моложавое и даже чем-то привлекательное лицо трансформировалось. Смешно выпучились глаза, вены на лбу вздулись. Раздался оглушительный крик.

— Ты еще ничего не понимаешь в книгах! Это книга о духе, о... Я работаю давно, двадцать лет, я знаю, в какой отдел ее ставить! — захлебывалась заведующая.

Лера обмерла, заворуженно смотрела на диковинную сюрреалистическую картинку: как это вдруг в один момент переменялось лицо, заходили жилы и даже жабы, казалось, заработали, захлопали. Заведующая выхватила книгу и, оттолкнув Леру с дороги, двинулась к заветной духовной полке.

— Это, по-моему, ваше личное мнение, — только и сказала Лера вдогонку, потирая плечо. Смеяться или психовать? Она еще не выбрала.

— Ты будешь со мной спорить, — уже спокойно, сытым тоном победителя ответила заведующая и заботливо поставила книжку на место. — Редкие люди ее берут, очень умные, очень образованные!

Естественно, имелось в виду, что Лера в эту категорию никаким боком...

Впрочем, дальше заведующая вела себя так, будто стычки никакой и не было — ценные указания и просьбы сделать то-то и то-то звучали едва ли не ласково.

За полчаса до конца рабочего дня заведующая набирает в ведро воды, вооружается тряпками разного калибра и начинает уборку — она взяла себе еще и ставку уборщицы. Смахивает с передних углов пыль, протирает радостные листочки цветов, моет пол. Пока она гремит ведром и чавкает тряпкой, Лера тихонько идет в прихожую, садится на стоящую там скамейку и шевелит обреченную, весь день ее манившую стопку книг. Астафьев, Ремарк, Зощенко. Озираясь на заведующую, которая кряхтит, елозя тряпкой между стеллажами — зад в джинсовых штанах ходит маятником в узком проходе, цепляясь за книжные переплеты, — озираясь, Лера выцарапывает из связан-

ной стопки приглянувшиеся книги и откладывает рядом на скамью. Раскрыла одну, как будто буханку преломила — переплет развалился, и половинки держатся на ветхой тряпочке корешка. Пошелестела страничками — вот фантик из фольги, тщательно разглаженный плоскостью ногтя, разглаженный в далеком 1989-м, если верить последней записи — кто-то читал и остановился тут, на второй трети, дальше не пошел. Оставил свой флаг. А Лера меж тем еще и не родилась...

Раскрыла другую. На титульном выведено чернилами наискось: «Дорогому Алешеньке в день двенадцатилетия от бабушки. Будь умным, добрым и смелым мальчиком». У Леры даже мурашки побежали по спине... Книга хорошо сохранилась, ее мало читали. И помнит ли Алешенька о бабушке, оставшейся только тут, под затхлостью плотного переплета, расплывшейся бледно-лиловыми чернилами по желтой сухой бумаге, похожей на старческую кожу?..

Лера прячет добытые книги под скамью.

— На фига тебе это старье?

Все-таки увидела. Из весьма странной позы. Заведующая схлопнулась с завидной для ее возраста ловкостью пополам и трет ножку стула, меж тем голова ее выглядывает между собственных ног, и заведующая смотрит на Леру и говорит с ней из-под собственного зада.

— Все выкидывают, а ты гребешь.

— Я такое читаю, — отчетливо отвечает Лера. Она поджимает губы, чтобы не рассмеяться — что за картина! — с раскрасневшимся налитым лицом, с задранной задом, в позе самой старательной технички заведующая остервенело трет ножку стула, не видя, как ее туфли чертят каблучками на желтом линолеуме жирные черные полосы.

— Да ну, эти книги уже... ненормальные... — Заведующая разогнулась, фыркнула, убрав тыльной стороной мокрой руки налипшие на вспотевший лоб желтые сосульки. — Грязь только разносить, я дома всю пылку повыбрасывала.

Она чистюууля. Но Лера смотрит на черные жирные полосы...

Домой Лера шла натяжеле. Перед собой в пакете несла стопку книг, протыкающих углами целлофан. И шептала в пакет, когда он грозился порваться и просыпать содержимое:

— Ну-ну, мои хорошие, скоро придем, не беспокойтесь, я вас никому не отдам.

А ночью Лера была в гостях у ББК Или у заведующей... Или у ББК, которая выглядела как заведующая, только толще. Они сидели за столом и пили чай с шоколадками. На плоскости стола была нарисована закрытая книга, и Лере надо было делать вид, что она ее открыла, перелистывает и внимательно читает. Она даже старательно шевелит губами, словно заучивая несуществующий отрывок, но...

— Таким, как вы, никогда не хватает ума и образования... — наконец произносит тетка.

Возмущенная Лера поднимает голову, а тетке только того и надо — она расправила огромную серую влажную тряпку, накидывает ее Лере на лицо и душит...

Утром Лера не смогла сразу встать, слабость, температура поднялась до тридцати восьми. Отец только махнул рукой: «Все не слава богу! Не срачка, так болячка! Поработала». Махнул и ушел на службу. А мама вызвала участкового врача и вскипятила чайник. И вот оставшись одна в своей комнате, Лера поставила остывать дымящуюся кружку с чаем на подоконнике, вытянула пакет с книгами из-под кровати и стала расставлять их на книжной полке. Места там было еще предостаточно.

МОСКВЫ НЕТ**Правдивая повесть, полная грустного волшебства****1. Настоящая кабарга**

Даша сошла с ума. Да, так она и прочитала — в киоске «Союзпечать» были выставлены газеты с программой на новую неделю. На первой полосе жирный заголовок, буквы перекошенные — экзотический шрифт с левым наклоном. Десять газет за стеклом выставлено, десять заголовков, кричащих о ее сумасшествии.

«Знак», — подумала Даша.

Она и правда свихнулась, и мир преобразился. Но при этом остался при ней кто-то здоровый, ухмыляющийся, констатирующий. Он вздыхал в лицо преображенному миру — мда-а-а...

Мда, в этот день Даша безнадежно поломалась. Вот если встретить ее, сразу видно — поломалась. И дальнейшее ее дление просто бюрократическая проволочка.

А утро, как говорится, не предвещало ничего неожиданного и predeterminedного. Даша проснулась в своей постели под толстым одеялом, проснулась с наушниками в ушах. На груди, поверх одеяла лежало радио, в ушах играло радио, волна «Наше радио».

Мать ушла на работу. Сожитель, или как назвать? — человек, которому они сдавали комнату, чистил картошку на кухне. Ну да — жил ведь с ними, значит, сожитель. Протопап в туалет, Даша махнула ему рукой.

Молчун. Деревенский. Приехал учиться. Друзей еще не нажил, сожитель идеальный — тише воды, ниже травы.

Но выпить, конечно, не промах. А выпив, открывал свой молчаливый рот. Все ахал, в парке был — видел настоящего уличного художника, который тебя за четыреста рэ рисует, в музее был краеведческом — видел настоящее чучело настоящей кабарги — у нее зубы как у саблезубого тигра, посмотришь на зубы — тигр, а вообще, олень оленем. Был в супермаркете, ехал на самом настоящем эскалаторе до второго этажа, и там, на втором, продавали настоящие водные мотоциклы.

— Дома есть «Урал», — говорит сожитель, — когда после дождя дорогу разворотит грузовиками, грязь, лывы. Как выкрутишь газюлю, и туда на всей скорости, мотик жопой юлит, на дыбки встает, по шее в грязи, но зато весело и бодро. Живу. Осяза-а-ю! Ну а водный мотоцикл, думаю, ощущения — шик, шик, точно не хуже.

Пили вместе, но ничего более. Даша и не была красива. Плечистая, толстолобая, кость в нее вбита широкая и квадратная, как брус — не всяким браслетом запястья перехватишь. А с некоторых пор, как не получила вызов в московский вуз, перестала за собой ухаживать и вовсе толстеть начала.

— Вова, — звали сожителя, — ты так восторжен, как будто не в запинду нашу приехал, а в Москву, как будто не в музей наш, а в Третьяковку ходил. Ептиль, это ж где?! Где нужно жить, чтоб наша запинда вам ну как Москва показалась?!

— Ну, — Вова смущенно лыбится, крутя в пальцах стопку, — так уж вот...

— А-а, Вовча! Признавайся! У вас там в окнах вместо стекол бычьи пузыри, поди, а? — и нараспев: — Сквозь узкое оконце... пробивался тусклый дневной свет...

— Ну брось, Дарья.

— Хха, Вовыч, а презики есть у вас, ну презики? Или че? Опять бычий пузырь? Хххаха! Универсальное средство!

Гоготнула еще. Вова налил в стопки.

— Ну давай, Вова, давай, твоя мечта сбылась, пусть и моя сбудется.

Выпила, поморщилась, потыкалась вилочкой в холодные слипшиеся макароны.

— А у тебя мечта в Москву, что ли?

— Вовча, да ты, блин, психолог. Психолох. Да, Вова, Москва, звонят колокола.

Участь моя такая, судьба. Вот какая у меня фамилия?

— Кольцова, — сквозь дырки в непрожеванных макаронах говорит сожитель.

— Воот! Ответ правильный, будет тебе красный диплом в твоём селпо. А кольца? Кольца есть? — и пеньками-пальцами поигрывает у его носа.

— Укм... — Вова отрицательно мотает головой.

— Точно! Ну не налазят на меня кольца, Вова, одно мне только впору — Са-до-во-е.

Но это было не сегодня, а, допустим, вчера, а сегодня Вова ловко и звонко гулял ножичком по картохе, и длинные спиральки кожурки тянулись и падали в помойное ведро. Договор у них: можешь пользоваться хозяйскими картошкой и луком, ну чур уж приготовить на всех.

Даша махнула ему, прошла в туалет — не вынимая из ушей радио. И там, на унита-зе, как это часто бывает, все и открылось ей в новом свете. Вышла она из сортира, как из портала — чужая даже себе и не пойми в чей мир.

На газовой плите меж тем уже шкварчит.

— Кушать будешь? Еще минут десять, и океюшки.

Кольцова пошла на звук, встала в проходе. И не родная кухня будто, а ростовая картина перед ней, а дверные косяки ну вроде как рама этой картины. Посмотрела на пластмассовый плафон в точках от мух. На вилку, которая с лязгом отдира-ла от сковороды пригоревшие куски картошки. На железный скворечник газовой колон-ки. Стыки стен и потолка, две трубы отопления — уверенными, но нарочито неров-ными, пьяными линиями проведены. Краски: грязно-желтая и охра. Кольцова опер-лась на раму картины и неохотно обмакнула в нее лицо.

— Ты кто и зачем? — спросила.

— Я? — рябое лицо сожителя обернулось и стало грустным. — Я... Вова, студент... Живу... Кушать-то будешь?

Рябое, как будто тоже мухами засиженное.

— Это... все... очень сложно... — пробурчала Даша и побрела прочь, одеваться, и уже совсем под нос: — Приличного человека Вовой не назовут...

И вот вышла она из подъезда, и перехватилось в ней дыхание — вокруг Москва!

2. Любовь и голуби

И не то чтобы прям Москва и Кремль, а так, типа Бутырского района — вроде и пя-тиэтажки, и тесные «Пятерочки» в них. А через дорогу ржавые гаражи, и за ними бомжики гнездо свили из старых кресел и кустов. Такое вроде родное все провин-циальному зрению, но дух, смесь дегтя, гари, шаурмы, ммм, у Дашки мурашки! Каждый шаг ну как по минному полю, где, кроме злых мин, еще и добрые есть — взорвать тебя могут пузырьками шампанского, поцелуем малознакомца и брызгами цве-та в ночных витринах. Даша сдернула наушники, чтобы вдохнуть в себя Москву и уша-ми тоже. А наполнившись, ей хотелось лопнуть и всякого обрызгать своим счастьем.

— Доброй трапезы, вам, свободолюбивый люд! — откланялась бомжикам Даша.

— И тебе попутного ветра! — ответствовали бомжи, покачиваясь в своих креслах и постукивая о подлокотники мундштуками.

И пошла Даша дальше не спеша — страшен Даше шаг. Куда идет — не знает, все по наитию. Миновала гаражи, за ними мусорные контейнеры, видит, там голубь трепыхается — на шею намотался пакет. Сунул голову в ручку от пакета и накрутил ее себе на шею — в длинный тугой жгут скрутил, как удавку.

Даша к нему, а он отбежит — упадет, отбежит — упадет. Но потом уже лег и моргает. — Че, где мозг-то в тебе, суицидная птица... — приговаривает Даша.

Размотала, освободила и швырь в небо.

Не то чтоб голубь патетично растворился в небесах, нет, ему было еще паршиво, он вспорхнул на ближайший гараж, и то в основном за счет заданного ускорения, но: «Брррррр, кайф-то какой, — Даша гоготнула и стала танцевать, — я голубиный супермен! Я повелитель жизни! Лети, сизарь, лети, неси восточку на малую родину».

Однако недолго танцевала, споткнулась о торчащую из сухой травы железяку. Упала аккуратненько, без ущерба, как колобок перекатилась, но перекатилась прямо в грязную колею — ладошками, лицом. Поухала, попыхла, грязь на себе порастерла, давай проверять, обо что споткнулась, а это валяется в траве полутораметровый обрезок арматуры.

«Та-а-ак... погодите, — говорит себе Даша, — а ведь это знаки, это все были знаки».

Берет Даша арматуру, встает, опираясь на нее, словно на посох, да потом как хватит оземь.

— Вот изношу тебя да хлебов железных изглодаю, и будет мне тридевятое царство — ептель — государство!

Голубь одобрительно сморгнул.

3. Занимался день

Солнце стало припекать — бабье лето. Даша шла до ближайших хлебов железных. Только теперь она осознала, что одета не вполне по сезону — в черный бесформенный пухан, утерла пот с широкого лба, размазав еще немного грязи. Но не бросишь же пухан, вокруг Москва, чужой город, скоро холода, надо просто обождать.

Перешупала карманы, там карта, и откуда-то из дымки прошлой жизни выплыло воспоминание, да, на карту эту пособие по безработице капало, тыща пятьсот рубликов в месяц, Даша не тратила специально для такого вот дня. Занимательного дня... Еще нашла зажигалку и деревянный мундштук, покрутила его, попробовала на зуб — мундштук вкусный. А телефона вот не нашла...

Навстречу продуктовый павильончик.

— Кудить с холодным оружием! — взвизгнула продавщица.

Даша опешила, проглотив обычное свое приветствие.

— Да это посох!

— Вы хромая? — Даша отрицательно мотнула головой. — Тогда за дверь его, с собаками и посохами — идите мимо!

Даша смиренно вынесла посох из павильона.

— Другое дело, — продавщица радушно осклабилась золотыми зубами и огладила кучерявый шар волос на голове.

— А вот мне бы хлебов железных да зелья молодецкого, ну мадеры там бутылочку, гулять так гулять.

— У-у, хлебов железных у нас полно, — не растерялась продавщица и сгребла с прилавка все позавчерашние пирожки-беляшки, — а мадеру, не поверите, повадились португальцы скупать, тоска по родине, знаете... Полчаса как забрали всю мадеру, вот есть напиток винный в коробках за девяносто. Малинка! Сладенько, ням-ням.

— Ахм... Давайте... попробуем малинку...

— Не пожалеете, три хватит?

— Вы, однако, мадам...

— Она легонькая, пятнадцать оборотов всего, — мадам продавец подмигнула со знанием вопроса, пропикала коробки и в пакет их.

— Да, еще... «Житан брюн» без фильтра, если можно.

— Тхре дезоли мэс селемон пхрима, — не дрогнув, ответствовала мадам продавец.

— Ч... что, простите?

— Без фильтру только «Пхрима» и «Астрха». Обе пробивать?

Вышла Даша с огромным пакетом дешевого бухла и старых пирожков, почесала затылок.

— Едрить, что это было вообще, а? А дальше что?

Москва не ответила.

Нахмурилась Даша, поиграла бровями, словно бы помогая мозговым извилинам шевелиться. Занесла указательный перст.

— Надо перекурить!

Там за павильоном, расположившись прямо на газончике, вставила «Приму» в мундштук, прикурила, закашлялась.

И осипшим голосом:

— Знаю! Теперь знаю. Кхакхах, тьху... Сейчас будет знак...

Вставила наушники, досчитала до трех и включила радио.

А там Васильев поет:

«И черный кабинет,
И ждет в стволе патрон».

Ну спасибо тебе, Васильев, подсказал, хоть сразу в землю ложись и закапывайся.

«Так тихо, что я слышу, как идет на глубине
Вагон метро».

И тут Даша радостно бьет себя по лбу.

— Метро-о-о!

4. На Менделеевскую

А метро все не попадалось... Даша посмотрела на табличку: улица Щетинкина. Знака она в этом никакого не узрела, ну что, ну мужик с мордой в щетине ее спасет, что ли? И про улицу такую московскую знать не слыхивала. А основные-то улицы она даже учила — откроет яндекс-карты и мысленно гуляет по Петровке, пинает желуди в ост-танкинском парке, ловит брызги фонтанов возле Большого театра.

Тем более что и не видать никакого мужика, а навстречу идет девушка.

— Мое почтение, барышня, как пройти до ближайшей станции метро?

Девушка оторвала взгляд от телефона, красиво повращала глазами яблоками и ненавязчиво отшатнулась.

— Ну и ладно, и так бывает, — лязгнула посохом по брусчатке Даша, — Господь людей из праха земного лепил, это надобно принять, и уж спасибо, что из праха, а не...

А вот и мужик в щетине.

— Доброго здравьица, мусье...

— Да б..., здравьице тебе бы не помешало, — сказал мужик, толерантно поглядывая на арматуру и плавно ускоряясь на полубег.

Вздыхнула вслед и дальше пошла.

— Вот правду мне мама говорила: не спрашивай у москвича дорогу — либо соврет, либо проигнорит.

Решила — сама найдет, метро не иголка, чутьем найдет, да хоть по дрожи земной, по вою поезда, по запаху! Гарь, креозот, которым пропитаны шпалы, горячий ветер, из этой волшебной смеси состоит призрачный поезд, который всегда предшествует реальному — свистящему по рельсам. Он выталкивается из тоннеля, врзается тебе в лицо и увозит твою душу мотаться по Кольцевой, и это не отпустит тебя никогда, даже если Москва отправит тебя в изгнание и кончишь ты на алтайской заимке, обложившись дичью, пихтой и возложивши на грудь банку варенья из сосновых шишек, рассуждая, мол, не люблю я Москвы, спешка, муравейник, мол, гастарбайтеры, и все крякнут и поддакнут, дааауш, а замахнем-ка лучше настоячки на кедраче, но... но ты тайно будешь искать этой музыки рельс и эскалатора ритмов, и вдруг повеет далеким керосиново-креозотным, и ты завертишь головой: откуда? Тихий ангел пролетел? Да, дружек, ангел Москвы.

И нашла, конечно же, на перекрестке. Дыру подземного перехода — верный признак метро. Спустилась по ступенькам.

Мама учила, что в метро надо все время вверх смотреть, там повсюду указатели — захочешь, не заблудишься. Но загвоздка: нет указателей. Собственно, даже людей нет, непопулярное метро какое-то. Только ларьки с побрякушками и газетами вдоль тоннеля. Тут-то Даша и увидела «Союзпечать» и газеты с кричащим заголовком «Даша сошла с ума».

— Мдем... это как в Москве прям — не на той остановке сошел, не в тот проулок свернул, и все ... как же теперь обратно ум найти да в него вступить?

Нырнула головой в окошко. Там старушка вяжет в уютном теплом круге настольной лампы.

— А по безналу у вас можно?

Старушка, не поднимая глаз в толстых очках:

— Можно...

— Дайте вот это вот, свежий номерок.

— Берите...

Пропикнула карточку.

— А еще... а не подскажете, где здесь переход на Менделеевскую?

Старушка отложила вязанье, медленно навела все свои многочисленные диоптрии на Дашу и, выдержав паузу, ответила:

— Нет, не подскажу.

5. Пушкинская скверна

— Ах, Александр Сергеевич, милый, ну что же вы нам ничего не сказали... Затиха-рились тут, — Даша распростерла объятия, насколько позволяли ее котомка и посох.

Александр Сергеевич и правда был тих и неприметен, ростом с Дашу, и постамент не выше табуретки... На фотках, прикрепленных к маркеру, на яндекс-карте выглядел он как-то помонументальней, а здесь — в темноте пройдешь, с пьяным мужиком спута-ешь. Площадь вокруг него тоже стянулась в уютный кружочек с лавочками и кустами. Но это определенно был Пушкинский сквер — только карликовый, уютный. И Пушкин, простой парень Пушкин встречал тебя здесь, не грозилс тебя пятой растоптать, как каменный гость, или пожечь глаголом. Разве что на брудершафт намекал.

— Хммм, — протянула Даша, припоминая карту, — это значит, я по Тверской сю-да пришла, и получается... Садовое-то в двух шагах! Благодарствую, Александр Сергеевич, за вспоможение!

Похлопала его по пузику, потом подумала, что это уж чересчур — откашлялась и поклонилась.

Решила устроить здесь привал да поглотить хлебов железных, в хорошей-то компании. Плюхнулась в середину лавочки, вынула руки из рукавов пухана, оставшись при этом в нем как в гнезде, вынула ноги свои переходящие из бот — ну будто душа, которая из спящего тела вышла поразмяться да помлеть в лучиках астрального солнышка.

В левой руке пирожок, в правой стаканчик с малиновой жидкостью — выпила, закусила.

— Брррр, что ж так хорошо — с каждым глотком все вкусней! — ммм, о-о-о, сладко мне, сладко.

Стонет Даша и головой раскачивает. Пушкин строго смотрит на Дашу. Перехватила взгляд.

— Александр Серргеич? Ах вы, плут, понимаааю, понимаю!

Берет из пакета второй стаканчик, наполняет и прям босиком шлепает к постаменту.

— От наших вашим, гыгык.

И полпирожка в придачу.

Потом для пушего действия смачивает пальцы в своем стакане и окропляет Пушкину сюртук.

— Напитывайтесь, вот так, и дайте мне огня, огня!

Сбрызнула и себя. Ну вроде совсем хорошо, сейчас треснет бронза, и Сергеич залыбится.

— Во глубине сибирских руд не пропадет мой скорбный труп, — Даша грозит Пушкину пальцем, — и дум высокое сомненье...

И звонко шлепает назад.

Пиршество такое привлекло стайку голубей, все они походят на того юного спасенного голубя и бесстрашно запрыгивают на колени и на плечи. Даша ломает им пирожки да беляшики. К слову сказать, беляшики они охотно лопают с начинкой, а вот капусту из пирожков вытряхивают.

— Где моя оливковая ветвь, праздные птицы? Где берег мой, тонкой линией?

Но голуби знай себе порхают, поднимая пыль, курлычут и кормятся уже прямо изо рта, как птенцы какой-то гигантской голубиной матки.

— Щекотно, щекотно! — гогочет Даша набитым пирожками ртом.

Самый наглый решил ограбить Пушкина, но тут...

— Кышшшш, кышшшш! — не столько прокричал, сколько прошипел кто-то.

И пернатая свора снялась с Дашиного тела и рванула в небо. Даша обернулась на звук.

— Прошу прощения, я немного наблюдала за вами, — это была милейшая дамочка ближе к пятидесяти, тонкая, шелковая, в прозрачной летящей шали, как из нее исторгнуто было столько свистящего шипения, не вполне даже и понятно, — позвольте, я присяду с краюшку тут.

Даша пребывала еще в легком смятении от этого внезапного «кышшш», а рот ее все так же был набит пирожками, поэтому она издала неопределенное «гму», и руки ее тоже изобразили что-то неопределенное, какие-то восьмерки в воздухе выписали, типа как вам заблагорассудится.

— Я заметила... вы тоже любите Пушкина! — заговорщицким тоном сказала дамочка, присев на лавочку.

— Ннуумкг, — Даша уже прожевала, но решила сделать вид, что нет.

— Вот и я, — кивает радостно дамочка, — вот и я... как мимо с оказией, так обязательно, присяду тут, новости расскажу ему.

Хихикнула в сухой кулачок.

— А на днях такое учудилось, — понизив голос, продолжала дамочка, — все Пушкин да Пушкин, дай, думаю, Лермонтова почитаю, и перед сном взяла и почитала. А ночью вижу, сидит на табуретке у изголовья и молчит. Он! Ну я приободрить! Что это вы, Александр Сергеич, невесел, буйну голову повесил? А он как встрепенется да зыркнет! Ответьте, уж мало я любил да лобызал вас, моя Раиса друг Филипповна, что вы меня так предаете? И с кем? С этим выскочкой? Тут меня как громом и поразило, вот в чем дело! Бухнулась в ножки, прости, батюшка, прости, родимый, да разве ж я знала! А утром проснулась — и Лермонтова в помойку! Вот так... вот так...

Дамочка глубоко вздохнула.

— Умпф... Воистину, Александр Сергеич, каков памятник нерукотворный вышел-с...

— Именно, именно, вот мы сидим перед ним и думаем, что это он для нас памятник, а нет... Это мы ему памятник. Я. И вы.

— Как это... глубоко... и пугающе... — выдохнула Даша.

6. Вепрево колено

Видя, что Даша сгребает скарб, вдевается обратно в свои боты, Раиса забеспокоилась.

— Ой, вы уже нас покидаете, простите за навязчивость, может, по пути?

— Я, — сказала Даша, — а я иду в общежитие заселяться, получила вызов на абитуру, во!

Даша достала приснопамятную газетку.

— Может, и по пути...

— Ах, я вам завидую, прекрасная пора, университеты... университеты... А я в редакцию. Стишат несуд. Хотите в редакцию?

«Это знак», — подумала Даша.

Редакция была большая и занимала едва ли не весь первый этаж жилого дома. Внутри — блаженная прохлада и тишина такая, что Даше неловко было посохом по полу стукнуть — держала его на весу.

И в самом дальнем тупике, после зеленого коридора, обнаружилась нужная дверь с табличкой «Редактор журнала».

Раиса бесцеремонно ее распахнула.

За столом кто-то встрепенулсЯ раненой птицей, Даша успела заметить, как до этого он лежал, уткнувшись лбом в пачку листов А4, а теперь, когда он выпрямился, прилипший ко лбу лист плавно опал обратно на стол.

— Здрааавствуйте, Андрей Борисович!

— Спасибо... и вам того же...

Андрей Борисович поморгал, пригладил волосы.

— Мда... а я вот не одна сегодня, гостью вам привела... могли бы и привстать...

Андрей Борисович на мгновение оторвался от кресла и тут же примагнитился обратно, изящно совмещая в этом перформансе кротость и протест.

— Знакомьтесь. Это...

— Даша... — сказала Даша и спрятала посох за спину.

— Она студентка и тоже любит литературу.

Андрея Борисовича обратно в кресло так и вдавило. Повисло молчание, только слышно было, как Раиса нервно постукивает своими мушинными лапками по клатчу. Молчание, молчание...

— Дашенька, да уже снимите вы свой пуховик, жарко ведь вам, — не выдержала Раиса.

Дашенька покорилась.

— Да, — очнулся под шумок и Андрей Борисович, — как это верно, как неотвратимо!

Он с грохотом выдвинул столешницу, выудил оттуда широкий толстостенный стакан и бутылку коньяка. Цок-цок-цок — забулькал в длинном горлышке коньяк, отправляясь в стакан.

— Простите, но стакан у меня один!

— Фу-фу, — Раиса прикрыла шалью нос, — этот запах.

— Будете? Стакан мытый! Я еще не пил из него, — и протягивает Раисе, — помянуть Загорюльку...

Она шарахается, как черт ладана, вскакивает со стула.

— Точно не будете? Я сейчас выпью, и он станет немытым!

— Спасибо, Андрей Борисович, — продолжая зажимать нос, говорит Раиса, — но я пойду, пожалуй. Даша, вы со мной? Нет? Ну всего вам доброго и будьте осторожны! Стишат я оставила, Андрей Борисович, не забудьте, и вам тоже всего доброго.

И вот ее уже нет, похоже, и сам Андрей Борисович не ожидал настолько ошеломляющего эффекта и, с некоторым восхищением покрутив в стакане янтарную жидкость, неспешно влил в себя.

Стукнул стаканом по столу и изрек:

— «Вепрево колено».

7. Участковый Вельзевул

Бутылка уполовинилась. Даша пила то коньяк, из дружелюбно подставленного ей второго стакана, появившегося из той же столешницы, то свою красную жижицу. Беяши и тут пригодились.

— А с коленом такая вот история получается, — отвечал на ее вопрос Андрей Борисович, — неправильно он готовил это колено, жирок-то внутри под корочкой должен был запечататься, а он его на противень вытопил... Каков поэт, таков и кули-нар, прости Господи... Но суть в другом.

Борисович сдвинул брови.

— Я... Я готовил это «Вепрево колено», уж шибко литературно оно называется, как сдержаться. Приготовил, румяно, обло, сверху будто карамельная корочка, ну как на штруделе... вилочкой — дзынь, дзынь — разбивается. А оттуда сок, сок!

Андрей Борисович аж глаза промокнул рукавом.

— Епиль-мопиль, — сглотнула Даша и с сожалением посмотрела на свой заду-бевший беляш.

— Да! Можно ли помыслить, чтоб такое и не сфоткать? Я и сфоткал. И в вэкашку выложил на стену. Фотка еще вкусней получилась! И этот х..., прости Господи, Загорюлька лайк поставил, а потом в личке рецепт спросил, в гугл же мы, поэты, не ходики... Нам с Мельпомены слазить... да с Парнасу... Теперь ты понимаешь, к чему я веду?

Он впилился в Дашу взглядом.

— Вы... убили Загорюльку! — восторженно прошептала Даша.

— Да... хорошим вкусом, добрым нравом, кулинарным талантом... Теперь ты знаешь мою страшную тайну.

Андрей Борисович допил стакан, тут же наполнил и подпер голову рукой, запустив пятерню во взлохмаченные волосы.

— Так если б это единожды... Не-е... Кинешь донат знакомой на операцию у нейрохирурга, так она теперь после операции только на четвереньках и ходит. Поможешь знакомому колесо перебортировать — вечером в сосну врежется, прощай бампер. А уж скольких я осчастливил, не зная последствий? Дал третьего дня старушке на хлеб — а она, может, корочкой подавилась? А? Или мост сломала, ну зубной, который как три ее пенсии стоит? Каково?

Андрей Борисович патетично вскинулся своим упитанным пономарским телом, офисное кресло откатилось, ударилось в стену, распахнул с треском старые рамы, уселся на подоконник, небрежно поставив ногу на батарею. Теперь он был весь красиво обрисован близящимся к закату солнышком.

Даша заморозенно открыла рот.

И закурил, достав зубами сигарету из хрустящей пачки. Пронизанное лучами облако окутало его профиль.

— Я уж подумывать стал: а не князь ли я мира сего? Ну сего, не всего, конечно, но так, областной, региональный какой-нибудь дьявол, может, районный. Участковый! Хорошо звучит! Участковый Вельзевул!

— Чрезвычайно звучит! Почти как шестикрылый серафим... — Даша проследила за тремя кольцами дыма, разбившимися о раму, — а можно я тоже...

Андрей Борисович поманил ее пачкой.

— Присоединяйся, только туда не дуй. — Он показал на датчик в середине потолка.

Даша вытащила мундштук из пуховика, висевшего на спинке стула, и тоже забралась на подоконник. Теперь они оба сидели на подоконнике, свесив ножки, и дули дымом в оконную решетку. Подоконник был глубокий, просторный, как во всяком старом кирпичном доме.

— Право, не тем я занимаюсь, что это вообще, старые девы-пушкинистки, пионэры с фэнтезийными романами... Потому и каждый их памфлет вызывает во мне бездну страданий! Я душами банчить должен! Сомневаешься? Думаешь, не гожусь я в дьяволы? Да что тут думать! Даже жена моя, плоть от плоти, после развода лесбиянкой сделалась. Это же какая сила ада в том браке разыгралась!

— Лесбиянкой? Да вы сущий дьявол, мессир! Больше не нужно аргументов.

— Одного в толк не возьму: откуда доброты во мне, во дьявольском отродье? Я даже нож лижу специально, чтоб злее быть и никому не подавать. И опять же получается, не подавать, чтоб вреда не принести. Выходит, и зло мое из доброты произрастает!

— Не переживайте. Это не доброта. Это великодушие.

Андрей Борисович встрепенулся, посмотрел на Дашу, словно впервые ее увидел, за все время беседы, разогнал рукой дым между их лицами.

— Какая же вы умница. Какое верное замечательное слово. Великодушие.

И беззащитно как-то заулыбался. И благодарно еще.

— А поцелуйте меня, душу за поцелуй, а? — выпалила Даша.

Тут Андрей Борисович нахмурился, с сомнением окинул ее взглядом, но отказывать страждущим он не умел.

— Зачем же обязательно целоваться? Ты видела, как это делают тюлени?

— Хорошо сравненьице, гыгык!

— Они открывают пасти, словно хватая радость, растворенную в воздухе. Похрюкивают от удовольствия...

- Бох ты мой!
- И трутся при этом лицами! Вот так, — Андрей Борисович показал.
- Ахах, щетина...
- Тюлени в нее просто завернуты до хвоста!
- Ты был на севере, с тюленями? Ахах.
- На ютубе я был! Зачем ты разговариваешь, лови радость ртом!

8. Москвы нет

И бутылки как не бывало.

Даша сидела теперь рядом, за столом.

— Ну, и что ты мне показываешь? — Андрей Борисович теребит газетку. — Даша сошла с ума... На днях Дарья Донцова завела еще одного мопса... при том, что у нее... что это за ахинея? Тэвэпрограмма... вульгарщина какая-то...

— Это знак, — Даша отнимает газету и складывает в свой изрядно похудевший пакет.

Движения ее отрывистые, пьяные. И сама покачивается.

— Знак чего?

— Заселяться я иду. В общежитие... чего-чего... вызов мой на абитуру. Я даже не против, чтобы вы меня проводили, вот чего. Дорогу я не очень знаю.

— Эммм... поздравляю, и какая улица тебе нужна?

— А Добролюбова нам нужна.

— Хм-хм, впервые слышу, — он открывает Интернет на компе и лезет в яндекс-карты.

— Самая обычная улица... Вы, сударь, как неродной. Не москвич, что ли? — и толкает ощутимо так Андрея Борисовича в плечо.

Андрей Борисович поворачивает к ней изумленное лицо.

— Что? Я слишком фамильярна? Простите-простите! — и наигранно стряхивает с его плеча пыль.

— Ахм...

— Ой, у вас чей-то волос тут, — она продолжает исследовать рукав Андрея Борисовича.

— Ты в Москве, что ли?

— А ты? В Северомуйске?

— А я... практически да.

— Очень жаль, — Даша отлипла от его плеча и хлебнула из коробки, — как московский редактор вы смотрелись гораздо выгодней.

— Да разуй глаза, отроковица, мы посереде страны, прямо промеж булок. Нет у нас Добролюбова! Я тебе больше скажу, никакой Москвы нет! Проверено. Может, и была раньше, да вся испарилась. Минуту...

Андрей Борисович шуршит бумажками в очередной столешнице и выхватывает оттуда большой конверт от ценного письма.

— Вот изволь, что тут написано? Я же писатель, я в редакцию журнала «Знамя» повесть отправлял. Марочки эти слюнявил. Феноменально, да, они до сих пор бумажный вариант требуют. Город Москва, видишь? Воротниковский переулок. А тут что написано?

— Указанного адреса не существует... — прочитала Даша размашистую надпись через весь конверт.

— Не существует... Вернулось через месяц... В какой бездне плавало это письмо, за каким краем галактики... Нот экзист, и точка!

— А я упорный, вот еще, — опять перед Дашиным носом появляется конверт, — на электронку-то они вообще не отвечают, сплошная бутафо...

Даша с силой оттолкнула руку с конвертом и вскочила со стула.

— Отойди от меня, сатана! — грозно сказала она.

Взгляд ее горел. Гневом, отчаянием. Андрей Борисович не ожидал такого поворота — он опешил. Даша сгребла пакет, потом пухан, потом свою железяку. И пятится к двери.

— Отойди!

Андрей Борисович, собственно, и не вставал из-за стола — получить арматуриной по голове ему явно не хотелось. Но и отпускать Дашу было непокойно на душе.

— Куда? Куда ты собралась? На Добролюбова? Нормально же сидели... — Андрей Борисович примирительно взмахнул руками, — пусть, пусть будет Москва. Я — Чупринин Сергей Иванович. Редактор авторитетного толстого журнала «Знамя». Приятно познакомиться. Хотите публикацию?

Даша выставила арматурину вперед, сейчас она была похожа на спартанского голита, и рука ее была под стать крепка.

— Тебе меня не заморочить! Участковый Вель-зе-вул.

— Да какой я Вельзевул, пффф, Чупринин я.

— А перекрестись.

— Да я член Союза писателей!

— Вот!

И выскочила прочь.

9. Собачка

Даша бежала. Пухан, пакет, посох — все это поочередно выскальзывало из рук, она пыхтела, наклонялась, подбирала скользкий непослушный шарб, давая себе секундную передышку, и бежала опять. Все по какому-то бесконечному проспекту...

Что-то испортилось при последнем разговоре. Словно открылась вторая пара глаз, и эта вторая Даша с открывшимися глазами вздыхала в лицо преображенному миру — мда-а-а...

И Москва почуяла неладное. Дашин страх, Дашины прятки, Дашино сомнение. Чужака.

Дальше на проспекте оставаться было опасно. Невидимое, расправившее огромные невидимые крыла, несло вдоль проспекта, приближаясь.

Даша нырнула во двор, в глубину заросшей все еще зелеными ильмами детской площадки. Села там на качельку и горько заплакала.

Подошла собачка грязно-рыжей масти и стала слизывать слезы со щек и рук, которыми Даша придерживала голову. Даша поначалу отпрянула, а увидев рыжую морду, уткнулась собаке в шею и разревелась уже не на шутку.

— Надо заселиться. Надо срочно заселиться... Мне нужно успеть к коменданту... оформить регистрацию, — бормотала она в собачью шкуру, — почему я плачу?

Все это время собачка терпеливо стояла и пыталась лизнуть ее в шею.

— Уфффф... — Даша отлипла от собачки, бросила ей пирога, но собачка словно и не заметила, смотрела прямо в глаза.

— Нет? Ишь какова аристократка... А так?

Слабо улыбнулась и протянула кусочек в руке. Собака помешкала, несколько раз ее взгляд перескочил с опухшего от слез Дашиного лица на пирог и обратно. А потом приняла угощение.

— Сейчас... и Добролюбова найдем... и коменданта... и тогда она успокоится...

Во рту пересохло, но воды не было, а только малиновая жижица. Даша со щелчком скрутила с непочатой коробки крышку и промочила рот. Прежнее благодушие начинало возвращаться.

— Духовной жаждою томим, гыгык, не зря же я, Александр Сергеич, по литературе девятнадцатого века-то готовилась, а?

Но тут тень закрыла солнце, и вокруг Даши, по всей детской площадке, поднялся вихрь, подхватил волну песка из песочницы, опавшую листву, пустые пакеты.

— Отстань, отстань же! — взвизгнула Даша в небо.

Там не было ничего, но лишь тяжелое гудение вздымающихся крыльев, хлопанье невидимого красного плаща, шелест кольчуги. Преодолевая потоки воздуха, Даша метнулась обратно к проспекту, пересекла его, не обращая внимания на сигналы автомобилей. Собачка следом.

По автомобильной дорожке, мимо припаркованной у приемного покоя «Скорой помощи», мимо удивленного водителя с сигареткой, прилипшей к губе. Парк между зданиями. Опять волна ветра размела перед Дашей ковер из листвы. Впереди четырехэтажное здание из красного кирпича с двойной дверью посередине.

— Кыш! Отстань!

Бабушки на скамейке решили, что она это кричит собачке, бегущей по пятам.

Даша с усилием отворила дверь на толстенной тугой пружине и нырнула внутрь. Собачка осталась снаружи.

Осмотрелась — регистратура, гардероб, еще старушки. Сама чумазая, с безумно выпученными глазами. Толстенный пуховик нараспашку, арматура.

И махнула по широкой парадной лестнице наверх, с глаз долой. Но и на втором слышны голоса и топот, и на третьем. А на четвертом она увидела открытый чердачный люк.

10. Изгнание

— Мамочка! — с надсадным криком очнулась Даша.

Рыдания скручивали ей горло.

— Зачем ты меня оставляешь?

В ответ — скрипуче хлопают голубиные крылья. Полная темнота вокруг.

Даша хотела вскочить, но тут же упала обратно в невидимую мягкую пыль и голубиный помет от острой боли в правом бедре. Попыталась встать хотя бы на четвереньки и пощупать пространство впереди себя. Она была чрезвычайно пьяна, настолько, что даже не понимала, почему ее затягивает во вращающуюся черную воронку, почему она раз за разом падает лицом в душное месиво, захлебывается, плещется в нем. Почему нечем дышать. И действительно ли она так пьяна, или тут что-то большее... Эти пыль, и помет, и хлопки крыльев были продолжением тьмы, которая вращала ее в себе, как в стиральной машине, а Даша была безотчетным ступором жизни из одних бесполезных рефлексов и спазмов утопающего. И вдруг рука наткнулась на знакомый железный рубчик посоха. Даша вцепилась в него, в единственную реальность, в край бездны, у которой обнаружился край. Стало полегче, вращение замедлилось. Вспомнилось — где-то здесь должен быть светящийся квадрат люка, но была только темнота. Она ползала кругами, стукнувшись лбом обо все возможные балки. Даже если люк был здесь — теперь он определенно заперт. Даша хныкала, роняя слезы в пыль, терла сопли рукавом и прятала лицо от вспархивающих в темноте голубей. Москва оставила ее даже на этом чердаке, последнем московском убежище.

— Еще и замуровали-и-и...

А этот сон... Да и не сон, она просто забилась в самый темный угол — а тогда еще было светло — самого своего тридевятого, как она думала, царства. И сидела тихонько, потягивая малиновую жидкость из коробки. Она знала, что Москва все еще идет по следу, ищет ее в себе, и если найдет, то исторгнет, и не только... Вынесет приговор.

Так и случилось. Вдруг волна темноты накрыла чердак. Даша даже не заметила ее прихода, она запрокинула тетрапак и пила, а когда убрала его от лица, то было уже черно.

Даша нервно мяла тетрапак. Что-то там, напротив нее, определенно было, смотрело в упор — приговор уже начался.

— Кто тут прячется? — сказала она севшим от страха голосом, — а ну выходи. Встань передо мной, как лист перед травой.

И после долгого молчания из черноты по очереди выступали трое.

Сначала Посох.

— Я посох, ты обещала сносить меня и не сносила, вот и не найти тебе твоего царства. Ты меня не сносила, да я тебя сносил.

Следом выплыл силуэт недавней собачки.

— Я мама, я обещала беречь тебя, но даже себя не уберегла, через полгода я умерла. Тебя все чаще забирали в психиатрическую лечебницу. Жилец обманом получил нашу квартиру.

И голубь...

— Я птица, ты дала мне жизнь, а я забрал твою из старого неотопливаемого барака... из замерзшего тела. И я летел, летел... но не нашел Москвы даже на небесах...

Даша схватилась за голову и что есть силы зажмурилась. Голоса приблизились, закружили.

— Я уже видел твой конец. И я прибуду с тобой. Умножая умножу скорбь твою...

— Ты не увидишь моего конца... Может, и к лучшему...

— Конца нет, но нет и утешения, кроме...

— Терния и волчцы произрастит она тебе! И будешь питаться полевой травой! А когда придет снег...

— Доченька!

— Только смех... только скоморошество...

И теперь — со страшным этим приговором — она привставала на колени и между всхлипами слабо била арматуриной наугад — пыль и помет смягчали удар, и нигде не было лязга о железный люк, да и был ли он железным...

— Выпустите, ироды.

Казалось, даже надоедливое шуршание скользкой ткани пуховика громче этих ударов.

Выдохлась, завалилась на бок.

— Мамочка, мне бы просто к тебе-е-е...

И вдруг в темноте начали проступать хоть какие-то намеки, очертания, она перекатилась немного в сторону, и впереди возник квадрат окна, заслоненный до этого чердачными балками. Квадрат мало-помалу становился все светлее. Даша встала на четвереньки и поползла.

11. Домой!

Три месяца на больничной койке с разбитым тазом и шейкой бедра. Почти полгода в психлечебнице. Самая ирония в том, что она упала прямо на крыльцо город-

ского травмпункта, который находился с торца поликлиники, — сколько шуток породит эта новость. И конечно, она не была на похоронах мамы, ей рассказали о них гораздо позже.

Даша Кольцова изменилась. Раздалась вширь еще больше, несмотря на скудность казенной пайки: сказался малоподвижный образ жизни. Взгляд был мутен, жесткий непослушный волос, отросший сантиметра на три, торчал ежиком. Лицо совершенно неухожено: брови срослись, черные угри усеяли нос и широкий лоб. Под мешковатыми одежками ее подпоясал с правого бока глубокий уродливый шрам. Она громко цокала своим посохом по асфальту — теперь ей действительно приходилось на него опираться. Шла она медленно, переваливаясь, а под вторую руку ее придерживал Вова-сожитель. Он сладко шурился на солнце всем своим рябым лицом.

— Идем, Дарья, идем. Твой новый дом ждет тебя.

Даша хотела что-то сказать.

— Конечно, Москва. Мы же договаривались, — опередил Вова, — не центр, само собой, окраина. Но сейчас... ты видела, какие там цены даже на окраине? Комнатушка девять квадратов, как у нас двухкомнатная. Же-есть. А стеночки как из картона — почешешься, слышно. А тут соседей — ноль, простор у тебя будет о-го-го, с видом на степи, и личный огородик даже... правда, туалет на улице... Но зато колонка зимой не перемерзает!

— Ага... Вов... Еще бы сигаретку... вкус... вкус забылся... — язык Дашин еле шевелится.

— Не. Я ж не курю. Вкус жизни — он и так вкусный. А вот выпить имеется, — он звякнул пакетом, — новоселье отпраздновать!

— Тогда давай по глоточку... а?

— Ну что ты, ну хоть уйдем подальше.

А впереди июль. День приятный, то солнце, то облачко накатит — передохнуть даст.

Отошли они подальше от центра города, прошли по железнодорожному мостику — за ним широкая грунтовая улица и частные домики.

Даша остановилась, тяжело дыша, утерла испарину — железнодорожный переход, особенно спуск по ступенькам, отнял все силы. Да и Вове пришлось потрудиться, помогая ей.

— Все, Вов... Не могу... Доставай.

— Что? — Вовино дыхание тоже сбилось, — а, понял... Что, из горла прям? Ну океюшки...

Схватила Даша за заветное горлышко, протяжным взглядом окинула небо, мясистые облака, еще раз глубоко-глубоко вздохнула и...

Сделала Даша один глоток — голубь на плечо скок!

Сделала Даша второй глоток — глядь, собачка трется у ног!

Сделала Даша третий глоток — развязался язычок!

— Ептрррысть твою посередине! — и посохом оземь.

Качнулась земля!

— А вот кому хлеба железные для души полезные! — кричит продавщица с бордовым шаром волос и ослепительным блеском золотых зубов.

Впереди у нее деревянный лоток на ремне через шею — полный дымящихся беляшей.

— Мне хлебов! — откуда-то слева отвечает Андрей Борисович нараспев, как пономарь.

— Ой, и мне, и мне! — Вова отпускает Дашу, суетливо бежит к беляшам.

К шествию присоединяется парочка: Пушкин, ликом черен, потому что памятник ну и арап немного, а с ним — Раиса. Пушкин шагает, как робот, ибо памятник, а Раиса

в своих газах и шаях, шупленькая и трепетная, как повядший белый гибискус, держит его под локоток. Голубь, завидев Пушкина, сразу ему на голову скок!

— Ах Москва, ах Москва, ах звенят колокола! — ахает Раиса Филипповна, безуспешно пытаюсь прогнать голубя свободной рукой.

— А по ком колокол звонит? — с прищуром вопрошает Даша.

— Тот столичный сибарит! — баритоном резюмирует Андрей Борисович.

Хор (вкрадчиво):

Труп-труп-труп,
труп-труп-труп.

Даша (ей вторит хор):

Во глубине сибирских руууд,
во глубине
не пропадет мой скорбный труууп,
не пропадет!
Ведь сибирская рудааа
не даст протухнуть никогдаааа!

Хор:

Эх, сибирская руда, ты в крови моей всегда.
Эх, сибирская руда...

Андрей Борисович (голосом пономаря):

И так до Страшного суда!

— Лучше б страшного туда, а красивого сюда! — выкрикивает Даша.

Труп-труп-труп,
труп-труп-труп.

Даша:

Я гряду грядой гряду,
к златоглавому граду.
Эх, гряда Саянская —
думы вольтерьянские.

— Чмоки, ребзя! — кричит мадам продавец. — А вы уже купались в этом году?

— Ну-у... я купался в поту, — вздыхает Борисович.

— А я купался... когда в казенной койке обоссался! — гогочет Даша, вслед за ней смеются все.

Вступает Раиса:

Захотелось на моря
в середине сентября.
Ты вези меня, возница, к морю краснодарскому.
А таксист привез меня к морю красноярскому!

Хор:

Тупа, тупа, диспетчер что-то спутал.
Буквы, буквы, всему виною буквы.

Раиса:

Ходят по морю суда да на Парнасе музы.
Суждено мне загорать во троих рейтузах!

Мадам Продавец подхватывает:

Мимо нас,
мимо нас,
мимо нас
проходит газ.
На трубу я забралась,
к херру Шольцу подалась...
а пришла, иже еси —
к товарищу Сиинии!

Хор:

Тупа, тупа, диспетчер что-то спутал.
Тупа, тупа, диспетчер что-то спутал.

— Вовча! Запевай!

— Дык я и так пью, — Вова смущенно прожевывает беляш.

— Ну-ну, надеюсь, частушки будут позабористей, чем эта шутка, — говорит Андрей Борисович.

— Вовча, жги, я в тебя верю!

Вова поет:

Мне сказали во ютубе:
надо жизнь свою ценить.
Каждый миг неповторимо
и осознанно прожить.
Жил в говне, живу в говне
и теперь ценю вдвойне.

Хор:

Жил в говне, живу в говне.
Каждый миг оно во мне!

Андрей Борисович (декламирует):

Ох, непростое знание это осознание!

— Вовча, ты всех уделал! — смеется Даша.

Хор:

Как на наше сирано
Бержераку все равно.

Ты крути его хоть как —
Серавно Де Бержерак!

— Потому что он коньяк! — Андрей Борисович, пританцовывая, достает из кармана штанов фигурную бутылку, демонстрирует надпись: Бержерак.

Хор:

Рулька, рулька
убила Загорульку.
Угольные пыли
лягут на могиле.

Андрей Борисович (декламирует):

Прощай, невольник чести,
налейте-ка по двести!

Вова разливает водку, Андрей Борисович — коньяк. Все пьют, обнимаются. Идут и тихо поют.

- Под небом голубым есть город золотой.
- С кремлевскими курантами и красною звездой...
- Тебя там встретит огнегривый лев.
- Рррр! — говорит продавщица с бордовым шаром волос.
- Другое — вол, исполненный очей.
- Му-у! — говорит Андрей Борисович.
- С ними золотой орел небесный...

Тут уж Пушкин, как строптивый лезгинщик, вздымает крыла, едва не зашибив железным рукавом свою пассию.

И так идут они, и собачка с ними, и голубь, и медленно истаивают вдали.

Алла КЕЧЕДЖАН

ГОРОДСКОЙ ОСТРОВ

Мариупольские рассказы

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Бабушка несет к колонке два алюминиевых таза белья, которое она замочила с вечера. С грохотом ставит первую миску под струю ледяной воды и, разогнувшись на минуту, стирает пот со лба.

— С утра уже тридцать. Что же дальше будет? — вздыхает.

Я стою у колонки сонная, но знаю, что бабушке без меня не справиться.

Вода переливается через край, а за ней выныривают углы наволочек и пододеяльников, которые я ловлю и окунаю обратно в воду.

Солнце играет в воде, бьется на мелкие капли, которые весело разлетаются на грядки с капустой. Капустные листья тоже в стирке.

Я зачерпываю горсть воды и попадаю в распысканный от влаги кочан:

— Бабушка, смотри, она живая, она пьет.

— Перестань плескаться, вода ледяная, заболеешь и на море не пойдешь, — ворчит бабушка.

Волоком она перетаскивает белье в пустой эмалированный таз.

Мокрые пододеяльники гирей висят на загорелых бабушкиных руках. Она их ловко скручивает, чтобы отжать досуха. Постепенно все белье перемещается в таз. И, казалось бы, что может быть проще, чем повесить белье на веревку?

Бабушка встает в позу дозорного и смотрит на заводские трубы.

— Ох, опять не повезло, ветер с моря, дым в нашу сторону, — вздыхает она. — Надо ждать, когда ветер переменится.

На Горострове все знают, как опасна сажа с завода для белья. И чем оно белее, тем хуже.

— Сиди и жди, когда ветер переменится, — наказывает мне бабушка, а сама уходит в летнюю кухню жарить яичницу с помидорами.

Я смотрю на трубы неподвижным взглядом, чтобы не пропустить, когда ветер подует либо в море, либо на правый берег.

— Бабушка, бабушка, ветер переменялся!

Алла Гаспаровна Кечеджан — писатель, автор проектов, родилась в Ворошиловграде (ныне Луганск) в 1971 году. Окончила филологический факультет ЛГПУ им. Т. Г. Шевченко. С 1996 года проживает в Москве. Автор книг и образовательных проектов для взрослых по математике, психологии общения, иностранным языкам, книг «Математика для безнадежных гуманитариев», «Руководство к счастью», «Книга парадоксов Аллы Кечеджан» и других.

Бабушка возвращается, берет одну миску с бельем и длинную палку. Палку, чтобы подпереть старую провисшую веревку. Иначе края простыней будут задевать высокий бурьян.

У меня на шее бусы из деревянных прищепок. Белье нужно растянуть на всю площадь, не складывая. Ветер может перемениться за полчаса, и недосушенное белье придется снимать и вешать снова.

Я снова медитирую на дым, я снова на дневном дозоре.

БУЛОЧКИ ПО ТРИ КОПЕЙКИ

— Вон фургон хлебный проехал. Надо за хлебом.
— В такой зной рыба спит, а человека из тени не выгонишь, — ворчал дед.
— Деда, я схожу, — вызвалась четырехлетняя Алька.
— Она дороги не знает, потеряется. Нам мать голову свернет.
— Я уже большая. Дед меня сто раз в магазин брал.
— А ну Расскажи дорогу! — съехидничала бабушка.
— Со двора к переправе, дальше — проход между двух заборов, дальше — в сторону моря, вот и все.
— Ишь, баловница, и впрямь дорогу знает, — сказал дед.
Бабушка помялась и дала Альке мелочь под расчет.
— Так, запоминай: шестнадцать копеек серый — для сулы на приманку, двадцать пять копеек на паляницу и на пять булочек по три копейки еще пятнадцать копеек.

Алька зажала в кулачок монеты, схватила сетку, пока не передумали, и пулей понеслась к калитке.

Хлеб в островской магазин по будням всегда привозили в двенадцать часов, вываливали свежие буханки из ящиков прямо на полки, а люди брали его голыми руками. Висела рядом с полками деревянная палка, на скалку похожая, чтобы руками хлеб не трогали — мягкий ли, а надавливали на него палкой. Но вчерашнего хлеба в магазине не бывало.

Серый разбирали на квас и приманку для рыбы, а белый с горбушкой — себе на бутерброд.

Булочки по три копейки ели, как пирожки без начинки. И был у них запах — никто не мог устоять, чтобы по дороге хотя бы одну не слопать. Вот и Алька любила эти булочки до того, что от самого вкусного пирожного могла отказаться за половинку такой булочки.

Идет по дорожке домой с полной сеткой хлеба, а они сами просятся в рот.

— Ну, если я кусочек откушу, бабушка не ругает?!

Откусила кусочек и не заметила, что булочки уже и нет.

— Ладно, съем еще одну, скажу бабушке, что больше булочек не было — последние три взяла. А сама себе думает: обманывать нехорошо, обманывать нехорошо...

Пока думала, с пристани выскочила собака, перегородила Альке дорогу, лает.

— Ты, наверное, булочку хочешь?! У меня только одна осталась, вот, держи.

Голодная собака вцепилась в булку, а Алька уже завидела крышу бабушкиного дома.

Вошла на кухню, положила на стул сетку и говорит:

— Бабушка, я обманывать не люблю, я только четыре будочки съела, а последнюю собачке отдала, чтобы она меня пропустила.

Алька ждала, что бабушка ругаться начнет, а она ее погладила по голове:

— Какая ты умная девочка, додумалась, как от собаки убежать, а то еще она бы тебя покусала. А булочек так много есть не надо, сама станешь, как булочка за три копейки.

РЫБАЛКА

Будильник зазвенел в три часа ровно.

Бабушка проснулась и начала складывать пирожки с вишней в узелок, еще бутерброды с «Докторской», два помидора и три огурца, сорванных вечером в огороде.

— На рыбалку, — прошептала бабушка, чтобы не разбудить спящих рядом брата и сестру.

Я, полная предвкушения, выползаю из-под одеяла, снимаю длинную ночнушку и шарю руками по стулу: где-то здесь лежит мое голубое ситцевое платьице в ромашку.

Минуту спустя я уже хорошо вижу в темноте, привыкла. Бабушка дает мне в руки узелок с едой. Дед уже в лодочной будке на берегу. Лодка, конечно, туда не помещается, только снасти, самодельные удочки и спиннинги, ведра для смолы и слитки олова для грузов.

Дедушка дает мне в другую руку макуху в сетке — это такая приманка для рыбы, бабушка берет под мышку шесть удочек и сачок, а дедушка — весла с железными скрипучими уключинами, ведро с червями и два якоря на веревках.

Лодка деда привязана к почерневшему, латаному-перелатаному мостику, по которому только кошке легко перемещаться. Человеку с непривычки здесь не пройти: либо провалится в дырку между гнилыми досками, либо доска ему в лоб отскочит. А может и в камыши к головастикам свалиться.

Но мы-то мостик знаем так, что идем к лодке со своей поклажей, как по ровной мостовой.

Дед вставляет весла в уключины, весь груз спускается на воду, последней в лодку прыгаю я. Бабушка остается на берегу, а мы уходим в море.

Идти на веслах километра три. Лодка легко скользит по течению, и выталкивает нас из устья реки в море. Занимается заря.

Я, конечно же, капитан, сижу на киле в позе йога и то и дело по-капитански команду:

— Курс на солнце! Полный вперед!

Потом поворачиваюсь к деду и по-детски клянчу:

— Деда, дай погрести, ну хоть одним веслом.

Дед говорит с интонацией, после которой разговоры бесполезны:

— Не успеем, рыба уйдет... На обратном пути погребешь.

— На обратном пути? Против течения? Не ври, деда!

Дед знает, что в полуденный зной весла я просить не буду, а буду просить только об одном, чтобы он меня выбросил за борт охладиться.

Плывем минут сорок, за маяк, где бердянышей (это бычки такие) на голые крючки ловить можно. Но бычки на котлеты ловлю только я, дед охотится на сулу, так здесь судака называют. Ловят его только на живца — мелкую рыбешку.

Дед забрасывает один якорь с киля и ждет, пока лодку выровняет ветер и она встанет поперек волны, чтоб меньше качало, потом второй — ровно напротив на корме. Если посмотреть издали, то лодка похожа на качели, привязанные к морю.

Прохладно еще, хорошо, но солнце уже на четверть пути к зениту.

Лодка подтекает. Когда воды станет по щиколотку, нужно взять консервную банку и вычерпывать воду, иначе часа через три наберется пол-лодки.

А пока я вожусь с морским червем. Он очень длинный и лохматый, ворсинки у него тоже длинные и щекочут пальцы. Червя жалко, но об этом думать некогда. Его надо на крючки насадить и побыстрее закинуть удочки. Это для судака крючок один, судак — хищник умный, а бычки глупые, как бычки. Дерутся за червя, сколько крючков на удочку ни навяжи.

Чтобы леска не лопнула, крючков от трех до пяти. Удочки держать надо крепко, а то в море унесет. Мой борт — левый, а дед справа для судака макуху в сетке через бортик в воду спустил. Я и до сих пор не знаю, есть ли у рыбы обоняние. А в пять лет была уверена, что рыба семечки не меньше людей любит.

Не успеваю закинуть две удочки, как клев пошел. Но тащить рано, надо ждать, пока леска начнет плясать в разные стороны, значит, бычков на леске как бус на нитке, тогда и поташу.

— Деда, снимай!

Дед снимает с крючков последнюю пляску бердянышей и кочегаров — черных бычков. А если малек попался, тут же его на крючок — и сулу с сачком поджидает. Без сачка сулу не вытащишь. Тяжела.

На дне лодки уже приличный улов бычков и таранки, а судак все не идет.

— Волна поднимается, — говорит дед. А я это уже чувствую, тошнота подступила выше некуда.

— Полежу я, деда.

Дед не дает мне улечься на дне лодки, подхватывает и кидает в море. Море в жару как прорубь после бани.

— Держись от крючков подальше.

Я переворачиваюсь на спину и качаюсь на волнах.

— Ну, охолодилась, хватит.

Мускулистая рука деда в матроске по локоть вытаскивает меня из воды, как будто я легче рыбы.

— Слышишь? Большая клюет.

Дед спешно сматывает спиннинг и готовит подсадной сачок.

— Ого, килограмма на три потянет! Баба будет довольна!

Дед сажает пленника в сачок и спускает в воду, чтобы привезти домой живую рыбу.

— Деда, а он сачок не прогрызет?! Вон у него зубы какие, как у акулы.

— Штормит, возвращаться надо.

К полудню я — высохшая вобла. Всю обратную дорогу валяюсь на дне лодки, по мне скачет рыба, и только когда воды становится совсем много, беру консервную банку и выплескиваю воду через край.

— На весла хочешь?

А я к этому времени уже похожа на Лимона в синей шляпе. Вы же наверняка знаете историю о карманной собачке, рассказанную когда-то Михаилом Пришвиным.

— И что, не ели ничего? — бабушка видит нетронутый узелок с едой под килем и неодобрительно качает головой.

— Ну, некогда было, ба.

НЕВЕСТА

— Листья закллужат, листья закллужат и улетят,

Очень мне нужен, очень мне нужен

Нежный твой взгляд.

Я держу в руках трубку игрушечного телефона, набираю номер, вращая кольцо пластикового циферблата, и не понарошку представляю, что на другом конце провода мне ответил мой любимый моряк Женя.

Женя — высокий, жилистый, гладко загорелый и гладко выбритый моряк девятнадцати лет, который уже год служил в Азовском морском флоте.

Однажды на танцах в городском саду Женю на белый танец пригласила моя тетя, которой едва исполнилось семнадцать. И у них началась любовь.

И что же мне было делать, если тоже не влюбиться в моряка Женю.

— Возьми меня на свидание! Это не честно! Я тоже невеста, — хныкала я, дергая юную тетю за юбку-солнцеклеш.

— Мала еще, с бабушкой побудь. Меня с тобой в порт не пустят. У меня один пропуск. А у Жени увольнение всего на пять часов.

Я продолжала лить слезы, а бабушка от греха подальше была кровно заинтересована, чтобы я отправилась на свидание с такой влюбленной юной леди, и притворилась, что ее срочно вызвали в заводоуправление.

— Возьми ее с собой! Я неизвестно когда вернусь, — сказала бабушка таким тоном, что даже не пришлось добавлять: а то куда не пойдешь.

— Ма, ну вот ты опять, с чего ты взяла, что я в подоле принесу. Мы с ним и не целовались еще.

— Ох, лукавишь, дочь! — погрозила пальцем бабушка, захлопывая за собой двери.

— Вот хвост! Не отвяжешься. Ну, собирайся. Краситься будешь? Чур, только губы. Кофту не забудь, холодно вечером.

Женя ждал свою невесту, как и условились, у входа в порт.

Завидев своего возлюбленного, я отдернула руку и понеслась вперед.

Женя автоматически подхватил меня и посадил на шею.

Вместо того чтобы обнять его за шею, как это делают маленькие дети, я схватила его за ленты бескозырки и прокричала:

— Но-о-о, лошадка!

— Вот, не с кем оставить, — понутив голову, сказала тетя.

— Ну, ничего, с ней даже веселее.

Спустя много лет я узнала, что в этот момент они решили завести своих детей.

Тренировались на мне, одним словом.

Свидание пришлось провести на аттракционах. Меня катали на машинках и на пони. Конечно же, купили мое любимое мороженое «Каштан».

— Такие молодые, а уже детей завели, — похвалила пару мороженщица.

Так мы гуляли-гуляли до самого вечера, а когда стало совсем темно, я уснула, и Женя сначала носил меня на руках, а потом они положили меня на лавочку в Ротонде, а сами начали целоваться.

Мне было очень обидно, и я хотела поскорее вырасти, чтобы тоже выйти замуж за моряка Женю.

На свадьбе я так и заявила:

— Ну ничего, тетя, выходи сначала ты за Женю первой замуж, а когда я вырасту, он обязательно на мне женится. Я терпеливая.

СОЛЕНАЯ РЫБА

Мы с дедом собираем со дна лодки бычков и редкую плотвичку, которая случайно заблудилась в море, и складываем ее в погнувшееся жестяное ведро.

Дед ставит на мостик тяжелый улов, а я караулю ведро, пока дед не отнесет весла и снасти в гаражную будку и не вернется с замком для лодки.

Бабушка несет сачок с сулой, в котором бьется благородная рыба, обреченная на заклятие. Сула — только на уху или на маринад. Жарят ее в исключительных случаях — к важным гостям. А бычки идут на котлеты.

Перед домом стоит высокий самодельный стол, где бычков уже ждет мясорубка. Бабушка ловко потрошит рыбу, а рыба подскакивает так высоко, что шлепается в песчаную пыль под столом, как в муку.

— Иди рыбу собирай!

Я поднимаю бычков, полощу их в ведре и кидаю в мясорубку.

— Куда с хвостами! — кричит бабушка, вырывая у меня из рук бычка. — Под нож не лезь! Иди с дедом за солью. Соли мало.

Где рыба, там и соль.

Я бегу к деду, который лежит на диване с открытой газетой в руках.

— Деда, где тачка для соли?

— В будке!

— Бабушка нас в островской магазин за солью посылает. Нечем рыбу солить.

Дед кряхтит и неохотно встает с дивана. Мы идем в гараж за самодельной одноколесной тачкой и едем на другой конец острова в магазин.

Вернее, это я еду, а дед меня везет, насвистывая «Валенки-валенки...».

Дед выгружает меня и ставит в тележку полмешка соли.

В пачках соль не берут. Даже бычков посолить не хватит, не то что таранку или мраморного леща, которых ловят в реке в те дни, когда море штормит.

На столе летней кухни нас уже ждут наваристая уха из судака и хрустящие котлеты из бычка. Мы садимся обедать, а у бабушки еще полно возни с рыбой.

Просоленную рыбу развесить и свежую засолить. Благо рыбу на засолку не чистят и не потрошат.

Бабушка возится у колонки с рыбой, как с бельем. Полощет и отряхивает от воды. Вот уже вся рыба перекечевала из ведра в алюминиевый таз, и бабушка густо посыпает ее крупной каменной солью, зачерпывая горсть рукой прямо из мешка.

— Дед, неси тазы наверх.

Дед берет тяжелый таз под мышку и несет рыбу на веранду.

— Хорошо накрыть марлей не забудь!

Марля — спасение от мух и от ос. Все любят соленую рыбу, особенно осы.

Какая плохо накрыта, ту вмиг облепят и обгложут до скелета так, как будто этому скелету тысяча лет и его на раскопках нашли.

Гонять мух и ос заставляли нас, детей. Можно тряпкой гонять, можно лебедой, но лучше всего камышом. Камыш длинный, сиди себе на лавке и смахивай всех крылатых гурманов с марли.

Рыбу вялить дня три на солнце надо, главное, вечером не забыть ее убрать с веревки.

А утром на рынок — продавать. Бабушкину рыбу с руками отрывают. Брюшки у таранки прозрачные, как янтарь на просвет.

Таранку, как хлеб, на мягкость проверяют. И на гибкость еще.

Вокруг бабушки настоящий аукцион.

— Мать, за рубль уступи!

— Полтора даю.

На заработанные деньги бабушка покупает живую курицу и сажает ее в сетку. В другой руке у нее арбуз килограмм на десять. Он ни в какой мешок не влезет, и бабушка тащит его под мышкой.

Я несу пару десятков свежих яиц такого размера, какой в современных магазинах не сыщешь. Надо в городской автобус влезть, а у моста пересестись на пазик, который до Горострова идет. Как с такой поклажей пешком?

Место бабушке уступают. Она кладет курицу на колени, та кудахчет, вырывается — аж перья летят. Арбуз какому-то дядьке на руки взваливает. Тот даже и не думает сопротивляться.

— Яйца целы? — кричит бабушка в надежде, что я влезла в набитый автобус без ущерба для них.

— Все нормально, бабушка!

Я стесняюсь, что бабушка так громко разговаривает. Но это еще не все. Через пять остановок она умудряется познакомиться со всеми, кто сидит рядом, и узнать истории жизни.

Островской пазик тоже битком. Но и это не беда. Я смотрю на курицу, я знаю: ей осталось минут десять жизни. У самой калитки готовы для нее плаха и топор. Сейчас бабушка вытащит ее из сетки, и... кровь хлынет из того места, где была голова.

Бабушке некогда: надо воду на бульон ставить. А курица как начнет бегать без головы, минуты три бежит, пока дух из нее не выйдет вон. А я стою и даже плакать не могу.

До сих пор эта бедняжка перед глазами, как всадник без головы. До сих пор курицу не ем. А рыбу люблю, хоть та даже на сковородке скачет.

РУСАЛКА

— Нельзя! Куда?! Ударись! Там якорь на дне! Стой! — бежит за мной мама по старому деревянному мостику.

Но я уже нырнула с разбегу в «муляку». И вынырнула, хохоча, с черным илом и водорослями на голове.

— Русалка, — подхихикивают рыбаки с лодки.

Мама плачет, ощупывая мою голову.

— Слава богу, цела, — сначала причитает надо мной, а потом кричит: — Как ты не понимаешь, ты могла разбиться, ты же совсем не знаешь, сколько мусора там под водой, а лодочные рельсы, а ржавые якоря...

— Классно я ныряю?!

— Надо отшлепать тебя хорошенько, нечего с тобой говорить. Полезешь еще раз, на море больше не возьму, — отчитывает мама.

— А на речку? — задаю я логичный вопрос. — А на канал?

— Вот беда, а не ребенок. Ничего не боится. К доктору тебя, что ли, отвезти.

— А что, доктор сделает меня трусливой? Такого доктора не бывает. Ты меня просто пугаешь.

Мама волоком тащит меня домой, я вырываю руку и мчусь к большой луже.

— Только этого еще не хватало!

Я послушно возвращаюсь и всю дорогу молчу.

Мама сажает меня в корыто с подогретой на солнце водой.

— Что молчишь? Стыдно? Ты же чернее трубочиста! — цитирует она Мойдодыра, вытаскивая водоросли из длинных волос.

Прыскаю со смеху так, что изо рта вылетает лягушонок, которого я успела спрятать в рот, когда бегала к луже.

— Так и знала, что ты еще какой-нибудь номер выкинешь, — с визгом отскакивает от корыта мама.

Лягушонок во рту — мой коронный номер. Так я пугаю детей, если они не пускают меня на качели или не берут на канал.

Но сейчас я наказана. Меня заставят читать, когда все пойдут на пляж. Хотя оставлять меня дома без присмотра еще опаснее, чем взять с собой.

Взрослые не любят ходить к морю. Там мелко, вода слишком теплая, за детьми гоняться надо, потому что море то по щиколотку, то по шею.

Другое дело — канал. Вода прохладная, как в проруби после бани. Дети окунутся возле берега и бегом на солнце греться. Пляж на канале узкий, волн нет, видно все как на ладони. И нырять негде. Правда, здесь есть тарзанка. И за мной здесь нужен глаз да глаз, чтобы я к взрослым мальчишкам не сбежала.

— А большой наш остров? — спрашиваю я у моряка Жени, который уже стал мужем моей тети.

— Может, с километр.

— А почему он остров?

— Ну, он, конечно, не остров, а полуостров: справа река, слева канал, прямо по курсу — море.

— А почему он наполовину остров?

— Потому что за кормой нет воды — там город. А остров, он со всех сторон водой окружен, а этот — только с трех.

— А сколько сторон у всех сторон?

— Отстань, у мамы спроси.

Спрашивать мне надоело, и я хочу булочку за три копейки.

— Ма-а, пусти в магазин!

— Никуда я тебя не отпущу одну, ты еще и босой на пляж пришла, в магазин тебя без шлепок не пустят.

Я задумываюсь. Это очень серьезный аргумент. Продавщица тетя Валя без шлепок ни за что не пустит.

— Так я Женины возьму!

— Убьешься в них, у Жени сорок третий размер.

И я опять понимаю, что мне ничего с ними нельзя, и жду деда с рыбалки. Завтра он обещал меня за Моргал (так дед называет маяк) на Горячку взять.

ГОРЯЧКА

— А дед меня за Моргал повезет!

— Тебя мать не отпустит.

— А она не узнает.

Я знаю: чтобы никого не спрашивать, надо проснуться в три утра, когда бабушке и в голову не придет будить маму и спрашивать разрешения.

Мама гостит на острове всего неделю. Она приехала меня в первый класс забирать, а на рыбалку мы с дедом ходим через день.

Весь день я молчала и думала только о том, как бы не проспать. А еще — как выбраться мышкой, чтобы ничего случайно не задеть и никого не разбудить...

Мы в лодке!

— Деда, успеем до солнца?

— Успеем-успеем, — дед ехидно усмехается, потому что светает.

После Рыбзавода завиднелся маяк, а за ним — шлаковая гора.

— Деда, а откуда вода горячая на Горячке?

— От шлака.

— А почему шлак горячий?

— Потому что его, как пенку, со стали собрали, погрузили в вагоны и ссыпали в шлаковую гору. Она внутри всегда горит.

— Как же она в море горит? Разве вода не гасит огонь?

— Гасит и кипит.

— Ну, мы же не в кипятке купаемся.

— Нет, она только в глубине горит, ну как угли в печки после растопки.

— А почему поезд по дороге не плавится?

— А у него вагоны из огнеупорного кирпича.

— Наша шлаковая гора — как вулкан?

— Ну почти, только лава не извергается.

Пока я думала, лодка причалила к пирсу, на котором было написано: «Купаться строго запрещено».

На шлаковую гору только местные ездили купаться без опаски. Места нужно знать, а то сварись и пойдешь крабам на корм.

Высокие берега бурого цвета окружали круглый водоем, который можно было принять за горное озеро. Над Горячкой стоял пар, как в бане. Дед всегда купался одетым. Он только снял высокие рыбацкие сапоги и размотал портянки, прыгнув в воду в штанах и тельняшке.

— Айда, баловница! Только не ныряй, сварись.

Я вошла в воду, вода бурлила, как в джакузи, хотя тогда мы знать не знали, что такое джакузи, их даже в фильмах не показывали.

— Деда, смотри, гейзеры!

Вода вырывалась и булькала, словно мы варились в кастрюльке.

— Долго нельзя, баловница, здесь сероводород, надышишься, потом голова болеть весь день будет.

Дед чуть подсушил ноги, обмотал их портянками, снял и отжал тельняшку.

А на мне все быстро сохло, тоненькое у меня было платице, коротенькое, вон у взрослых такие купальники.

К семи мы вернулись. Мама только проснулась:

— Опять на речку без спроса ходила.

МОРЯЧКА

Я болтаюсь на дне лодке, как вяленая вобла. Дед на веслах. Мы входим в самое устье реки, где море и реку разделяет узкая полоска свай, на которых, как воробьи на проводах, расселись чайки в ожидании легкой добычи — рыболовецкого судна с подвешенными на кранах сетями рыбы, соскальзывающей в море.

— Ты со мной или на пляж? — спрашивает дед.

— На пляж деда, жарко, выбрасывай меня.

Дед с размаха бросает меня в воду, и я плыву на пляж. Плывть метров триста, главное, не потерять из виду бук и держаться курса на старый корабль, чтобы тебя не занесло на глубину в канал. Конечно, из судходной части тебя тут же достанет береговая охрана на резиновой моторной лодке, но потом горя не оберешься — отвезут в милицию, вызовут бабушку. А то и маму из другого города. И будут отчитывать. Но пока всего этого я не знаю, просто плыву по-собачьи и стараюсь не упускать из виду корабль. А когда переворачиваюсь на спину, то прислушиваюсь к воде: если слева вода холодная и шумная, значит, снесло немного. Надо опять перевернуться и плыть прямо по курсу.

Море не страшное, почти штиль, но пробовать дно строго-настрого запрещено: повсюду ямы с мулякой — это ил здесь так называется. Вот только было воды по колено, соскользнешь — и тебя уже закрутило и потянуло вниз. Без взрослых не выберешься. Устал — лежи на спине. Но недолго. Течением тебя разболтает и снесет. Поэтому лучше грести руками, как лопастями — по очереди. И я гребу. Платье на мне коротенькое, как купальник, волосы просоленные, кожа упругая и черная, как покрышки. Море плотное, выталкивает тебя, только нос над водой держи, чтоб волна неожиданно не накрыла, потом трудно отдышаться. Ну, и дед учит: «И тело, и лодку всегда ставь поперек волны, как ледоход». При чем здесь ледоход, я не понимала, но деду лучше знать, он моряк бывалый, не из таких переделок выбирался.

Пошел дед как-то со своими друзьями — островскими рыбаками — далеко в море на судака. Шторм их такой застал, что лодку перевернуло. Никто не спасся, кроме дед. Плыл он, плыл, как я сейчас, и дождался штиля. А там его другие рыбаки подобрали и на остров домой привезли. Про деда в газетах написали, что он пять километров проплыл на руках без ноги. Бабушка говорит, что он в рубашке родился, но я думаю, что он родился в тельняшке.

— Алька, Алька плывет, — встречают меня дети на косе уже совсем близко к берегу. — Айда играть в догонялки! Тебя бабушка ищет!

Выхожу на берег, стаскиваю с себя платье, встряхиваю его слегка, вешаю на заброшенный корабль сушиться. И ныряю с разбегу в море. А там мель — опять коленки расцарапаны.

Бабушка стоит на берегу и нетерпеливо зовет меня:

— Хватит, заболеешь! Вот я этому черту старому покажу, если еще раз тебя в море выбросит одну.

— Да что с ней будет! — спорит дед. — Она же морячка. Ее море любит.

ТЕНЬ

В островской магазин можно идти через остров, а можно — по объездной.

Никакая дорога не быстрее. Хочешь спрятаться от солнца до полудня — поворачивай со двора налево, после полудня — направо.

Но в полдень, когда солнце висит над островом яркой лампочкой без абажура, уже не поболтаешь со своей босой тенью, весело скачущей слева или справа от тебя.

— Сходи в магазин за хлебом, — просит бабушка Алька.

— Ба, я одна не хочу, мы после обеда со своей тенью ходим.

— Хлеб нужен к обеду, фургон «Хлеб» уже минут пятнадцать как мимо проехал, — настаивает бабушка. — Сходи туда без тени, а обратно вместе вернетесь.

«Какой же дорогой идти?» — думает Алька. — Пойду без тени через остров, а обратно по тротуару с тенью вернемся. Тень по асфальту больше любит скакать. Заодно и за ягодками зайдем».

Алька хватается авоську, зажимает в кулачке мелочь и вприпрыжку бежит в островской магазин, пока никто не заметил, что она босиком. Она знает, что босиком быстрее, а подошвы на пятках у нее стали жесткими, как подковы у лошадок — хоть цокай.

— От топота копыт пыль по полю летит, — Алька топает по очереди ногами под каждый слог скороговорки, представляя себя лошадкой. А пыль летит, как от целого табуна, скачущего галопом по пыльной проселочной дороге.

Ноги утопают в песке, смешанном с придорожной и угольной пылью, мелкими ракушками, камешками, заводским дымом и рыбьей чешуей.

Ноги до колен у Альки припудрены всей таблицей Менделеева.

Тетя Валя без обуви в магазин не пустит, поэтому Алька подбегает к первому встречному мальчишке, который вышел из магазина:

— Дай шлепки на минутку!

— А ты мне что?

— А я тебе? Тень!

Мальчишка сомневается, что сделка выгодная, но снимает шлепки.

Алька кое-как засовывает свои чумазные ноги в шлепки, пока мальчишка не передумал.

— А тень когда отдашь? — кричит мальчишка ей вслед.

— На обратном пути.

ЛОХ СЕРЕБРИСТЫЙ

Алька скакала по довольно узкой полоске асфальта, и ее тень никак не умещалась на тротуарную дорожку полностью. Она сложилась пополам так, что одна ее половина скакала по высоким камышам, а вторая путалась под ногами и немножко отставала.

Девочка сдвигалась к краю дорожки, чтобы уступить место тени, но тогда упиралась в камыши с другой стороны. А камыши в засушливое лето острее осоки.

— Ты что, не видишь? — погрозила она тени пальцем. — Вернись на дорожку. Поранишься об камыши!

Но тень ничего не ответила, а только погрозила Альке пальцем в ответ и вся сплошь откинулась на камыши.

Чем ниже солнце — тем длиннее тень. Кажется, так в книжке с картинками написано?

— погоди еще немного, — успокаивала Алька тень. — Дерево совсем близко. Чувствуешь, медом пахнет.

Тень не имела представления, о каком дереве речь, но на всякий случай остановилась вместе с Алькой и повела носом, принюхиваясь к воздуху.

— Хватит меня дразнить! — вспылила Алька. — А то убегу от тебя — не догонишь.

Она помчалась по дорожке навстречу серебристому дереву. Тень пустилась за ней.

— Потрогай листочки, какие мягкие, бархатистые, как заячьи ушки... — сказала девочка тени. — А эти желтенькие цветочки похожи на короны крошечных эльфов. Как ты думаешь, тень, в этом серебристом дереве живут серебристые или золотистые эльфы?

— Ладно, давай поищем ягодки, если не хочешь разговаривать. Кто первый? Знаешь, бабушка не разрешает есть эти ягодки. Я бы и сама не стала, но мне так хочется добыть бурундучковую косточку! А чтобы ее добыть, нужно обязательно съесть мякоть.

Алька сорвала серебристую бусинку с дерева, подула на нее (ведь бабушка говорит, что у дороги пыльно) и засунула в рот.

Мякоти на косточке почти совсем не было. Во рту у Альки оказалась толстая кожа с ворсинками. Но она ее не выплюнула, потому что предвкушала, как станет счастливой обладательницей еще одной полосатой косточки для бус. Она уже насобирала какое-то количество таких косточек в спичечную коробочку и спрятала ее между досок в сарае.

— У всех девочек на острове бусы из ракушек, а вот у меня будут бурундучковые бусы. Я скажу, что это мне моряк Женя на корабле привез из дальних стран.

Алька искала ягодки, добывая косточки уже известным способом.

— Вот видишь, сколько мы уже насобирали! А ты мне совсем не помогаешь, — сказала Алька тени.

Но ее уже след простыл. Смеркалось. Алька услышала, что ее ищут по всему острову.

— Ох, и влетит же мне от бабушки.

— Слава богу, нашлась! — воскликнула бабушка. — Мы остров три раза обошли, уже и на речке в каждую будку к рыбакам заглянули.

— А хлеб где?

Тут Алька поняла, что положила авоську с хлебом под серебристое дерево.

— Бабушка, ну прости, у меня такое важное дело было!

— Какое такое дело?

Алька открыла ладошку, и бабушка увидела горстку слипшихся полосатых косточек.

— Ну, хорошо, что не кузнечики. Как в прошлый раз. А на что они тебе, эти косточки?

— Бабушка, я хотела бусы сделать. Для себя и для тени. Но теперь, теперь... — Алька начала всхлипывать, — я для тебя тоже. Сделаю.

Бабушка погладила Альку по голове:

— А знаешь, как это дерево называется?

Алька смахнула слезу, в глазах сверкнули искры любопытства.

— Оно называется «Лох серебристый».

— А что такое «лох»?

— Это наивный человек, которого все обманывают. Слово очень обидное, поэтому никого так не называй.

— А дереву разве не обидно?

— А ты у него сама завтра спроси.

РАЧКИ

— Давай к берегу, раз-два, разворачивай.

Последний раз песок на мелководье вспенился и улегся обратно на дно.

Рыбаки растянули волокушу у кромки воды так, чтобы барашки случайно не смыли добычу.

Казалось, на земле раскинулся сказочный, ослеплявший само солнце живой красотой ковер, вытканый диковинными рыбами и моллюсками, морскими коньками и заморскими крабами.

Нужно было специально протереть глаза, чтобы осознать: все эти дары моря не нарисованы.

— Мне, чур, рыбу-иглу, — дрались мальчишки за первенство.

— А мне надо крабиков в песчаный дворец.

— А у меня пруд совсем готов, чур, вся тюлька мне.

Я не обращала никакого внимания на все эти баталии и за обе щеки уплетала сладкие хвостики креветок величиной не больше тыквенной семечки.

— Как ты это вообще ешь? Они же сырые. Айда зажарим!

— Мне сырые вкусно! Отстань.

— Эй, детишки, вы нам хоть кильку на наживку оставьте, — посмеивался один из рыбаков.

— Подчистую невод вытрясли, не успел я затянуться, — усмехнулся второй. И громко: — Разойдись!..

Рыбаки намотали сеть на палки и ушли к сваям.

— Дядя Миша, возьми меня с собой, я легкая, — ныла я.

Дядя Миша уже готов был усадить меня на плечи, но второй рыбак возразил:

— Там ямы, нет, — и шепнул второму на ухо: — Дед запретил.

Я стояла несколько минут неподвижно, потому что раньше дядя Миша не боялся никаких ям. Наверное, у него солнечный удар. Или он расстроился, что мы всего живца за пять минут извели.

Кисло-сладкое послевкусие рачков (так здесь называют мелкую креветку) немного утешило меня, и я закричала вслед уходящим в море рыбакам:

— Я сама наловлю!

Но мой голос проглотил шум прибоя.

Я побежала на речку искать подходящий сачок. Вы же наверняка не думаете, что сачок для бабочек подойдет.

Креветок ловили у больших кораблей, которые стояли в доках гавани Шмидта годами, отчего их днище стало похоже на подошву ботинка, измазанного в садовой грязи. Только вместо червей из ракушек выглядывали морские уточки. Да нет, не утки с перьями — те слишком велики, а ракушки-черви и тысячи других рачков-червячков. Выучить их названия жизни не хватит, говорит моя тетя. Она и научила меня есть сырых рачков.

Но как я попаду без лодки в док за камышинный остров?

Может, попробовать ловить прямо здесь под лодками, пришвартованными к мостику?

Но сначала нужно найти большой квадратный сачок с сеткой, как марля, чтобы цедить воду.

Будка деда была открыта, и я полезла за сачком. Нужно было отодвинуть десяток спиннингов, удочек и переставить тяжеленные весла, чтобы добраться до него. Мы с дедом давно его не доставали, рыбаки говорили, что рачок из доков весь к сваям ушел, в теплую воду, а там сачком не половишь.

— Баловница, — послышалось из-за спины. — Ты что там ищешь?

— Деда, я сачок ищу.

— А зачем тебе сачок? Головастики с мостков ловить?

— Нет, я рачков хочу наловить.

— Как же ты в док собралась? Или лодку хочешь угнать? Так тебе пока, милая, и одного весла не поднять.

Дед взял весло и дал мне его подержать на весу.

Я схватила весло и старалась удержать его, сжимая его изо всех сил своими загорелыми ладошками. Но весло подалось лопастью вниз и потянуло меня за собой.

Дед подхватил весло, а я так и осталась висеть на нем, как на турнике.

— Эй, баловница, отдай весло, — ласково сказал дед.

Я готова была разрыдаться от обиды на весь этот взрослый мир, но дед вытащил маленький сачок, посадил меня на плечи и понес на речку караулить леща в камышах.

— Деда, а разве лещ в такой маленький сачок поместится?

Мы сидели на мостике, я так пристально вглядывалась в камыши и напряженно держала сачок наготове. Постепенно глаза мои начали слипаться, руки обмякли, и дед едва успел подхватить меня на руки, чтобы я не клюнула носом в воду.

ТРАВА-МУРАВА

Меня привозили на Горостров в конце июня, когда море прогревалось градусом до тридцати. Чтобы не простыла. А забирали меня в августе, когда у мамы заканчивался отпуск, или перед первым сентябрём. И так из года в год. Поэтому я была убеждена, что на Горострове лето никогда не кончается.

— Где зимовать будешь? — спрашивали друг друга рыбаки, у которых не было лодочного гаража, пытаясь застолбить место поближе к берегу, чтобы по весне, как только берега оттают, легко спустить лодку на воду.

Железным катерам обязательно нужен гараж, чтобы не заржаветь. А деревянные лодки прекрасно зимовали на берегу под любым навесом, а то и просто слегка прикрытые полиэтиленовой пленкой и всем, что под руку попадет. Конечно, перед спуском на воду их смолили, красили и трафаретом наносили нехитрые номера: Л-35, Л-557 и т. д.

Снять с воды даже фанерную лодку одному было невозможно, да их и не было почти, потому что самая безобидная волна такое корытце опрокинет, смеясь.

Резиновые лодки и фанерки годятся только на то, чтобы карася в камышах караулить, а в море лодка с острым килем нужна. Иначе как волну резать?

К мосткам по всему берегу были привязаны в основном баркасы с мотором внутри и самодельные яхты, по сравнению с которыми наша лодка в шесть метров казалась игрушечной.

Лодочные гаражи тянулись вдоль реки беспросветно, так что даже боком между ними лодку не вытащить. Но каждые метров сто пятьдесят обязательно были скользкие широкие сходни с рельсами и корабельной лебедкой.

Прицеп на колесах ставили на рельсы и затаскивали на них лодку, пока ее не жестко не упрет в деревянную шпалу. Потом уже лебедкой подтягивали всю конструкцию на берег. У кого был свой прицеп, тот так и оставлял лодку зимовать прямо на нем. Только колеса прятали в будку, чтоб не увели. Такие лодки не переворачивали, а хорошо накрывали чем попало: ватными одеялами, старыми рыбацкими дождевиками, ... Укутывали на зиму.

Но я знаю это только из рассказов деда.

Лодки зимовали как раз в том месте, где бабушка развешивала белье. Зимой стирали только самое необходимое и сушили над печкой или на улице — до хруста, если случались морозы.

Порой всю осень и зиму лили дожди, плавно переходя в весенний паводок.

Воды было так много, что лодки, бывало, трогались со своих стоянок без спроса и наверняка уплыли бы, если бы не были крепко привязаны цепями с замком.

Летом, когда лодки спускали на реку, в месте зимовки еще долго стояла вода.

И даже засушливое лето было бессильно перед сочной лебедой и изумрудной травой, которая даже и не думала сдаваться солнцу, успев напитаться водой на весь сезон.

От дома вниз к колонке земля трескалась от зноя, но только перейдешь на луг, разделявший двор и реку, тут же попадаешь в пяточный рай. Прохладная трава-мурава щекочет пятки, лебеда заигрывает с коленями, а если потрогать траву ладошками, то кажется — только что прошел дождь. Хотя уже больше месяца с неба не упало ни капли.

Утром, когда мы идем на рыбалку, над лугом плывут цветные туманы.

Доставая сучковатые выцветшие весла из лодочной будки, мы с дедом мечтаем, что когда-нибудь у нас будет яхта с каютой или хотя бы лодка с мотором, и мы сплестем сети и пойдем далеко в море на белугу. Когда? Конечно, летом, потому что лето на Горострове не кончается никогда.

Павел УСАНОВ

ЗАГАДКА ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ:

какое событие вызвало
промышленную революцию в Англии

Англичанам следует отдать справедливость, что они издавна умели ценить хорошее и в распространении его проявляют грандиозный размах.

*И.-В. Гёте. Итальянское путешествие
27 сентября 1786 года*

У Британии имелось необычное сочетание благоприятных условий, которые в совокупности сделали возможным изобретение [паровой машины] Дж. Уатта и его последующее стремительное внедрение... до этого не возникло искры, необходимой для того, чтобы привести индустриализацию в движение.

Джеффри Сакс

24 февраля произошло событие, изменившее ход мировой истории.

24 февраля 1783 года король Георг III пригласил на пост премьер-министра Англии Уильяма Питта-младшего. И хотя тот отклонил предложение монарха, но уже через несколько месяцев возглавил пост, позволивший ему осуществить задуманное.

В 1846 году состоялось событие, от которого принято отсчитывать рождение глобального капитализма, состоялось оно в Лондоне. Это было последнее заседание данной организации, в этом же году оно заявило о самороспуске в связи с выполнением поставленных целей. Это было последнее заседание Лиги за отмену хлебных законов, на котором присутствовали ее лидеры Р. Кобден и Д. Брайт. Была проделана огромная работа по распространению в общественном мнении той доктрины, которую теперь принято называть доктриной свободной торговли. Хлебные законы были направлены на ограничение импорта хлеба и Англию (прежде всего из Франции).

Павел Валерьевич Усанов — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, директор Института Хайека.

И хотя война с Наполеоном давно закончилась, тем не менее англичане сохранили ограничения, принятые в 1815 году¹. Эти законы защищали интересы землевладельцев, обеспечивая их высокой рентой. Этих средств вполне хватало на продвижение в обществе всего образа благодетелей, раздающих хлеб и строящих общественные заведения. Казалось бы, у тех, кто выступал против хлебных законов, не должно было быть и шанса на успех. Однако им удалось добиться того, что хлебные законы были отменены парламентом, при том, что все члены парламенты были землевладельцами или представляли их интересы.

Это событие — финальная точка в нашем исследовании — промышленная революция уже произошла и из английской превратилась в мировую промышленную революцию — капитализм.

Начальный же пункт нашего повествования — хотя и весьма условно — дата изобретения паровой машины Дж. Уаттом — 1775 год². Именно от ее изобретения принято отсчитывать промышленную революцию в Англии.

Как писал Поль Манту в своей фундаментальной монографии о промышленной революции: «Промышленная революция есть расширение сжатых раньше сил, внезапное распускание и пышный рост зародышей, оставшихся до тех пор в скрытом или дремлющем состоянии». Такое цветистое описание говорит о том, что в основе промышленной революции лежит не одно изобретение, а целая череда взаимосвязанных изобретений, которые следуют одно за другим в непрерывном процессе «созидательного разрушения».

Промышленная революция в Англии — это уникальное историческое событие — ничего подобного не было до и не было после. Это главное событие в экономической истории мира — оно запустило необратимый процесс «эндогенизации инноваций», который не удалось остановить и до сегодняшнего дня.

До начала промышленной революции темп роста богатства населения был близок к нулю, уровень подушенного ВВП был примерно на одном уровне на протяжении нескольких тысячелетий. С начала промышленной революции благосостояние выросло в сотни раз. И произошло это всего за 250 лет. Начало же современного экономического роста неразрывно связано с событиями, которые произошли в Англии в конце XVIII века. Почему же это важнейшее событие произошло именно в Англии и именно в конце XVIII века? Почему не в Италии, Германии, России или Китае? Почему в XVIII веке, а не в XII, XIII или XV веке? Какое событие вызвало промышленную революцию именно в Англии и именно в XVIII веке?

Г. Кларк — один из наиболее авторитетных экономических историков, автор книги «Прощай, нищета» — демонстрирует то, как промышленная революция изменила ход мировой истории: до начала XIX века так называемая «ловушка Мальтуса» способствовала тому, что уровень подушенного ВВП держался на примерно одном уровне (рост благосостояния за счет редких «экзогенных инноваций» вызывал рост численности населения с последующим сокращением подушевого ВВП), начиная с английской промышленной революции начинается отрыв Запада, и прежде всего Англии, от азиатских стран, и прежде всего Китая, начинается «великое расхождение».

Примерно до конца XIX века промышленным лидером была именно Англия, потом эта эстафета перешла в США. Рост экономик Запада вызвал потребность в модернизации незападных экономик. Что и стало активно происходить по всему миру.

¹ Хлебный закон 1815 года разрешал импорт хлеба лишь в случае, если цена поднимется выше 4 ф. ст. за четверть (291 литр).

² Патент был получен в 1769 году, на массовый рынок свой продукт Дж. Уатт стал поставлять после 1775 года.

Но все это уже следствия, а причина кроется в том, что произошло в XVIII веке в стране — родине промышленной революции.

Визуально легко представить себе распространение достижений англичан по изобретению, которое пришло от англичан — железной дороге. Изобретения Стефенсона и Тревитика вызвали бум строительства железных дорог исключительно на «Острове», но уже через несколько десятилетий это изобретение стало массово внедряться по всему миру, «паутина» железных дорог начинает опутывать весь земной шар и доходит и до России, и до США. Это одна из важнейших новаций, так как до этого человечество знало лишь «лошадиную скорость» передвижения. Вопрос логистики — один из важнейших для функционирования рынка и активной межрегиональной торговли.

Тот же процесс мы можем наблюдать в одной из важнейших отраслей индустриальной эры — в производстве чугуна. Уровень Англии 1790-х годов был достигнут в Бельгии только в 1840 году, во Франции и Германии — в 1867 году. Отставание впечатляющее, если учесть, что эти страны активно торговали с Англией.

Главное же следствие промышленной революции — это то, что впервые в истории человечества радикальное увеличение численности населения происходило одновременно с ростом благосостояния, была преодолена «ловушка Мальтуса». Изобретения, внедренные на свободном рынке, приводили не только к прибылям для предпринимателей, но и распространялись по всем слоям населения. Причем происходило это в непрерывном режиме. За одним изобретением следовало другое.

Изобретения появлялись в трех отраслях: в текстильной промышленности, в использовании парового двигателя Дж. Уатта и в металлургии.

Среди изобретений той эпохи нужно выделить паровую машину, летучий челнок Кея, машину Аркрайта. Появление хлопчатобумажной промышленности (вне регламентации цехов) также сыграло огромную роль. В 1733 году происходит изобретение ткацкого станка Кея (что вызывает рост цен на пряжу), в 1765 году происходит изобретение механической прялки «Дженни», в 1769 году — изобретение ватерной машины Аркрайтом, в 1779 году — изобретение «мюль-дженни» Кромптоном (рост производительности в 200 раз), в 1785 году происходит изобретение механического ткацкого станка священником Картрайтом (это приводит к восстановлению равновесия между прядением и ткачеством), в 1769 году первый патент на паровую машину получает Дж. Уатт, а в 1789 году он уже создает первый завод по производству паровых машин, в 1801 году первый паровоз создает Р. Тревитик, и уже в 1845 году первый пароход создает И. Брюнель.

Но и до этого происходят важные изменения, уже в 1735 году англичане получают чугун на каменном угле с применением негашеной извести (это обеспечивает решение топливной проблемы металлургической отрасли), позже Джон Уилкинсон изготавливает на своих заводах железные трубы, кровати, строит первый железный мост через реку Северн в 1781 году, в 1755 году происходит строительство канала Манчестер—Ливерпуль, а в 1829 году появляется первый паровоз Стефенсона «Ракета».

Благодаря всем этим изобретениям к 1830 году издержки и цены на промышленные товары упали в 10—12 раз. Итоги ошеломили всех, особенно тех, кто посетил в 1851 году первую всемирную промышленную выставку.

Англия к 1870 году обеспечивала 32 % мирового промышленного производства; а доля в мировой добыче и производстве угля, чугуна, железа, хлопчатобумажной ткани была больше 50 % и 60 % судостроения.

Все эти технологические изменения несомненно были важны и в экономическом и культурном отношении, хотя до сих пор существуют те, кто сетуют на то, что произошла промышленная революция, — идеализация быта в эпоху до промышленной

революции и изображение жизни на земле как пасторали было характерно даже для Ф. Энгельса.

Для того чтобы сгустить краски, изображая страдания рабочего класса, нужно было показать почти идиллический строй, существовавший до «манчестерского капитализма». По Энгельсу до промышленной революции «рабочие вели растительное и уютное существование, жили честно и спокойно, в мире и почете, и материальное их положение было значительно лучше положения их потомков; им не приходилось переутомляться, они работали ровно столько, сколько им хотелось, и все же зарабатывали, что им было нужно; у них был досуг для здоровой работы в саду или в поле — работы, которая сама уже была для них отдыхом, — и, кроме того, они имели еще возможность принимать участие в развлечениях и играх соседей; а все эти игры в кегли, в мяч и т. п. содействовали сохранению здоровья и укреплению тела. Это были большей частью люди сильные, крепкие, своим телосложением мало или даже вовсе не отличавшиеся от окрестных крестьян. Дети росли на здоровом деревенском воздухе».

Энгельс продолжает свое описание:

«Дети целый день проводили дома с родителями и воспитывались в повиновении к ним и в страхе Божиим... Молодые люди росли в идиллической простоте и доверии вместе со своими товарищами по играм до самой свадьбы».

Реальная же жизнь в эпоху до промышленной революции была далека от такой романтической идиллии: голод и смерть от него в период частых неурожаев, тяжелый труд на земле, отсутствие медицинской помощи, необразованность, колоссальная детская смертность и небольшая продолжительность жизни (35 лет в среднем).

Вот как, в частности, протекала жизнь без «благ цивилизации», которые породил капитализм. В 1785 году жительница США Марта Баллард описала свою повседневную жизнь в дневнике (ей повезло, она относилась к 50 % женщин, которые умели читать и писать): «Была на похоронах [имя ребенка написано неразборчиво]. Малыш умер 19-го, ему было 4 года и 1 день <...> Жена капитана Лэма, жена Солона Кука и жена Эбenezера Дэвиса младшего умерли при родах; младенцы не выжили <...> Сильная метель, для марта очень холодно <...> Я два раза упала; один раз, когда шла туда, второй — на обратном пути <...> Дорогу местами замело снегом, почти по пояс... Весь день провела дома <...> варила мыло и вязала <...> Где — то после полуночи за мной пришел мистер Эдсон, у его жены начались схватки <...> На реке [было] опасно, но с Божьей помощью добралась благополучно <...> Никак не могла уснуть из-за блох. Когда вернулась домой, обнаружила 80 блох на одежде <...> Начала чистить выгребную яму под уборной во дворе <...> На дождевой бочке корка льда».

Вряд ли эта вполне реальная картина совпадает с образом, который нарисовал Ф. Энгельс. Как пишет Д. Макклоски: «Вспомните те времена, когда в Дании крестьянские семьи по десять человек ютились в одной комнате, а в другой держали коров и кур. Вспомните хижины из дерна и оторванность от цивилизации первых переселенцев в Небраске. Вспомните вполне оправданный ужас перед дикой природой, стаи волков, рыскающих в окрестных лесах и полях, даже в относительно урбанизированных Нидерландах XVII в. Вспомните конский навоз на улицах Нью-Йорка и отапливаемые углем дома в Лондоне. Все это осталось в прошлом благодаря „пришедшему в негодность“ либеральному капитализму. В конце XVIII в. эта разница не только сохранилась, но еще чувствительно выросла. В эти 25–30 лет, бывшие свидетелями столь крупных перемен в экономической и социальной области, заработная плата сельских батраков поднялась в заметных размерах: 7–8 шилл. зимой, 8–10 шилл. в летние месяцы стали обычной платой. Но промышленные заработные платы возросли еще быстрее».

Особую роль в росте благосостояния сыграли инновации. Инновации были довольно редким явлением до промышленной революции, при этом нужно отличать инновации от изобретений.

Изобретения до промышленной революции: плуг, гончарное дело, мельница. Но-вации были редкими и не вызвали перманентного появления новых изобретений. Вот некоторые достижения научно-технического прогресса, появившиеся после и вследствие промышленной революции: изобретение парового двигателя, появление железных дорог, теория микроорганизмов, электрификация и изобретение телефона, изобретение автомобиля, изобретение самолета, создание пенициллина, открытие ДНК, создание средства от малярии, изобретение компьютера, атомная энергия, высадка человека на Луну, персональный компьютер, Интернет, смартфон, блокчейн, криптовалюта, проект генома человека.

Происходит ускорение научно-технического прогресса. В XXI веке инкубаторы инноваций по всему миру создают и внедряют новые технологии.

Промышленная революция вызвала не только рост производительности труда и производство большего количества благ, за счет экономического роста уровень бедности радикально снизился, чего никогда не наблюдалось до этого. Если Мальтус считал, что $\frac{9}{10}$ человечества обречены жить в нищете, то промышленная революция показала, как «эндогенные инновации» могут сократить бедность. Если до промышленной революции за чертой бедности жило 90 % населения, то в начале XXI века этот показатель сократился до 10 %. Ничто так не способствовало решению проблемы бедности, как капитализм, порожденный промышленной революцией.

Кроме события 1846 года, символом успешного завершения промышленной революции в Англии следует считать открытие знаменитого «Хрустального дворца» в 1850—1851 годах. Именно он стал олицетворением тех принципов коммерческого успеха, которые привели одних в восторг, а других в ужас. Как известно, Достоевский в своих «Записках из подполья» вывел персонажа, который хотел показать язык всему миру и разрушить «хрустальный дворец» человечества. Парадоксально, что этот герой, утверждал, что «пусть мир провалится, лишь бы мне чаю пить». Хотя выбирать вовсе не было надобности: Англия продемонстрировала возможность и «чаю пить» и «миру быть».

Попытки объяснить причину промышленной революции в Англии

Три книги об истоках промышленной революции. Существует три наиболее популярных книги, написанные экономическими историками в последние годы, которые объясняют причину промышленной революции: «Насилие и социальные порядки» [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011], «Почему одни государства богатые, а другие бедные» [Аджемоглу, Робинсон 2014] и «Буржуазные добродетели» [Макклоски 2018]. Ниже будут рассмотрены версии, содержащиеся в этих и других книгах. Если кратко, то Д. Норт и Д. Аджемогу связывают промышленную революцию с «инклюзивными институтами»/«порядками открытого доступа», то есть с процессом демократизации, начавшейся в традиционной версии после Славной революции 1688 года. Д. Макклоски объясняет «Великое обогащение» изменениями в мире идей — от неприятия богатства, до признания «буржуазных добродетелей».

Одна из наиболее распространенных теорий объяснения промышленной революции связана с тем, что в Англии Дж. Уайт впервые изобрел паровую машину. На самом деле он не был первым, кто ее изобрел. За несколько десятилетий до этого ее изобрел

в России Иван Ползунов, а еще раньше, еще в I веке н. э., механизм ее функционирования создал Герон Александрийский. Однако ни в России, ни в Египте это изобретение не стало фактором экономического развития³. Оно фактически было проигнорировано, только в Англии она оказалась ко двору и была использована для создания продукции для всего рынка. Кроме того, нельзя сводить промышленную революцию в Англии к паровой машине, изобретения, важные для трех ключевых отраслей британской промышленности, начались и до нее: 1733 — изобретение ткацкого станка Кея, 1765 — изобретение механической прялки «Дженни», они также были частью английской промышленной революции. Ключевое ее свойство — перманентный процесс генерирования инноваций: волна за волной, динамизация экономики. Несомненно, паровая машина сыграла большую роль в развитии всех отраслей английской промышленности, но вне контекста всех инноваций ее роль оказывается явно переоцененной. Промышленная революция затронула все отрасли и институты существовавшего общества.

Не высокая зарплата. «Работники английских мануфактур едят жирно, пьют сладко, живут лучше и кормятся лучше, чем бедный рабочий люд любой другой страны в Европе; за свою работу они получают лучшую зарплату и проводят больше времени лежа на боку, чем рабочие в любой другой стране», — писал Даниель Дефо в книге «Совершенный английский торговец» в 1726 году. Одна из «профессиональных» версий экономистов о том, что вызвало промышленную революцию в Англии, принадлежит Р. Аллену. Она состоит в том, что в Англии до промышленной революции были высокие заработные платы по сравнению с другими странами, это вызвало действие «эффекта Рикардо»⁴, когда предпринимателям становится выгодно инвестировать капитал в изобретения, которые снижают потребность в труде. Конечно же, высокие заработные платы не делают страну локомотивом инноваций: Рим, будучи столицей империи, был самым богатым городом той эпохи⁵, но промышленная революция произошла не в нем. Данные, которые приводит Р. Аллен свидетельствуют о том, что заработная плата была высокой именно в Лондоне [Аллен 2014: 71], но если сравнивать с Амстердамом, то уровни будут почти одинаковыми. Кроме того, промышленная революция происходила не в столице, а в небольшом городке Манчестере, где население

³ Англичанин Дж. Уатт отличался от предыдущих изобретателей возможностью продавать их на рынке: «Дорогой отец, несмотря на разнообразное и жесткое сопротивление, я наконец добился от Парламента закрепления за мной и моими наследниками права собственности на мою новую Огненную машину по всей Великобритании и на ее плантациях на ближайшие 25 лет, что, я надеюсь, сулит мне большие выгоды, ведь значительный спрос на нее уже есть» [Аджемоглу, Робинсон 2014: 88].

⁴ Этот эффект сформулировал Давид Рикардо в своем сочинении «Начала политической экономии и налогового обложения» в 1817 году: «...всякое повышение заработной платы, или, что одно и то же, всякое падение прибыли, понизит относительную стоимость товаров, которые производятся с помощью более долговечного капитала, и соответствующим образом повысит стоимость тех, которые производятся с помощью капитала, более быстро изнашивающегося. Падение заработной платы будет иметь в этих двух случаях диаметрально противоположное действие» [Рикардо 2007: 102]. «Машины и труд находятся в постоянном соперничестве между собой, и первые часто могут быть применены только тогда, когда поднимается цена труда» [Там же, 337]. Следует отметить, что без добровольных сбережений и накопленного капитала высокая заработная плата не может привести к росту инвестиций в машины. Так как норма процента ниже была в Голландии, то именно там и должен был действовать «эффект Рикардо», но не действовал.

⁵ Г. А. Кавтарадзе: «Крупнейший город империи с миллионным населением, Рим быстро разрастался и был плотно застроен — доходные дома росли вверх, достигая пяти этажей. Из источников в его окрестностях по 19 акведукам в город подавалась вода, действовала система канализации и освещение по ночам. Так было не в одном только Риме, но и во всех крупных городских центрах. Степень благоустроенности, отличавшая римский город, в городах Европы достигнута была лишь в XIX веке» [Кавтарадзе 2005: 57].

после промышленной революции выросло в разы. В более широкой перспективе видно, что заработная плата в реальном выражении в Лондоне стала значительно выше лишь вследствие промышленной революции в середине XIX века [Allen 2001: 428]. До этого периода заработная плата оставалась на одном уровне с 1350-го по 1800 год и составляла 40 % от уровня 1913 года. Если это высокая заработная плата, то почему промышленная революция произошла не в XIV веке? На рис. 6.1 в своей книге «Британская промышленная революция в глобальной картине мира» Р. Аллен демонстрирует, что отношение цены труда к цене капитала была выше в Лондоне, чем в Страсбурге и Вене, но не сравнивает его с Амстердамом [Аллен 2014: 203]. Видимо, потому, что, как известно, Амстердам славился своим низким процентом по кредиту и развитым финансовым рынком. Такое сравнение должно было привести к выводу о том, что промышленная революция должна была произойти в Нидерландах, фактически же она произошла в Англии.

Не университеты. Еще одно популярное объяснение состоит в том, что университеты стали центрами научно-технического прогресса и именно они ответственны за такие изобретения, как паровая машина, которая и правда была изобретена профессором Университета Глазго Дж. Уаттом (в этом же университете работал А. Смит), что промышленная революция произошла именно в Англии и именно в XIX веке благодаря университетам. На самом деле Англия не была пионером и даже лидером в области открытия университетов. Первый университет в Европе был открыт в Болонье в 1088 году⁶. Из крупных университетов в Англии до промышленной революции были только Оксфорд и Кембридж. Самые старые и крупные университеты находились в Италии (Верона, Турин, Пиза, Сиена, Рим, Неаполь, Флоренция), Франции (Париж, Бордо, Орлеан, Анжер), Германии (Гейдельберг, Лейпциг) и Испании (Саламанка, Валенсия, Севилья), но промышленная революция произошла не в Италии XII века и не в Испании, когда там блистала саламанкская школа, а в Англии, которая не могла похвастаться таким количеством университетов, и только в XIX веке, а не в XIII веке, когда были созданы крупнейшие университеты Англии. Скорее верно обратное: университеты начинают развиваться именно тогда, когда в регионе начинается рост экономики. В этом смысле появление университета в Манчестере только в 1824 году доказывает, что причина идет от промышленной революции к университетам, а не наоборот.

Не бухгалтерский учет. Не настолько распространенная версия, но тем не менее идущая от авторитета Макса Вебера, состоит в том, что рационализация хозяйственной деятельности, характерная для капитализма, не могла бы быть возможна без двойной записи, которая позволила отражать каждую хозяйственную операцию в бухгалтерском балансе. Изобретателем системы двойной записи считается итальянец и друг Леонардо да Винчи — Лука Пачоли, в его «Трактате о счетах и записи», опубликованный в 1494 году, заложил основы бухгалтерского учета. Особую роль уделял этому изобретению И. Гёте, а также Л. фон Мизес⁷. Все же при значимости бухгалтерского учета очень тяжело будет объяснить промышленную революцию в Англии этим изобретением, оно начинает активно использоваться по всей Европе, а не только в Англии

⁶ Незападные университеты имеют еще более давнюю историю. Университет Наланда в Индии был создан в V веке, арабы создали свой университет в Гондишапуре в IX веке. Но там не произошла промышленная революция. Греция — родина Академии и Лицея — также не была страной, где произошла промышленная революция.

⁷ «Наша цивилизация неразрывно связана с методами экономического расчета. Она погибнет, если мы откажемся от этих самых точных интеллектуальных методов активной деятельности. Гёте был прав, назвав метод двойной записи бухгалтерского учета одним из прекраснейших изобретений ума человеческого [Мизес 2005: 217; Гёте, 1978: 30]».

и происходит это уже в XVI веке, если не раньше, а промышленная революция произошла только в конце XVIII века и не в Италии — стране, где был изобретен двойной счет.

Не научная революция. Научная революция считается одним из наиболее важных событий, которые породили промышленную революцию. Великие открытия Галилея, Кеплера, Коперника, Браге, Гарвея, Гюйгенса и многих других европейских ученых. Некоторые даже считают ее главной причиной «Просвещенной экономики», как Ж. Мокир [Мокир 2017]. Несомненно, И. Ньютон, У. Гарвей и многие другие английские ученые внесли существенный вклад в научную революцию XVII века. Однако большинство ученых той эпохи не были англичанами и не работали в английских университетах: Галилей и Кеплер работали в Италии, Коперник в Польше и Германии, Браге в Дании, Гюйгенс в Голландии. Научная революция была общеевропейским явлением, и тяжело объяснить, почему она вызвала промышленную революцию именно в Англии, а не, скажем, в Италии. Кроме того, научная революция произошла в XVII веке, а промышленная революция только в конце XVIII века.

Не веротерпимость. Веротерпимость позволяет торговать со всеми, даже с теми, кто придерживается иных взглядов на религию. Существует миф, что Англия исторически была страной веротерпимой и уважающей различные религиозные конфессии. История показывает, что это не так. В истории Англии, как и любой страны, не просто были периоды, когда не было религиозной свободы, но и периоды, когда представителей разных религиозных конфессий грабили, убивали или высылали из страны. Эдуард I изгнал из Англии всех евреев, предварительно ограбив, Генрих VIII, ограбив католические церкви, передал собственность в руки своих друзей, сделал себя главой Англиканской церкви, он сам начертал религиозные статьи (Articles of Religion), составляющие основу новой веры, или англиканства [Макаров 2018: 146—156], вслед за этим началась конфискация имущества церквей в пользу государства с последующей передачей в частное владение, сопровождавшееся жестокими убийствами монахов и монахинь. Генрих VIII стал выше законов и религии, деспотизм его не знал пределов. Известно, что английские пуритане вынуждены были бежать от преследований в Америку.

Если провозглашение принципов веротерпимости порождает промышленную революцию, то она должна была произойти в Индии в III веке до н. э. Во времена царя Ашоки, который впервые сформулировал принципы веротерпимости. Как писал крупнейший религиовед Макс Мюллер о веротерпимости: «[Мы могли бы] обнаружить их высеченными на скалах Индии более двух тысяч лет назад Ашокой, который правил с 259 по 222 г. до н. э. Ашока, который отверг старую ведическую религию и принял основные принципы учения Будды, утверждает в одном из своих эдиктов: „Царь Пиядаси желает, чтобы повсеместно существовали всевозможные секты, потому что каждая из них способствует воздержанности чувств и очищению души. Царь Пиядаси почитает все секты, монахов и мирян; он чтит их, предоставляя им свободу и оказывая различные виды покровительства... Тот, кто превозносит свою секту и осуждает другие, руководствуется преданностью своей секте и желает прославить ее, но в действительности он только вредит ей. Следовательно, единственным благом является мир, при котором бы все люди проявляли готовность не только выслушать, но и понять мнение других“» [Мюллер 2022].

Сложно сказать, насколько эти декларации выполнялись, но даже их декларация говорит о многом, такая веротерпимость, и то не в полной мере, появляется в Европе лишь в конце XIX века.

Да и в рамках истории христианства XVIII век был далеко не самым свободным, так историк церкви Иван Андреев писал: «Листайте Евангелия и другую литературу

начального христианства, и вы будете приятно изумлены зрелищем свободы религиозной мысли и пропаганды, свободы, которой фактически не имеют даже в XX в. так называемые культурные государства» [Андреев 2015: 285].

То же касается и католиков в Англии. Вот как к ним относились англичане: «Несмотря на самые торжественные клятвы, которые они приняли, все же они уполномочены самыми принципами своей религии нарушать веру с теми, кто принадлежит к другой общине, лгать, предавать и даже к убийству тоже, когда этого требуют интересы их церкви. Это значит, что, несмотря на все доказательства их искренности, которые они дали или, возможно, могут дать, им нельзя доверять; а они — сборище вероломных негодяев, которые только и ждут удобного случая, чтобы перерезать глотки всем своим протестантским братьям» [Сидоренко 2020: 99].

За англиканство можно было заступаться, а вот за остальные конфессии — нет: «Лорд Гордон, стремившийся выступить защитником протестантизма в Великобритании. В своей речи об опасности распространения послаблений католикам на Шотландию, он указывал: „...я счел нужным выяснить чувства шотландского народа. Все, что я могу теперь добавить, это сообщить, что я намерен в будущем выступить с обращением к королю послать в Шотландию 120 тыс. мушкетов и штыков, чтобы вооружить беззащитный народ этой страны“» [Сидоренко 2020: 103].

Видимо, не получится объяснить промышленную революцию в Англии в конце XVIII века особой веротерпимостью, которая якобы всегда была характерна для англичан.

Не англиканство. Считается после Макса Вебера, что религия оказывает особое влияние на развитие капитализма. Протестантские мнения по мере распространения их на материке Европы проникали и в Англию, но здесь богословская сторона Реформации мало занимала умы — гораздо более интересовало англичан свержение папского ига, с которым соединены были для них большие денежные поборы в пользу Рима и духовенства. Такого характера и были в Англии первые протесты против Римской церкви. Ближайшим поводом к реформационному движению в Англии послужила ссора английского короля Генриха VIII с папой Климентом VII. Генрих захотел развестись со своей женой Екатериной Арагонской, чтобы жениться на Анне Болейн, и просил (1527) у папы развода, но папа после долгих проволочек отказал ему в этом. Тогда Генрих решился не только обойтись без папы в деле о браке, но и совсем уничтожить его власть в Английской церкви. В 1533 году по его распоряжению английским парламентом издан был закон о независимости Англии от папы в церковных делах и о верховных правах короля в Церкви, а в 1534 году Генрих формально и торжественно объявил себя верховным главой Церкви вместо папы. «Большинство епископов и священников подчинились новому порядку в церковном управлении, не признававшие же главенства короля или сомневавшиеся в этом подверглись преследованиям и казням. Затем Генрих закрыл все монастыри в Англии (1538) и имущества их обратил в свою пользу» [Смирнов 2007: 709].

Что касается вероучения, то король-реформатор не сделал почти что никаких перемен в этом отношении. Получив схоластическое богословское образование, он в душе оставался таким же католиком, каким был до разрыва с папой, и так же ненавидел протестантов, как в 1521 году, когда издал от своего имени сочинение против Лютера. Только по стараниям архиепископа Кентерберийского Томаса Кранмера и своего министра Кромвеля, тайных протестантов, бывших его главными советниками во время столкновения с папой, Генрих издал от лица парламента в десяти членах нечто вроде нового вероучения. В своем распоряжении относительно вероучения, в так называемых «Шести членах», Генрих прямо восставал против лютеранства, угрожая смерт-

ной казнью тем, которые будут отрицать пресуществление, допускать причащение под обоими видами, утверждать, что священникам можно вступать в брак, и прочее. «В силу этого распоряжения многие из принявших лютеранство подверглись преследованиям. Иерархия оставлена неприкосновенной. Такой реформой положено было начало Англиканской епископальной Церкви» [Смирнов 2007: 709].

Однако следует отметить, что Англиканская церковь никак не отреагировала на промышленную революцию, что позволило ей победно шествовать по территории страны. «Существующий порядок, если оставить в стороне недальновидные действия вмешивающихся в него правительств, был природным порядком, а порядок, установленный природой, — это порядок, установленный Богом» [Тоуни 2023: 310].

Р. Тоуни возмущался тем, что «церковь была столь неэффективной в предоставлении вдохновения и руководства в период масштабной экономической реорганизации, которой традиция дала не слишком удачное название „промышленная революция“. Церковь не предоставила их потому, что не обладала ими. Существовали, безусловно, особые обстоятельства, объясняющие ее молчание: простое невежество и некомпетентность, воспринятая доктрина политической экономии» [Тоуни 2023: 311]. То есть, признание принципов невмешательства в экономику.

Молчание оказалось золотом: «Молчаливое принятие ужасов ранней фабричной системы, было... характерной чертой столетия» [Тоуни 2023: 312], что сыграло свою роль в возможности промышленной революции именно в Англии. Там, где «не молчали», отказ от свободной торговли и собственности приводил к краху экономики.

Не английский нрав. В общественном сознании навеки закрепился образ настоящего джентльмена и леди за англичанами. Многим представляется, что они отличаются от других народов уважением к личности, добропорядочностью и высокой культурой поведения. К сожалению, это такой же миф, как и предыдущие. Особенно это касается периода до промышленной революции. Дневники государственного служащего Самуэля Пипса, который жил во времена Славной революции, хорошо передают нравы, которые господствовали в те времена среди «настоящих джентльменов» [Пипс 2010: 132–143]:

«Сегодня утром, обнаружив, что некоторые вещи лежат не там, где им надлежит, схватил метлу и стал колотить горничную до тех пор, пока она не закричала на весь дом, чем крайне мне досадила» (1 декабря 1660 года).

«За обедом и ужином я, сам не знаю почему, выпил столько вина, что потерял всякое разумение и промучился головной болью весь вечер. Посему — домой и в постель, даже не помолившись, — раньше по воскресеньям я не пропускал молитвы ни разу. Но сегодня был так плох, что не посмел читать молитву из страха, что слуги заметят, в каком я состоянии. А посему — в постель» (29 сентября 1661 года).

Пипс, как и многие представители его эпохи, не гнушался насилием над более слабым:

«Поскольку жена и горничные жаловались на мальчишку, я вызвал его наверх и отдывал плеткой, пока не заболела рука.

Вернувшись домой, обнаружил, что жена по собственному разумению выложила 25 шиллингов за пару серег, от чего пришел в ярость; кончилось все размовкой, наговорили друг другу невесть что; я и помыслить не мог, что жена моя способна отпустить подобные словечки. Припомнила она мне и наш разезд, чем крайне мне досадила. Пригрозил, что поломаю их, если она не отнесет их обратно и не получит назад свои деньги, с чем и ушел. Спустя некоторое время бедняжка послала служанку обменять серьги, однако я последовал за ней и отправил домой: довольно и того, что жена подчинилась.

Вернувшись сегодня вечером домой, принялся изучать счета моей жены; обнаружил, что концы с концами не сходятся, и рассердился; тогда только негодница призналась, что, если нужная сумма не набирается, она, дабы получить искомое, добавляет что-то к другим покупкам. Заявила также, что из домашних денег откладывает на свои нужды, хочет, к примеру, купить себе бусы, чем привела меня в бешенство. Больше же всего меня тревожит, что таким образом она постепенно забудет, что такое экономная, бережливая жизнь» (29 сентября 1664 года) [Пипс 2010: 120].

Бережливость у Пипса была связана со стремлением купить должность:

«В постели с женой. Долго говорили о бережливости, о том, что экономно следует жить и в дальнейшем. Сказал ей, что я намереваюсь сделать, если накоплю 2000 гиней, а именно — получить рыцарское звание и завести собственный выезд, что весьма ее обрадовало. Очень надеюсь, что мы и в самом деле что-нибудь накопим, ибо я преисполнен решимости тратить как можно меньше» (2 марта 1662 года) [Пипс 2010: 132].

Если же выпала удача, то и от бережливости можно отказаться:

«Только сегодня к вечеру кончили праздновать Рождество, насладившись в полной мере самыми разнообразными удовольствиями. Испытываю столь сильную потребность вновь предаться разгулу, что сейчас самое время вспомнить старый обет воздерживаться от вина и азартных игр, каковой, да будет на то воля Божья, я приму с завтрашнего дня, дабы и впредь достойно и прилежно исполнять свой долг, приумножать славу, а также доходы, которые делают жизнь отраднее и в которых имею я нужду, и немалую» (6 января 1663 года) [Пипс 2010: 133].

Для обеспечения всех этих потребностей и существует государственная служба, где взятки — абсолютная норма:

«Выезжая из Уайтхолла, повстречал капитана Гроува, который вручил мне письмо; сразу же разглядел, что в конверте деньги, и сообразил, что это, должно быть, часть суммы, которую он заработал на оснащении направляющихся в Танжер судов. Однако вскрыл письмо не раньше, чем пришел в присутствие, — разорвал конверт, не заглядывая внутрь и дождавшись, пока деньги сами не выпадут наружу, — чтобы потом сказать, если вдруг будут допытываться, что денег внутри не видал. Внутри оказалась одна золотая монета и 4 гиней серебром» (3 апреля 1663 года) [Пипс 2010: 133–134].

Неформальные отношения также получить привилегию от чиновника:

«Прогуливался в доках, беседуя с офицерами, после чего, на обратном пути, встретил юного Бэгвелла с женой; отведя меня в сторону, обратились с нижайшей просьбой подыскать им корабль получше. Сделал вид, что с удовольствием пойду им навстречу; про себя же подумал, что надо бы поближе познакомиться с его женошкой» (7 августа 1663 года) [Пипс 2010: 133–134].

Работая чиновником и получая взятки, думаешь о том, что это угодно Богу:

«С самого утра — в присутствие, где сидели полдня; корпел над Дирингом и его делами: никогда бы столько не трудился, если б не надеялся чего-нибудь с него получить; впрочем, я искренне убежден, что исполнил не более того, что выгодно государю. И все же, видит Бог, когда дело прибыльное, и трудишься добросовестнее» (19 декабря 1663 года) [Пипс 2010: 134].

Когда не можешь скрыть радость от получения взятки:

«В таверне „Солнце“ с сэром У. Уорреном; долго беседовали, наговорил мне много приятного — прямо и намеками; между делом вручил пару завернутых в бумагу перчаток — для жены. Пакет оказался тяжелый, и открывать его я не стал, однако заметил, что жена будет за него благодарна, и продолжал беседу. По возвращении домой стоило немалых трудов выпроводить жену из комнаты, дабы увидеть, что собой пред-

ставляют эти перчатки. Наконец она ушла, я раскрыл сверток и обнаружил внутри пару белых женских перчаток, а в них — 40 золотых монет; это привело меня в такой восторг, что за обедом кусок не лез в горло от радости: Господь, стало быть, не забывает нас и, будем надеяться, не забудет и впредь, воздавая мне должное за труды праведные. Не знал, как мне поступить, сказать об этом жене или нет; с одной стороны, не терпелось поделиться с ней столь отрадной вестью; с другой же — я опасался, как бы она не подумала, что я нахожусь в лучшем положении и зарабатываю легче, чем на самом деле» (7 февраля 1664 года) [Пипс 2010: 134–135].

Как мы видим, английский нрав мало чем отличался от нрава жителей других стран. По все видимости, этим фактором промышленную революцию в Англии не объяснишь.

Не отсутствие коррупции. Честность и неподкупность, верховенство права, свобода договора и свобода торговли. Так часто описывают источники экономического успеха, который заложил основы промышленной революции. Отсутствие коррупции и уважение к верховенству права у англичан после Славной революции — это еще один миф. Коррупция была нормой в XVIII веке и до этого [Макаров 2011: 97–105; Rubinstein 1983]. Славная революция 1688 года здесь мало что изменила. «После 1688 г. реальной трансформации политической системы Великобритании в полноценную парламентскую монархию так и не произошло» [Сидоренко 2020: 235]. Вот один из документов эпохи меркантилизма⁸, который хорошо отражает механизм взаимодействия бизнеса и власти. «Аноним» просит защитить его от конкуренции с иностранными производителями в обмен на более высокие платежи в казну: «Все они [иностранцы] стремятся сбить цену на сукно и заставить суконщика нести все виды налогов и расходов прежде чем он, наконец, получит за свое сукно деньги, без которых, хотя бы это причиняло ему убытки, он не может возвратиться, так много бедного народа зависит от него. Ему приходится эти деньги раздавать им, так как каждый обыкновенный суконщик дает работу многим сотням бедняков.

Если бы суконщик был освобожден от гнета перевозок и торговой монополии „странствующих купцов“, что легко можно было бы осуществить, держа наши сырые материалы внутри страны и побуждая иностранцев применять все вырученные деньги на покупку местных товаров, а также должным соблюдением хороших и полезных правил, ранее установленных для надлежащего изготовления сукна, то суконщик охотно согласился бы платить налог за каждый кусок сукна в 6 шиллингов и 8 пенсов, согласно старой пошлине на вывозимое сукно» [Плотников 1935: 151].

Как мы видим, в качестве средства решения проблем предлагается за счет запрета на экспорт сырья и за счет запрета вывоза денег за пределы Англии.

Автор продолжает свою аргументацию, не забывая указать конкретную сумму: «Его величество будет получать, помимо укрепления государства вследствие роста торговли, 100 000 фунтов стерлингов и больше. Это было бы подходящим и необходимым мероприятием, совмещающим выгоды его величества с общим благосостоянием, соперничающим с прежними мероприятиями его собственных царственных предков и с другими странами, как Испания, Франция, Италия, Нидерланды» [Плотников 1935: 151]⁹.

⁸ В одном из статуты предписывалось обязательное ношение шерстяных шапок по воскресеньям.

⁹ Завершает же проситель так: «Если будет признано, что мною упущено объяснение пути, как эти деньги могут быть получены, то пусть знают, что это отложено до того, как станет известно, что благоволение его величества будет им уделено любящим и преданным долгу ли цам, которые для блага его величества и его страны изложили это выгодное средство и в настоящее время покорно умоляют его величество соблаговолить прочесть и сохранить в тайне этот трактат» [Плотников 1935: 151].

Такой механизм использовался в Англии повсеместно. Так к 1621 году в Англии насчитывалось семь тысяч монополий. Как пишет английский историк Кристофер Хилл, англичанин жил «в доме, построенном из монопольных кирпичей, с окнами... из монопольного стекла, обогреваемом монопольным углем (а в Ирландии — монопольными дровами), который горел на решетке из монопольного железа... Мылся он монопольным мылом и крахмалил белье монопольным крахмалом. Он носил монопольную тесьму, монопольный лен и монопольную кожу, расшитую монопольной золотой нитью. Его одежда стягивалась монопольным ремнем, скреплялась монопольными пуговицами и монопольными заколками. Выкрашена она была монопольными красителями. Он ел монопольное масло, монопольную смородину, монопольную селедку, монопольного лосося и монопольных омаров. Его еда была приправлена монопольной солью, монопольным перцем и монопольным уксусом... Он писал монопольными перьями на монопольной бумаге, читал он (с помощью монопольных очков и при свете монопольных свечей) монопольные печатные книги» [Аджемоглу, Робинсон 2014: 151].

Все эти монополисты таким же путем получали свои привилегии и с такими же последствиями, как и всякая монополизация рынка государством: высокие цены и низкое качество. «В 1780 г. коррупция оставалась такой же плохой, как и во времена Уолпола» [Сидоренко 2020: 120]. «Неподконтрольные секретные фонды, под которые можно было списывать если не любые, то значительные суммы государственных денег» [Сидоренко 2020: 123]. «Был ли хоть один вопрос общественной политики, решенный в период его администрации в любой из палат парламента иными средствами, кроме как благодаря осязательному влиянию очевидного взяточничества?» — задавался вопрос современным памфлетистом [Сидоренко 2020: 155].

Именно поэтому Э. Берк предложил свои реформы: «Цель реформы Берка состояла в том, чтобы предотвратить злоупотребление средствами Цивильного листа, для чего он предложил ограничение статей расходов теми целями, для которых он предназначался, что позволило бы удерживать траты в пределах, установленных парламентом» [Сидоренко 2020: 155]. До этого, по существу, никаких ограничений не было.

Прославился тем, что был уличен в коррупции и знаменитый английский философ Ф. Бэкон, кстати, большой поклонник абсолютизма и большого государства: «Король должен расширять и сохранять границы империи: это его высшая моральная обязанность». Как писал М. Ротбард: «В призыве к завоеваниям Бэкон превзошел даже Макиавелли, который предостерегал против чрезмерно поспешных действий. Дабы быть готовым к священной задаче расширения империи, английский народ должен готовиться к войне, в особенности совершенствовать военно-морское дело, демонстрировать храбрость, быть „отважным и воинственным“» [Ротбард 2020: 318].

Бэкон эмпирическим путем открыл эффективность для себя коррупции в Англии: «После трех лет пребывания на высшем государственном посту сэр Фрэнсис Бэкон потерпел фиаско. Обвинения в систематическом взяточничестве подтвердились, Бэкон признал вину, вернулся к частной жизни и продолжил публиковать свои труды. Весьма показательным, что, сознавшись во взяточничестве, он тем не менее утверждал, что взятки никогда не влияли на его решения и что его „намерения“ всегда оставались „чистыми“» [Ротбард 2020: 318]. То есть взятки он брал, но это не мешало ему принимать правильные решения.

Знаменитый английский художник У. Хогарт в серии картин изобразил весь процесс выборов [Косарев 1961: 111–112] в английский парламент в XVIII веке: от «гнилых местечек»¹⁰ до насилия в отношении проигравших кандидатов [Барлова 1999:

¹⁰ «Гнилыми местечками называли малонаселенные или совсем обезлюдившие, а иногда вообще исчезнувшие к XVII–XIX вв., городки и деревушки, которые, однако, сохраняли старинное право пред-

150—155]. По этому поводу высказался английский историк культуры К. Кларк: «[Хогарту] не откажешь в повествовательной изобретательности, а на склоне лет он исполнил серию картин на тему парламентских выборов, которые скомпонованы лучше, чем гравюры его знаменитой серии „История распутника“, и очень убедительно раскрывают пороки нашей далекой от совершенства политической системы. Чего стоит избирательный участок, где полоумных и полуживых уговаривают поставить галочку в бюллетене! Победившего кандидата — жирного каплуна в напудренном парике — несут на плечах его подручные, которые не забывают по пути сводить счеты с соперниками». Для К. Кларка картины Хогарта иллюстрируют нецивилизованность такой Англии: «Суть, как мне представляется, в том, что в Англии XVIII века по итогам буржуазной революции сформировалось не одно, а сразу два общества, очень слабо связанных между собой. Одно — общество скромных „сельских джентльменов“, мелкопоместных дворян, чьим летописцем в живописи стал некто Артур Дэвис, запечатлевший их в виде комически застывших манекенов посреди холодных, неуютных интерьеров. Другое — городское общество, которое хорошо знакомо нам по работам Хогарта и пьесам его друга Филдинга: от этого, городского, веет здоровым звериным духом, но совсем не тем, что хотя бы с натяжкой можно назвать цивилизацией» (Кларк К. Цивилизация. М.: Азбука-Аттикус, 2023. С. 239—240).

Не колонии. Самое простое и самое неверное объяснение причины промышленной революции восходит к марксистским представлениям о первоначальном накоплении за счет ограбления колоний. Если колонии являются источником промышленной революции, то тогда она должна была произойти в Испании или Португалии, у которых было значительно больше колоний. У Англии не только было гораздо меньше колоний, но они мало что приносили английской казне по сравнению с испанскими и португальскими, кроме того, прямо перед началом промышленной революции Англия потеряла свои тринадцать североамериканских колоний, что, исходя из теории «ограбления колоний», должно было вызвать экономический крах метрополии, а произошел напротив экономический бум. Сюда же относятся «опиумные войны» с Китаем. Они также не могут быть хорошим объяснением причины промышленной революции, так как они происходили в XIX веке после промышленной революции, да и масштаб доходов англичан явно преувеличен, он составлял не больше 5 % национального дохода¹¹.

Не либерализм. Со стороны может показаться, что в Англии того времени превалировала идеология свободы торговли и Laissez Faire, экономисты и политики ратовали за невмешательство в дела рынка и именно этим объясняется промышленная революция в Англии. Д. Макклоски в своем фундаментальном трехтомнике «Буржуазные добродетели» разбивает все теории, пытавшиеся объяснить «Великое обогащение», предлагая свое объяснение: идеи экономической свободы, капитализма и признание буржуазных добродетелей породили современный экономический рост. Но эту теорию она не тестирует на примере Англии. Были ли идеи экономической свободы превалирующими в Англии до промышленной революции? Не было ли их до этого периода в других странах? Если были, почему не произошла промышленная революция?

Так еще в начале XII века высказывались во Франции идеи экономической свободы Гуго Сен-Викторским: «Благодаря торговле люди проникают в тайны мира, посещают неведомые берега, открывают жаркие пустыни и завязывают отношения с вар-

ставительства в парламент. Как правило, такого рода избирательный округ находился в собственности какого-либо аристократического семейства или одного лорда» [Барлова 1999: 150]. «Реклама и продажа мест в парламент, подкуп избирателей являлись обычной выборной практикой того периода» [Сидоренко 2020: 59].

¹¹ См. <https://postnauka.ru/longreads/72756>.

варскими народами, узнавая неизвестные еще языки. Занятие ею примиряет народы, гасит войны, утверждает мир и обращает на общую пользу частное благо» [Маккло-ски 2018: 77]. Но промышленная революция не произошла во Франции в XII веке.

Во II веке до н. э. в Китае Сыма Цян высказывал мысли, совпадающие с идеологией невмешательства и «невидимой руки» рынка: «Каждому человеку только того и нужно, чтобы ему дали возможность применить свои способности и проявлять свои лучшие качества, дабы получить то, что он хочет... Когда каждый человек работает по своей профессии и радуется своему делу, то и блага, подобно стекающей вниз воде, естественным образом без принуждения текут непрерывно днем и ночью, и люди производят товары, хотя их об этом и не просят» [Ротбард 2020: 41]. Но промышленная революция не произошла в Китае во II веке до н. э.

В XVII веке представители саламанкской школы сформулировали идеи свободного рынка и предпринимательства, Хуан де Мариана писал в 1625 году: «Власти не знают ни народа, ни хода дел, по крайней мере не знают всех тех обстоятельств, от которых зависит успех. Они неизбежно совершат множество серьезных ошибок, а в результате народу будет причинено беспокойство, и он будет презирать это слепое правительство». «Власть и приказ безумны, когда слишком много законов, так что невозможно все их выполнять или хотя бы знать, теряется уважение сразу ко всем» [Уэрта де Сото 2020: 50—51]. Однако промышленная революция не произошла в Испании в XVII веке.

А вот в Англии в это время были популярны идеи сторонника абсолютизма Р. Филмера, его книга имеет характерный подзаголовок: «Патриарх: защита естественной власти королей против неестественной свободы народа». И тем не менее промышленная революция произошла именно в Англии.

Даже «пионер» либеральной экономики А. Смит не слишком симпатизировал богатым и капиталистам: «[Книга направлена против] низменной жадности, стяжательского духа купцов и промышленников, которые ведь и не являются и не должны являться владыками человечества» [Смит 2007: 476]. «Хозяева всегда и повсеместно находятся в своего рода молчаливой, но постоянной и единообразной стачке с целью не повышать заработной платы рабочих выше ее существующего размера» [Смит 2007: 119—120]. «Низменные приемы мелких лавочников возводятся в политическое правило поведения большого государства» [Смит 2007: 476]. «Капризное тщеславие королей и министров не было в течение настоящего и минувшего столетий более роковым для спокойствия Европы, чем высокомерное соревнование купцов и промышленников» [Смит 2007: 476]. «Однако имеются, по-видимому, два случая, когда, по общему правилу, выгодно наложить некоторые тяготы на иностранную промышленность в целях поощрения промышленности отечественной (!). Первый случай имеет место тогда, когда какая-либо отдельная отрасль промышленности необходима для обороны страны. Оборона страны гораздо важнее, чем богатство. Вторым случаем, когда выгодно подвергать некоторому обложению иностранную промышленность в целях поощрения отечественной, является тот, когда продукт последней внутри страны облагается налогом» [Смит 2007: 449—451]. Следует обратить внимание, что все это для «поощрения» промышленности отечественной: «Почти все страны обмениваются друг с другом отчасти собственными и отчасти иностранными продуктами. Но всегда больше выгадывает та страна, в грузах которой больше отечественных продуктов и меньше иностранных» [Смит 2007: 473].

Что же касается внешней торговли, то А. Смит писал: «Ограничением при помощи высоких пошлин или абсолютным воспрещением ввоза из-за границы таких продуктов, которые могут производиться внутри страны, более или менее обеспечивается

монополия внутреннего рынка для отечественной промышленности, занятой их производством. Не может подлежать сомнению, что такая монополия внутреннего рынка часто служит большим поощрением для отрасли промышленности, пользующейся ею, и нередко привлекает к ней большую долю труда и капитала общества, чем это было бы при других условиях. Но, пожалуй, не столь очевидно, ведет ли она к развитию всей промышленности общества в целом и дает ли ей наиболее выгодное направление» [Смит 2007].

«Поскольку каждый отдельный человек старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность, чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью, постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не знает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения» [Смит 2007]. Таким образом, А. Смита неверно считать последовательным сторонником экономической свободы.

Арнольд Тойнби, который считается создателем термина «промышленная революция», пожалуй, единственный, кто попытался «эмпирически» доказать влияние идей экономической свободы на промышленную революцию. Он считает, что английская политическая экономия ответственна за успехи английской промышленности: А. Смит, Т.-Р. Мальтус, Д. Рикардо и Дж.-С. Милль создали экономику свободного рынка [Тойнби 2011]. А. Смит, как мы показали выше, не был сторонником *Laissez Faire*, как и Т.-Р. Мальтус.

Карл Менгер, 1891 год: «Смит вообще не возлагает большие надежды на принцип „laissez-faire“, напротив, он указывает на некоторые учреждения и институты, которые в наибольшей степени способствуют общему благу, но которые никогда не могли бы возникнуть благодаря свободной игре конкуренции. Он настаивает на том, что в этих случаях государство берет на себя важную обязанность организовать и обеспечить работу соответствующих предприятий и учреждений, способствующих общему благу. А. Смит не только выступает за вмешательство государства в экономику на благо бедных и угнетенных, особенно рабочих. Он также, при наличии соответствующих обстоятельств, с одобрением относится к пошлинам на зерно для развития сельского хозяйства, к экспортным пошлинам на шерсть в целях подъема национального производства и даже к умеренным пошлинам на все мануфактурные товары, чтобы обеспечить преимущество отечественной продукции на внутреннем рынке... Смит относит к задачам государства строительство дорог, каналов, портов, общественных складов и тому подобного, при определенных условиях он даже выступает за установление правительством цен на продукты питания первой необходимости.

Сходной позиции придерживался Мальтус, выступая в защиту покровительственных пошлин, так как они направлены на то, чтобы способствовать развитию в стране определенных видов производств, предотвратить значительные колебания в хозяйственной жизни народа¹² или установить равновесие между различными классами общества. Он считает покровительственные пошлины важным инструментом экономической политики, направленной на обеспечение всеобщего блага. Рикардо отстаивает необходимость премий и пошлин, позволяющих сбалансировать налоговую нагрузку

¹² Дж.-М. Кейнс не раз ссыался на Т. Мальтуса как на предтечу своей теории «эффективного спроса».

ку, и поддерживает всем известные пошлины на зерно. Как видно, то, что классическая национальная экономия выступает за неограниченное господство индивидуального своекорыстия и бездействие правительства в экономических вопросах, является вымыслом» [Менгер 2023:178–179].

Идеи экономической свободы развивали не английские экономисты, а представители французской либеральной традиции: Р. Кантильон, Ж. Тюрго и Ж.-Б. Сэй. Но промышленная революция произошла не во Франции.

Не политическая культура. Хотя английскую политическую культуру принято считать вполне трезвой в отношении власти, тем не менее в ее истории встречается также обожествление власти. Так Э. Канторович отмечает в своей книге «Два тела короля»: «В 1401 г. спикер палаты общин счел уместным сравнить политическое тело королевства с Троицей: король, духовные и светские лорды и общины вместе составляют троицу в единстве и единство в троице. По тому же поводу спикер сравнил парламентские процедуры с отправлением мессы: чтение одного из Апостольских посланий и изложение Библии при открытии парламента напоминало начальные молитвы и церемонии, предшествующие литургии; обещание короля защищать церковь и соблюдать законы сравнивалось с жертвоприношением во время мессы; наконец, закрытие заседаний парламента имело своей аналогией благодарственную молитву *Deo gratias*, которыми заканчивалась литургия» [Канторович 2014: 328]. Как мы видим, абсолютный либерализм англичан не более чем миф, как и в любой культуре, в английской хватало и хватает этатизма¹³.

Кембриджский профессор Ричард Ватсон даже во время явного кризиса защищал абсолютизм, в 1780 году заявлял: «Попробуйте экспериментировать, когда вам угодно: вырвите влияние из рук государя и переместите его куда вам угодно, и оно будет хуже. Совокупность двенадцати миллионов податных подданных, армия в сто пятьдесят тысяч человек, флот в девяносто тысяч моряков — прекрасные поля для влияния, но до сих пор мы свободны, потому что все это находится в руках государя» [Сидоренко 2020: 136].

В английском парламенте встречались не слишком либеральные взгляды на право собственности. О. Дмитриева пишет об этом: «Мы встречаем... откровенно „абсолютистские“ воззрения на проблему собственности, исходящие из того, что государь как суверен имеет полное право распоряжаться землями и имуществом подданных, являющихся лишь его держателями, в то время как право собственности принадлежит монарху... в преамбулах некоторых статутах о субсидии депутаты, вдохновленные патриотической риторикой, были готовы сложить к ее ногам „все, что имели“» [Дмитриева 2021: 802].

Да и имперских взглядов было много, в частности сам Адам Смит: «Правители Великобритании в течение более столетия услаждали народ мыслью, что он владеет по ту сторону Атлантического океана громадной империей. Однако эта империя до сих пор существовала только в воображении. До сих пор это была не империя, а только проект ее, не золотой рудник, а только проект золотого рудника, проект, который стоил, продолжает стоять и, если за него будут держаться так, как до сих пор, будет и дольше стоять громадных издержек, не обещая приносить ни малейшей прибыли, потому что монополия торговли с колониями, как это было уже выяснено, для главной массы народа приносит скорее убыток... Пора уже, без сомнения, чтобы наши правители либо осуществили тот золотой сон, в котором они, возможно, сами пребывали до сих пор вместе с народом, либо же чтобы они сами проснулись и постарались про-

¹³ Это и Гоббс, и меркантилисты, и левые рикардянцы, из которых вышел Маркс, и Кейнс, и фабианский социализм.

будить от него народ. Если проект не может быть осуществлен, от него надо отказаться. Если какие-либо провинции Британской империи нельзя заставить участвовать в содержании всей империи, то, несомненно, настало время, чтобы Великобритания освободила себя от расхода по защите этих провинций во время войны и от содержания той или иной отрасли их гражданского или военного управления во время мира и постаралась согласовать свои будущие стремления и планы с фактической скудостью своих средств» [Смит 2007: 875–876].

Не демократия 1688 года. Пожалуй, наиболее популярная в академических кругах причина промышленной революции в Англии — это Славная революция 1688 года. Этого объяснения держатся авторы наиболее авторитетной книги «Насилие и социальные порядки» Д. Норт. Его же поддерживает и Г. А. Кавтарадзе: «Со времени „славной революции“ 1688 г. власть в Англии фактически перешла к парламенту, инициативам граждан была гарантирована свобода и гласность, их личность и собственность были поставлены под защиту закона. Этим были созданы условия, благодаря которым все, чего англичане добились впоследствии, они получили не посредством революций, а путем реформ. В качестве незыблемой основы английской цивилизации утверждается отныне принцип свободного договора (контракта)» [Кавтарадзе 2005: 146]¹⁴.

Однако множество исторических фактов показывают, что это также миф, никакого господства парламента не было. В Англии XVIII века король мог получить почти любые суммы без парламента, коррупция процветала, а суды закрывали глаза на эти факты, так как сами были коррумпированы, блат использовался для достижения групповых интересов. Все эти факторы привели к тому, что англичане проиграли американцам в Войне за независимость США. «Если в 1689 г. электорат Англии и Уэльса составлял 240 тыс. человек, или 20,6 % взрослого мужского населения, в 1715 г. 300 тыс. человек, или 23,4 % взрослых мужчин, то к концу века, несмотря на абсолютный рост избирателей до 340 тыс. человек, их доля сократилась до 17,2 %» [Сидоренко 2020: 61]. Уже этих данных достаточно для того, чтобы понять, что со времен Славной революции до начала промышленной революции никакой демократизации в Англии не было.

Кроме того, ни о какой демократии не может идти речь до начала XIX века, в Англии было законным рабство и работорговля. Как пишет Д. Травин: «Это еще не демократия. Демократизация даже в Великобритании началась лишь с 1832 года. До этого членов парламента избирали в силу их социального статуса и личных связей. Не только простой народ, но даже многие богатые люди в выборах не участвовали. Только с 1832 года все представители элиты (только элиты!) стали пользоваться равными политическими правами. А в конце 1830-х годов возникли политические партии современного типа»¹⁵ [Травин 2022: 132].

Факты говорят о том, что в Англии XVIII века до промышленной революции не было такого парламента, который способствовал бы развитию капитализма. Скорее наоборот. Высокие пошлины остались со времен статуты, обязывающих хоронить мертвецов в шерстяном саване для поддержки собственного производителя. Инфляция была организована крайне высокой после учреждения Банка Англии в 1694 году. Цена на хлеб выросла за 50 лет с 3 пенсов до 1 шиллинга и 2 пенсов, мыло с 3 пенсов до 10 пенсов, соль с 1 пенса до 4 пенсов [Манту 2023: 649]. Почти сразу же Банк Англии вынуж-

¹⁴ Г. А. Кавтарадзе выделяет несколько событий: «Славная революция» 1688 года и принятие «Билля о правах», после которого король не может принимать законы и назначать налоги без санкции парламента; в 1695 году провозглашена полная свобода печати; «Славная революция» поставила в основание английской цивилизации принцип свободы договора [Кавтарадзе 2005: 146].

¹⁵ См. <https://economytimes.ru/gumanitarnyy-kontekst/egoizm-elit-kak-istochnik-demokratii>.

ден был приостановить размен банкнот, так как наполнил ими экономику. Протекционизм процветал так же, как и до 1688 года, не были отменены шерстяные статуты, не был отменен Навигационный акт Кромвеля, благодаря 1688 году стал взиматься налог за наличие в доме окон — еще со времен Вильгельма III (1696). До начала войн с Францией все дома платили фиксированный налог в 6 шиллингов в год, а дома, в которых имелось семь или более окон, платили и дополнительные пошлины, которые увеличивались в соответствии с количеством окон. Государственное регулирование плохо сказывалось на качестве жилья. Так в 1738 году Сэмюэль Джонсон писал о Лондоне как о городе, где «здания обрушиваются прямо тебе на голову». «Продажные» виги 46 лет находились у власти, что является абсолютным рекордом для демократического парламента свободной страны. Именно в XVIII веке было принято более 400 статутов только об огораживании. Никто не был наказан за коррупцию, хотя все знали о ее наличии во всей политической системе Англии сверху донизу. Места в парламенте активно покупались, причем открыто. Суды подвергались давлению властей и аристократии, поэтому все расследования о коррупции начинаются только при Питте-младшем.

Таким образом, пожалуй, самое распространенное объяснение причины промышленной революции в Англии не работает. Никакой демократии и независимого парламента в Англии тогда не было. Она появилась уже после промышленной революции.

Не огораживание. Марксистское объяснение промышленной революции состоит в том, что ей предшествовало так называемое огораживание. За счет укрупнения и раздела земельных хозяйств сформировался класс пролетариев, именно им предстояло стать эксплуатируемым классом, именно за счет него происходило первоначальное накопление капитала по Марксу. «Овцы пожрали людей» — так Т. Мор, а вслед за ним и К. Маркс — описывал процесс изгнания с земель крестьян. На самом деле первые законы о бродяжничестве были приняты в далеком 1383 году [Майбурд 2022: 473]. Но тогда почему не случилась промышленная революция в XV веке? Бродяжничество не было чисто английским явлением, оно было повсеместным. Так в немецких епископствах на 1000 человек прихода насчитывалось 260 нищих [Майбурд 2022: 476]. Если бы этот процесс вызывал промышленную революцию, то она произошла бы в Германии как абсолютном рекордсмене. Можно вспомнить и Индию, где нищих всегда хватало, но и там не случилась промышленная революция.

Если же посмотреть на масштаб бедствия, то станет понятно, что оно не могло в принципе создать миллионы пролетариев. Так огораживание лишило земли менее 10 000 человек. Огораживание 1485—1517 годов — изгнано с земли 7000 крестьян, в 1588—1607 годах изгнано с земли 2200 крестьян [Майбурд 2022: 477].

Кроме того, изображать ситуацию так, что крестьян лишили частной собственности на землю, в принципе неверно, так как земля по закону все равно принадлежала лендлордам. Несомненным остается тот факт, что огораживание было важно для увеличения эффективности сельского хозяйства и для преодоления чересполосицы. В итоге хотя формально йомены исчезли, они не стали хуже жить, так как превратились в капиталистических фермеров [Майбурд 2022: 481]. В целом процесс огораживания не может объяснить, почему промышленная революция произошла именно в Англии и именно в конце XVIII века.

Совокупность факторов не работает. Многие исследователи, отчаявшись найти причину промышленной революции, ищут ее в совокупности факторов. Хотя каждый из них в отдельности не работает, но почему-то их совокупность должна вызвать промышленную революцию. Так Дж. Сакс выделяет четыре причины: 1. Наука 2. Универ-

ситеты 3. Финансовые рынки 4. Много угля¹⁶ [Сакс 2022: 223—224]. Две первые причины мы рассмотрели раньше (они не работают), финансовые рынки были гораздо более развиты в Амстердаме, а запасы угля были большими во многих других регионах, например в Китае. Но там не произошла промышленная революция.

Поэтому совокупность факторов также не работает.

Дж. Сакс верно пишет, что должно было произойти событие, которое, как искра, вызвало бы промышленную революцию, но ни Великая хартия вольностей 1215 года¹⁷, ни Славная революция 1688 года на эту роль не подходят. «У Британии имелось необычное сочетание благоприятных условий, которые в совокупности сделали возможным изобретение [паровой машины] Дж. Уатта и его последующее стремительное внедрение... *до этого не возникло искры*, необходимой для того, чтобы привести индустриализацию в движение» [Сакс 2022: 223—224]. Что же это за *искра*?

Получается, что к началу XXI века никому не удалось непротиворечиво объяснить наиболее важное событие в экономической истории мира — промышленную революцию в Англии в конце XVIII века. Ни одно объяснение промышленной революции, созданное за 250 лет, не может удовлетворительно ответить на вопрос о том, почему промышленная революция произошла именно в Англии и именно в конце XVIII века. Какое событие все же вызвало промышленную революцию?

Хорошее объяснение причины промышленной революции, несомненно, должно включать событие, которое его породило. На эту роль не подходит ни 1215 год, ни 1688-й. Хорошее объяснение промышленной революции в Англии должно выполнять следующие условия:

1) Событие должно близко отстоять по времени, так как невозможно объяснить процессы 1780-х тем, что произошло в 1215 году.

2) Событие должно быть связано с историей Англии и должно быть одним из наиболее существенных для этой страны.

3) Событие должно быть уникальным, так как в противном случае промышленная революция случилась бы в другом месте и в другое время.

¹⁶ Дж. Хикс предложил свою совокупность факторов: формирование институтов, защищающих частную собственность и контрактные обязательства, в частности независимой и эффективной судебной системы; высокий уровень развития торговли; формирование рынка факторов производства, в первую очередь рынка земли (то есть торговля землей стала свободной и была освобождена от феодальных ограничений); широкое применение наемного труда и невозможность использования принудительного труда в широких масштабах; развитость финансовых рынков и низкий уровень ссудного процента; развитие науки. Все эти причины мы рассмотрели выше и отвергли как неспособные ответить на вопрос «Почему Англия?».

¹⁷ Д. Травин пишет об этом: «По сей день встречается чересчур восторженное отношение к Великой хартии вольности. Особенно это проявилось в связи с недавним восьмисотлетием ее появления. Некоторые комментаторы в торжественных речах отмечали, например, что Magna Carta означает предпочтение англичанами права, а не тирании, эволюции, а не революции, хотя даже школьный обзор английской истории показывает наличие в отдельные времена и тираний, и революций». «Можно говорить об абсолютном бесправии евреев (далеко не последних людей в экономике Средневековья), подвергшихся изгнанию из Англии в 1290 г. и в связи с этим фактически потерявших все свое имущество ...В похожем положении регулярно оказывались любые политические противники власти и другие, с ее точки зрения, преступники. Их не просто репрессировали, но еще и подвергали конфискации имущества. То есть сын отвечал за отца: средств к существованию лишился весь род, а не только лица, непосредственно виновные в каких-то проступках. Например, Генрих VII Тюдор издал Акт о государственной измене, направленный против Ричарда III и его сторонников. Там отмечалось, что у них будут конфискованы все замки, поместья, владения, жилища, ренты, службы, пенсии, движимое имущество и многое другое» [Травин 2018: 15].

4) Объяснение причины промышленной революции должно не противоречить экономической теории, то есть тем законам экономики, которые объясняют причины экономического роста.

5) При описании этого события следует не опираться на распространенные мифы, такие, как господство демократии, свободы договора и прав собственности в Англии до промышленной революции.

Поражение в войне с американцами как причина промышленной революции

Таким событием является поражение в Войне за независимость (1775—1783) с американцами. Именно оно предшествовало промышленной революции. Как пишет Л. Сидоренко: «Американская революция также стала мощным побудительным процессом для реформирования британской системы имперского управления, в том или ином виде повлияв на политические, идеологические и даже конституционные процессы в метрополии» [Сидоренко 2020: 6].

Кажется, никто из исследователей не обратил внимания на связь между этими двумя событиями: между Войной за независимость США (до этого были 13 английских колоний) и промышленной революцией в самой Англии. Это кажущееся на первый взгляд экстравагантным объяснение можно убедительно доказать имеющимися фактами.

Почему потеря колоний вызвала промышленную революцию:

Победа минимальной модели государства. Поражение в войне с американцами показало, что коррупция — бич метрополии и что децентрализация лучше обеспечивает стабильность и безопасность. Колонисты в отличие от метрополии осуществляли на практике более свободолюбивую модель.

Сокращение расходов, уничтожение барьеров и бюрократии было неизбежным следствием финансово-политического кризиса, вызванного войной.

Новые рынки сбыта¹⁸. До поражения в войне англичане относились к 13 колониям вполне в стиле меркантилизма. Такую политику озвучил премьер-министр. Питт-старший угрожал американцам тем, что отправит в Америку войска, если узнает, что в колониях производится «хотя бы один гвоздь или подкова». «Парламент увеличил пошлины на ввоз в Северную Америку «вина, масла, овощей, фруктов, чая, стекла, бумаги, свинца, краски, фарфора, шелковых и полотняных тканей из других стран» [Сидоренко 2020: 267]. Естественно, падение англичан привело к росту производства в самих колониях, и уже через несколько лет они сами экспортировали все, что раньше навязывала протекционистская политика метрополии. Гёте писал в своем «Итальянском путешествии» в 1787 году: «На море, четверг, 29 марта. Исполненные нетерпения, мы провели утро частью на берегу, частью в кофейне; наконец в обеденное время мы взошли на судно и наслаждались чудесным видом при прекрасной погоде. Корвет бросил якорь неподалеку от Моло. При ярком солнце — туманная атмосфера, отчего затененные скалы Сорренто окрасились в прекрасный голубой цвет. Освещенный солнцем, оживленный Неаполь сверкал всеми красками. Только после захода солнца корабль двинулся с места, но очень медленно; противный ветер отогнал нас обратно к Позиллиппо и его оконечности. Всю ночь корабль спокойно плыл вперед. Он построен в Америке, быстроходен, с уютными каютами и отдельными койками внутри» [Гёте 2023: 258]. Еще недавно такой корабль невозможно было построить в Америке, так как этому мешали за-

¹⁸ «Нет смысла строить [паровую машину] только для трех графств, однако я нахожу более чем выгодным строить их для всего мира». Джон Болтон в письме Джеймсу Уатту (1769).

претительные законы Англии, в частности Навигационный акт Кромвеля. Если раньше торговля носила примитивный характер (колониям запрещалась производить даже гвозди и подковы, только покупать у метрополии), после независимости экономика всех бывших колоний стала гораздо более диверсифицированной, стало появляться свое производство, а у него был спрос на английскую продукцию в еще большем объеме. Сработал закон сравнительных преимуществ Д. Рикардо.

Страх аристократии вмешиваться в экономику. Английские элиты понимали, что революция может перекинуться в метрополию, что позже произошло во Франции, нужно были принимать решительные меры: «В 1779 г.: „После четырех лет неудачных кампаний американская война стала ненавистна нации“» [Сидоренко 2020: 113]. «Потеря американских колоний оказалась бы политическим и экономическим бедствием, которое сведет роль Британии к «очень низкому классу среди европейских государств» [Сидоренко 2020: 253]. Такие были ожидания, и именно они стимулировали реформы.

Политический кризис в Англии и последующая «парламентаризация», вызвавшая либеральные рыночные реформы Питта-младшего; всем был понятен корень проблем — коррупция: «В этом плане избирательная коррупция являлась привычным злом. Если в округе баллотировался вигский кандидат в период господства вигов, избирательное право находилось в руках его друзей. Если же в том же округе состоялись новые выборы, но уже в период торийской администрации, избирательное право определялось тори. Вкратце, чтобы привести к власти нужного кандидата и усилить большинство новым голосом, какое бы то ни было чувство закона, справедливости и даже приличия отбрасывалось» [Сидоренко 2020: 119]. Коррупцией были недовольны все англичане, «спящий институт» парламентаризма был активизирован кризисом и поражением в войне с американцами.

Как ни странно, но потеря колоний благотворно повлияла на Англию. То, что произошло в Англии, не произошло во Франции, свои колонии она стала терять только в XX веке. В частности, Алжир, о котором писал еще в XIX веке Ф. Бастиа: «Все четыре оратора дерутся за трибуну. Сначала они говорят все вместе, разом, потом один вслед за другим. Так что же они сказали? Разумеется, они толковали о прекрасных вещах — о могуществе и величии Франции, о необходимости посеять доброе зерно, чтобы собрать хороший урожай, о блестящем будущем нашей огромной колонии, о выгоде и преимуществах переселения в далекие места чрезмерного избытка нашего населения, и т. д., и т. п. Великолепные образчики красноречия, всегда украшаемые и завершаемые примерно так: „Проголосуйте за выделение 50 млн (или больше, или несколько меньше) на строительство в Алжире портов и прокладку дорог, на перевозку туда колонистов, на их новое жилье, на культивацию их новых земель. Этим вы поможете французскому трудящемуся, поощрите африканский труд, увеличите марсельскую торговлю. Все это и во всех отношениях — прямая выгода“. Люди аплодируют, восхищаются красотой и легкостью начатого дела и требуют его продолжения и расширения. А вот то, чего не видно, так это замедление или остановка по всей остальной Франции равного этому буму количества труда, притом, быть может, более ценного и полезного. Возлагаются большие надежды на будущее процветание Алжира. Пусть так. Но нельзя забывать, что, пока это алжирское будущее наступит, Франция неизбежно испытает на себе неурядицы, упадок, разруху» [Бастиа 2006: 33].

Популярными тогда, как и сейчас, идеи Бастиа не назовешь, однако в отличие от многих исследователей Бастиа видел, что причиной разрухи может быть борьба за колонии и территории.

XX век показал, что богатыми обществами могут быть и те, что лишены всяких колоний.

После поражения в войне элиты опасались того, что революция перекинется и на метрополию¹⁹, англичане активно сопротивлялись новым налогам, а государство просто боялось создать у себя что-то вроде «бостонского чаепития», тоже произошедшего из-за налогов.

Некоторые полагали необходимым ввести новые налоги (кстати, и Питт-младший). «В числе этих такой временной или постоянной группы налогов должны были фигурировать налоги на сырье, в особенности на железо, медь и каменный уголь. Крупные промышленники пришли к мысли выступить сообща с известными практическими домогательствами. Владельцы горных и металлургических предприятий тотчас же всполошились: не объединяясь в общество в тесном смысле этого слова, они столковались между собой относительно известных шагов перед первым министром и доведения до его сведения своих возражений. Рейнольдс из Колбрукдейла составил докладную записку, в которой указал на успехи, достигнутые металлургией железа, благодаря употреблению каменного угля; неужели правительство хочет рисковать замедлением или приостановкой их? Болтон формулировал свое мнение в выражениях, от которых не отказался бы Адам Смит: „Не облагайте того, что служит для его [богатства] создания. Одного надо остерегаться больше всего: не нарезать курицы, несущей золотые яйца“» [Манту 2023: 422].

Внешняя торговля Англии возобновилась сразу именно после окончания Войны за независимость, так многократно вырос экспорт из Англии²⁰. США в том числе стали активно покупать продукцию из Англии, да и новые возможности американцев и новые рынки сбыта не могли не вызвать рост внешней торговли во всех странах. Как писал Поль Манту: «Политика *laissez faire* торжествовала. В судах, как и в законодательных собраниях, она не встречала больше противников. Вначале чисто эмпирическая и исполненная непоследовательности, она опиралась отныне на абсолютные формулы экономистов, в которых находила свое теоретическое оправдание» [Манту 2023: 498]. Именно эта политика, как известно, и обеспечивает рост благосостояния. Однако она была следствием, но не причиной промышленной революции.

Хотя этого никто специально не планировал, но все получилось по схеме А. Смита: «Для того чтобы поднять государство с самой низкой ступени варварства до высшей ступени благосостояния, нужны лишь мир, легкие налоги и терпимость в управлении, все остальное сделает естественный ход вещей» [Smith 1755: 25]. Поражение Англии в войне с американцами вызвало мир, либеральные реформы Питта-младшего и распространение по всему миру выдающихся изобретений английских предпринимателей и ученых. С этих событий начинается новая эра в экономической истории мира.

¹⁹ «Наше внутреннее управление, наш заем, наша коммерция, наша армия, все в тупике, пока кандидаты на пост составляют их петиции; тем временем у нас нет денег, а наши войска и моряки в состоянии мятежа» [Сидоренко 2020: 178].

²⁰ «Начиная с 1763 г. мы констатируем заметный подъем, продолжающийся с большим постоянством до начала войны с американскими колониями: 658 тыс. т в 1764 г., 746 тыс. в 1766 г., 761 тыс. в 1770 г., 864 тыс. т в 1774 г. Но вот в колониях разражается революция, и цифры тотчас же падают: 820 тыс. в 1777 г., 730 тыс. в 1779 г., 711 тыс. в 1781 г. Затем, по миновании кризиса, подъем настолько резок и стремителен, что дает право предполагать скрытое действие какой-то энергичной причины: 959 тыс. в 1783 г., 1055 тыс. в 1785 г., 1405 тыс. в 1787 г. Несмотря на некоторое замедление, замечающееся начиная с 1793 г., начала нового периода войн, тоннаж выходящих из портов судов достигает в 1800 и 1801 гг. 1924 тыс. и 1958 тыс. т; за 20 лет цифра 1781 г. возросла почти втрое» [Манту 2023, 90]. К сожалению, П. Манту не обнаружил эту «энергичную причину» — поражение в войне.

Интриги английского двора: что происходило в самой Англии

Rule, Britannia! Britannia rule the waves;
Britons never will be slaves.

Американская революция стала моментом истины не только для тринадцати североамериканских колоний, но и для самой Великобритании, для ее политической системы и для перспектив ее экономики [Сидоренко 2020: 7].

«Историю пишут победители». Пожалуй, эта фраза особенно верна в отношении Войны за независимость, которую знают почти исключительно с позиции американцев. Что же об этом думали англичане и за что воевал Георг III, как правило, объясняется очень просто — его безумием²¹.

Непреднамеренным последствием независимости США для Англии стало то, что она выиграла от этого. «Англия расширила свои рынки сбыта за счет американских колониальных революций. Это же верно и в отношении США, традиционные торговые связи с Англией были быстро восстановлены; кроме того, значительно вырос спрос английских производителей на сырье, в том числе на хлопок» [Кавтарадзе 2005: 152–153].

Поражение сделало неизбежным политический кризис в Англии. Во время кризиса королю и парламенту было не до расширения своих полномочий, они боялись, что их свергнут в Англии так же, как их свергли в Америке.

Запреты, ограничения и новые налоги, которые любит создавать государство, в этот период были политически невозможны. Так в 1780 году потерпела неудачу попытка запретить хлопчатобумажные прядильни, в 1794 году потерпела неудачу попытка запретить гребнечесальную машину, даже шерстяная отрасль стала лоббировать отмену цеховских регламентов для себя, и в 1809 году они были полностью отменены. Кроме того, в 1814 году были отменены 250 ремесленных уставов²². Общественное мнение, в высшей степени недовольное тем, как идет война, не потерпело бы всех этих обычных для государства мер.

Невозможно понять внутренние политические процессы в Англии, не остановившись на личности короля Георга III. В детстве о нем оставили такой отзыв: «Наследник хорошо контролирует свои страсти и редко поступит неправильно, за тем исключением, когда ошибка принимается за правду, но когда это произойдет, его очень сложно вывести из заблуждения, потому что он удивительно вялый и имеет сильные предубеждения» [Сидоренко 2020: 218]. Это было характерно и для зрелого возраста, Георг III «порою откровенно капризничал, прерывал переговоры, обвиняя в срыве коалицию» [Сидоренко 2020: 176]. Он любил говорить: «Бесполезные дискуссии

²¹ Монарх страдал наследственным заболеванием, раньше считалось, что душевным, позже установили, что это порфирия. «Власть порфирии над Георгом III повлияла как на его физическое, так и на психическое здоровье, что, возможно, оказало огромное влияние на ход истории Великобритании» [Сидоренко 2020: 219]. Кстати, она активизируется при вдыхании не очень чистого воздуха, коего хватало в некоторых городах после начала промышленной революции. После 1783 года монарх периодически впадал в маразм и разговаривал с деревьями, не узнавая супругу. Все это не мешало Питту-младшему проводить реформы. Как мы видим, у промышленного производства есть и неожиданные положительные для общества экстерналии.

²² В Англии до 1843 года действовал запрет на экспорт машин и запрет на трудовую эмиграцию до 1825-го. По словам Мокира, «ни одна из этих мер не была особенно эффективна» с точки зрения заявленной цели [Мокир 2014: 400]. Эти ограничения так или иначе обходились.

не в моем вкусе». Его воспитание была связано с виконтом Болингброком: «Работы виконта Болингброка, традиционно считавшегося политическим учителем будущего Георга III, сильно на него повлияли» [Сидоренко 2020: 29]. Болингброк выдвинул идею необходимости превращения принца в неподкупного патриота, который вернет конституцию к ее оригинальной чистоте. «Эта теория имела явное восхождение к знаменитой „Патриархии“ Филмера» [Сидоренко 2020: 215]. Монарху внушалась особая миссия борьбы с парламентом за свои, монархии права: «Король, со своей стороны, был полон решимости не поддаваться напору богатых и влиятельных лиц, объединенных в структуру, которую он и многие другие считали фракционным заговором с целью монополизации правительства и низвержения королевской прерогативы» [Сидоренко 2020: 128].

«Born and educated in this country, I glory in name of Britain»²³. С этими словами взошел на престол король Георг III 25 октября 1760 года, он правил Британией до своей смерти 29 января 1820 года. Именно на его правление выпало два самых важных события: поражение в войне с американцами и промышленная революция. Обычно эти события рассматриваются отдельно и считаются никак не связанными друг с другом.

О Георге III и его деятельности можно также прочесть в Декларации независимости США, написанной Томасом Джефферсоном в 1776 году:

«Он грабил нас на море, опустошал наши берега, сжигал наши города и лишал наших людей жизни. Он в настоящий момент посылает к нам большую армию иностранных наемников с тем, чтобы окончательно посеять у нас смерть, разорение и установить тиранию, которые уже нашли свое выражение в фактах жестокости и вероломства, какие едва ли имели место даже в самые варварские времена, и абсолютно недостойны для главы цивилизованной нации. Когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа. История правления ныне царствующего короля Великобритании — это набор бесчисленных несправедливостей и насилий, непосредственной целью которых является установление неограниченного деспотизма. Для подтверждения сказанного выше представляем на беспристрастный суд всего человечества следующие факты.

Он создавал препятствия для осуществления правосудия, отказываясь давать согласие на принятие законов об организации судебной власти. Он поставил судей в исключительную зависимость от своей воли путем определения сроков их пребывания в должности, а также размера и выплат им жалования. Он создавал множество новых должностей и присылал к нам сонмища чиновников, чтобы притеснять народ и лишать его средств к существованию.

[Он принимал законы]

- для прекращения нашей торговли со всеми частями света;
- для обложения нас налогами без нашего согласия;
- для лишения нас по многим судебным делам возможности пользоваться преимуществами суда присяжных;

²³ «Рожденный и получивший образование в этой стране, я горжусь именем британца, и личное счастье моей жизни будет состоять в повышении благосостояния народа». The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803. From Which Last-Mentioned Epoch it is Continued Downwards in the Work Entitled «The Parliamentary Debates» (далее: PH). Vol. XV. AD 1753—1765. London, 1813. Col. 982 (Wilson B. George III, as Man, Monarch and Statesman. London, 1907. P. 55—56).

— для отправки жителей колоний за моря с целью предания их там суду за приписываемые им преступления;

— для отмены свободной системы английских законов в соседней провинции путем установления в ней деспотического правления и расширения ее границ таким образом, чтобы она служила одновременно примером и готовым инструментом для введения такого же абсолютистского правления в наших колониях» [Джефферсон 1990: 244–247].

Следует отметить, что за несколько лет до начала войны американцы сами установили в центре Нью-Йорка памятник Георгу III. Среди американцев было много поклонников английской короны, английской культуры и конституции [Зубков 1983: 170–174]. Но только до тех пор, пока американцы не посчитали, что король нарушает английскую конституцию. Парадоксально, но американцы, по существу, боролись за традиционные принципы английского права и за английскую конституцию. «Американское восстание было на самом деле консервативным движением, призванным защитить старые свободы колонистов» [Сидоренко 2020: 40]. Кстати, так считали и многие англичане, считая, что американцы продолжают их дело, начатое в 1688 году во время Славной революции. Они не могли понять, кто для них американцы — враги или братья: «Вигские оппозиционеры, многие из которых поддерживали колонистов ... для англичан отсутствовала ясность относительно того, кем были американцы, врагами или братьями» [Сидоренко 2020: 45].

Если бы не упертость Георга III, то совсем неочевидно, что война закончилась бы независимостью. Американцы готовы были идти на переговоры, особенно они симпатизировали Питту-старшему (они также ему поставили памятник)²⁴, который также считал, что американцы борются за права, дарованные им конституцией, и что вполне можно пойти на представительство колонистов. При этом он считал, что конституция дает англичанам право на территории тринадцати колоний. Если бы не смерть Питта-старшего и не упертость Георга III, вполне возможно, что американцы и англичане при посредстве Питта-старшего смогли бы договориться на условия колонистов и не доводя дело до независимости. Но в какой-то момент это стало невозможно. «В феврале 1774 г. Георг III говорил: „Они являются львами, пока мы остаемся ягнятами, но если мы предпримем решительные шаги, они, несомненно, подчинятся“» [Сидоренко 2020: 248]. Он был убежден в своей правоте: «Я веду битву за законодательство» [Сидоренко 2020: 250] — и очень радовался победам: «После успеха Бургойна при Филадельфии в июне 1777 г. Георг I воскликнул, вбежав в покои королевы: „Я побил их! Побил всех американцев“» [Сидоренко 2020: 252].

Первоначально американцы считали, что все дело в бюрократии и коррумпированных политиках, а Георг III не является врагом для них. Со временем стало понятно, что инициатива в этой войне шла именно от короля. Тот считал, что воюет за свои конституционные права и за законы Британской империи. Недопустимо разрушать собственность, которую он как монарх должен защищать. Уничтожение чая в Бостоне он воспринял именно как нарушение законов государства, и он как гарант этих законов должен наказать виновников.

Он искренне радовался поражениям американцев и был убежден, что американцы подчинятся его воле.

²⁴ «„Друзья Америки“ ... приняли американское требование „не облагать налогом без представительства“ и отвергли право метрополии на налогообложение американских колоний. Большинство „друзей Америки“ выступало против нестерпимых актов 1774 г. и желало отмены большей части законодательства, которое отчуждало колонистов от британского государства с 1763 г.» [Сидоренко 2020: 85]. «Резкий подъем протестных настроений в обществе и парламенте начался в самом конце 1770-х г.» [Сидоренко 2020: 201].

Он не хотел повторять судьбу своего деда: «Георг III привык с презрением смотреть на своего деда как на «короля в цепях»» [Сидоренко 2020: 217].

До последнего он был убежден, что все идет по плану²⁵. И даже поражение англичан в 1781 году не изменило его намерений²⁶. Но у народа были совсем другие настроения. «Поражение английских войск при Йорктауне в конце 1781 г. стало именно таким провальным событием, которое заставило министров осознать, что их дни сочтены. Георг III, считавший Францию близкой к банкротству, не стремился к завершению войны, полагая, что капитуляция в Америке вызовет крах торговли, ослабление метрополии в Ирландии, возрастание революционного духа в стране. Однако общественное мнение явно требовало быстрого мира» [Сидоренко 2020: 152].

Вместо расширения полномочий короны Георг III столкнулся с финансовыми проблемами, парламент давил на монарха, требуя сократить расходы. Рокингем писал Берку: «Все мыслящие люди уже должны ясно осознать, что влияние короны и средств коррупции стало очень опасным для конституции» [Сидоренко 2020: 181]. «Постыдные и скандальные назначения офицеров военно-морского флота, особенно под влиянием интереса парламентских группировок» [Сидоренко 2020: 186].

Хотя Георг III не хотел назначать премьер-министром Питта-младшего, ему пришлось это сделать под давлением общественного мнения и богатых членов парламента²⁷. Общее мнение состояло в том, что существовавшая система являлась вполне работоспособной, а ограничения должны были быть плавными, что и предусматривала экономическая реформа, но при потенциальном усилении влияния монарха «вскоре бы настал конец состязательности, и единственное постоянное влияние в нашей стране, которое бы двигало каждой вещью, было бы влияние короны» [Сидоренко 2020: 124].

²⁵ «Георг III, как обычно, был полон оптимизма: он положительно оценил предпринимавшиеся военные усилия, выразил уверенность в возвращении американских подданных к лояльности и призвал членов обеих палат уберечь народ от новых попыток свергнуть „нашу свободную и счастливую конституцию“.

Прошлый парламент был «самым знаменитым, рабским, низменным, грязным, продажным, подлым, непоследовательным, презренным парламентом, который когда-либо существовал он предавал права народа, попирали его привилегии, попирали его величие, рабски принимал прерогативы и портил кровь и достоинство общества, чтобы удовлетворить личные амбиции и алчность» [Сидоренко 2020: 150].

«Расширением налогооблагаемых видов деятельности за счет мероприятий досуга, принять меры против адюльтера и порчи невинных девиц, законодательно введя санкции и общественное порицание распутникам; а имя короля в принципе сделать недоступным для критики» [Сидоренко 2020: 151].

²⁶ Здесь показательно письмо, подписанное 29 октября 1782 года автором знаменитого «Здравого смысла», который критиковал Шелборна за нежелание предоставлять Америке независимость, утверждая, что это единственный способ выйти из продолжавшегося конфликта. Единственным способом выйти «из дорогой и кровавой войны, которая сейчас не имеет никакой цели, без признания чего не может быть мира» [Сидоренко 2020: 166].

²⁷ Следует уделять особенное внимание внутриполитическим процессам, так настоящей революцией в историографии проблемы стало появление в 1929 году книги Льюиса Нэмира «Структура политики при вступлении на трон Георга III». В ней автор критично рассмотрел привычную вигскую интерпретацию истории о традиционной борьбе вигов и тори за большинство в парламенте ради господства над кабинетом. Продолав большую работу в архивах, Нэмир взглянул на проблему не от общего к частному, а наоборот, описав побудительные мотивы индивидов в их участии в политике. Как отмечает Пол Лэнгфорд, «Намир не столько дал новые ответы, сколько задал новые вопросы, рассмотрев восемнадцатый век не как поле битвы идеологий, а как пробную площадку для новой исторической социологии» [Сидоренко 2020: 17].

Эти опасения вызвали проект реформ. «Движение за экономическую реформу началось как нападение на политическую систему Георга III, конфликт, который начался с его восшествия на престол, но был доведен до кульминации условиями американской войны, обострившей недовольство системой расходования средств короной» [Сидоренко 2020: 132].

Конфликт был, как всегда, по поводу денег. Министры Георга III продолжали придерживаться доктрины, по которой парламент не контролировал расходы по нему, в 1741 году специальная комиссия проводила расследование деятельности администрации Роберта Уолпола, и король отказался предоставлять детали по тратам из Цивильного листа на секретные фонды, законы это ему позволяли [Сидоренко 2020: 132].

Но парламент это не устраивало. «Члены парламента признали необходимость сдерживания военных расходов, сокращения трат на крупные синекуры, совершенствования системы государственного аудита» [Сидоренко 2020: 133].

Критика состояла в том, что контракты заключаются в интересах министерского влияния, а не государственной экономики; а подрядчики являются друзьями правительства и получают за счет этого огромную прибыль.

Контроль над расходами в значительной степени отсутствовал, что порою делало возможным совсем уж экзотические способы заключения контракта, например, в долг с последующей оплатой парламентом, который понятия не имел о данной финансовой операции. «Министры сформировали коррумпированный законодательный орган; они сделали неправомерное влияние главной пружиной правительства; и, следовательно, они допустили монархию, обладавшую произвольной властью» [Сидоренко 2020: 133].

Чтобы вернуть ответственность, один из оппонентов предлагал поставить зарплату министров в зависимость от курса акций, который являлся лучшим барометром положения в стране [Сидоренко 2020: 134].

Оппозиция была настроена решительно и лишь ждала подходящего момента. Он наступил 24 февраля 1783 года.

Питт-младший

Влияние короны возросло, возрастает, и должно быть уменьшено [Сидоренко 2020: 145].

24 года. Именно столько было Питту-младшему, когда он стал премьер-министром Великобритании, ему предстояло пробыть на этом посту почти 20 лет.

Такую карьеру он смог сделать благодаря своим ораторским талантам и благодаря моменту: «Кульминация [борьбы] началась в ноябре 1779 г., когда была открыта одна из самых бурных сессий парламента в Эпоху Американской революции. Этому способствовала общность интересов разных парламентских групп по вопросу экономической реформы, обе партийные группы сообща участвовали в атаке на влияние короны и требовали большей экономии в расходовании средств» [Сидоренко 2020: 144].

На короля оказывалось сильнейшее давление со стороны оппозиции. Король писал по этому поводу Терлоу: «Из-за холодной надменности, с которой со мной обращаются, мне очевидно, какого обращения я должен ждать от оппозиции, если меня вынудят призвать их сейчас на мою службу. Их не удовлетворит ничто, кроме полной смены политики и политиков: чтобы получить их поддержку, я должен передать себя лично, свои принципы и владения в их руки: я также должен избавиться от каждого заслу-

живающего похвалы старого и преданного слуги, чтобы со мной обращались, как их негодование или жалость велят им» [Сидоренко 2020: 144].

Питт-младший был противоположностью монарха. Луи Брентано так характеризовал молодого премьер-министра: «Его необычайно широкие познания и энергия помогали его властной натуре осуществлять свою волю. Он был первым... признавшим, что лучшей гарантией международного мира является свобода и расширение товарооборота между нациями» [Брентано 1930: 53].

Питт был поклонником творчества Адама Смита. Питт рассказывал, что на одном обеде, где присутствовал Смит, он отказался есть, пока не сядет Смит, ибо все присутствующие — ученики Смита [Брентано 1930: 53].

17 января 1792 года Питт говорил об Адаме Смите как о писателе, «всеобъемлющее и детальное знание и глубокий философский дух которого дают, по моему мнению, наилучшее решение всякому вопросу, связанному с историей торговли и с системой народного хозяйства» [Брентано 1930: 53].

Смит говорил о Питте: «Что за необыкновенный человек Питт! Он понимает мои идеи лучше, чем я сам!» [Брентано 1930: 53].

Андре Моруа писал о Питте-младшем:

«От великого Питта-старшего Питт-младший унаследовал безупречную честность и непререкаемый авторитет. Хотя перед ним открылись все синекуры, он сумел остаться бедным. Когда, несмотря на сопротивление вигов, король сделал Питта премьер-министром (в возрасте 24 лет), престиж главы правительства сразу же возобладал над престижем монарха. Питт-младший будет непрерывно управлять Англией на протяжении двадцати лет и привнесет в ее политическую жизнь новое и драгоценное качество: чистоту» [Моруа 2022: 529—530].

Реформы Питта-младшего были направлены на дерегулирование экономики: Питт назвал в 1881 году войну с колониями «позорной, братоубийственной и кровавой»; кроме того, Питт выступил в защиту «Билля об экономической реформе» Берка; правительство Питта было первым, отказавшимся от системы подкупов; В 1787 году Питт заключил договор с Францией [Брентано 1930: 54], в силу которого для подданных обеих стран была уничтожена обязательность паспортов при переезде из одной в другую, ограничены некоторые стеснения торговли и уменьшены ввозные пошлины; в 1792 году Питт направил посольство в Китай с целью открытия рынков этой страны для английских товаров; в 1794 году он поддержал и провел акт, по которому преступления печати всецело передавались на рассмотрение присяжных и которым фактически была создана полная свобода печати в Англии; пошлины, как, например, на ввозимый чай, были значительно понижены; еще одним важным внутренним вопросом, который должен был решать Питт, был государственный долг, который удвоился до 243 миллионов фунтов стерлингов во время войны в Америке. К 1792 году долг упал до 170 миллионов фунтов стерлингов; В 1792 году Питт сократил английский флот на двух тысяч моряков, заявив: «...наверняка в истории этой страны никогда не было времени, когда ситуация в Европе позволяла бы больше надеяться на пятнадцать лет мира, нежели настоящий момент»; с 1784-го по 1793 год английский экспорт вырос с 10 до 18 миллионов фунтов; с 1783-го по 1792 год котировки ценных бумаг выросли с 74 до 96 пунктов [Моруа 2020: 532]; Питт, будучи превосходным финансистом, больше интересовался бюджетом, чем войсками. Общественные расходы были сокращены в 6 раз²⁸. [Питт] сократил за десятилетие после 1783 года порядка 400 синекур, но в большей степени это было сделано в качестве способа снизить расходы. В 1785 году

²⁸ <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8265/CBP-8265.pdf>

он выступил в палате общин с оригинальным планом реформы парламента, направленной на сокращение числа «гнилых местечек» [Сидоренко 2020: 197].

Он опирался на программу Э. Берка. Берк предложил упразднить многие должности, которые считал бесполезными для общества, но ценными для коррупции или затратными для бюджета [Сидоренко 2020: 130].

Как известно, в экономической теории доказано, что сокращение государственных расходов и увеличение экономической свободы приводят к росту экономики. Чем больше экономической свободы, тем выше благосостояние. До 1792 года Питт-младший проводил последовательную политику либерализации экономики, и хотя война с Францией в 1792 году вызвала рост интервенционизма, но по инерции запущенный механизм промышленной революции не удалось остановить новыми мерами регулирования, которые все же оставались незначительными по сравнению с XX веком: «Пусть многие из принятых Питтом мер оказались неадекватными или осуществлялись недостаточно эффективно, они заложили основу для устойчивого процесса финансовых и административных преобразований, продолженных в том числе его сменщиками». [Сидоренко 2020: 196]. Как результат сокращение влияния короны произошло не в 1780-х годах и не в 1832 году, а в долгий период между этими датами. «Движущими силами этих изменений были постоянное давление оппозиции, более дешевая и более влиятельная пресса. В результате к девятнадцатому столетию министры управляли парламентом без всей той системы влияния, которая считалась столь необходимой в XVII в.» [Сидоренко 2020: 199].

Как мы показали выше, причина кризиса коренилась в коррупции: «Главным объектом критики парламентской оппозиции стал феномен „старой коррупции“ — широкого использования пенсий, sinecur и безвозмездных вознаграждений для лиц, которых британское правительство и король хотели подкупить или вознаградить. Необходимо отметить, что коррупционные практики издавна являлись частью британской политической системы, к которым были причастны, особенно на местном уровне, даже оппозиционеры. Однако тяжелое положение страны в войне делало высший эшелон королевской коррупции легко уязвимым для заслуженной критики. С другой стороны, напрямую покуситься на королевские prerogatives парламентская оппозиция также не могла, ибо это стало бы чрезмерно революционной мерой. Поэтому в качестве программы действий ведущей вигской фракции в парламенте была предложена экономическая реформа — система мер, ограничивавшая финансовые источники монарха, но оставлявшая в целом prerogatives короны нетронутыми» [Сидоренко 2020: 202].

То есть Англия выбрала консервативную реакцию на кризис: не революция, как во Франции, а эволюция с опорой на экономическую свободу.

Для промежутка времени между 1780-ми и 1830-ми годами в британской политике можно выделить феномен, определяемый Ч. Тилли как «парламентаризация», которая имела три основных компонента: 1) усиление влияния центрального правительства на принятие решений и управление ресурсами в Великобритании в целом; 2) относительное и абсолютное усиление власти парламента в рамках центрального правительства; 3) в политической жизни вне центрального правительства — усиление роли парламента и его членов в борьбе за власть [Tilly 1997: 246]. То есть переход от «спящего института» парламента к реально действующему.

Кроме того, англичанам удалось совершить «перезагрузку» политической системы и ее легитимности: общественная поддержка позволила Питту провести досрочные выборы и уверенно их выиграть, что сняло все вопросы и позволило стране выйти из кризиса. Институт короны сохранил былое значение [Trevelyan 1937: 41].

В итоге англичане модернизировали свою политико-правовую систему, что вызвало непреднамеренное последствие в виде промышленной революции в Англии в конце XVIII века.

Описание общей логики событий, вызвавших промышленную революцию в Англии. В Англии не было специфических условий, выделявших ее на фоне других стран Европы: хорошее образование, наука и университеты, пресса, формальные политические права и формальное наличие частной собственности были тогда во многих странах. Должно было возникнуть событие, которое вызвало бы перемены. Этим событием стало поражение Англии в войне с американцами.

Георг III в силу личных факторов ввязался в войну с колонистами, сделав из этого личную вендетту. Коррупция и усиление власти короля сделали поражение англичан неизбежным. Э. Берк предложил план экономических реформ, обещавший сохранение монархии, но при либерализации экономики. Хотя Георг III не хотел прекращать войну, английские элиты вынудили его пойти на реформы и назначить премьер-министром Питта-младшего — сторонника мира и экономической свободы. Он существенно сократил государственные расходы, уничтожил синекуры, стал бороться с коррупцией (которая при нем исчезла), снизил пошлины, сократил государственный долг, сократил расходы на армию, в 6 раз сократил общественные расходы, ограничил право короля тратить деньги по Цивильному листу. Все это позволяло новым отраслям экономики «расправить крылья» и расширить рынок сбыта своей продукции. Текстильная, металлургическая и шерстяная промышленность активно развивались без вмешательства государства. Был непреднамеренно запущен механизм «эндогенных инноваций», который не смогли остановить даже этатизм и социализм XX века. А началось все с поражения в войне. Без которого, возможно, английская экономика вернулась бы к темпам развития французской, и мы бы не знали ни о какой промышленной революции и не пользовались бы ее плодами.

Почему не заметили этот фактор промышленной революции

М. Олсон писал о поражении Германии во Второй мировой войне как о факторе экономического развития. Он подошел близко к нашему объяснению, показав, что поражение в войне может вызвать экономический рост: «...страны [после поражения в войне]... должны расти относительно быстро после установления в них свободного и стабильного правового порядка. Этим можно объяснить „экономическое чудо“, которое пережили государства, потерпевшие поражение во Второй мировой войне, и прежде всего Япония и Западная Германия» [Олсон 2013: 105–106]. Правда, он не развил свою теорию и не применил ее для объяснения промышленной революции в Англии. Здесь он, скорее всего, как институционалист считал вслед за Д. Нортом, что ее причину следует искать в Славной революции 1688 года.

Виды проигранных войн. Проигранные войны можно классифицировать по тому, как они закончились: а) проигрыш в войне с последующим распадом страны, б) проигрыш в войне с сохранением целостности страны.

Вид «а» проигранной войны неразрывно связан с революционными событиями в самой метрополии. Вид «б» можно подразделить на «б1» — проигрыш другой империи и «б2» — проигрыш колонистам.

Уникальность поражения Англии в войне с американцами состоит в том, что это первая в истории Новейшего времени война, проигранная метрополией своей заморской

колонии. То есть мы видим, как одно уникальное событие — потеря колоний — вызвало другое уникальное событие — промышленную революцию²⁹.

Пожалуй, самое удивительное состоит в том, что ни историки, ни экономисты, ни специалисты в других социальных науках не заметили фактора поражения в войне в начале промышленной революции. Почему? Можно выделить три причины.

Виговская история Англии рассматривала политическую жизнь в Англии как линейный процесс, начавшийся еще с Великой хартии вольностей. Историки-виги XIX века старались изобразить историю Англии как череду побед общества над государством в защите своих прав и свобод. В такой картине мира Англия рассматривалась как образец после 1688 года. Все неприятные факты не привлекали особого внимания. Поэтому поражение в войне с колониями рассматривалось как неприятное происшествие, не поколебавшее устои Британской империи.

Незапланированные результаты действий не очень удобны для тех, кто рассматривает историю и экономику как поваренную книгу, где перечисляются рецепты экономического роста или секреты того, как вызвать промышленную революцию в отдельной стране. Такому подходу противоречит тот факт, что промышленная революция была вызвана тем событием, которого никто в Англии не желал, — поражением в войне. И тем не менее, видимо, в истории нет простых рецептов, и многие важные события происходят непреднамеренно, подобно появлению «черного лебедя».

Гиперспециализация. Кроме того, с конца XIX века экономисты и историки редко стали заглядывать в труды друг друга. Экономисты считали, что политическая история Англии — это не их сфера научных интересов, а историки — что влияние войн на экономический рост тоже не их сфера. В итоге возникла серая зона, которую можно было исследовать, только находясь на позиции не очень нынче популярного и диссертабельного междисциплинарного подхода.

Заключение

В феврале 2023 года автор данной работы по традиции работал в читальном зале Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. В перерыве мне удалось за чаем пообщаться с одним из крупнейших специалистов по экономической истории и истории экономической мысли профессором Л. Д. Широкоградом. На его вопрос о том, чем я сейчас занимаюсь, я ответил, что промышленной революцией в Англии. На что он удивленно спросил: «А разве не все, что можно сказать об этом явлении, уже сказано и написано?»

Тогда я кратко рассказал ему о своей работе.

Внимательно выслушав мою речь, он протянул мне руку и сказал: «Поздравляю с научным открытием!»

Литература

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2014.

Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Андреев И. История религий: религии Передней Азии и христианство. Сергиев Посад: Изд-во МДА, 2015.

²⁹ Единственный пример схожего рода — война Нидерландов за независимость, но Нидерланды не были для Испании «заморской колонией», которая встраивалась бы в модель меркантилизма.

- Барлова Ю. Е. «Гнилые местечки» в истории Англии // Вопросы истории. 1999. No 6.
- Бастиа Ф. Кобден и Лига : Движение за свободу торговли в Англии. Челябинск: Социум, 2003.
- Бастиа Ф. Что видно и чего не видно. Челябинск: Социум, 2006.
- Брентано Л. История хозяйственного развития Англии: В 3 т. М.: Государственное издательство, 1930.
- Гёте И.-В. Годы учения Вильгельма Мейстера: Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1978.
- Гёте И.-В. Итальянское путешествие. М.: Азбука-аттикус, 2023.
- Джефферсон Т. Декларация независимости США // Американские федералисты. Ньютон: Чалидзе публикейшнз, 1990.
- Дмитриева О. Парламент и политическая культура Англии второй половины XVI — начала XVII в. М.: Квадрига, 2021.
- Зубков А. Ю. Английская корона и американские колонии накануне войны за независимость (1763—1775 гг.) // Вопросы истории. 1983. № 8.
- Кавтарадзе Г. История экономического развития Запада. М.: Энигма, 2005.
- Канторович Э. Два тела короля. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
- Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
- Косарев А. И. Избирательная коррупция в Англии XVIII в. // Правоведение. 1961. № 4.
- Майбурд Е. Карл Маркс как революционер и экономист. Челябинск: Социум, 2022.
- Макаров Е. П. Англиканская церковь во внутриполитическом развитии Англии второй половины XVIII в. // Вояджер: мир и человек. 2018. № 11.
- Макаров Е. Проблема коррупции в финансовой и политико-административной системах Англии 1760—1780 гг. / Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 4. № 4.
- Маккლოსки Д. Буржуазные добродетели. Этика для века коммерции М.; СПб: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018.
- Маккლოსки Д. Буржуазные добродетели. Этика для века коммерции. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
- Манту П. Промышленная революция в XVIII столетии в Англии. Челябинск: Социум, 2023.
- Менгер К. Социальные теории классической национальной экономики и современная экономическая политика // Истоки: 150 лет маржиналистской революции, 2023.
- Мизес Л. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2012.
- Мокир Д. Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700—1850 гг. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
- Мокир Ж. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
- Моруа А. История Англии. М.: Азбука-Аттикус, 2022.
- Мюллер М. Введение в науку о религии. Четыре лекции, прочитанные в Королевском институте в феврале—марте 1870. М.: Дело, 2022.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
- Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М.: Новое издательство, 2013.

- Пипс С. Домой, ужинать и в постель (из дневника). М.: Текст, 2010.
- Плотников И. Меркантилизм. М.: СОЦЭКГИЗ, 1935.
- Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Эксмо, 2007.
- Ротбард М. Экономическая мысль: В 2 т. Т. 1. От Античности до Адама Смита. М.; Челябинск: Социум, 2020.
- Сакс Д. Эпохи глобализации. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.
- Сидоренко Л. Английская контрреволюция против Американской революции: идейная и политическая борьба в Великобритании в период войны за независимость североамериканских колоний. СПб.: Изд-во РХГА, 2020.
- Смирнов Е. История Христианской Церкви. Изд-во «Свято-Троицкая Сергиева Лавра», 2007.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.
- Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии. М.: Либрком, 2011.
- Тоуни Р. Религия и подъем капитализма. М.: Дело, 2023.
- Травин Д. Англия: история успеха (Россия Нового времени: выбор варианта модернизации. Доклад 1). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.
- Травин Д. Как государство богатее: путеводитель по исторической социологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.
- Уэрта де Сото. Австрийская экономическая школа. Рынок и предпринимательское творчество. Челябинск: Социум, 2020.
- Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2, 1955. С. 244.
- Allen R. The Great Divergence in European Wages and Prices from the Middle Ages to the First World War // *Exploration in Economic History* 38 (2001).
- Fogel R. Catching Up with the Economy // *American Economic Review*, 89 (1), 1999: 1–21.
- Hague W. William Pitt the Younger. London: Harper Press, 2005.
- Rubinstein W. D. The End of Old Corruption in Britain 1780–1860 // *Past & Present*. 1983.
- Smith A. Lecture in 1755. Quoted in: Stewart D., *Account of the Life and Writings of Adam Smith*. LLD, Section IV, 25.
- Tilly C. Parliamentarization of Popular Contention in Great Britain, 1758–1834. // *Theory and Society*, Vol. 26, № 2/3, Special Double Issue on New Directions in Formalization and Historical Analysis (Apr.–Jun., 1997).
- Trevelyan G. *British History in the Nineteenth Century and After (1782–1919)*. London–New York–Toronto, 1937.
- World Bank. *A Measured Approach to Ending Poverty and Boosting Shared Prosperity: Concepts, Data, and the Twin Goals*. Policy Research Report. Washington, DC: World Bank, 2015.

Вера КАЛМЫКОВА

«И ЖАДНО ВЗОР ГОНЯЛСЯ МОЙ ЗА КАЖДОЙ КРАСКОЙ И ЧЕРТОЙ»

Алле Головановой

Слова из стихотворения Дмитрия Веневитинова «Апофеоза художника», ставшие названием, — о нас и таких, как мы.

Последняя выставка, которую мы с тобой *зевнули*, была — Александр Шевченко, 2010 год, в Третьяковке. Дальше десять лет ходили куда-нибудь еженедельно, беспрерывно, по четвергам. Теперь — то вместе (редко), то поврозь, а то попеременно (чаще всего, увы).

«Живопись действует на меня терапевтически, ты прекрасно знаешь, — в твоих словах чувствуется даже некоторая сердинка. — Я в зал вползаю, из зала улетаю и готова к подвигам».

А когда нигде не показывали ничего такого, что требовало срочного внимания, мы отправлялись в Третьяковку, где выросла ты, или в Пушкинский на Волхонку — это уже моя *Alma mater*. Ничего не выбирали, не намечали, это была *бродилка* в поисках чего-то ранее не замеченного. И сколько *открытий чудных*!

Знаю еще несколько человек, правда, немного, у которых та же реакция. Изобразительное искусство — как еда или даже скорее вода: прожить *без* и *вне* невозможно. Почему так? От чего это зависит? Можно ли это, например, воспитать?..

Последнее проблематично, как показывает семейная практика. Дело все-таки в душевной предрасположенности, природном, должно быть, устройстве. Замечательный поэт Вадим Месяц недавно написал: «У некоторых моих друзей вообще нет книг. И они при этом — нормальные люди». Некоторые наши с тобой знакомые никогда не ходят и не хотят смотреть живопись. И да, душевно общаемся.

Особенное наслаждение — открывать для себя современных художников. Необязательно при этом с ними знакомиться лично: то, что сделано *ими*, становится *нами*.

Мне вдобавок хочется, увидев и ощутив, как *прирастаю* искусством, — ответить, отдать, словно я в долг взяла энергию и нужно ее вернуть. Возвращаю — стихами.

У Новеллы Матвеевой есть стихотворение «Живопись». «Единственная, кто дала / Не знать мне и не делать зла... / И все равно не знали мы / Той бесхудожественной тьмы, / Что многих души тяготит...»

Многие, кстати, и не подозревают, что их души *тяготеют* бесхудожественностью. Попробуй объясни им — засмеют.

Так что же, повспоминаем?

Вера Владимировна Калмыкова родилась и живет в Москве, поэт, кандидат филологических наук, редактор, автор научных и научно-популярных книг и статей.

* * *

Мой первый искусствоведческий трофей — «Рыба» Гелы Гояева. После его выставки в Музее кино (здания музея, стоявшего наискосок от метро «Краснопресненская», больше нет) в начале 90-х я написала статейку в «еженедельной газете московской интеллигенции» «Вечерний клуб» (надо же, нет и ее!). Текст сократили до минимума, получилась заметочка объемом тысячи полторы, не более, знаков, но о «Красном крокодиле» все же осталось. Помню эту картину: на иссеро-синем, в черноту, фоне едва угадывались очертания мебели, карминный огненный крокодил возлежал на коврикe рядом с диваном. Почему, зачем, что за глубокая мысль двигала автором? В ответ художник воскликнул со всем пылом осетинского темперамента: «Почему непременно должны быть кошечка или собачка?! Крокодила хочу! Красного!»

После выхода газеты Гела позвонил, суровым тоном потребовал встречи и около «Баррикадной» вручил мне картину в подарок — щедрый знак признательности.

Вскоре следы художника затерялись. Как рассказывала опекавшая его искусствовед и куратор Лариса Кашук, Гела Гояев жил в подмосковном Доме творчества «Сенеж», но тот закрылся, и Гела вынужден был возвратиться на родину, в Цхинвал, где пропал во время войны. Никто ни слова не знает сегодня о нежном осетинском экспрессионисте, а может, фовисте, не суть важно, главное — замечательном мастере цвета.

«Рыба» висит у меня дома рядом с работами Александра Фрейдина, который продавал свои работы по 100–200–300 рублей у метро «Сокол», где его и подцепила другая моя подруга — и поделилась, за что ей спасибо. Тебе Фрейдин не понравился, ты ощутила в нем нечто болезненное, а я до сих пор упиваюсь его цветом, причудливыми копиями с картин Шагала или Сезанна, на которых колорит нарочито усилен, а форма уходит в полуабстракцию.

Гела Гояев мелькнул задолго до нашего с тобой знакомства, а следующим своим открытием — живописью Бориса Бомштейна — мне уже удалось с тобой поделиться.

* * *

С Бомштейном меня познакомили специально, чтобы я о нем написала.

По образованию Борис Бомштейн — театральный художник. Задним числом понятно, почему он в этом направлении оказался не особенно активен: мысли и образы, населявшие его сознание, были гораздо живее и насыщеннее, чем сценические персонажи в самой динамичной постановке. Внутренняя игра пронизывала все его существо, преобладала, придумывала сама себя, и чужому, постороннему замыслу в ней не находилось места.

Помню, однажды у него в мастерской мы с тобой увидели раннюю работу, которую он показал без всякой охоты, и поразились вытянутой модильяниевской форме и нарочитой гладкописи. Никаких сомнений, что учился он хорошо, и полное понимание: чтобы найти себя, ему пришлось переучиваться.

Это общая ситуация, не только Бомштейна: сначала следует выучиться, а потом переучиться, все отбросив и ничего не забыв. Парадокс? Но бытие вообще парадоксально, смиритесь, люди гордые. А творчество уж тем более неоднолинейно: путь в оба конца сразу, причем без билета.

...Все-таки оформив на пробу пару-тройку спектаклей в театре, кажется, Моссовета, Бомштейн стал чистым живописцем-станковистом. Как и многие, зарабатывал, выполняя заказы Комбината декоративно-оформительского искусства. Борис служил

живописи истово и безоглядно, вкладывая в каждый мазок всю силу эмоций, полностью душевных состояний, страсть, весь могучий темперамент. Обретал он *свой* язык в 70-е годы прошлого века, в то время, когда изобразительное искусство для многих еще оставалось культом. «Московская школа» пришлось ему по мерке, и он пришелся ей. Русский сезаннизм, странное, причудливое, многообразное явление, прошедшее через столько горнилов и вобравшее в себя такой комплекс приемов и смыслов, пусть и далеко не сразу, но все же пророс в нем.

У Бомштейна плотный мазок, знающий все о тонах и оттенках.

Если он решал картину, допустим, в синем цвете, то будьте благонадежны: он отработывал этот цвет во всех его тональных возможностях.

При этом форма у него далека от реальной. Искаженной ее тоже не назовешь — разве что в гоголевской графике.

А ведь я с наслаждением вспоминаю выставку, которую мы сделали в 2012 году в московском доме Гоголя (тогда библиотека № 2 имени классика, если не ошибаюсь) к 200-летию писателя. Стены читального зала были как-то отражающе белы, финансирование, как водится, отсутствовало, и я придумала протянуть то ли отделочную бумагу, то ли просто обои голубовато-серого цвета, на котором картины Бориса заиграли. Мы с ним столько спорили об экспозиции, что насмерть, казалось, разругались, не желая впредь видеть и слышать друг друга. Тебе пришлось стать буфером, и только благодаря тебе мы не подрались. Что Борис и припомнил мне спустя пять лет, когда мы открывали его выставку в Павловском Посаде и на вернисаж местные живописцы — совсем иные, чем Бомштейн, — привели своих учеников из художественной школы и объясняли им, что, как, зачем сделано на полотнах.

А предварительный этап прошел смешно. Мы приехали в посадский выставочный зал вместе и с работами. Борис жаждал принимать участие в раскладке экспозиции, я же, как обычно, ожидала момента творчества для себя любимой: художник — пишет картины, я — придумываю, как, что и с чем будет соседствовать на стенах, все ведь честно? Выставка — уже мое произведение-высказывание. Но он требовал. Я попросила выставочных дам во главе с ныне покойной Маргаритой Ивановной Марковой, тогдашним директором, напоить его чаем минут на сорок: мне больше не надо. И начала носиться по залу с работами, componуя, выкладывая на полу, переставляя.

Через 35 минут Бомштейн, выкатив в гневе рачьи глаза, ворвался в зал. В дверном проеме маячили расстроенные лица дам. На крейсерской скорости он рванул к центральной стене. Схватил картину. Переставил. Опять схватил. Поставил на прежнее место. Схватил вторую. Те же действия. Посмотрел на меня — ярости во взгляде не уменьшилось. Крякнул. Хватил суковатой палкой по полу и вышел из зала.

Я перевела дух. Уфф. Можно вешать.

В наших с тобой сердцах живут две серии Бомштейна: московская и гоголевская. Хотя был и «Цирк», во многом восходящий к живописи Альбера Марке, и «Израиль», и «Путешествие Вениамина Третьего».

Графические персонажи «Мертвых душ» — десятки вариантов личин и положений. Широкая кисть, грубые, мощные, экономные броски туши на бумагу. Так возникал единственно возможный злоеющий Плюшкин или лебезящий Чичиков. Легло не так — на пол, в сброс, и мы с тобой однажды успели порыться в этой куче до ее уничтожения.

А Москва... ах, если бы кто-нибудь когда-нибудь решился сделать выставку двух художников — Бориса Бомштейна и Михаила Иванова, да-да, того самого, сына Бабеля, выросшего в семье писателя Всеволода Иванова. Как это было бы прекрасно и как много сказало бы о разнообразии «московской школы живописи», чудесном

оазисе русского сезаннизма, где торжествовал мазок, вела главную партию живописная фактура, а вещество краски первенствовало над реальностью, над контурами, надо всем, что мы видим — точнее, чего не видим — в обыденности...

Ты говоришь, что я хожу вокруг да около и пора бы приступить наконец к главному, ради чего и затеян разговор, — к передаче существа работ. А я трушу, но ты права: пора.

Москва Бомштейна — город плывущих форм, склеенных красками. Знаменитый ландшафт, домики и церкви возникают на полотнах, как миражи в подводном пространстве. Он лепил их почти друг на друге так, чтобы не оставалось свободного, не осмысленного мазком места, и живописность заслоняла, если не вытесняла натуру. Чаще всего он избегал перспективы, обычно обрывал взгляд зрителя, не пускал в глубину: смотри только сюда. Изображение выходило из холста, цепляя, втягивая в «многослойную толщу» — так написал Алексей Клименко.

Иногда на полотнах Бомштейна мелькают человеческие фигурки, и ты заметила, что это призраки из прошлого, а не сегодня живущие люди. Да и Москва у него, конечно, не сегодняшняя и не полуразрушенная советская вчерашняя. Это чужое-свое воспоминание, попытка сиюминутной колористической гармонией оживить реальность аристократического века, давно ушедшую в память.

На полотнах Бомштейна почти всегда присутствует момент трансформации объектов. Дом превращается в воспоминание о доме, в собственный мираж. И это потому лишь, что в творческом организме художника в какой-то момент произошла трансформация — слияние театральности с сезаннизмом. Каждая композиция, особенно московская, сценична: кубы домов, конусы высоток (да, и высотки!), — и тут же интерьер синагоги и ощущение, что ты помещен внутрь шара. При этом каждая сцена конструктивна, жестко построена, хотя заметить это с первого раза невозможно. А мазок, то тяжело, то легко летящий, своевольный, неоднозначный, как бы специально запутывает зрителя, замутняя конструкционный мотив.

Так капли дождя на стекле способны смыть самую четкую из фантазий московского зодчества.

Разворачивать вещи изнанки пугливым лицом,
сопрягая пространство и время прошедшим движенья.
Будут взгляды домов замыкаться Садовым кольцом,
измерять человеческий след глубиной отраженья.

Перелетная лень их, пугливых, застанет врасплох.
И прозрачно стекло измененного времени суток.
Как цветная молитва, опустится полог: пролог.
И слетает с холста горизонтом — рисованный сумрак.

Сны копить и умалчивать. Зеленоглазый туман
городскою усталостью стлать. Пребывание тайны
обрекая на плоскость зеркальным обманом ума,
пережить времена, перечувствовать их очертанья.

Простирается грань меж обманчивой явью и сном
постоянным. Покров для себя серебристая прана
сохранит, — развернув времена серебристым сукном,
где клубится рисунок, где линии время пространно.

* * *

То, чем я сейчас пытаюсь заниматься, в науке называется *экфрасис*. Это когда мы пытаемся в слова перевести то, что выражено визуальным искусством. *Перевод* — ключевое слово: с языка на язык. Не вижу принципиальных различий, английский или живописный. Примерно об этом, как я понимаю, у Николай Михайловича Карамзина:

Картина мне мила в поэте,
Когда он кистию своей
Цветы наводит на предмете
И пишет словом, как рукой.

Замечательный поэт Максим Калинин, наш, к счастью, современник, придумал небывалое: он в стихах воссоздал творческую биографию русского изографа, богомаза Гурия Никитина, жившего в XVII веке. Последний великий иконописец Древней Руси, Гурий (со артелью, разумеется) расписал соборы в Ярославле, Переславле-Залесском, Костроме, Ростове-Великом, Суздале — а биографию свою почти полностью утратил. Максим ее... сочинил? Увидел? Узнал? Придумал? Но придумал ли?

Ведь это чудо, правда же? Нельзя такое придумать, не способен на это обычный человек, не поверю.

«Но лишь божественный глагол...»

О Гурии Никитине вышло две книги Максима Калинина. Кто захочет, прочитает.

Мне никогда не хватает реальности и всегда хочется стать причастной к тайне. Калинин подарил мне эту возможность.

* * *

Никогда не видела подлинников иллюстраций Боттичелли к «Божественной комедии», но всякий раз, когда попадают в Интернет, замираю. Идеальный круг, ритмично заполненный крошечными всполохами, и в нем Лаура и Данте. Тусклые серо-бежевые земли ада и грешники, и рядом Данте и Вергилий в ренессансных голубом и розовом. Они же, в лиловом и синем, движутся по краю воронки...

По-моему, нечестно,
что Паоло и Франческу
Дант поселил в аду.

О да, стоит бояться ада.
Но больше надо
бояться лишиться любви.
Перерви

старую схему: два человека
есть сумма мира,
теология
мгновений.

Слагаемые
слагают совместности гимн:

двое. Не один.

Что там бормочет Лаура?
Бестелесна, бесплотна —
что она значит одна?
Каподастр для лиры?

Бог с Вами, прекрасная донна.

Круги Ада — большая посуда,
горящие донья,
разве можно бросать на них чудо —
в одной судьбе двое,
по собственной воле?

Ты мой ключ
от мироздания.
Если ты отключаешься,
наступает мой личный ад.
Стоит прищуриться —
на небосклоне,
склонном
склоняться к земле,
если просить хорошенько,
увиджу: они летят.

* * *

А помнишь, как я подарила тебе картину Василия Перова «Отпетый»?

Началось как раз с экфрасиса, но чья это была статья? Где я об «Отпетом» прочитала? В памяти маячит некий сборник большого формата, в мягкой обложке... Ничего больше.

Об этой картине такая ерунда в Интернете написана, читаешь — передергивает. На самом деле сюжет там простой, но даже для XIX века нетривиальный: к приговоренному преступнику пришли прощаться то ли родственники, то ли односельчане, словом, мужики какие-то в армяках, онучах и лаптях. А у него только что священник был, исповедовал его перед смертью и причастил, грехи, стало быть, отпустил. И сидит этот самый *отпетый*, легкий и свободный. Чистый, как младенец. Завтра его повесят, но сейчас он — как не убивал.

В той статье не было сказано, где хранится картина. Я потом, много позже, узнала — в Историческом музее. И да, потащила тебя смотреть.

Оказалось, полотно совсем небольшое.

Тот человек, который больше не грешник, но почти уже и не жилец, — лучезарен.

...Сегодня приговор, а завтра казнь.
Есть только ночь, чтобы смирить себя.

Торжественный приходит исповедник,
предвестник благодати и любви.
Ушел. Молчанье. Полночь бьет. Рассвет
еще случится — дня уже не будет.

Для новой жизни несколько часов:
 без прошлого, но с будущим —
 исчезнуть.
 Наедине с небытием грядущим
 сидит, очищенный.
 Прими его, Создатель.
 Он не успеет много нагрешить.

* * *

Искусство Анны Бирштейн мы с тобой полюбили — приняли в сердце — сразу, безоговорочно, навсегда. Оно для тех, кто умеет радоваться.

Чистый цвет. Открытая эмоция.

Есть различие между радостью и наслаждением, которого не бывает без присвоения. Анна ничего не хочет насильно делать своим, ей достаточно видеть, а увиденное начинает принадлежать ей по доброй воле, само, легко и непринужденно.

Дочь двух великих, составивших славу отечественного искусства советской поры живописцев — Макса Бирштейна (1914—2000) и Нины Ватолиной (1915—2002) — Анна не похожа ни на кого из них, да и с кем ее сравнить? Разве что с *прозой* матери, которая была и прекрасной писательницей. Именно с прозой, не с живописью. У Ватолиной есть слова: «И через все — радость».

Анна — в формах и красках мира, в торжестве внешнего, видимого глазом, в преображении реального, в победе материи, которая есть и энергия, и движение. Представьте себе, что вы мчитесь по дороге с такой скоростью, что краски покидают контуры видимого и сливаются в единый поток. Вы увидите картины Ани.

Кто бы в слово, в образ чистый
 Смело мог сей блеск струистый,
 Жизнь и свежесть зачерпнуть? —

это Петр Андреевич Вяземский. Как близко.

Ранним работам Анны Бирштейн присущ сдержанный колорит, и задумчивость, и некая — в духе 70—80-х годов — отстраненность. Но она все это отбросила как чуждое. Бирштейн вовлечена в круговорот цветов и форм и никогда не оставляет их в покое. Она не литератор, не философ, не театральный деятель. Только художник, но это так много!

На маленьких холстах она пишет старинную утварь: весы, флаконы. Или блюдо устриц. Или рыбыны. Убирая ненужную вещь, оставляет лишь то, что подлежит живописи.

Особенно Анна Бирштейн любит гигантские холсты. На них расцветают букеты, собранные в Тарусе, в тамошнем семейном саду, или купленные и подаренные друзьями. Прийти к ней в мастерскую без букета — почти кощунство. Громадные соцветия затмевают мир за границами холста.

Или — знаменитая «белая» серия. Московские здания, а как без них, построенные белилами с легчайшими яркими мазками. Натюрморт с веером, маской и стеклянным флаконом висит в комнате моего сына с младенчества: оказалось невозможно снять, расстаться с ним хоть на время — разве что перевесить. Мистерия без мистики.

Или — готическая черная серия. Силуэты французских соборов, незаполненная белизна холста дает зрителю дышать, иначе грандиозная масса камня и металла —

пусть и маслом на холсте — сшибала бы с ног. Никакого натурализма, но — камень, но — металл...

Выход силы. Изобилие. Множественность. Насыщенность, порой даже перенасыщенность. У любого другого художника выглядело бы чрезмерно, а здесь в самый раз.

Портреты. Нет попытки залезть в голову тому, кого она пишет, никакого психологизма. Образ человека как повод увидеть многокрасочность бытия.

Все, что стоит внимания, происходит сейчас, немедленно, стремительно. Анна Бирштейн раскрывает — или реабилитирует — красоту момента, воспевает настоящее.

Ее палитра — как муранское стекло *миллефиори*.

Сколько ты приносишь в мир? Каков твой вклад? Редко-редко объем личного вложения бывает адекватно оценен. В случае Анны это так: она член-корреспондент и лауреат золотой медали Российской академии художеств.

А так-то она живет в жизни. Как все. Ничего особенного — ни специального меду, ни даже патоки. Очень требовательна к себе.

Создавая миры, приготовься: не та,
не без правил игра, слишком много условий.
Что бы ты ни придумывал — плоскость холста,
затвердевшая ткань на сосновой основе.

Дождь лучей, лепестки, апельсин, виноград —
льется радость в глаза многокрасочным ливнем.
Сделай счастье из краски. Летучий отряд
заполняет объемы видением дивным.

Делать радость из ада тревог и потерь,
обыденщины сирой, унынья знакомых.
Приглашение в юность — откроется дверь
в недра белоколонного снежного дома.

* * *

Мы с тобой неоднократно говорили, что всеядны. Но все же предпочтения есть и у нас. Во-первых, художественный образ — мы к нему особенно чувствительны — должен присутствовать и преобладать. Экфрасис экфрасисом, но перевод — не пересказ: то, что исчерпывается при изложении словами, нам неинтересно. Отсюда — во-вторых: живописность, вещественность, взаимоотношения с материалом.

Имя нидерландца Гейсбрехта Лейтенса, работавшего в XVII веке — его называют Мастером зимних пейзажей, долгое время он существовал анонимно, — не на слуху. Я узнала его работы по репродукциям. Какова же была радость воочию увидеть картину «Зимний пейзаж с дровосеками» в петербургском Эрмитаже!

Ведь он волшебник, правда?

Учти, тогда еще писали маслом на коричневых грунтах. Эта картина на деревянной основе, не на холсте.

Корявые деревья, скованные морозом причудливые ветви. Слева дерево в тени, в середине — другое, освещенное солнцем, сзади роща, чуть правее в глубине хижина, тоже почти выбеленная светом. Снега нет, лишь иней на ветвях и траве. Воздух, кажется, тоже заморожен и от этого особенно прозрачен и чист.

Люди вовсе не составляют основу сюжета, фигурки даны, чтобы привнести в замороженный ландшафт мотив движения. Основной образ, как мне кажется, — застывший

воздух, одновременно и холодный, и влажный, — именно так бывает, когда все покрывается инеем.

Лейтенаса знают мало. Не каждый художник известен, и дело здесь не в таланте и не в пробивных способностях, а в порядке мира. Судьба любого из нас входит в общее переплетение ветвей, а смысл узора ведом только Богу.

* * *

В 2005 году мы познакомились с Андреем Бозиным. Он построил себе в Павловском Посаде фахверковый дом. Долгое время жил в Молдавии, в Эстонии, образование получил в Таллине, причем рассказывал, что среди его преподавателей были непосредственные выученики французских символистов — они даже по-русски плохо говорили, если вообще знали язык.

Бозин много что умеет: он также и керамист, и реставратор. В свое время поездил по Европе, пожил и поработал в Чехии. Несколько лет назад, кстати говоря, восстановил руинированный памятник Маяковскому в Орехово-Зуеве. Памятник замечательный, интересно, что автор его — дулевский скульптор малых форм Н. П. Пустыгин, работавший на знаменитой фабрике фарфора. Не единичный случай, между прочим: Юрий Долгорукий в Москве — тоже создание фарфориста, Сергея Михайловича Орлова, подвизавшегося на Дмитровском заводе.

До чего же я люблю давать побочную информацию...

Бозин никогда не останавливается на прямой передаче натуры. Он скорее символист, импрессионистический подход ему так и остался близок, а иногда на его картинах я вижу прием Александра Головина: краска фона как бы наплывает, наползает на прихотливый контур основного изображения, отчего возникает впечатление кружева. Любит Бозин сложные цвета, неоднозначные сочетания, которые приглушает, уводит в глубину. Он избегает однозначности, стремится передать скорее трепет жизни, чем явление в его полноте и законченности. Кажется, все завершенное ему вообще чуждо.

За ним глаз да глаз: спросишь о какой-то старой работе — хоп, а он ее уже переписал или записал чем-то другим. Поэтому я доверяю его графике: пастельную работу не запишешь, это тебе не холст-масло.

В 2019 году Андрей гостил у друзей во французском городе Люнеле. Цепкая зрительная память живописца помогла впоследствии создать серию работ «Французский дневник». Он писал древние улочки, фасады зданий с воротами конюшен или увитыми плющом стенами. Обилие зелени и цветов, прозрачный горно-морской воздух, делающий особенно яркими черепичные крыши и окраску зданий, — все это отражено в живописном «Французском дневнике».

Для русского человека ни французская, ни немецкая, ни английская, ни какая-либо другая иноземная культура не чужая: все, что мы благодаря семейной традиции или образованию знаем с детства и юности, потом, в период взросления и зрелости, углубляется и расширяется в нашей личной культурной памяти. Бозину одинаково близки все персонажи истории Люнеля: и Нострадамус, и несчастный король Луи, вынужденный откупаться из мусульманского плена бог знает сколько времени назад, и безымянные рыбаки, из поколения в поколение живущие дарами моря. Современный художник пишет пейзажи, связанные с местопребыванием знаменитой личности, или обычные городские, сельские виды, и это его индивидуальный вклад в развитие мировой культуры. Потому что для русского человека родной, своей является вся мировая культура во *всем* ее многообразии.

Цветовые нюансы — вот основа подмосковных работ Андрея Бозина. В них легкость, нежность, неочевидность видимого.

Солнце светит по привычке.
Дождь пошел слегка размяться.
На лету решила птичка,
что пора бы возвращаться,

в поднебесье развернулась —
лет на месте что есть мочи, —
над потоком сельских улиц,
вдруг зарозовевших к ночи.

Бело-голубая сфера,
перевернутая чаша,
пролилась на дно карьера
влажным облаком легчайшим.

Шорох листьев заглушает
ангелов крылатых поступь.
Меркнет рама золотая.
Ярче тяжких капель россыпь.

* * *

С Еленой Гориной я познакомилась при обстоятельствах скорее неприятных: brave жители дома, где находилась ее мастерская, решили помещение освободить, ибо художник в подвале им мешал. В конце 2010-х какая-то потрава началась, живописцев гнали отовсюду, не помогало ничего, у некоторых работы просто вышвыривали на улицу.

Начались судебные процессы — имелся ведь законно составленный договор аренды. Почему-то сначала Лена и ее товарка по несчастью проигрывали. Услышав на каком-то вернисаже разговор об этом, несколько человек, стоявших рядом, вскинулись и заявили, что следующие судебные заседания будут проходить в их присутствии. В стихийной группе поддержки оказалась и я.

Археолог-востоковед Тамерлан Габуев являлся на заседания в своей знаменитой шляпе канотье и с тростью. Художник Нина Кибрик делала мгновенные карандашные портреты участников процесса. Взял себя в руки и адвокат из МОСХа. Елена Горина выиграла суд, но, кажется, ситуация стоила ей жизни. Мастерская вскоре стала не нужна.

Лена — дочь знаменитого Ивана Горина (1925—2003), создателя отечественной школы реставрации. Папа Ваня с 1956 года работал художником-реставратором живописи, затем возглавлял Всесоюзную центральную научно-исследовательскую лабораторию консервации и реставрации музейных ценностей, после — Научно-исследовательский институт реставрации Министерства культуры СССР, созданный на базе лаборатории.

В ранние годы и в лабораторию, и в НИИ поступало много икон, некоторые с такими утратами, что восстановлению не подлежали. Горин брал полустершиеся доски домой, показывал дочери, учил ее, как класть левкас, как восстанавливать личное письмо, как прорабатывать фоны. Позже Лена говорила мне: «Возьмите тампон

и спирт, попробуйте на краешке, подержите три минуты... Возьмите яичный желток, разболтайте до однородной массы, капните туда...» — и я как-то справлялась с проблемами с домашней иконописью.

Она открыла для себя — кстати, к такому же выводу пришла и Елена Колат, тоже уже, увы, ныне покойная, — что разговоры о сковывающей силе иконописного канона не более чем блеф. Цвет у старых русских богомазов богат, глубок и разнообразен настолько, что его светящаяся сила перебивает любое ограничение. Не то ли у Боттичелли, не те же ли яичные желтки, основа пигментного замеса, тому причиной?

С конца 90-х годов Горина вышла на новый уровень живописи, почти расставшись с динамичными композициями, с яркими социальными и психологическими характеристиками. Ее темой стала тишина прорастания, цветения, покоя. Вечная благодать природы, подчеркнутая цветом и светом, — но ведь в живописи свет и передается цветом. Ее волшебный, пленительный «Гамак», слава богу, остается в домашнем собрании, хотя кто только из коллекционеров не облизывался на него.

Поверхность ее работ — как старинный бархат на шелковой основе. Полтора-два столетия назад живописцы стремились красками передать фактуру изображаемого материала, и теперь мы видим на старых полотнах и глину, и ткань, и жемчуг, и мех. А их наследники стремятся передать свойства земной материи живописным массам.

Елена Горина оставляла на холстах след отдельного мазка, но сглаживала каждый, добиваясь мерцания однотонной поверхности. А фактура царствовала на «Дощечках», небольших кусках дерева, оставшихся от какой-то чьей-то давней работы. На них Лена переносила остатки дневной палитры, заботясь лишь об образе, позволяя себе матиссовские вольности.

А мне показывали фильм
из жизни разноцветных пятен,
и был сюжет невероятен:
их поднебесная кадрили

то лиловее, то синей,
то вброшен золотистый глянец —
короткий предзакатный танец
в цвета наряженных огней.

Несмело тусклая луна
пока горела вполнакала.
Еще рывок — и засияла.
Мгновенье. Занавес. Одна.

* * *

Выставка Николая Ге для нас — помнишь? — стала тренингом антиреализма. Когда отвлекаешься от сюжета и видишь только краски. Сюжет очень отвлекает, кстати говоря. Все-таки в искусстве он не может быть единственным основным мерилем, согласна? Потому что если главное — повествование, то можно писать и рисовать плохо, главное, чтобы на правильную тему.

Собственно, при советской власти частенько так и бывало.

У живописцев русской классической школы любое психологическое состояние передается немногими мазками. Николай Ге на картине «Екатерина у гроба Елизаветы» развернул к нам будущую императрицу и, дав поток света слева, показал ее испод-

воль торжествующей на фоне придворного шелково-бархатного траура. Но главное, конечно, — ее взгляд из-под полуприкрытых век: наконец-то...

И радость во взгляде — глаза хоть прикрой,
и черного платья изыскан покрой,
и гордо стоишь в световой полосе,
и знаешь, что скоро изменятся все,
и красная лента лежит через грудь,
и красный огонь тебе путь.

* * *

Не все художники стали, конечно, нашими общими, вкусы не могут же совпадать на все проценты. Марьяна Медник показала тебе слишком легковесной, правда? Я и сама не сразу ее раскусила: сначала ее неуверенный, не всегда точный «детский» рисунок казался мне недостаточно выразительным.

Иногда следует отказаться от пресловутого собственного взгляда и просто довериться другому человеку, допустив, что он делает нечто осмысленно и не без цели. Ведь не могла же Марьяна, столько лет оформлявшая парфюмерию на фабрике «Новая зоря», быть неумелым рисовальщиком.

Докомпьютерная эра, все вручную: калечки, клеточки, придумать мотив — утвердить на худсовете, затем многократно расчерчивать, заполнять цветом, учитывая возможности полиграфической базы. Почти все, что относилось к «Новой зоре», я отдала в Старооскольский художественный музей: это история, домашнее хранение таким вещам тесно.

Марьяна Медник училась у Якова Когана и Иосифа Гурвича, окончила Текстильный институт. Позже училась, как ни странно, у Василия Ситникова — точность попадания штриха или краски взяла у него. На фабрике пригодилось. Коллеги удивлялись ее фантазии: прихотливые композиции рождались в ее воображении.

Из композиций для оформления духов родились миниатюры и крошечные силуэты, которые Медник делала едва ли не единственная в России (силуэты, правда, крупные, резал еще Александр Гусев, других не знаю). Миниатюра, равно как и силуэт, стала показателем высоты художественного мастерства еще в эпоху Золотого и Серебряного веков русской культуры, когда в этих жанрах работали блистательные художники — от Федора Толстого до Елизаветы Бём. Миниатюры Марьяны Медник, исполненные на камнях-окатышах, отшлифованных деревянных пластинках, картоне и бумаге, хранятся во многих российских и зарубежных музейных и частных собраниях. Виртуозное владение кистью, исключительное чутье декоративной композиции.

Конечно, переход на плоскость станковой графики, заведомо большую по размерам, миниатюристу легко не дается. Марьяна на первых порах позволяла себе некоторую аморфность, необязательность формы, сосредоточившись на цветовой гармонии. Потом ей удалось соединить декоративное начало с чисто живописным, с принципами натурного натюрморта и пейзажа. Еще одной ее профессиональной страстью стало портретное искусство. Рассчитывая свои физические силы, она не бралась за монументальные парадные полотна. Каждый сеанс длился у нее от 15 минут до часа. За это время она успевала передать и черты облика модели, и ее психологическое состояние. Среди тех, кого Марьяна Медник рисовала и писала, — коллекционеры Владимир Беликов, Эммиль Казанджан, Абель Старцев, художники Вера Казакова, Альфия Кирчева, Елена Прейс, искусствоведы Алексей Савинов, Зара Шахбазян — и все это

лишь несколько имен из обширной галереи. Дружба с Абелем Старцевым, фондообразователем и дарителем ГМИИ им. А. С. Пушкина, привела к тому, что более десяти портретных листов работы Медник вошли в собрание музея.

Буквально до конца жизни она неукоснительно следовала раз и навсегда принятому правилу — работать ежедневно. Так, последняя зарисовка в альбоме датирована 26 августа 2016 года, а через четыре дня Марьяны не стало.

Одна из ее работ по первому зову оживает перед моими глазами. Грунтованный холст на картоне, масляная пастель, которой Марьяна и не думала заполнить всю плоскость. Легкие штрихи, без нажима — маки и бабочки. Волшебное свечение грунтовки.

А за окном
унылый март,
и шумно чистят снег,
спрессованы ненужные снежинки.

А на листе
летает бабочка,
и сквозь штрихи —
вся белизна холста, весь воздух жизни.

* * *

И белый, и черный — ахроматические цвета, как бы и не цвета вовсе, цветных частиц в них нет, зато скрыт весь цветовой спектр. Но краски-то такие есть, и живописец может заставить их работать по хроматическим законам.

Николай Наседкин так и делает. У него основной — черный.

В Литературном музее (ГМИРЛИ им. В. И. Даля) в состав экспозиции, посвященной Андрею Платонову, входит палитра Николая Наседкина — слой черной краски толщиной сантиметров пятнадцать, с вкраплениями цвета. Это, собственно, земля, обычная земля, как в Воронежской области, где художник родился. Чернозем. А может, это метафора. Или символ. Как угодно. По мне так земля.

Уже больше десяти лет Николай Наседкин использует нефть как краску — или как карандаш. Ничего неожиданного, рисуют же углем. На самой первой были показаны огромные картоны (или листы?) с чуть ли не декоративными сюжетами.

Будто стихия пришла полюбоваться на себя в какое-нибудь культурное место. Получить решила, так сказать, обратную связь.

Спасибо, не вулкан. Наседкин способен и горный хребет привести в гости.

Творчество этого художника — один из ликів русского экспрессионизма, судьба которого ох как проста. По логике развития он должен был бы расцвести в конце 20-х — 30-е годы, но какой мог быть экспрессионизм после навязанной советской властью «перестройки литературно-художественных организаций» с определением единственно правильного метода — социалистического реализма! Тогда многие художники ушли в подполье, а если точнее — в свои диваны они ушли: в ящиках для постельного белья хранили произведения, по большей части графику (с бумагой проще, чем с холстом), продолжали неподцензурный поиск. Совершенно невинный, надо сказать, на сегодняшний взгляд. А тогда запросто можно было получить обвинение в «формализме» и — как следствие — волчий билет во все стороны света. А кушать на что?..

Среди этих *тишайших* мастеров были Лев Жегин и Вера Пестель, а среди их учеников — Георгий Александрович Щетинин, впоследствии учивший в свою очередь Елену Горину.

Может быть, Наседкин сумел с ним как-то пообщаться, не знаю. А может быть, это та самая имманентная логика развития явления, которое будет раскрываться по внутренним законам, в нем заложенным независимо от нашего желания. И тогда близость образов Щетинина и Наседкина обусловлена законами искусства, а не чем-либо иным.

...два черных прямоугольника и два черных квадрата над ними
за рамой
уплотняются падает вечер
в деревне вечер — трагедия темноты

пространство свернуто
и отставлено прочь

когда-нибудь
и меня
не будет

* * *

Что сказать о Льве Саксонове?..

Помнишь, как мы впервые увидели его работы? Это было на выставке группы «Куст» в музее Востока. Название «Куст», кстати говоря, придумал Борис Бомштейн.

Мерцающие, вибрирующие поверхности, завораживающая космическая глубина.

Раз в неделю сначала мы обе, а потом и я одна отправлялись к Саксонову и отбирали его работы для выставки к 85-летию. На открытие пришло человек двести. И все были потрясены масштабом этого художника. А потом состоялось еще больше десяти выставок...

Саксонов работал сериями: «Россия», «Русский Север», «Холокост», «Окраина», «Падение Икара в Старой Ладоге», «Царица ночи», «Данте», «The Pity», «Красные дома», «Звери», «Люди-птицы», «Средняя Азия», «Железнодорожный ноктюрн», «Алкоголики»... Устала перечислять. Единственной работой он ограничиться чаще всего не мог, тема не вмещалась. Образы из одной серии переходили в другую, связывая все творчество воедино.

Делал так. Брал лист (или холст, словом, плоскость) и создавал хаос. А потом из этого хаоса выстраивал космос. Композиции у него, как бы они ни были насыщены неожиданными деталями, всегда выстроены так, что ни на миллиметр никуда ничего не сдвинуть.

Есть абстракции. И иллюстрации, но какие? К пушкинскому «Скупому рыцарю», например: шесть или семь вариантов листа с изображением вдовы, пришедшей к Скупому просить отсрочки долга. У Пушкина полторы строки об этом.

Скорее дух иллюстрируется, а не буква.

Офорты Саксонова: тончайшие линии, сложнейшие переплетения. У Рембрандта он любил «Три дерева», все остальное, говорил, слабее.

Ноу-хау Саксонова — это совмещение на одном листе приемов печатной и уникальной графики. Не «раскрашиваем офорт», а именно что совмещаем два неслагаемых. Так не делают. За счет этого и возникало ощущение чего-то невозможного, но реального — раз сделано.

Ангелы Саксонова — приходят или уходят? Дружелюбные кентавры гуляют по провинциальному городку. Кстати говоря, анатомию кентавра он продумывал очень вни-

мательно, у меня хранится несколько его зарисовок, чуть не написала натуральных. *Нева-вилонские* башни состоят из русских бревенчатых изб и то ли падают, то ли взлетают.

На каждой работе бьется мысль, и нигде она не пересиливает само изображение. Брожение, драма, надрыв — и всегда гармония. За любым острым переживанием — обязательно тишина душевного строя.

Саксонов говорил, что бывает счастлив, хотя и очень редко. Когда глядит на только что завершённую работу и думает: *неужели это я написал?*

В серии «Холокост» у него есть такая вещь: на фоне ослепительного голубого неба стоит девочка, в руках у нее кусочек облачка — все, что ей досталось от жизни. День похорон Саксонова начинался дождем, а на кладбище внезапно засияло солнце, и небо стало как раз такого цвета.

Где ты?

Там, где ни пространства, ни времени,
в величайшем всегда-нигде никогда-езде,
в плотном воздухе,
в тонком эфире,
в тяжелой земле,
в деревянном плену,
в темноте,
лицом к лицу
с полым и полным
светом.

Где я?

Там, где на полотнах
написаны воздух и ветер,
дети,
львы и кентавры,
рельсы, водонапорные башни,
распятый Икар и Христос над мостом.

Абсурду мира противопоставь
кентавра, жилистого, как чернорабочий.

Где мы?

Там,
где круговорот вселенной
проступает сквозь
толщи масляной краски
и вертит нас без пощады,
заставляя
помнить, что на самом деле мы все существуем
не здесь и не сейчас,

и я

стану настоящей,
только когда уйду.

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

К 210-летию М. Ю. Лермонтова

Екатерина СОСНИНА

МИСТИЧЕСКИЙ СЛЕД В БИОГРАФИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В этом году исполняется 210 лет со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Около двух столетий лермонтоведы изучают его биографию, но загадок и белых пятен в ней остается немало и по сей день. В мемуарной литературе о поэте достаточно много сомнительных материалов. Так, неоднократно поднимался вопрос о подлинности «Письма» Е. Г. Быховец¹, много шума в лермонтоведении произвело «разоблачение» «Писем и записок» А. Оммер де Гелль — литературной мистификации П. П. Вяземско-

Екатерина Леонидовна Соснина родилась в г. Ессентуки. Окончила Пятигорский педагогический институт иностранных языков. Кандидат исторических наук, доцент, член Московского Лермонтовского общества, главный научный сотрудник Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова (г. Пятигорск). Автор многочисленных публикаций о Лермонтове и истории Северного Кавказа, книги «Французы на Кавказе (исторические и живописные путешествия XIII—XIX вв.)» (2015). Один из авторов Энциклопедического Лермонтовского словаря (2014). В переводе Е. Л. Сосниной вышли в свет: книга французской путешественницы, женщины-легенды в жизни М. Ю. Лермонтова Адель Оммер де Гелль «Путешествие по прикаспийским степям и югу России» (2003); труд одного из основателей науки о Кавказе графа Яна Потоцкого «Путешествие в астраханские и кавказские степи» (2003), а также неизвестные письма княгини М. А. Щербатовой. Участник международного проекта «Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века», организованного Институтом всеобщей истории РАН совместно с Французской академией наук (2010—2013).

¹ Соснина Е. Л. Можешь верить или не верить (к истории дуэли М. Ю. Лермонтова) // Кавказская здравница, 26 июля 2014. С. 5.

го. Серьезной критике подвергались и «Записки» Е. А. Сушковой (1812–1868) — адресата лермонтовской лирики. Причем наиболее резкие выпады по поводу этих «Записок» прозвучали со стороны ее ближайших родственников (младшей сестры Елизаветы Ладыженской, племянницы мемуаристки Н. А. Фадеевой и дядюшки Екатерины Сушковой Николая Васильевича Сушкова)². Отметим при этом, что Елизавета Александровна Ладыженская (1815–1883) писала по поводу публикации последней части мемуаров Катеньки, появившихся в печати после ее смерти: «Мои добрые родные, глубоко дорожащие чувством фамильной чести, были возмущены появлением в свет этих „нечестивых“, как писал мне дядя Н. В. Сушков, *Записок*». Примечательно, что Ладыженская не только указывала на сбивчивость и ошибочность воспоминаний, но и называла их «чистой мистификацией».

То есть вопрос о том, что часть «Записок» Е. Сушковой является мистификацией, ставился изначально. Мы постараемся проанализировать этот документ, установить время написания и опубликования различных его частей, а также доказать различную степень достоверности отдельных фрагментов, понимая необходимость осторожности при его цитировании в литературе о М. Ю. Лермонтове.

Николай Васильевич Сушков (1796–1871), назвавший «Записки» Екатерины Александровны «нечестивыми», в свое время был весьма встревожен судьбой Кати, получившей «анонимное» письмо от М. Ю. Лермонтова, в котором тот от лица неведомого доброжелателя разоблачал несерьезность собственных намерений по отношению к ней, скомпрометировав ее таким образом в глазах света. Дядюшка Екатерины Сушковой сличил почерки, вывел Лермонтова, так сказать, «на чистую воду», после чего все члены семейства с осуждением отнеслись к юному поэту.

В то же время определенная часть «Записок» Е. Сушковой являлась подлинной, и это признавалось родственниками Екатерины Александровны, дружно восставшими против заключительной части мемуаров.

Так, Надежда Андреевна Фадеева (1829–1919), племянница мемуаристки, сама передала первому биографу М. Ю. Лермонтова Павлу Александровичу Висковатову часть дневника Сушковой (в замужестве Хвостовой) во время V археологического съезда в Тифлисе в 1881 году.

Дневник Е. А. Сушковой, написанный в оригинале на французском языке и полученный П. А. Висковатым от Н. А. Фадеевой (сегодня подлинность этого документа не вызывает сомнений), в 1885 году был передан в Лермонтовский музей Николаевского кавалерийского училища³. Он представляет собой рукописную тетрадь из 47 исписанных с обеих сторон листов (последний лист, вырванный из другой тетради, — позднейшая вклейка). Рукопись озаглавлена: «Suite de mon journal. 1833. S.-Petersbourg» («Продолжение моего дневника». 1833. С.-Петербург). Другие тетради дневника до нас не дошли. Текст же дневника за 1833 год, начатого 1 мая, был опубликован издательством «Academia»⁴ в 1928 году. Причем текст дневника напечатан в этом издании после текста «Записок», в разделе «Дополнения», и содержал разночтения с основным текстом «Записок», особенно в реставрации некоторых фактических деталей лета 1833 года.

Следовательно, единственная подлинная рукопись Сушковой, дошедшая до нашего времени, хранилась в семейном архиве Фадеевых. История этой семьи представляется чрезвычайно интересной и требует специального рассмотрения.

² Замечания Н. А. Фадеевой опубликованы в «Современной летописи», 1868, № 46, с. 10–11 и 1871, № 41, с. 8–9; возражения Е. А. Ладыженской и Н. В. Сушкова в «Русском вестнике», 1872, кн. 2, с. 637–662.

³ Отд. IV, № 26, под тем же шифром сегодня в Пушкинском Доме.

⁴ Сушкова Екатерина. Записки / Первое полное издание под ред. Ю. Г. Оксмана. Л.: Academia, 1928.

Екатерина Сушкова рассказывает о том, что ее рано разлучили с матерью, Анастасией Павловной, урожденной Долгорукой. В 1820 году ее родители разъехались. Отец, посчитав, что больная сердцем жена не может воспитывать детей, силой забрал их себе и отдал Екатерину и ее младшую сестру Елизавету (1815—1883) на воспитание своей сестре. В богатом доме своей тетки Марии Васильевны Беклешовой (1792—1863) Екатерина жила до замужества. Она рассказывает о том, что видеться с матерью ей было запрещено, даже портрет матери был уничтожен.

В этих условиях ближайшими и любимыми родственниками для нее оказались члены семьи Фадеевых. Это была родня со стороны матери. Глава семейства Андрей Михайлович Фадеев (1789 [1790], Ямбург — 1867) — саратовский губернатор (1841—1846), позднее высокопоставленный чиновник в Закавказском крае, тайный советник. Он лично знал А. С. Пушкина, жил вместе с ним в доме Инзова в Кишиневе, оставил воспоминания о поэте. Он был женат на родной сестре матери Е. А. Сушковой Елене Павловне Долгорукой.

В этой семье в свое время побывала женщина-легенда в жизни Лермонтова — французская путешественница Адель Оммер де Гелль. В архиве Фадеевых хранилось подлинное письмо ее мужа К. Оммера де Гелль из села Владимировка в Астрахань к Андрею Михайловичу Фадееву (подлинник на французском языке) от 28 сентября 1839 года. Причем первый перевод этого письма на русский язык был выполнен Е. Шереметевой — родной дочерью П. П. Вяземского, что доказывает причастность Вяземского-мистификатора к документам из архива Фадеевых. В этом же семейном архиве хранился автограф на французском языке стихотворения самой А. Оммер де Гелль («Когда птица в пути...»), датированного автором сентябрем 1839 года. Первый вольный перевод в прозе этого стихотворения был также выполнен Е. Шереметевой.

У Елены Павловны и Андрея Михайловича было четверо детей:

- старшая дочь Елена (1814—1842) — в замужестве фон Ган; писательница-романистка, мать Елены Петровны Блаватской и Веры Желиховской, оставившей воспоминания о М. Ю. Лермонтове и своей знаменитой сестре Е. П. Блаватской.
- Екатерина — мать Сергея Юльевича Витте.
- Надежда — активный член Теософского общества (передала часть записок Е. Сушковой П. Висковатову).
- Ростислав (1824—1883) — военный историк, публицист, генерал-майор.

Итак, семья, давшая миру «Русского сфинкса» — Елену Блаватскую, одарила русскую литературу сушковским мифом — историей раннего Лермонтова. До сих пор текст «Записок» Сушковой публикуется как единое целое. Однако они выходили в свет частями, в разные годы. Проследим этапы их опубликования:

Первая часть. Сначала мемуаристка ограничилась только публикацией сырого фактического материала и двенадцати неизвестных ранее стихотворений М. Ю. Лермонтова, сохранившихся в ее старых тетрадях («Библиотека для чтения» за 1844 год)⁵. Журнал «Библиотека для чтения» А. Ф. Смирдина, как любой коммерческий проект, прежде всего был нацелен на получение прибыли. Редактором его являлся Осип Иванович Сенковский, более известный по псевдониму Барон Брамбеус. Сенковский умело подбирал для издания сенсационный материал. Не исключено, что он мог узнать историю отношений М. Ю. Лермонтова и Е. А. Сушковой из первых рук: так, А. М. Фадеев, супруг родной сестры матери Е. А. Сушковой, сообщает о своем пребывании в Петербурге: *«В эту же бытность мою в Петербурге я познакомился с известным Осипом Ивановичем Сенковским, бароном Брамбеусом, по случаю литературных отношений его с стар-*

⁵ Библиотека для чтения, 1844, т. LXIV, май. С. 5.

шею мою дочь, Еленой Андреевной Ган, статьи которой он печатал в издаваемой им тогда «Библиотеке для чтения». — Человек он был бесспорно замечательно умный и необыкновенно остроумный, но в разговорах с ним проявлялось что-то отталкивающее от него»⁶.

Вторая часть. После публикации неизвестных стихов Лермонтова интерес к фактам жизни и творчества поэта необычайно возрос, и Сушковой были написаны воспоминания, где рассказывается о ее первых встречах с поэтом в 1830 году. Подлинность этой части «Записок» подтверждается воспоминаниями А. М. Фадеева. Именно эта часть (будущая IV глава «Записок») появилась в «Русском вестнике» 1857 года⁷, то есть задолго до публикации «Записок» полностью, еще при жизни самой Е. А. Сушковой. «Как ни принималась она за продолжение „Записок“, — рассказывает первый их издатель, — от всех этих попыток остались две-три страницы да небольшое предисловие к прежним запискам, подписанное 1860-м годом». «Русский вестник» (*Русский Вѣстникъ*) — российский журнал М. Н. Каткова, издававшийся с 1856-го по 1906 год (до 1887 года в Москве, потом в Петербурге). Один из наиболее влиятельных литературных и общественно-политических журналов России второй половины XIX века. Оказал огромное влияние на развитие общественной мысли и движение литературной жизни.

Третья часть. В 1868 году Е. А. Сушкова скончалась. И вдруг через год после ее смерти появляется полный текст ее записок, то есть третья, недостающая часть. Отредактированные после смерти мемуаристики М. И. Семевским, записки Сушковой увидели свет в книжках «Вестника Европы»⁸ за 1869-й (частично), а затем за 1870 год (уже без купюр)⁹ под названием: «Записки Екатерины Александровны Хвостовой (рожденной Сушковой) 1812—1841. Материалы для биографии Лермонтова».

М. Е. Салтыков-Щедрин сетовал на то, что в этих воспоминаниях передан только внешний облик поэта, его внутренний мир перед читателем даже не приоткрывается¹⁰. Он заметил: «„Записки Е. А. Хвостовой“, сами по себе, впрочем, довольно бледные, имеют специальный интерес, так как в них передается довольно много подробностей из интимной жизни М. Ю. Лермонтова». Самого же издателя (М. И. Семевского) Щедрин относил к тем «фельетонистам-историкам анекдотической школы», которые «не задаются в своих трудах ровно никакой идеею и тискают в печатные статьи нисколько не осмысленные материалы, открытые где-нибудь в архивах или частных записках».

Обратимся теперь к этому тексту, вышедшему в свет в 1870 году, после смерти мемуаристики. Причем заметим, что печатался он по неизвестному автографу.

Вот, например, что пишет Е. А. Сушкова о рождении своей матери: «Странно родилась бедная моя мать. Бабушка моя так страдала перед тем, чтоб разрешиться, что впала в летаргию; три или четыре дня ее и младенца ее считали мертвыми; день, назначенный для похорон, наступил, она лежала уже в гробу, ждали духовенство, псаломщик читал псалтырь, как вдруг стол подломился и гроб упал; от сотрясения бабушка очнулась и тут же в гробу родила бедную мою мать...»¹¹

Могла ли иметь место в реальной жизни подобная история? Или же это вымысел изобретательного автора «Записок Сушковой»?

⁶ Фадеев А. М. Воспоминания. Одесса, 1897. С. 28, 38—93.

⁷ Русский вестник, 1857, т. XI. С. 405—500.

⁸ Вестник Европы, 1869, кн. VIII. С. 289—340; кн. IX. Дата «предисловия» М. И. Семевского: 10 декабря 1868 года.

⁹ Вестник Европы. Записки Е. А. Хвостовой, рожденной Сушковой. 1870. С. XVI+259.

¹⁰ Салтыков-Щедрин М. Е. Соч., т. 9. М., 1970. С. 390—391.

¹¹ Сушкова Е. А. (Хвостова). Записки. 1812—1841. Первое полное издание / Ред., введение и примечания Ю. Г. Оксмана. Л.: Academia, 1928. С. 25.

Надо отметить, что в русскую литературу образ ожившего трупа вошел в 1820—1840-е годы XIX века и был тесно связан с западноевропейской романтической традицией. Елена Петровна Блаватская, родственница Екатерины Сушковой, описывала уникальные случаи глубокого «забвения». Так, например, ею упоминается случай, когда в воскресное утро 1816 года один брюсселец впал в летаргический сон. На следующий день убитые горем родственники уже подготовили все для захоронения. Однако мужчина внезапно проснулся, сел, протер глаза и попросил подать ему книгу и чашку кофе. Однако Блаватская, интересуясь подобными случаями, ни разу не упомянула, что в ее семье когда-либо происходило нечто подобное. Некоторым оправданием увлечению Елены Петровны мистицизмом и всем непознанным может служить тот факт, что абсолютно все члены семейства Фадеевых (включая ее бабушку Елену Павловну и дедушку Андрея Михайловича), даже самые консервативно настроенные, увлекались таинственными явлениями человеческой психики, участвовали в спиритических сеансах и в то же время интересовались редкими случаями из естественной истории, например проявлениями летаргии. Учитывая тот факт, что родственники Е. Сушковой (Н. А. Фадеева, Е. А. Ладыженская) сомневались в правдивости описанного эпизода, а большую часть записок Екатерины Александровны считали «чистой мистификацией», можно предположить, что автор обратился к образу ожившего покойника как к модной литературной тенденции, позволяющей охарактеризовать нравы, царящие в семье мемуаристки. В то же время подобные эпизоды должны были привлечь читательский интерес, а следовательно, увеличить коммерческую ценность издаваемых «Записок».

Племянница мемуаристки Н. А. Фадеева, ссылаясь на отсутствие в семейном архиве Долгоруких сведений о вышеупомянутом эпизоде, а также на молчание о нем своей матери, выразила в печати сомнения в достоверности рассказа об обстоятельствах рождения А. П. Долгорукой.

Сестра Е. А. Сушковой, Елизавета Ладыженская, вообще не верила в авторство «Записок»: *«Не допуская сначала и мысли, чтоб эти Воспоминания могли быть написаны г-жой Хвостовой, родною моею сестрой, которая естественно должна бы иметь одинаковые с моими сведения и понятия о семейных лицах — я немедленно написала письмо к редактору „Вестника Европы“, с восстановлением всех имен и событий, как они произошли фактически, т. е. как изложены здесь. Я просила объяснить мне это загадочное приключение, отнесенное мною к плохой шутке над журналом и над публикой. Но, по некоторым обстоятельствам, письмо мое не дошло по назначению»*¹².

Итак, родная сестра Е. А. Сушковой-Хвостовой не допускала мысли о том, что ей принадлежит авторство пресловутых «Записок». Действительно, при внимательном чтении в них можно найти множество нелепостей и несуразностей.

Удивительно, но дочь не знает, где именно скончалась ее мать: как свидетельствуют Е. А. Ладыженская и Н. А. Фадеева, умерла А. П. Сушкова в поместье П. Ю. Кологривовой, а не В. Ю. Горчаковой. Автор «Записок» забыла фамилию своей бабушки, гувернантки, забыла имя своей няньки и, что всего удивительнее, место погребения обожаемой родной матери. Ее дед, князь Навел Васильевич Долгорукий, был женат один раз в жизни, на французской дворянке, девице Бандре-Дюплесси, а не на княжне (!) Монморанси, как считает г-жа Хвостова.

Указывая на многочисленные «промахи» мемуаристки, Е. Ладыженская отмечает: «Разительнее всех нареканий, обезобразивших поистине благородный частный быт Беклешовых и Сушковых, разительнее всех промахов, касающихся до тихо иссох-

¹² Ладыженская Е. А. Замечания на «Воспоминания» Е. А. Хвостовой // Русский вестник. 1872. Кн. I. С. 637—662.

шей, прежде славной ветви Долгоруковского рода, должно броситься и постороннему глазу фантастическое сказание про Александра Андреевича Беклешова. Как! Последний, кажется, генерал-прокурор, военный губернатор Москвы, о котором рассказываются, печатаются и перепечатываются анекдоты (хоть, например, о его соперничестве с митрополитом Платоном), генерал-губернатор остзейского края, первый русский, которому город Рига поднес почетное звание своего гражданина, умерший за несколько лет до эпохи, где он описывается в Воспоминаниях, и, разумеется, похороненный как все добрые люди... в 60—70 верстах от Риги, неожиданно-негаданно воскресает! Воскресает для того, чтобы „сбирать по селу (Федосьино, Псковск. губ., Остр. уез.; в позднейшую мою бытность там в нем проживало до 200 человек дворовых) все сальные огарки“... жадно следить, как они то „тухнут, то вспыхивают“, и этим чадом, с примесью запаха от раны (рака на брови), пластырей и мази, душить бедняжку Екатерину Александровну, к которой он так привязался, что почти не отпускал от себя...»¹³

«Чего, право, не выдумают эти мертвецы! — продолжает Елизавета Ладыженская. — И в народе водится много преданий о том, как давят и душат домовые, — я читала и Якоба Бема, и Сведенборга, и „Таинства древних магов“, и все спиритические сочинения, — в ушах у меня и теперь звучат мелодические стихи „Любовь мертвеца“, но о подобной привязчивости, но о подобных посмертных страстях — боюсь! — и не слыхивала и не читывала»¹⁴.

Напомним, что среди поздних стихотворений М. Ю. Лермонтова (1841) имеется одно, озаглавленное «Любовь мертвеца»: «Пускай холодною землею засыпан я...»

Однако не только обращают нас к образу ожившего покойника — в них отчетливо прослеживается имитация чужого художественного стиля (в литературе постмодернизма такое явление назовут роман-пастиш, или стилистическая мимикрия. Этим «Записки Е. А. Сушковой» отчасти напоминают «Письма и записки» А. Оммер де Гелль — нашумевшую и позднее раскрытую литературную мистификацию П. П. Вяземского, которая в свое время была опубликована тоже как подлинный документ тем же издательством «Academia»¹⁵. Кстати, в истории обеих публикаций, как и в самих текстах, обнаруживается много общего.

- В основу обоих «воспоминаний» положены истории, содержащие отзвуки реальных событий из жизни М. Ю. Лермонтова.
- В текст вплетены выдержки из подлинных писем и дневников.
- Оба текста вошли в критико-биографическую литературу о Лермонтове, но вызвали острую полемику.
- Некоторые детали описанных мелодраматических ситуаций перекликаются с сюжетом лермонтовской драмы «Два брата» (в случае с Сушковой)¹⁶ и повестью «Княжна Мери» (в случае с А. Оммер де Гелль). То есть в обоих случаях мы имеем дело с реминисценциями и аллюзиями, связанными с лермонтовским творчеством.
- Тот и другой текст публиковался частями, а полный текст вышел в одно время и в одном и том же издательстве.

¹³ Итак, снова образ ожившего трупа! (прим. авт.).

¹⁴ Оммер де Гелль А. Письма и записки / Вступ. статья М. М. Чистяковой. М.; Л.: Academia, 1933. С. 637—662.

¹⁵ Оммер де Гелль А. Письма и записки / Вступ. статья М. М. Чистяковой. М.; Л.: Academia, 1933. С. 464.

¹⁶ Тексты «Юношеских произведений Лермонтова» (особенно тирады драмы «Два брата»), опубликованные в девятом томе «Русского вестника» за 1857 год, несомненно использованы были Е. А. Сушковой для оживления прежнего рассказа о конфликте двух претендентов на ее любовь.

- Очень схож у мемуаристок и образ М. Ю. Лермонтова: повеса, интриган, сердцеед.
- Те и другие мемуары публиковались в переводе с французского языка.
- Более того, подлинные документы, касающиеся двух «женских» историй в жизни М. Ю. Лермонтова, хранились в одном и том же семейном архиве Фадеевых. Цепочка имен, имевших отношение к архиву, приводит к Павлу Петровичу Вяземскому (его дочь Екатерина была первым переводчиком писем и стихов А. Оммер де Гелль с французского языка).
- В обоих текстах имеются хронологические ошибки, искажение имен и топографических названий.
- В обоих случаях создается биографический миф о Лермонтове.
- Оба текста в одно и то же время являются и документом эпохи, и игрой с читателем.

Однако если «Письма и записки» А. Оммер де Гелль после ряда курьезов окончательно отнесены к жанру литературной мистификации, «Записки» Сушковой до сих пор публикуются как целиком подлинный материал.

Между тем у исследователей неоднократно возникал вопрос, почему Е. А. Сушкова только в работе над «Записками» проявила свое несомненное литературное дарование как героиня лермонтовского романа. И хотя Юлиан Григорьевич Оксман в предисловии к «Запискам» Е. А. Сушковой, опубликованным издательством «Academia» в 1928 году, объясняет это тем, что «после событий, давших материал для рассказов мемуаристки, „бурный поэтический период“ жизни Екатерины Александровны окончился; „начался, — говоря словами первого ее, издателя, — отдел прозы, тихой, быть может, счастливой, но уже не просящейся под перо“», памятуя о печальном опыте с «Письмами и записками» А. Оммер де Гелль, можно предположить, что родственники Е. А. Сушковой оказались правы и большая часть «Записок», опубликованная после ее смерти по неизвестному в оригинале автографу, — «чистая мистификация».

Кстати, фальшивые мемуары как литературный жанр до сих пор актуальны. Такого рода книги либо изначально публикуются как вымышленные, либо их фейковый характер обнаруживается позднее. В любом случае они рассказывают о том, чего не было, а иногда еще и прикрываются для этого чужим именем. Можно привести конкретные примеры: например, в 1986 году в США под именем Александра Пушкина были опубликованы «Тайные записки 1836–1837 годов». Книгу давно признали фальшивкой, но в некоторых электронных библиотеках ее по-прежнему приписывают Пушкину.

Можно привести еще много примеров подобного литературного творчества, но сегодня в лермонтоведении важно отделить вымысел от реальности. «Записки» Е. Сушковой — действительно интересный документ эпохи, но, публикуя их в наши дни, необходимо сопроводить текст квалифицированным научным комментарием.

 ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Николай МАРКЕЛОВ

ЛЕРМОНТОВ: КАВКАЗСКИЙ КОНТЕКСТ

Когда-то Белинский предрек роману «Герой нашего времени» бесконечно долгий срок читательского интереса. Да, творения литературной классики бессмертны. Однако за давностью лет теряются из вида важные подробности и детали, связанные с их созданием. Мы постараемся восстановить картину минувшего и расскажем о некоторых обстоятельствах в судьбе М. Ю. Лермонтова, отразившихся в творческой истории ряда его кавказских произведений.

«Им бог свобода, их закон — война...»

В молодые годы декабрист Александр Иванович Якубович несколько лет прослужил офицером на Кавказе и приобрел себе репутацию отчаянного храбреца. Когда в 1825 году в петербургской «Северной пчеле» под инициалами «А. Я.» была опубликована его статья «Отрывки о Кавказе. Из походных записок», то догадку о полном подлинном имени автора первым высказал Пушкин. Находясь у себя в Михайловском, он обратился с письмом к Александру Бестужеву, близкому приятелю Якубовича, прекрасно к тому же осведомленному в столичных литературных делах. «Кстати: кто написал о горах в „Пчеле“? вот поэзия! Не Якубович ли, герой моего воображения? — спрашивал поэт. — Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе... Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде — поэма моя была бы лучше».

После декабрьского мятежа Якубович попал в сибирские рудники; Бестужеву удалось вымолить монаршее снисхождение: из якутской ссылки его перевели рядовым на Кавказ. На каторге Якубович с увлечением перечитывал кавказские повести Бесту-

Николай Васильевич Маркелов окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (1972). Место работы: старший научный сотрудник ГБУК Ставропольского края «Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова» (г. Пятигорск). Лауреат Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» (2012) за книгу «Кавказские силуэты», премия журнала «Нева» за лучшую публикацию года в номинации «Румяный критик мой» (эссеистика). Автор многочисленных книг о Пушкине и Лермонтове, более 600 публикаций о русских писателях на Кавказе и событиях Кавказской войны XIX века (журналы «Дон», «Литературное Ставрополье», «Мир музея», «Московский журнал», «Новое время», «Новый мир», «Нева», «Родина», «Рубеж», «Русская словесность» и другие).

жева (опубликованные под псевдонимом Марлинский) и просил его передать привет своим старым кавказским знакомцам. «Якубович благодарит тебя за поклон и приписку, — сообщал из Сибири Бестужеву брат Николай, — велит сказать, что ему снится и видится Кавказ...»

Особенно сильным оказалось впечатление от повести «Мулла-Нур», и восхищенный Якубович даже составил для Бестужева перечень различных примечательных событий кавказской жизни, известных ему по прежней службе, полагая, очевидно, что какая-либо из этих драматических историй послужит знаменитому писателю материалом для будущих творений. Среди прочего имеется в письме и такая заметка: «...братоубийство князя Рослам-бека Мисостова; адъютант Потемкина, человек образованный, — злодей, убийца; ступив на родную землю: грызение совести и раздел крови между убийцами, — вот канва для целого романа»¹. Здесь Якубович проявил тонкое литературное чутье, справедливо находя, что этот темный кровавый эпизод недавнего кавказского прошлого перо беллетриста способно развернуть в увлекательный роман. Он, разумеется, не мог и представить тогда, что произведение на этот сюжет уже написано, правда, не в прозе, а в стихах. Речь идет об одной из ранних кавказских поэм Лермонтова.

Поэма или, как сам автор определил ее жанр, восточная повесть «Измаил-Бей» — самое крупное стихотворное произведение Лермонтова, превосходящее по объему «Демона» и «Мцыри», вместе взятых. Главные герои — братья Измаил и Рослаббек, черкесские князья — имеют реальных прототипов, а изображенные события — историческую подоплеку. Что касается картин природы, описания быта горцев, их вооружения, обычаев и тому подобного, тут можно использовать формулу Пушкина по отношению к его же «Пленнику» — «местные краски верны». Автор предваряет свой рассказ замечанием, что историю борьбы и смерти Измаила ему поведал на Кавказе, где-то в горах «под камнем Рослаббека», некий старик чеченец:

Темны преданья их. Старик чеченец,
Хребтов Кавказа бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал...

Действие начинает развиваться в районе Пятигорья, куда из России возвращается Измаил. О нем становится известно, что был «отцом в Россию послан Измаил», что «четырнадцать лет оставил он края, где был воспитан и рожден», и еще то, что «служил в российском войске Измаил». Путника поражает пустынный вид края, где еще недавно в цветущих мирных аулах жили «черкесы». Причиной происшедшей перемены явилось нашествие опасного врага:

Но что могло заставить их
Покинуть прах отцов своих
И добровольное изгнание
Искать среди пустынь чужих?
Гнев Магомета? Прорицанье?
О нет! Примчалась как-то весть,
Что к ним подходит враг опасной,
Неумолимый и ужасной...

¹ Азадовский М. К. О литературной деятельности А. И. Якубовича. — Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. — М., 1956. С. 278.

Скрывшись от русских в Аргунском ущелье, горцы, возглавляемые князем Рослаббеком, наносят оттуда мстительные удары:

Черкес готовил дерзостный набег,
Союзники сбирались потаенно,
И умный князь, лукавый Рослаббек,
Склонялся перед русскими смиренно,
А между тем с отважною толпой
Станицы разорял во тьме ночной...

Измаил появился среди соплеменников в канун решительного выступления и, став их предводителем, вызывает зависть Рослаббека. В повествование вплетается линия Зары, полюбившей Измаила. Переодевшись в мужское платье, она под именем юноши Селима повсюду сопровождает князя. Однажды ночью у костра Измаила ищет спасения русский офицер, его бывший соперник в любви к русской девушке; впоследствии в сражении на Оссаевском поле между ними происходит поединок: выстрелив из пистолета, офицер дает промах, а Измаил наносит ему шашкой смертельный удар. Война длится два года; русские теснят горцев:

Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор...

В финале поэмы предательскую пулю в грудь Измаилу посылает Рослаббек — «жестокий брат, завистник вероломный!» Черкесы, пытаясь обмыть смертельную рану, обнаружили на груди князя крест и, приняв своего вожака за отступника мусульманской веры, осыпают его бранью:

Гремучий ключ катился невдали.
К его струям черкесы принесли
Кровавый труп; расстегнут их рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою;
И грудь обмыть они уже хотят...
Но почему их омрачился взгляд?
Чего они так явно ужаснулись?
Зачем, вскочив, так хладно отвергнулись?
Зачем? — какой-то локон золотой
(Конечно, талисман земли чужой),
Под грубою одеждою измятой,
И белый крест на ленте полосатой
Блистали на груди у мертвеца!..
« — И кто бы отгадал? — Джаур проклятой!
Нет, ты не стоил лучшего конца;
Нет, мусульманин верный — Измаилу
Отступнику не выроет могилу!..»

Поэма Лермонтова, разумеется, не хроника исторических событий, и его Измаил не во всем похож на своего прототипа. Но выбор поэта здесь не случаен: романтические мотивы его ранних произведений требовали ярких образов и необычных обстоятельств. Незаурядная личность и причудливая судьба реального Измаила, стоявшего в центре многих важных событий на Пятигорье и в Кабарде, как нельзя лучше подходили для этой цели.

Князь Измаил Атажуков (иногда встречается написание Атажукин, в кабардинском звучании — пши Исмель Хатакшоко) происходил из знатного кабардинского рода. Год рождения Измаила неизвестен, предположения же биографов весьма расходятся в определении этой даты: называют и 1750-й, и 1771 год. В юности он был послан отцом в Россию, хотя последний никакими симпатиями к северным соседям никогда не отличался. Измаил, как полагают, был просто выдан русским в качестве аманата (то есть заложника), что являлось обычной практикой тех лет. Такими же аманатами были, например, и двоюродные братья Измаила — Темирбулат и Рослаббек Мисостовы. В России Измаил получил светское и военное образование, служил в Бугском казачьем полку и за отличия при штурме Очакова удостоился чина подполковника. В качестве одного из «депутатов и посланников народов кавказских» состоял в свите Г. А. Потемкина, который лично ходатайствовал о нем перед Екатериной II: «Исмаил бей, из лутчей фамилии кабардинской, подполковник в службе Вашего Императорского Величества, ревностно и храбро служивший под Очаковым и штурме оного, желает оказать себя противу шведов, и его отправляя, всеподданнейше прошу о награждении его убранною каменьями медалью»². За храбрость, проявленную при взятии Измаила, князь по представлению А. В. Суворова был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, и его имя впоследствии было вырезано на одной из мраморных досок в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца.

Когда в 1794 году Атажуков вернулся в Кабарду, там сложилась напряженная обстановка: притеснения со стороны русских военных властей вызывали протесты населения. Управляющий Кавказской областью И. В. Гудович счел за лучшее выслать отсюда в Екатеринославскую губернию Измаила и еще двух офицеров-кабардинцев, в том числе и его родного брата майора Адильгирея Атажукова³. Адильгирей бежал из ссылки в Крым и, вернувшись оттуда в Кабарду, возглавил борьбу против русских. Измаил же предпочел обратиться с прошением к Павлу I, ответный рескрипт которого ничего в судьбе князя не изменил. И только с воцарением Александра I с Атажукова сняли опалу: он был произведен в полковники и получил разрешение вернуться на родину. Предполагалось и назначение Измаила командиром Кабардинского гвардейского эскадрона. Некоторые сведения об этом сообщает в первом томе «Кавказской войны» В. А. Потто: «Князь Цицианов также писал Александру о пользе содержать в Петербурге лейб-гвардии конный кавказский эскадрон и даже предлагал в коман-

² Косвен М. О. Кабардинский патриот Измаил Атажуков / Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. — М.: Издательство восточной литературы, 1961. С. 131.

³ В основательной работе М. О. Косвена «Кабардинский патриот Измаил Атажуков» приводятся исторические документы о лицах (в том числе Измаиле), «сосланных в 795 году за оказанную в усердии к службе российской ненадежность для житья в Новороссийске» (Косвен М. О. Указ. соч. С. 133). Поясним, что речь идет, разумеется, не о современном Новороссийске, которого в указанный период еще не существовало, а о городе Екатеринославе, переименованном после смерти Екатерины II указом Павла I в Новороссийск. Именно так город именовался в 1796—1802 годах, потом, уже после смерти Павла, вновь получил свое прежнее название и уже в 1926 году был переименован в Днепропетровск. См. об этом: Кузьменко Александр. Забытые названия // Петербургский коллекционер. 2007. № 5. С. 56.

диры его полковника Измаил-бея, отлично знавшего русский язык, но дело не было приведено в исполнение, сколько из-за финансовых соображений, столько же, если не более, от неумения внушить кабардинцам доверие к этому новому для них делу»⁴.

Измаил предпочел вернуться на родину. Известно, что он несколько раз обращался к властям по поводу кавказских дел. В 1804 году Атажуковым была составлена «Записка о беспорядках на Кавказской линии и о способах прекратить оные», в которой утверждалось, что «усмирить силою сих горских жителей никогда возможности не будет». Измаил же предлагал путь «добровольного покорения»: Россия должна была сначала привлечь на свою сторону кабардинский народ в качестве благого примера остальным. Одной из первоочередных мер он называл при этом возвращение кабардинцам земель, отрезанных у них с устройством Кавказской линии. Однако командующий на Кавказе генерал П. Д. Цицианов отозвался, что это предложение «превышает меру дерзости», а об авторе его высказался в том смысле, что «Измаил-бей, который, живя столько в С.-Петербурге и имея чин российского полковника, более для нас вреден, нежели полезен, и вообще почти можно заметить, что кто из кабардинцев побывает в России, а особливо получив какие-либо награждения, возвратится в Кабарду, то много теряет уважения от своих собратий, как и сей Измаил-бей, сколько в Кабарде ни сильна его фамилия, доселе не мог приобрести себе доверия от своих единоверцев»⁵.

Когда осенью того же 1804 года Измаил вернулся на родину, он оказался здесь в сложной ситуации, еще более драматичной, чем герой лермонтовской поэмы. Покинув Кабарду почти двадцать лет назад, теперь он был не только чужой среди своих, но и среди чужих тоже не свой. Он чувствовал опасность со стороны враждебно настроенных к России кабардинских князей, в том числе — своего двоюродного брата Росламбека Мисостова. Известен документ — «Письмо кабардинских эфендий генерал-майору Дельпоццо», в котором мусульманское духовенство требовало выдачи Измаила для разбирательства в шариатском суде. В то же время и местные военные власти не доверяли ему до конца, хотя Атажуков официально был направлен сюда для службы на Кавказской линии. Он был даже подвергнут аресту, а его кош близ горы Бештау уничтожен. Один из кавказских генералов, пристав при кабардинском народе И. П. Дельпоццо характеризует его в осуждающем смысле: «Владелец полковник Измаил Атажуков служил в армии и был послан вместе с тем в Екатеринослав; после того долго жил в Петербурге; пожалован кавалером ордена святого великомученика Георгия 4-го класса и брильянтовой медалью; говорит и пишет по-русски и по-французски и имеет жалованья 3000 рублей. Получивши столь много милостей, как бы надлежало мыслить о нем? Правда, что он живет в Георгиевске, но в прочем все напротив: он жену свою держит в Кабарде, сына родного, который имеет 10 лет отроду, отдал на воспитание одному своему узденю, молодому и весьма глупому человеку. Когда едет в Кабарду, снимает с себя крест, медаль и темляк: положит в карман»⁶.

Черный шелковый темляк с серебряными каймой и кистью был в то время обязательной принадлежностью офицерского холодного оружия. Тем более понятно и нежелание Атажукова, находясь среди соплеменников-мусульман, носить на груди знак отличия в виде креста. Вспомним, что и лермонтовский Измаил прятал свою награду под одеждой. «Белый крест на ленте полосатой», то есть эмалевый орден на черно-оранжевой георгиевской ленте, который черкесы ошибочно приняли за символ

⁴ Потто В. А. Кавказская война. — Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 1. С. 652.

⁵ Туганов Р. У. Измаил-Бей. — Нальчик: Эльбрус, 1972. С. 71.

⁶ Косвен М. О. Указ. соч. С. 137.

принадлежности христианству, на самом деле есть давняя боевая награда Измаила, «Георгий» 4-й степени.

В отличие от героя лермонтовской поэмы Измаил Атажуков никогда не переходил в стан противников России. Напротив, он не оставлял усилий, чтобы убедить своих соотечественников в необходимости прочного союза с северным соседом, исходя при этом вовсе не из абстрактных соображений «дружбы народов» и не из слепой преданности российскому престолу. Атажуков проявил себя как трезвый прагматик, дальновидно оценивая сложившуюся в регионе геополитическую реальность. В речи, произнесенной на народном собрании кабардинцев в мае 1805 года, он призывал их оставить междоусобные распри и «замешательства противу России»:

«Богатство, силы и могущество российского государства невероятны, оно имеет тридцать шесть миллионов жителей и, если государь захочет, почти третья часть оно-го могут быть воинами. Положение нашего края подле сильного государства должно обратить все наше внимание, дабы сохранить себя и пользоваться нашим имуществом в спокойствии. Поверьте мне, любезные соотечественники, что нам, не потеряв разума, нельзя и думать раздражать сих сильных соседей... Вы сами знаете, что турецкая империя, нам единовенная, в совершенной слабости и готова уступить во всем сильным соседям, христианским державам. Персия, хотя и магометанского закона, но нам противного раскола, вся в раздроблении... Откровенно вам скажу, что сия видимая опасность заставила меня, не окончивши моего ходатайства за народ кабардинский пред престолом всероссийского государя, поспешить к вам и сказать, как самовидцу, что российское правительство теряет терпение, видя народ наш уклонившимся от порядка. Я видел готовые громы упасть на главы наши. Остановитесь, несчастные народы...»⁷

Дальнейший ход истории подтвердил правоту Измаила, Россия установила свое безраздельное владычество на Кавказе. Иное дело, что имперские амбиции военных властей, требовавших от кабардинцев безусловного послушания и подкреплявших эти требования потоками пролитой крови, а с другой стороны, и «воинственный разбой», который исповедовала значительная часть горской феодальной знати, вели к тому, что грозное зарево Кавказской войны полыхало еще несколько десятилетий, и в ее бесконечных битвах, в череде прочих русских писателей, принимал участие и сам автор «Измаил-Бей».

Двоюродный брат Измаила — князь Рослаббек Мисостов также некоторое время жил в России, где содержался в качестве аманата. Сохранилось письмо командующего кавказскими войсками П. С. Потемкина (от 19 декабря 1782 года) к отцу Рослаббека, извещавшее его о положении сына: «В бытность мою в Астрахани видел я вашего сына, находящегося залогом, которого, принимая в крепость св. Георгия, и буду содержать при себе, как собственно своего сына. Между тем препровождаю к вам от него письмо. Ежели вы захотите послать к нему родительское свое благословение, сие послужит много к обрадованию его. Я могу вас удостоверить, что сын ваш в рассуждении остроты и разума обещает много, и что из него может быть весьма полезный человек...»⁸

Подобно Измаилу, Рослаббек состоял и среди горских «депутатов» при светлейшем князе Г. А. Потемкине-Таврическом и дослужился до чина полковника. Однако дальнейшие его действия показали, что он вполне оправдывает эпитеты, которые сопровождают имя Рослаббека в лермонтовской поэме: лукавый, злобный, жестокий, вероломный.

Интересный эпизод, вполне характеризующий Рослаббека, находим в мемуарах графа А. Х. Бенкендорфа. Этот хорошо всем известный николаевский шеф жан-

⁷ Там же. С. 140–141.

⁸ Туганов Р. У. Указ. соч. С. 141.

дармов молодым офицером участвовал в экспедиции генерала Е. М. Спренгпортена, посланной Александром I для военно-стратегического осмотра России. В 1803 году экспедиция побывала на Кавказе:

«Мы направились вдоль пограничной кавказской линии и остановились в Георгиевске, главном городе Кавказской губернии. Вся эта пограничная линия защищает наши южные губернии от беспокойных и разбойных жителей Кавказских гор... Проехали в Константиногорск, маленькую крепость у подножия пяти гор, именуемых Бештау, примерно в 20 верстах от Георгиевска. Здесь находятся *сернистые горячие воды*, которые привлекают сюда великое множество самых разных больных. Мы оставили генерала и его супругу согревать их любовь в сере, а сами отправились еще на добрых 30 верст дальше, к минеральным водам, именуемым *кислыми водами*, которые имеют много сходства с водами Зельцера. Там мы обнаружили *общество на водах*, радушно предложившее нам разделить с ними их развлечения. Один полк стрелков и два казачьих полка охраняли здесь источники и больных и защищали их от посягательств *черкесов*, которые с крайним неудовольствием смотрят на это чужеземное заведение, расположенное в их горах. Здесь я познакомился с одним черкесским князем, именуемым Росламбек, братом Исмаил-бека, который служил в наших войсках и был в тот момент в Петербурге. Сам Росламбек имел чин полковника и получал довольно значительную пенсию, но поскольку он уже несколько раз воевал против нас, то большого доверия к его лояльности не было. Тем не менее, я с удовольствием принял его княжеское предложение поехать с ним на добрые 30 верст в горы, увидеть его жилище, его воинов и его сестру, которая слыла красавицей. Надо сказать, здесь почти невозможно увидеть ни одну черкешенку, а их красота столь славится, что я пренебрег предостережениями, которые мне делали, об опасности, подстерегающей русских в горах, к тому же еще несколько молодых людей присоединились к нам. Мы ехали несколько часов по горам мимо живописных селений и наконец прибыли в селение нашего князя. Он дал в нашу честь очень хороший обед на манер своей страны, показал нам своих лошадей, свое оружие и только мельком — свою сестру, у которой мы, правда, смогли рассмотреть фигуру, которая была великолепна, как у всех черкешенок — их элегантно одетая дает возможность показать ее. Потом мы вновь оседлали коней, и по сигналу — стрелы, которую Росламбек самолично пустил из своего лука на невероятную высоту, более 400 черкесов в кольчугах и шлемах, вооруженных различным оружием прискакали к нам во весь опор. Это была кавалерия наивысшего уровня, самая искусная и наилучшим образом вооруженная из всех, какие только могут быть. Наблюдая с самодовольным видом, как мы любовались его войском, князь заметил нам, как бы между прочим, что у нас всего один конвой казаков. После того, как нам показали их манеру ведения боя и как точно они стреляют по цели во время скачки во весь опор из ружья, из пистолета и из лука, он так же церемониально проводил нас в наш лагерь, где все уже отчаялись вновь увидеть нас живыми и дружно укоряли нас за такое легкомыслие. Между прочим, этот самый Росламбек два года спустя разбил две роты наших стрелков, лишил двух пушек и объявил себя навсегда самым непримиримым врагом России»⁹.

Росламбек если и не стремился в данной ситуации захватить опрометчиво отдавшихся его власти русских офицеров, то, во всяком случае, имел полную возможность это сделать. И, судя по его словам о немногочисленном казачьем конвое, сопровождавшем наших искателей приключений, испытывал все же некоторые колебания, прежде чем окончательно перейти свой черкесский Рубикон, которым в пределах реального кавказского ландшафта служила пограничная Кубань. Имеется и продолжение

⁹ Граф А. Х. Бенкендорф. *Мое путешествие в земли полуденной волшебные края // Наше наследие.* 2004. № 72. С.100.

этой истории. Несколько страниц измене Росламбека посвятил в первом томе «Кавказской войны» В. А. Потто, где речь идет о весенней экспедиции 1804 года генерала Г. И. Глазенапа: «С самого начала похода в русском отряде был виден кабардинский князь Росламбек Мисостов, считавшийся полковником в лейб-гвардии казачьем полку и принадлежавший к одной из лучших кабардинских фамилий. Вдруг, к общему изумлению, он скрылся из лагеря. Оказалось, что Росламбек бежал за Кубань вместе с подвластными ему аулами, и что мотивом к тому послужила канла — кровомщение за смерть родного племянника, убитого в одном из кабардинских набегов на Линию». За Росламбеком отрядили в погоню егерский полк. У Каменного моста в верховьях Кубани произошло кровопролитное сражение. Егеря вынуждены были отступить и на переправе потеряли в реке артиллерийское орудие. Росламбек неожиданно вступил в переговоры, изъявляя желание примириться и вновь служить русскому царю. Он обещал даже поднять из воды затонувшее орудие. На деле же все обернулось новой изменой и нападением из засады с большими потерями для русских. «Росламбек, — заканчивает Потто, — остался в горах и с тех пор сделался одним из самых отчаянных и бешеных абреков»¹⁰.

Но опасная острота отношений Измаила и Росламбека определялась не только их различным расположением к России. Современный биограф Измаила приводит сведения о документе — рапорте генерала П. А. Текелли генерал-фельдмаршалу Г. А. Потемкину-Таврическому от 14 апреля 1788 года, в котором сообщалось «о серьезных разногласиях в роде Атажукиных по поводу раздела крепостных, что чуть было не привело к убийству детей Мисоста Боматовича Атажукина, а именно Атажуки Мисостовича и лермонтовского Росламбека Мисостовича»¹¹.

Давняя распря двух ветвей одного рода завершилась в конце концов кровавой расвязкой. Вероятно, именно этот «раздел крови» имел в виду Якубович, когда писал Бестужеву из Сибири на Кавказ. Впрочем, беглое и довольно невнятное изложение этой истории Якубовичем не позволяет толковать его заметку однозначно, неясной остается даже ключевая фраза — «братоубийство князя Росламбека Мисостова»: трудно понять, был ли убит Росламбек братом или же сам совершил подлое братоубийство, как об этом повествует Лермонтов в поэме. Лермонтовская версия (Росламбек — убийца Измаила) долгое время сомнений не вызывала. Так, известный советский лермонтовед С. А. Андреев-Кривич, не имея никаких документальных ее подтверждений, высказал тем не менее осторожное предположение о том, что «Лермонтов был окружен людьми, которые могли настолько хорошо знать обстоятельства жизни и деятельности Измаил-Бея, что они, эти люди, могли сообщить такие факты, которые не получили широкой огласки»¹².

Лермонтов, разумеется, знал о своем герое несколько больше того, что мог рассказать ему безвестный «старик-чеченец». Со временем нашлись и факты, не получившие «широкой огласки», но совершенно противоположные догадкам Андреева-Кривича. Сегодня, основываясь на документальных данных, можно судить уже о том, насколько далеко от реальности увела поэта его фантазия. Глубокий знаток истории и этнографии Кавказа М. О. Косвен разыскал важное свидетельство, проливающее свет на обстоятельства гибели Росламбека. Это записка 1837 года полковника П. П. Чайковского, служившего в 1830—1840 годах на Кавказе, а некоторое время и в Пятигорске, то есть вблизи всех происходивших событий: «Славный кабардинец Арслан-бек Мисостов, полков-

¹⁰ Потто В. А. Указ. соч. С. 616—617.

¹¹ Туганов Р. У. Указ. соч. С. 11.

¹² Андреев-Кривич С. А. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. — Нальчик, 1949. С. 44.

ник нашей службы, с европейским образованием, осыпанный щедротами императора Александра благословенного и ласками кавказского начальства. Он ушел за Кубань, привел в сильное движение горцев и наносил ужас на русских своими удалыми набегами. Он застрелен своим родственником чрез подкуп от нас»¹³.

Более того, в книге Р. У. Туганова «Измаил-Бей» приводится еще один документ, датируемый декабрем 1813 года и не оставляющий уже никаких сомнений в насильственной смерти Росламбека: «Его убили в генваре месяце 1812 года по приказу его родственника Измаила Бея и в его присутствии в самое то время, когда он был приглашен им на дружескую пирушку; сам Измаил вскоре после того умер в Георгиевске; они оба имели титул полковников в Российской службе»¹⁴.

После смерти Измаила его боевая награда, «Георгий» 4-й степени, была возвращена в капитул ордена. Как видим, Лермонтов довольно свободно обращался с «историческим материалом», имея в виду особые художественные цели. Избрав Измаила своим главным героем, он до последних строк поэмы сохранял логику созданного образа: защитником отечества от сильного и опасного врага поэт хотел видеть отважную и гордую натуру, не запятнавшую себя низким предательством и коварством. Об этом, собственно, и говорит лермонтовский Измаил Росламбеку перед лицом соплеменников:

«Я не разбойник потаенный;
Я видеть, видеть кровь люблю;
Хочу, чтоб мною пораженный
Знал руку грозную мою!
Как ты, я русских ненавижу,
И даже более, чем ты;
Но под покровом темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной стране,
Иную славу надо мне!»

Следовал ли неотступно Лермонтов тем сведениям, которые у него имелись, или смело вносил изменения в реальную судьбу Измаила — в любом случае он смог добиться в своем творении высокого художественного эффекта. Вспомним запись Льва Толстого в дневнике, сделанную под впечатлением лермонтовской поэмы: «Я нашел начало Измаил-Бея весьма хорошим. Может быть, это показалось более потому, что я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью. Действительно хорош этот край дикой, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи — война и свобода». И хотя Лермонтов не предназначал поэму для печати, многие ее строфы поражают выразительностью и силой:

И дики тех ущелий племена,
Им бог свобода, их закон — война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;

¹³ Косвен М. О. Указ. соч. С. 146.

¹⁴ Туганов Р. У. Указ. соч. С. 159.

Там поразить врага не преступленье,
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.

Именно эти лермонтовские строки однажды с большим чувством процитировал в телеинтервью ныне покойный президент Ичкерии Джохар Дудаев. Покойный ли? Темны преданья их...

«Пока русские будут говорить русским языком...»

Сезон 1837 года на Кавказских Водах выдался на редкость удачным, а в литературном смысле даже перспективным: Белинский познакомился в Пятигорске с Лермонтовым и впоследствии мог по личным наблюдениям судить о реалистических достоинствах «Княжны Мери». В это же время минеральные ванны принимал здесь и штаб-ротмистр Отдельного Кавказского корпуса Лев Пушкин. «Здесь в Пятигорске служит брат Пушкина, Лев Сергеевич; — отозвался о нем Белинский в пятигорском письме, — должен быть, пустейший человек»¹⁵.

Трудно понять, по какой причине, но кавказские офицеры ему вообще не понравились: «Что за лица, что за рожи съехались в Пятигорск... — восклицал он. — А господа офицеры! Боже мой, я теперь начинаю ценить их настоящим образом»¹⁶. Возможно, тут виною и сам Лермонтов, затеявший с критиком притворно-серьезный диспут по поводу французской философии. Вот как этот эпизод передает в своих мемуарах их общий знакомый Н. М. Сатин:

«Лермонтов приходил ко мне почти ежедневно после обеда отдохнуть и поболтать... В одно из таких посещений он встретился с Белинским. Познакомились, и дело шло ладно, пока разговор вертелся на разных пустячках; они даже открыли, что оба — уроженцы города Чембара (Пензенской губ.).

Но Белинский не мог долго удовлетворяться пустословием. На столе у меня лежал том записок Дидерота; взяв его и перелистав, он с увлечением начал говорить о французских энциклопедистах и остановился на Вольтере, которого именно он в то время читал. Такой переход от пустого разговора к серьезному разбудил юмор Лермонтова. На серьезные мнения Белинского он начал отвечать шуточками; это явно сердило Белинского, который начинал горячиться; горячность же Белинского более и более возбуждала юмор Лермонтова, который хохотал от души и сыпал разными шутками.

— Да я вот что скажу вам об вашем Вольтере, — сказал он в заключение, — если бы он явился теперь к нам в Чембар, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в гувернеры.

Такая неожиданная выходка, впрочем, не лишенная смысла и правды, совершенно озадачила Белинского. Он в течение нескольких секунд посмотрел молча на Лермонтова, потом, взяв фуражку и едва кивнув головой, вышел из комнаты.

Лермонтов разразился хохотом... Так встретились и разошлись в первый раз эти две замечательных личности. Через два или три года они глубоко уважали и ценили друг друга»¹⁷.

¹⁵ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. — М.: АН СССР, 1956. Т. XI. С. 159.

¹⁶ Там же. С. 137.

¹⁷ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. С. 250—251.

По поводу размолвки двух великих людей, тогда еще очень молодых, существуют разные мнения. Дело в том, что Сатин писал воспоминания в 1865 году, то есть спустя почти тридцать лет после изложенных событий. Иногда считают, что его подвела память и ироничные слова Лермонтова о Вольтере на самом деле принадлежат Белинскому. В других случаях упрекают Сатина в недобром отношении к поэту и даже в злонамеренном искажении истины, ибо по его словам выходило, что Лермонтов отозвался о Белинском как о «недоучившемся фанфароне», а тот в свою очередь «иначе не называл Лермонтова как *пошляком*»¹⁸.

Известно, что оба они одновременно посещали Московский университет, так что могли, вероятнее всего, даже знать друг друга в лицо. Белинский был зачислен туда в 1829 году, Лермонтов — годом позже. Но «недоучился» не только Белинский, они оба не окончили курса: Лермонтов в 1832 году подал прошение об увольнении, так как собирался поступать в Юнкерскую школу в Петербурге, а Белинский действительно был тогда же отчислен «по слабому здоровью и притом по ограниченности способностей».

Собственно говоря, и сам факт знакомства поэта и критика на квартире Сатина в Пятигорске и содержание их спора, приведшего к ссоре, нигде более не зафиксированы, как в воспоминаниях последнего. Тем не менее мы находим возможным предположить, что дальние отголоски этой пятигорской полемики сохранились как на страницах повести «Княжна Мери», так и в одном из писем Белинского той поры, датированном 7 августа 1837 года.

Свое рассуждение о странностях собственной судьбы Печорин завершает следующей сентенцией: «Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить ее, как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками?..»

Такой же по смыслу (и столь же риторический по сути) вопрос задает своему адресату и Белинский: «Что за польза будет для тебя, если ты будешь знать дела всей Европы лучше самого Талейрана или Меттерниха, а сам будешь столоначальником в сенате или секретарем в земском суде?»¹⁹

В обоих случаях фраза строится на несоответствии высоких интеллектуальных запросов индивидуума, мечтающего о мировой славе, жалкому реальному предназначению, уготовленному ему судьбой. Как помним, столь же разительный социальный контраст заключен и в словах Лермонтова (или, по существующей версии, Белинского) о Вольтере, чья громкая европейская известность не обеспечила бы ему в России даже места провинциального гувернера. Что же касается роли Вольтера как великого просветителя, то у нас, что хорошо было известно им обоим, с нею легко мог справиться любой фельдфебель. Вероятно также и то, что оба эти изречения (в повести «Княжна Мери» Лермонтова и в пятигорском письме Белинского), с упоминанием великих имен и низких должностей и при всей их афористичности, представляют собой лишь отзвук перетолкованных пушкинских слов из «Путешествия в Арзрум»: «Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в „Московском телеграфе“».

Окончив курс лечения на водах, поэт с наступлением осени отправился на побережье Черного моря, в свой эскадрон. Но боевые действия были уже остановлены, и войска готовились к встрече императора Николая. «...Я приехал в отряд слишком

¹⁸ Кулешов В. И. К вопросу о достоверности «Воспоминаний Н. М. Сатина» // Проблемы изучения и преподавания творчества М. Ю. Лермонтова; М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. С. 554—555.

¹⁹ Белинский В. Г. Указ соч. С. 150—151.

поздно, — с огорчением сообщал Лермонтов другу, — ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два, три выстрела... я сделался ужасным бродягой, а право я расположен к этому роду жизни». 29 сентября в укреплении Ольгинском он получил предписание следовать в свой полк и подорожную «до города Тифлиса».

На Кавказе Лермонтов задумал цикл повестей, связанных между собой общим героем. Замысел возник не вдруг; впервые герой, то есть русский офицер, служащий на Кавказе, появляется в одной из ранних поэм, восточной повести «Измаил-Бей». По имени он не назван, о нем известно лишь то, что ранее, еще в России, он был соперником черкесского князя в любви к русской девушке. Теперь противники встречаются вновь, и Измаил поступает благородно, обогрев заблудившегося офицера у своего ночного костра. Далее, в сражении русского отряда с черкесами, наступает развязка: в поединке офицер дает промах, а князь наносит ему смертельный удар шашкой.

В неоконченной повести «Княгиня Лиговская» наш герой обретает имя. Вспомним также, что и князь Звездич, молодой офицер из «Маскарада», собирался отправиться служить на Кавказ. Теперь все совпало: герой известен, и перед ним открыто поле деятельности, которое щедрый автор готов наполнить сюжетами, почерпнутыми из собственной фантазии и свежих кавказских впечатлений.

Замысел кавказского романа был, между прочим, и у Пушкина. В сентябре 1831 года он набросал отрывок, представляющий собой начальные страницы крупного, как можно судить, произведения в прозе, рисующие сборы московской барыни и ее дочери на Кавказ: «В одно из первых чисел апреля 181... года в доме Катерины Петровны Томской происходила большая суматоха. Все двери были растворены настежь; зала и передняя загромождены сундуками и чемоданами; ящики всех комодов выдвинуты; слуги поминутно бегали по лестницам, служанки суетились и спорили; сама хозяйка, дама 45 лет, сидела в спальне, пересматривая счетные книги...»

Причину столь дальней поездки объясняет сама Томская: «Доктора объявили, что моей Маше нужны железные воды, а для моего здоровья необходимы горячие ванны. Вот уже полтора года, как я все страдаю, авось Кавказ поможет». Героиня кавказского романа — «девушка лет 18-ти, стройная, высокая, с бледным прекрасным лицом и черными огненными глазами».

Представление о дальнейшем развитии действия можно получить из многочисленных планов, составленных Пушкиным. Как прежде поэма «Кавказский пленник», так и новый прозаический сюжет разворачивается на Горячих водах. Героиня получает имя Алины, сюжетные ходы тут постоянно варьируются, но общее направление, хотя бы приблизительно, понять можно. Основная интрига строится на противоборстве двух главных героев — бретера и картежника Якубовича и раненого кавказского офицера Гранева, недавно побывавшего в плену у горцев. В ряде случаев он даже назван в набросках Кавказским Пленником. Оба противника, чем-то напоминающие будущих Швабрину и Гринева из «Капитанской дочки», добиваются любви Алины. Якубович с помощью знакомого узденя подстраивает нападение черкесов на воды и похищает Алину, увезя ее в аул. Гранев спасает ее. Их соперничество завершается дуэлью, а в одном из вариантов — и смертью Якубовича. Предполагался эпизод, возвращающий нас к сюжету поэмы «Кавказский пленник»: Якубович предает Гранева черкесам, а черкешенка освобождает его. Все события, так или иначе, связаны с курортной жизнью на водах. Здесь и больные, жаждущие исцеления, и лекаря; и калмыцкие кибитки, в которых приезжие обитали за недостатком жилья; и излюбленные развлечения водяного общества — карточная игра и прогулки верхом к Бештау (cavalcade, как пишет об этом Пушкин).

Все изложенное напоминает сюжет лермонтовской «Княжны Мери», где соперничество двух героев, оспаривающих любовь хорошенькой московской княжны, также оканчивается дуэлью и смертью одного из них. Подобное сходство обнаруживают и женские персонажи: княгиня Лиговская, как и Томская, — «женщина сорока пяти лет», которой прописаны горячие Ермоловские ванны. Ее дочь Мери (то есть Мария, Маша — как первоначально и у Пушкина) — молоденькая, стройная, наделенная магнетической силой глаз, в которых иногда блещет «самое восхитительное бешенство». У Лермонтова, правда, горцы никого на водах не похищают, но тем не менее ночная стычка Печорина с Грушницким и драгунским капитаном, закончившаяся криками и ружейной пальбой, спровоцировала в городе толки и о нападении черкесов. В замысле Пушкина, а потом и на страницах «Княжны Мери» нам представлен один и тот же (с разницей всего лишь в несколько лет) житейский материал — дни и заботы «водяного общества» на Кавказе.

Композиция романа «Герой нашего времени», если рассматривать ее пространственно, представляет собой две скрещенные линии: одна «от Кизляра до Тамани» и другая от Тифлиса до Ставрополя, что вполне согласуется с маршрутами кавказской одиссеи поэта. Центром, то есть местом пересечения этих линий, служит Владикавказ, именно здесь мы впервые встречаемся с Печориным и узнаем о нем уже не со слов Максима Максимыча, здесь он представлен как реально действующее лицо.

Большой крови Лермонтов еще не видел, и война в его романе проходит только приглушенным фоном. Мужские персонажи здесь в большинстве офицеры Кавказского корпуса. О Максиме Максимыче мы знаем, что служить он начал еще при Ермолове, получив при нем два чина за дела против горцев. Лет десять он стоял с ротою в Чечне, в крепости за Тереком, у Каменного Брода. С Грушницким главный герой успел побывать в экспедиции; в действующем отряде тот получил ранение пулей в ногу. В Пятигорске у источника Печорин замечает, что «несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобрав костыли, бледные, грустные». Боевые действия не затрагивают, разумеется, района Горячих или Кислых вод, но дыхание близкой войны ощутимо и здесь: это и казаки на сторожевых вышках в степи и пикетах, и часовые на валу кисловодской крепости, да и убитого на поединке Грушницкого условлено отнести «на счет черкесов». Тема оружия то и дело мелькает на страницах «Героя», играя важную роль в ряде ключевых эпизодов, да и кончается все повествование рассуждением Максима Максимыча об особенностях черкесских винтовок и шашек.

Имея в виду современные читательские запросы, роман можно бы представить и как «криминальное чтиво»: все-таки четыре убийства (Бэлы, ее отца — старого князя, Грушницкого и Вулича), ряд покушений (главного героя, например, сначала хотят утопить в Черном море, потом подло, то есть практически безоружного, застрелить на дуэли, а когда это не удастся, Грушницкий грозит резать его ночью из-за угла, и, наконец, пуля пьяного казака в «Фаталисте» срывает ему с плеча эполет). Молодую женщину похищают и склоняют к сожительству, потом похищают вновь и убивают ударом кинжала. Еще контрабанда, кражи, подслушанные заговоры, погони... К тому же повествование построено так, что автор-рассказчик как будто проводит следствие: опрашивает очевидцев, раскапывает «компромат» в виде интимных записок героя, а при личной встрече с ним составляет его словесный портрет.

Тут следует вспомнить, что начинался роман когда-то с тифлисской главы. Во всяком случае, сохранился листок, исписанный лермонтовской рукой, начинающийся словами «Я в Тифлисе» и содержащий план повести, действие которой протекает в различных местах грузинской столицы. Повествование ведется, как и в дневнике Печорина, от первого лица, а именно от лица служащего на Кавказе русского офицера. На-

бросок этот, в двадцать пять строк, и есть, скорее всего, самый ранний творческий импульс к написанию «Героя нашего времени». Как бы там ни было, И. Л. Андроников, внимательно изучивший этот отрывок, пришел к выводу, «что из записи „Я в Тифлисе“ родились сюжеты обеих повестей — и „Тамани“ и „Фаталиста“ — и что эта запись представляет собой самый первоначальный план записок Печорина»²⁰.

Едва приметные отголоски этой задуманной, но не осуществленной Лермонтовым тифлисской главы сохранились в окончательном тексте романа. Максим Максимыч, завершая свой рассказ о Печорине, замечает, что месяца три спустя после гибели Бэлы тот был назначен в егерский полк и уехал из Чечни в Грузию. Встретив же какое-то время спустя своего старого приятеля во Владикавказе, Максим Максимыч опять-таки говорит ему, что думал найти его в Грузии, вновь соотнося какие-то оставшиеся неизвестными нам события с пребыванием Печорина в этом краю. Что именно там могло происходить, становится известно из лермонтовского наброска.

Русский офицер в поисках любовного приключения увязывается за грузинкой. Она обещает ему свою благосклонность, но требует за это вынести из ее дома труп. Герой бросает покойника в Куру, предварительно сняв с него кинжал. Потом ему делается дурно, его находят и относят на гауптвахту. Дом грузинки он забыл. Тогда кинжал предъявляют оружейнику Геургу, который говорит, что делал его русскому офицеру. От денщика этого офицера узнают, что тот долго ходил по соседству к одной старухе с дочерью, но дочь вышла замуж, а через неделю офицер пропал. Таким образом, история с загадочным мертвецом объяснилась, но опасные похождения нашего героя еще не окончены. Грузинка и ее муж отслеживают его. Ночью муж нападает на него и пытается сбросить с моста, но офицер опережает его в этом намерении. Как видим, и здесь в развитии сюжета главенствует детективный элемент: два убийства, покушение на убийство, сокрытие следов злодеяния, слежка, поиски места преступления, опрос свидетеля и даже вещественная улика, которая приводит к разгадке, — кинжал убитого офицера, опознанный оружейным мастером.

О Грузии Лермонтов не забывал никогда, много раз возвращался туда мыслью и, по-видимому, хотел побывать там вновь. Этот настойчивый интерес легко прослеживается по ряду его произведений и писем. С Грузией связан и самый масштабный замысел Лермонтова — исторического романа «с Тифлисом при Ермолове», план которого был уже составлен, о чем поэт рассказывал в Пятигорске Михаилу Глебову буквально в последний час своей жизни. Почему же в таком случае он отказался от первоначального, тифлисского, сюжета в «Герое»? Об этом остается только гадать. Возможно, поэтом уже владели новые мысли, а скорее всего, избыток восточной экзотики, который так отчетливо замечен в наброске, просто не соответствовал основной идее его реалистического романа. И Лермонтов, без сожаления отбросив обветшалые романтические лохмотья, предоставил своим героям любить и страдать у целебных ключей Пятигорья, где сам провел гораздо больше времени, чем в Грузии.

19 февраля 1840 года чиновник Петербургского цензурного комитета Петр Корсаков закончил чтение рукописи, представленной молодым гвардейским офицером. Вещица эта с несколько претенциозным названием была Петру Александровичу знакома и раньше: именно он цензуровал столичный журнал «Отечественные записки», где роман печатался по частям. Речь там шла о любовных похождениях одного кавказского офицера, не более того, и с политической стороны все обстояло вполне благонадежно. Вымарав проформы ради несколько строчек, где автор имел слишком смелое суждение о делах потусторонних, Корсаков сделал пометку: «Печатать позволяется» — и отложил перо в сторону. Тревожно заныло, затрепетало чувствительное

²⁰ Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки. — М.: Художественная литература, 1968. С. 339.

цензорское сердце. И — не обмануло. Выпущенное в свет сочинение в типографии Ильи Глазунова отпечатали быстро: в середине апреля первая тысяча экземпляров появилась на прилавках. А вскоре книга легла и на стол высочайшего цензора всей России — государя императора Николая Павловича...

Белинский, вспоминая пятигорское лето, в рецензии на роман заметил, что «бывшие там удивляются непостижимой верности, с какою обрисованы у г. Лермонтова даже малейшие подробности», и осторожно намекнул на военную ситуацию в регионе: «Тут не одни черкесы: тут и русские войска и посетители вод, без которых не полна физиономия Кавказа...» В оценке Лермонтова великий критик проделал довольно стремительную эволюцию. В одном из его писем той поры звучат еще снисходительно-одобрительные нотки: «Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь...»²¹ В том же 1840 году в своей пространной, даже огромной, статье о «Герое», равной по объему «Тамани», «Княжне Мери» и «Фаталисту», вместе взятым, Белинский хотя и нашел отдельные «недостатки художественности», но уже пересказал роман полностью и, что называется, близко к тексту, а многие страницы выписал целиком и, более того, высказал сожаление, что размеры статьи не позволяют ему выписать еще больше. Спустя три года, уже после смерти поэта, в рецензии на третье издание «Героя» Белинский писал об этой книге, что «никто и ничто не помешает ее ходу и расходу — пока не разойдется она до последнего экземпляра; тогда она выйдет четвертым изданием, и так будет продолжаться до тех пор, пока русские будут говорить русским языком...»²²

Николай же усмотрел в романе только одно светлое пятно — характер Максима Мыксымыча. Вторую часть нашел «отвратительной, вполне достойной быть в моде». Сентенция, изложенная монархом в письме к императрице, прозвучала резко и раздраженно: «Люди и так слишком склонны становиться ипохондриками или мизантропами, так зачем же подобными писаниями возбуждать или развивать эти наклонности! Итак, я повторяю, по-моему, это жалкое дарование, оно указывает на извращенный ум автора...»²³ Проницательнее же всех из критиков оказался вдруг Фаддей Булгарин, в «Северной пчеле» сразу назвавший «Героя» лучшим романом на русском языке. Говорят, что злодея «подогрела» бабушка поэта, Е. А. Арсеньева, послав ему свеженький томик и пятьсот рублей ассигнациями в придачу.

На первых же страницах своего пятигорского дневника, набрасывая психологический абрис Грушницкого, Печорин предрекает уже и роковую развязку их отношений: «Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас несдобровать». Дальнейшее развитие событий превращает этот прогностический тезис в жизнь или, в данном случае лучше сказать, в смерть. Антагонизм героев по ходу сюжета достигает высшей, буквально экстремальной степени. «Нам на земле вдвоем нет места...» — говорит Грушницкий за мгновение до того, как с пулею в груди навсегда исчезнуть с уступа отвесной скалы. Дуэль (как действие) была для прозы тех времен ситуацией почти неизбежной, обойтись без нее в «Герое» Лермонтов не мог. Но поединок с Грушницким лишь частный случай той круговой конфронтации, которая и составляет сущность отношений Печорина с другими персонажами романа.

В «Тамани» он выдерживает опасную схватку с ундиной в лодке, когда ее сильный толчок едва не сбрасывает его в море. Действия противоборствующих сторон или,

²¹ Белинский В. Г. Указ соч. С. 508.

²² Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. — М.: АН СССР, 1955. Т. VIII. С. 118.

²³ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. С. 487.

словами героя, «отчаянная борьба» достигает здесь «сверхъестественных усилий». Из удовольствия, как говорит Печорин, подчинять своей воле все, что его окружает, он затевает и свой притворный роман с Мери, легко переиграв в психологическом поединке наивную московскую княжну. Дикарка Бэла — пленница русского офицера и находится в русской крепости. Поступки Печорина тут более всего и напоминают правильную осаду. Согласно комментарию Максима Максимыча, «долго бился с нею Григорий Александрович». Потом, этот странный спор о предопределении с Вуличем, метафизический поединок, когда один из противников ставит на кон двадцать червонцев, а другой собственную жизнь. Разве что доктор Вернер не захвачен конфронтацией, но он — доверенное лицо героя, его секундант. Да Максим Максимыч, заведомо отдавший себя воле победителя: «Что прикажете делать? Есть люди, с которыми непременно должно соглашаться».

Враждебные отношения Печорина и Красинского в неоконченной «Княгине Лиговской» также, предположительно, должны были разрешиться дуэлью. В «Маскараде», «Казначейше» и «Штоссе» поединок ведется за карточным столом. О «Калашникове» за очевидностью ситуации можно, кажется, только упомянуть. Одна из самых впечатляющих сцен в поэме «Мцыри» — бой с барсом. Противники, человек и зверь, принадлежат разным мирам, но «упоение в бою» уравнивает их. Звериный статус барса несколькими штрихами легко дезавуирован («Он застонал, как человек...», «Он встретил смерть лицом к лицу...»). Мцыри в то же время осознает себя в схватке более зверем, чем человеком:

Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я...

В череде испытаний, посланных автором своему герою, бой с барсом — высшее, самое драматичное, хотя эпизод, кажется, и не предопределен логикой сюжета; это поединок в чистом виде, турнирный или, если угодно, даже ритуальный. Все эти примеры столкновений, столь разных в конкретном воплощении, но единых по сути, говорят уже о способе художественного мышления Лермонтова, корнящемся в свойствах его личности. Перескакивая через многочисленные признания современников о несносном, трудном, дурном характере поэта, напомним читателю лишь одно, принципиально важное, высказывание А. И. Герцена: «В отличие от Пушкина Лермонтов никогда не искал мира с обществом, в котором ему приходилось жить: он смертельно враждовал с ним — вплоть до дня своей гибели»²⁴.

В частной жизни Лермонтов был столь же неуступчив. Современник передает рассказ Н. П. Колюбакина, кавказского знакомого Лермонтова (впоследствии генерала, а в то время молодого офицера; многие видят в нем прототип Грушницкого): «Колюбакин рассказывал, что их собралось однажды четверо, отпросившихся у Вельяминова недели на две в Георгиевск, они наняли немецкую фуру и ехали в ней при okazji, то есть среди небольшой колонны, периодически ходившей из отряда в Георгиевск и обратно. В числе четверых находился и Лермонтов. Он сумел со всеми тремя своими попутчиками до того перессориться на дороге и каждого из них так оскорбить, что все трое ему сделали вызов, он должен был наконец вылезть из фургона и шел

²⁴ Там же. С. 136.

пешком до тех пор, пока не приискали ему казаки верховой лошади, которую он купил. В Георгиевске выбранные секунданты не нашли возможным допустить подобной дуэли: троих против одного, считая ее за смертоубийство, и не без труда уладили дело примирением, впрочем, очень холодным»²⁵.

Знаменитый братер Руфин Дорохов (его историю записал А. В. Дружинин) поведал, как при первом знакомстве с Лермонтовым дело у них тоже едва не дошло до дуэли: «На каком-то увеселительном вечере мы чуть с ним не посчитались очень крупно, — мне показалось, что Лермонтов трезвее всех нас, ничего не пьет и смотрит на меня насмешливо»²⁶.

Во время поединка молодой Барант нанес поэту незначительную царапину на груди или ниже локтя (сведения расходятся). В объяснительном письме на имя командира лейб-гвардии Гусарского полка Н. Ф. Плаутина сам Лермонтов рисует дело так: «Так как господин Барант почитал себя обиженным, то я предоставил ему выбор оружия. Он избрал шпаги, но с нами были также и пистолеты. Едва успели мы скрестить шпаги, как у моей конец переломился, а он мне слегка оцарапал грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрелять вместе, но я немного опоздал. Он дал промах, а я выстрелил уже в сторону...» Сидеть под арестом на этот раз пришлось в Ордонанс-гаузе, а потом и на Арсенальной гауптвахте. Барант, вздумавший вдруг оспорить слова Лермонтова о выстреле в воздух, был приглашен поэтом для личных объяснений и под угрозой нового поединка признал себя совершенно удовлетворенным.

Сидя под арестом, Лермонтов написал картину «Вид Кавказа». Душою он часто уносился к «синим горам», и память кавказских странствий стала выплескиваться на бумагу: «Дары Терека», «Демон» и «Мцыри», одна за другой выходят повести «Бэла», «Фаталист» и «Тамань». Готовятся к печати книги: «Стихотворения» и «Герой нашего времени». «Просился на Кавказ, — пишет он в это время Марии Лопухиной, — отказали, не хотят даже, чтобы меня убили».

16 апреля 1840 года Белинский посетил Лермонтова «в заточении» и вскоре поведал свои впечатления в письме к Василию Боткину: «Кстати: дуэль его — просто вздор, Барант (салонный Хлестаков) слегка царапнул его по руке, и царапина давно уже зажила. Суд над ним кончен и пошел на конфирмацию к царю. Вероятно, переведут молодца в армию. В таком случае хочет проситься на Кавказ, где готовится какая-то важная экспедиция против черкес. Эта русская разудалая голова так и рвется на нож...»²⁷

За дуэль с французиком генерал-аудиториат склонялся к разжалованию Лермонтова в рядовые, с лишением чинов и дворянства, но — «на все есть манера», как сказано в «Герое». Столь суровый приговор — лишь повод проявить монаршее милосердие. Тут стоит привести еще свидетельство человека, знавшего Лермонтова на Кавказе в 1840—1841 годах. Это декабрист Николай Иванович Лорер. После провала восстания он, как и другие его товарищи, был арестован и доставлен на допрос к Николаю. «Государь слушал меня внимательно, — вспоминает Лорер, — и вдруг, подойдя ко мне, быстро взял меня за плечи, повернул к свету лампы и смело посмотрел мне в глаза. Тогда движение это и действие меня удивило, но после я догадался, что государь, по суеверию своему, искал у меня глаз черных, предполагая их принадлежности истых карбонариев и либералов, но у меня он нашел глаза серые и вовсе не страшные. Вот причина, по которой позже Николай сослал Лермонтова — он не мог видеть его взгляда...»²⁸

²⁵ Там же. С. 356—357.

²⁶ Там же. С. 328.

²⁷ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. — М.: АН СССР, 1956. Т. XI. С. 510.

²⁸ Лорер Н. И. Записки декабриста. — М., 1931. С. 94.

Из Петербурга поэта выслали снова, вторично исключив из гвардии, и, что особенно унижительно, его, кавалериста, на этот раз отправили в пехоту, в армейский Тенгинский полк. «Счастливого пути, господин Лермонтов, — бросил вдогонку царь Николай, — пусть он очистит себе голову...»

Родина бывает только одна

Не многие, думается, из современных русских читателей догадываются, что лермонтовский Мцыри, один из самых ярких и любимых персонажей отечественной классики, по национальности — чеченец! Написав когда-то в детстве, в подражание Пушкину, «Кавказского пленника», теперь Лермонтов ситуацию совершенно перевернул: пленником у него становится не русский, а горец. Мцыри, конечно, чеченец не этнический, а, можно сказать, литературный. Для Белинского он — «пленный мальчик черкес» (черкесами тогда часто называли всех горцев), у Шевырева — «чеченец, запертый в келью монаха», а в советской критике появилась уже и совершенно отвлеченная формула — «юноша-горец». В пространной статье, посвященной «Лермонтовской энциклопедией» поэме «Мцыри», одним из ключевых слов в толковании ее смысла является слово «родина». Но что же это за «родимая страна», «где люди вольны, как орлы», и в надежде вновь обрести которую герой совершает свой отчаянный побег из стен монастыря? Об этом в статье не сказано ничего.

Сам Лермонтов нигде в тексте поэмы о национальной принадлежности своего героя определенно не говорит, но по ряду деталей о ней можно все-таки судить. Вспомним сцену поединка с барсом и слова Мцыри: «Как будто сам я был рожден / В семействе барсов и волков...» Все это замечательно перекликается со строками «илли» — чеченской героической песни:

Мы родились той ночью,
Когда щенилась волчица,
А имя нам дали утром
Под барса рев заревой...
(Перевод Николая Тихонова)

Известно, что в поэме Лермонтова отразилась судьба выдающегося художника Петра Захаровича Захарова. По рождению Захаров чеченец, его родной аул Дады-Юрт в наказание за набеги и в назидание всей остальной незамирной Чечне в 1819 году был уничтожен русскими войсками.

Облитого кровью ребенка, взятого из рук умирающей матери, солдаты доставили Ермолову, который захватил мальчика с собой в штаб-квартиру корпуса. Об этом потом в поэме «Мцыри» и упомянул Лермонтов:

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести...

Первоначально автор избрал эпиграфом к поэме французское изречение: «On n'a qu'une seule patrie» (Родина бывает только одна), но впоследствии заменил его строкой из Библии.

Пленника Ермолов крестил и передал под присмотр казаку Захару Недоносову, откуда пошла и фамилия — Захаров. Когда мальчик подрос, его взял на воспитание двоюродный брат Ермолова — генерал Петр Николаевич Ермолов, командир 21-й пехотной дивизии.

Обнаружив незаурядные способности, Захаров учился в Петербургской Академии художеств, завершив курс с серебряной медалью. Стал профессиональным живописцем, за портрет Ермолова, выполненный в 1843 году, был удостоен звания академика. На портрете Ермолов изображен как человек своей эпохи, а вернее, как человек и эпоха, то есть личность столь же грандиозная, как кавказские горы за его спиной, а эпоха — столь же грозная, как черное грозное небо над ними.

Для исполнения портрета Захаров должен был перебраться из Петербурга в Москву, испросив предварительно согласия генерала. В письме к П. Н. Ермолову от 9 января 1842 года художник изложил свою просьбу: «Скажу Вам, что одному из молодых художников Академия задала программу, на золотую медаль, Алексей Петрович отбивает руду под Бородиным, и я желал бы, чтобы представить Академии для программы на Академика портрет Алексея Петровича, только надо узнать, согласен ли будет он оказать мне такую милость, если согласен, напишите мне...»²⁹

Согласие было дано, работа над полотном заняла более года. В августе 1843 года портрет был представлен художником на рассмотрение совета академии и, получив высокую оценку, поступил впоследствии в Императорский Русский музей.

В 1912 году в Петербурге, к столетнему юбилею Бородинской битвы, выпустил в свет свою «историческую монографию» Федор Уманец. Книга носила название «Проконсул Кавказа» и была украшена репродукцией портрета Ермолова кисти Захарова. В конце книги автор поместил короткую заметку «О его портрете», где приводил беглое и, по-видимому, первое в литературе описание этой живописной работы:

«На левой стороне портрета, внизу, читаем надпись: „П. Захаровъ из Чеченцевъ. 1843, 16 августа“. Следовательно, когда рисовал Захаров, Ермолову 66 лет, и он уже 16 лет в бездействии.

Темой несколько загадочного ландшафта, образующего фон портрета, по-видимому, служат горы, среди которых когда-то протекала деятельность Проконсула. В исполнении заметно желание художника все внимание сосредоточить на лице и позе. Мало заботы об аксессуарах...

Несомненно, в лице П. З. Захарова русская школа имела большую художественную силу, и можно только удивляться, почему он остался мало известным большой публике, а его биография — так тесно связанная с выдающимися людьми и событиями того времени и касающаяся нашего — остается неизвестной даже в общих чертах. Чеченец и ничего более»³⁰.

Чеченец и ничего более. Эти недоуменные слова, венчающие и заметку, и всю книгу, вполне справедливы. Увы, мы ленивы и нелюбопытны. Должно было пройти еще долгих полвека, прежде чем появилось сколько-нибудь подробное монографическое исследование, посвященное первому чеченскому художнику-академику. В 1963 году в городе Грозном вышла книга Н. Ш. Шабаньянца «Жизнь и творчество художника П. З. Захарова», содержащая уже более детальное описание захаровского шедевра:

«Портрет А. П. Ермолова — одно из самых значительных произведений П. З. Захарова, очень интересная по замыслу, сложная по композиции и блестящая по исполнению работа. Фон портрета — грозное, непокорное небо, гордые вершины Кавка-

²⁹ Шабаньянц Н. Ш. Жизнь и творчество художника П. З. Захарова. — Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. С. 63.

³⁰ Уманец Ф. М. Проконсул Кавказа. — СПб., 1912. С. 115–116.

за — и это создает тревожное настроение, как бы вводит нас в обстановку бурных лет Кавказской войны. А. П. Ермолов показан человеком сильной воли. Генерал, герой Отечественной войны 1812 года, изображен опирающимся на саблю, одетым в зеленый мундир с орденами и в синего цвета рейтузы. В этом портрете П. З. Захаров как бы собрал всю энергию своей темпераментной кисти, передав доступными ему живописными средствами правдивый образ генерала. Художник не исключает и приема тщательной детализировки (хотя бы в описании орденов), что требует большого умения и даже виртуозности.

Во всем облике старого боевого генерала-полковника, в крепкой его фигуре, в суровом лице, в его глубокой сосредоточенности раскрываются большая сила воли, мужество, ум, а также и жестокость.

Этим произведением художник показал свой профессиональный опыт, способность к созданию целостной композиции, тонкое чувство формы, умелое сочетание рисунка и колорита.

Внизу красными буквами он подписал: „П. Захаров — из чеченцев, 1843 года, 16 августа“³¹.

Скажем еще об одном отрадном явлении. В 1976 году в городе Грозном вышел в свет скромный сборник «Академик живописи П. З. Захаров». Правда, при всем том, что авторы этого научного труда постарались с разных сторон осветить жизнь и творчество художника, портрету Ермолова уделено там всего несколько строк. Строк, несомненно, интересных и заслуживающих внимания, с обилием положительных и даже превосходных эпитетов и характеристик, но все же оставляющих впечатление чего-то не до конца ясного и недосказанного.

«В портретах П. З. Захарова, — постепенно подводит нас к своему главному тезису автор, — ощутима заметная разница с точки зрения традиций их исполнения. По ним можно судить о сложном, противоречивом характере его портретного творчества. Его рисунок строг, точен, почти ювелирен. Безупречна техника, которой живописец владеет в совершенстве. Ему присуща мягкая и тонкая разработка светотени... Наряду с композицией, казалось бы, именно рисунок во многом позволяет судить о самом существенном в методе П. З. Захарова: о его строгости и утонченной безупречности в следовании натуре. Но это не так. При ближайшем знакомстве с портретами кисти Захарова выясняется, что живопись его сложна по образному решению и замыслу»³².

Все это хорошо. Понятно, что Захаров — сложившийся, зрелый мастер. Он точен и строг, но одновременно — сложен и противоречив, что, впрочем, всегда свойственно гению в искусстве. И далее уже о главном — о портрете Ермолова, но коротко и неопределенно:

«Яркое тому доказательство — своеобразный по композиции и блестящий по технике и колористическому исполнению портрет А. П. Ермолова, который скорее можно отнести к произведениям драматизированного жанра, нежели просто портрета. Вернее, в нем сочетаются черты того и другого жанра, что делает это произведение особым и примечательным».

Не только «особым и примечательным», это сказано слишком слабо. Портрет Ермолова — высшее художественное достижение Захарова, вершина его творчества. Портрет легендарного воителя, рождавшийся под его кистью, никак и не мог быть «просто портретом», ибо обстоятельства создания этого произведения исключительны. По одну сторону полотна находился воин, герой, вождь, еще недавно державший

³¹ Шабаньянц Н. Ш. Указ. соч. С. 30—31.

³² Здесь и далее: Академик живописи П. З. Захаров. — Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976. С. 37—38.

в своих железных руках судьбы народов Кавказа, по другую — творец-художник, горец, пленный чеченец, потерявший и свою родину, и всех близких, для которого жестокой «рукой судьбы» оказался тот, кто теперь стоял перед ним. И от кисти Захарова теперь всецело зависело то, в каком виде этот исторический персонаж предстанет на суд потомков.

Именно поэтому портрет Ермолова — не только художественное, но и нравственное достижение, свидетельствующее о высоком благородстве Захарова, художника и человека. В созданном им образе генерала нет ни попытки угодливо польстить всесильному проконсулу Кавказа, ни мстительного желания поквитаться с ним за причиненные страдания. Есть только неумолимая правда искусства. Художник не только мастерски и предельно честно «следовал натуре», отразив во внешнем облике Ермолова черты его незаурядной личности, но и сумел наложить на эти черты печать полной драматизма судьбы опального полководца.

Задача, стоявшая перед Захаровым, и без того непростая, осложнялась еще и тем, что публике уже хорошо был известен портрет Ермолова работы английского художника Джорджа Доу, законченный в 1825 году и помещенный в Военной галерее Зимнего дворца. Это прекрасный парадный поясной портрет и, очевидно, лучший из всей подборки военных портретов, изображавших героев 1812 года. Здесь художник умело использовал все выигрышные особенности и детали. На портрете полководец повернут к зрителю боком, взят даже немного со спины. Его строгий медальный профиль особенно выразителен в солнечном свете, на фоне темных туч, покрывающих небо. Разворот фигуры генерала, его стремительный орлиный взор, резкая игра света и тени — все это делает работу Доу особенно впечатляющей и динамичной.

Известен и поколенный вариант этого портрета, где Ермолов изображен в косматой бурке, накинутой на правое плечо.левой рукой генерал опирается на рукоять сабли. На заднем плане видна череда сверкающих горных вершин. Впоследствии с этого портрета были выполнены две гравюры — Теодора Райта и Ивана Пожалостина, широко разошедшиеся по России. Вероятно, об этом портрете вспомнил Пушкин, рассказывая о личной встрече с пребывающим в отставке проконсулом Кавказа: «С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда же он задумывается и хмурится, то становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом».

Захаров же, нисколько не уступив своему английскому собрату в искусстве живописи, намного превзошел его как мастер психологического портрета. Да, некоторые детали, запечатленные на полотне, заставляют вспомнить работу Доу. Горный ландшафт за спиной генерала; его левая рука точно так же опирается на рукоять сабли; темное небо точно так же оттеняет львиную гриву теперь уже белых, седых волос полководца. Но, как ни странно, именно эти сходные детали только подчеркивают принципиальное различие, существующее между двумя портретами.

Наш художник имел перед Доу то неоспоримое преимущество, что глубины создаваемого образа мог достичь (и, несомненно, достиг!) прежде всего за счет собственных, накопленных в течение жизни представлений о личности Ермолова. На полотне он сумел передать внушительный облик генерала, отразив в нем всю мощь его исполинской и властной натуры. Суровое, хмурое лицо повернуто к зрителю. Тяжелый, подавляющий взгляд; выдержать долго такой взгляд невозможно, и, может быть, поэтому он направлен не прямо на зрителя, а чуть в сторону. В лице генерала читается оттенок недовольства, неудовлетворенности или даже горечи. В то время когда соз-

давался портрет, Ермолов давно находился не у дел и был лишен реальной власти. Но у Захарова он по-прежнему полон сил и нестигаемой воли, по-прежнему неуступчив и упрям. Вместе с тем художник сумел обозначить в чертах Ермолова его высокий статус государственного и военного деятеля, статус «великого мужа», каким полководец предстает не только на своих портретах, но и на страницах русской литературы, в произведениях В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. Заметим также, что у последнего упоминание имени Ермолова перекликается, как правило, с темой Чечни: «Как при Ермолове ходили в Чечню, в Аварию, к горам...» И пожалуй, трудно подобрать лучшую, чем этот портрет кисти Захарова, иллюстрацию к строкам лермонтовского стихотворения «Спор»:

От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки...
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой...

Считаем нелишним привести выдержку из книги известного лермонтоведа Э. Э. Найдича с метким наблюдением о том, как в портрете Ермолова символически отразилось пересечение трех судеб: самого художника, изображенного им героя и — автора поэмы «Мцыри»:

«Блестящий талант сделал его лучшим портретистом после Карла Брюллова. В 1834 году Захаров написал портрет Лермонтова. К 1838 году относятся портреты писателя А. Н. Муравьева, выполненные почти одновременно Захаровым и Лермонтовым. Сведения о судьбе Захарова, ставшие известными поэту, дали толчок творческому воображению Лермонтова. Любопытно, что строка «он был, казалось, лет шести» соответствует возрасту Захарова, родившегося в 1816 году и привезенного в Тифлис Ермоловым, когда ему было шесть лет. Захаров умер от туберкулеза в 1846 году, на тридцатом году жизни.

За три года до смерти он написал портрет А. П. Ермолова на фоне Кавказских гор; справа виднеется Мцхетский храм, а вдали горные хребты — родина художника. За эту картину Захаров получил звание академика. Поэма Лермонтова оказалась для Захарова сильнее реальности. Изображение главнокомандующего на фоне Мцхетского храма — не случайность. Это дань памяти автору «Мцыри»»³³.

Образ Ермолова, запечатленный Захаровым на полотне более полутора веков тому назад, востребован и в наши дни. Рельефные черты полководца, взятые именно с этого портрета, отчеканены ныне на медали Ермолова, учрежденной Институтом политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона, и на одной из памятных монет, выпущенных к двухсотлетию победы России в Отечественной войне 1812 года.

Считают, что Петр Захаров был знаком и с Лермонтовым и даже написал его прекрасный портрет в мундире лейб-гвардии Гусарского полка.

Для самого Лермонтова поэма о жизни и смерти пленного юноши-чеченца была одним из любимых творений. Он прочел ее на именинном обеде Н. В. Гоголя в Москве 9 мая 1840 года. «После обеда все разбрелись по саду, маленькими кружками, — вспо-

³³ Найдич Э. Э. Этюды о Лермонтове. — СПб.: Художественная литература, 1994. С. 192.

минал С. Т. Аксаков. — Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри», и читал, говорят, прекрасно»³⁴. Поэма была включена автором в его первый и оказавшийся единственным прижизненным сборник «Стихотворения», вышедший в Петербурге в 1840 году.

Высоко оценив это произведение, В. Г. Белинский писал, что стих поэмы «звучит и отрывисто падает, как удар меча, поражающего свою жертву». Критик, лично знавший Лермонтова, был убежден, что Мцыри — «любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всем, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощью»³⁵.

Перед схваткой с барсом Мцыри испытывает «жажду борьбы и крови», причем испытывает неожиданно для себя, ибо прежде, говорит он, «рука судьбы вела меня иным путем». Чеченец, ставший русским художником, — это судьба, и рукой судьбы тут послужил сам Ермолов; может быть — не слишком доброй рукой, так как аул Дады-Юрт был уничтожен именно по его приказу. Вспомним, что портрет генерала художник подписал так, как и обычно это делал: «П. Захаров, из чеченцев». С трех лет не слышавший родной речи, выросший в русской семье и воспитанный в лоне русской культуры, он упорно выводил всякий раз на законченном полотне: чеченец. Родина бывает только одна.

«В полдневный жар в долине Дагестана...»

Имени этого человека в хрониках Кавказской войны всегда сопутствует эпитет «храбрый». Ранений у него было больше, чем наград. При штурме Варшавы, еще молодым офицером, он потерял глаз. На Кавказе получил пули в ногу, голову и в грудь навывлет. В Севастополе — две контузии и еще одну рану. Его наградили золотым оружием с надписью «За храбрость». Но более памятной, чем все ордена и награды, была для него маленькая серебряная медаль за Ахульго. Звали этого человека Мориц Христианович Шульц.

Путешествуя по Кавказу, знаменитый писатель Александр Дюма не упускал случая порасспросить кого-нибудь из бывалых кавказцев — с тем, чтобы заполучить еще одну невероятную историю для своих путевых записок. В Хасав-Юрте судьба свела его с молодым офицером — сыном генерала П. Х. Граббе, командовавшего в 1839 году штурмом «орлиного гнезда» Шамиля — крепости Ахульго.

По рассказам ветеранов, дополненным молодым Граббе, Дюма составил картину небывалого сражения, разгоревшегося в день решительного приступа.

«Сей день, — пишет Дюма, — был днем кровавой сечи, какой ни орлы, ни коршуны, парившие над вершинами Кавказа, никогда не видывали. Противники буквально плавали в крови; лестницы, с помощью которых влезали на стены, были составлены из трупов. Не слышно было воинственной музыки для ободрения сражающихся, она умолкла. Хрипение умирающих заменяло ее»³⁶.

Присутствие музыкантской команды в этой гигантской мясорубке, в которой обе стороны сражавшихся потеряли несколько тысяч человек, можно отнести к пылкой фантазии французского беллетриста, но в том, что при Ахульго состоялась одна из самых грандиозных битв Кавказской войны, сомневаться не приходится.

В бою принимал участие и тридцатитрехлетний штабс-капитан Генерального штаба Мориц Христианович Шульц. Имя этого храброго, толкового офицера, дослуживше-

³⁴ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. С. 317.

³⁵ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. — М.: Изд. АН СССР, 1953. Т. IV. С. 543, 537.

³⁶ Дюма Александр. Кавказ. — Тбилиси, 1988. С. 59.

гося потом и до генеральских погон, могло бы, пожалуй, затеряться в кавказских хрониках, если бы не одно особое обстоятельство, отметина судьбы: Шульц стал прототипом или, в данном случае позволительно сказать, протогероем лермонтовского стихотворения «Сон».

Прежде чем поведать читателю этот драматический эпизод из его боевой судьбы, попробуем восстановить картину отчаянного штурма высокогорной твердыни Шамиля. Небольшая заметка об этих событиях содержится в воспоминаниях кавказского ветерана Г. И. Филипсона: «В 1839 году предполагалось соединить два большие отряда под начальством генерала Граббе, взять Ахульго и занять аул Чиркей. Отряды действительно соединились под Ахульго, но взять его оказалось гораздо труднее, чем думали. Впереди его была каменная башня, Сурхаева, а к ней можно было подойти только по узкому гребню, между двумя обрывами. Сделано было несколько неудачных приступов, прежде чем решились разбить башню ядрами и гранатами. Войска делали человечески возможное, но они били лбом в каменную стену...»³⁷

В нашем распоряжении имеется также и такой подробный и достоверный источник, как «Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане», составленное полковником Д. А. Милютиным. Напомним, что Дмитрий Алексеевич Милютин — товарищ Лермонтова по Московскому университетскому пансиону, человек блестяще одаренный и оставивший свой след в военной истории России. Двадцать лет он провел на посту военного министра и окончил карьеру в звании генерал-фельдмаршала. А под Ахульго, будучи еще поручиком, он провел все восемьдесят дней, в течение которых продолжалась осада. Военные действия достигли на этот раз тех мест, замечает Милютин, «куда до этого времени еще никогда русское оружие не проникало; они сопряжены были с такими затруднениями естественными и с таким упорным сопротивлением со стороны неприятеля, какие прежде едва ли встречались, а потому и успехи русских войск никогда, быть может, не стоили прежде стольких пожертвований»³⁸.

Что же представляло собой это горное гнездо? Ахульго — не один аул, а два. Старый и Новый, занимавшие вершины двух почти отвесных утесов, разделенных глубоким ущельем реки Ашильты. Несколько бревен, переброшенных над пропастью, служили единственным мостом, по которому сообщались между собой жители аулов. Оба скалистых утеса, огражденные кругом отвесными и каменистыми обрывами, образуют как бы полуостров, огибаемый с трех сторон рекою Койсу. Над Новым Ахульго высится, почти отвесно, остроконечная вершина, на которую можно было взобраться только поодиночке. Здесь горцами была возведена неприступная Сурхаева башня. «...Вся местность вокруг обоих Ахульго чрезвычайно сурова и дика, — пишет Милютин, — горы каменистые, бесплодные, как будто все в трещинах. Горные потоки во многих местах низвергаются в пропасти с отвесных уступов»³⁹.

Шамиль собрал в Ахульго около четырех тысяч своих приверженцев, из которых более тысячи имели прекрасное вооружение. Человек сто самых отчаянных мюридов заперлись в Сурхаевой башне.

Силы русских состояли из нескольких батальонов регулярных кавказских полков, усиленных казаками и конной милицией. По горным перевалам к стенам Ахульго были доставлены три десятка артиллерийских орудий. Общая численность войск превышала десять тысяч человек. Руководил осадой генерал Граббе (в прошлом адъютант Ермолова), поклявшийся своим именем («граб» по-немецки значит «могила»), что возьмет Шамиля живым или мертвым. За голову имама было обещано сто червонцев.

³⁷ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1884. Кн. 1. С. 331.

³⁸ Милютин Д. А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. — СПб., 1850. С. 1—2.

³⁹ Там же. С. 72.

Кольцо глухой блокады сомкнулось вокруг Ахульго 12 июня. По ночам саперы вели осадные работы, артиллерия без усталости беспокоила неприятеля, в передовых секретах были собраны лучшие стрелки.

Первые попытки штурма не увенчались успехом, а только принесли ощутимые потери. Вскоре Сурхаева башня была разрушена русскими ядрами. Атака, предпринятая 17 августа, заставила Шамиля выкинуть белый флаг, а потом и выдать аманатом (заложником) старшего сына Джемалэдина.

Переговоры, на которые ушло несколько дней, не привели к результату, и Грабова отдал приказ к решительному штурму. Описывая события этого дня, Милютин изменяет своему сухому и точному стилю. «Горцы, несмотря на неминуемую гибель, ни за что не хотели сдаваться и защищались с исступлением: женщины и дети, с камнями или кинжалами в руках, бросались на штыки или в отчаянии кидались в пропасть, на верную смерть, — восклицает военный историк. — Трудно изобразить все сцены этого ужасного, фантастического боя: матери своими собственными руками убивали детей, чтобы только не доставались они русским; целые семейства погибали под развалинами саклей. Некоторые из мюридов, изнемогая от ран, и тут еще хотели дорого продать свою жизнь: отдавая уже оружие, они коварно наносили смерть тому, кто хотел принять его. Неимоверных трудов стоило выгнать неприятеля из пещер, находящихся в отвесном обрыве над берегом Койсу. Приходилось спускать туда солдат на веревках. Не менее тягостно было для войск переносить смрад, наполнявший воздух, от множества мертвых тел...»⁴⁰

Ахульго пал. Над вершинами скалистых утесов развевались русские знамена. Грабова доносил в рапорте: «22 августа был днем развязки экспедиции против Шамиля; я считаю дело конченным, хотя бы... возмутитель и успел спастись. Нет более ему веры в горах; нет более для него пристанища ни на утесах, ни в ущельях; нигде не может он найти место недоступнее бывшего гнезда его Ахульго и приверженцев храбрейших тех, которые жертвовали собою за него. Партия его истреблена вконец...»⁴¹

С выводами нетерпеливый генерал явно поторопился: впереди предстояло еще двадцать лет упорной и кровавой борьбы. К тому же войска понесли чувствительные потери. «Ахульго досталось нам дорогою ценою, — замечает Милютин, — за все время обложения и осады мы потеряли до 500 убитых и более 2400 раненых и контуженых; одних офицеров 23 убитых и 124 раненых»⁴². Но цели своей русские все же не добились: Шамилю с горсткой верных ему мюридов удалось укрыться в пещере на берегу реки Койсу, а потом ночью совершить побег, пробившись с боем через русские посты. Шамиль лишился в Ахульго жены Джавгарат и маленького сына Саида. Предел испытаний оказался слишком высоким для его старшей сестры Фатимат: закутав лицо платком, она бросилась в горную реку Койсу. Во время прорыва из окружения сын Шамиля Гази-Мухаммед получил штыковую рану в ногу. И все-таки Шамиль ушел, хотя и оставил в руках гяуров десятилетнего сына Джемалэдина. Ушел, растаял без следа, как пороховой дым среди скальных уступов.

Что касается Шульца, то под Ахульго он получил несколько пуль. В день последнего сражения, указывая путь штурмовой колонне, он был тяжело ранен в грудь на вылет. В горячке боя о нем не сразу вспомнили, и он еще долго лежал под палящими лучами среди павших. В минуты, когда сознание возвращалось к нему, он вспоминал о любимой девушке, оставшейся в России.

⁴⁰ Там же. С. 118—119.

⁴¹ Кровяков Н. Шамиль. — М., 1940. С. 40.

⁴² Милютин Д. А. Год на Кавказе. 1839—1840 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны. — СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2000. С. 252.

Граббе полагал наградить героя следующим чином. Но царь Николай I собственноручно начертал резолюцию о производстве Шульца в полковники. Его перевезли в госпиталь в Темир-Хан-Шуру, потом он лечился на водах в Пятигорске и за границей.

Вернувшись на Кавказ, Шульц встретил Лермонтова и рассказал ему свою историю. Это было в Ставрополе или Пятигорске (здесь сведения расходятся) и, скорее всего, в 1840 году. Лермонтов, переведенный тогда из гвардии в Тенгинский пехотный полк, участвовал в экспедициях в Чечне и Дагестане под командой генералов Граббе и Галафеева, в памяти которых еще отчетливы были апокалиптические картины разрушенного боем Ахульго. О Шульце заставляет вспомнить строка лермонтовского «Завещания» («Скажи им, что навyleт в грудь я пулей ранен, был...»), написанного в это же время.

Несколько позднее, в январе 1841 года, в Ставрополе, в доме Граббе с Лермонтовым познакомился инженер Андрей Иванович Дельвиг, передавший в своих воспоминаниях подробности тех дней, имеющие некоторое отношение и к битве при Ахульго. «За обедом всегда было довольно много лиц, — пишет Дельвиг, — но в разговоре участвовали Граббе, муж и жена, Трескин, Лев Пушкин, бывший тогда майором, поэт Лермонтов, я и иногда еще кто-нибудь из гостей. Прочие все ели молча. Лермонтов и Пушкин называли этих молчаливников картинною галереєю. Лермонтова я увидел в первый раз за обедом 6-го января. Он и Пушкин много острили и шутили с женою Граббе, женщиною небольшого ума и малообразованною. Пушкин говорил, что все великие сражения кончаются на «о», как то: Маренго, Ватерлоо, Ахульго и т. д. Я тут же познакомился с Лермонтовым и в продолжение моего пребывания в Ставрополе всего чаще виделся с ним и Пушкиным. Они бывали у меня, но с первого раза своими резкими манерами, не всегда приличными остротами и в особенности своею страстью к вину, не понравились жене моей. Пушкин пил не чай с ромом, а ром с несколькими ложечками чая, и видя, что я вовсе рома не пью, постоянно угощал меня кахетинским вином... Лермонтов и Пушкин пришли меня проводить. Первый уверял, что по казачьим землям можно ездить только штаб-офицерам или с крестом на шее, иначе подвергнешься неприятностям со стороны казаков, и потому убеждал меня мой петличный Анненский крест надеть на шею. Конечно, я его не послушался»⁴³.

Сам Лермонтов в боях с горцами не получил даже царапины. Но видел вблизи и смерть, и кровь, буквально потоки крови — когда вода в горной реке становилась красной («мутная волна была тепла, была красна»). Граббе и другие командиры представляли его к наградам, в том числе и золотым оружием с надписью «За храбрость». Но ни в наградах, ни в любви Лермонтов не был так счастлив, как штабс-капитан Шульц...

Свою историю Шульц рассказывал много раз, прибавляя уже и ту замечательную подробность, что Лермонтов использовал ее как поэтический сюжет. Возможно, время стирало в его памяти какие-то детали. Возможно, его слушатели добавляли потом что-то и от себя. Услышанную от Шульца историю пересказывали потом генералы Степанов и Девель, встречавшиеся с ним во время турецкой войны 1877—1878 годов.

Более известны воспоминания Шульца (тогда уже генерала) в пересказе Г. К. Градовского. Молодым офицером наш герой сделал предложение родителям любимой девушки, но получил отказ. Его сочли не слишком выгодным женихом. Но она обещала ждать. Шульц отправился на Кавказ — заслужить чины и награды. За Ахульго он получил Георгиевский крест. Возвращаясь из-за границы, в Дрездене, возле Рафаэлевой Мадонны чудесным образом встретился со своей возлюбленной. Потом, на Кавказе,

⁴³ Дельвиг А. И. Мои воспоминания. — М., 1912. Т. 1. С. 297—298.

рассказал об этом Лермонтову. «Рассказал, — продолжает Шульц, — и Лермонтов спрашивает меня:

— Скажите, что вы чувствовали, когда лежали среди убитых и раненых?

— Что я чувствовал? Я чувствовал, конечно, беспомощность, жажду под палящими лучами солнца; но в ползузабытьи мысли мои часто неслись далеко от поля сражения, к той, ради которой я очутился на Кавказе... Помнит ли она меня, чувствует ли, в каком жалком положении очутился ее жених.

Лермонтов промолчал, но через несколько дней встречается меня и говорит:

— Благодарю вас за сюжет. Хотите прочесть?

И он прочел мне свое известное стихотворение:

„В полдневный жар в долине Дагестана...“⁴⁴

«Сон» — одно из последних стихотворений, созданных Лермонтовым. Его автограф находится в тетради, которая была у поэта на Кавказе в 1841 году. Возможно, Лермонтов написал его незадолго до роковой дуэли в Пятигорске. Но был ли здесь в это время Шульц? Ах, если бы это доподлинно знать...

«Сон» часто называют самым многозначительным и загадочным стихотворением Лермонтова. Д. С. Мережковский видел в нем «воспоминание будущего», то есть мистическое пророчество Лермонтовым своей собственной судьбы. В. С. Соловьев назвал его «сном в кубе», а В. В. Набоков — «тройным сном» и считал, что «витки этих пяти четверостиший сродни переплетению пяти рассказов, составивших роман „Герой нашего времени“»⁴⁵.

Но вернемся к нашему герою. До 1855 года он служил на Кавказе, в чине генерал-майора занимал пост коменданта Александропольской крепости. Это был, по словам современника, «весьма эксцентричный, но увлекательный и храбрый человек, тот самый, который, служа в генеральном штабе, был сильно ранен под Ахульго»⁴⁶. Испросив отпуск якобы для лечения старых ран, он устремился в осажденный Севастополь, откуда привез новое ранение, две контузии и золотую саблю с бриллиантами и надписью «За храбрость». Потом был комендантом крепости Динамюнде, участвовал (в возрасте 70 лет!) в русско-турецкой войне и окончил службу в чине генерала от кавалерии.

Приведем еще одно воспоминание о Шульце — генерала Девеля, встречавшегося с ним при штабе М. Т. Лорис-Меликова во время турецкой кампании:

«Как теперь его вижу, небольшого роста, тоненький, с седой бородою, в конно-артиллерийском сюртуке, с „Георгием“ в петлице и „бриллиантовую“ саблю сбоку, едущего в стороне от всех на небольшой светло-рыжей лошадке... Я подъехал к генералу Шульцу с целью обменяться событиями дня, и он вдруг меня спросил:

— Вы видели, как переносили раненного майора Гоппе?

На мой утвердительный ответ он возразил:

— Черт знает, как при переноске беспокоят раненого, и советую вам, если вас ранят, то лежите спокойно.

Я удивился и из уважения к старику-генералу не возражал.

— А на Ахульго, — продолжал он, — я был ранен в грудь навывлет и целую ночь пролежал среди убитых и этому только обязан, что остался жив, — кровь сама собой остановилась. В Пятигорске, где я лечился от ран, я рассказал Лермонтову про свою рану и посоветовал ему, так же как и вам, не позволять себя трогать, если он будет ранен

⁴⁴ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. С. 392.

⁴⁵ Новый мир. 1988. № 4. С. 190.

⁴⁶ Русско-турецкая война за Кавказом в 1853 и 1854 гг. Из записок генер. от инфант. М. Я. Ольшевского // Русская старина. 1884. Октябрь. С. 175.

в экспедиции против горцев. А через несколько дней он мне прочел свое чудное стихотворение, написанное им по поводу моего рассказа...»⁴⁷

В военных записках «Под Карсом», принадлежащих перу ветерана кавказских битв генерала П. Ф. Степанова, приводится еще один вариант истории Шульца, рассказанной им самим. Новых подробностей Степанов не сообщает, но называет Шульца спартанцем и восхищается тем, как этот «среднего роста, тщедушный старик, притом израненный, равнодушно и без ущерба здоровью, переносил все невзгоды походной жизни, тяготившей и молодых людей... Генерал Шульц, — продолжает Степанов, — был интересный собеседник, охотно предававшийся воспоминаниям о событиях давно минувших лет, и однажды привлек общее внимание рассказом об одном странном случае из его богатой приключениями молодости, когда он в чине штабс-капитана Генерального штаба участвовал в одной из экспедиций в Дагестане в отряде генерала Граббе. В жестоком бою, при штурме Ахульго, он был тяжело ранен пулей в грудь и свалился в кручу; завалы между тем были взяты, и горцы бежали, преследуемые нашими войсками, не заботившимися в пылу боя о раненых и убитых, почему Шульц и пролежал в обмороке несколько часов, никем не замеченный, и только случайно был найден со слабыми признаками жизни; после перевязки он уснул, и грезился ему блестящий бал на родине, и какая-то грустно на него глядящая девушка, черты которой глубоко врезались в его памяти... Оправившись несколько, поехал он доканчивать лечение в Пятигорск, где и рассказал Лермонтову свое видение, послужившее нашему бессмертному поэту темой для одного из прелестнейших его стихотворений „Сон“. Но увлекательнее всего то, что Шульц впоследствии встретился на одном бале с виденной им во сне на боевом поле особой и женился на ней. Присутствовавший при этом рассказе полковник граф Граббе добавил, что его отец в представлении к наградам наиболее отличившихся офицеров против штабс-капитана Шульца написал такую реляцию: „Первый при штурме, последний при отступлении. В три дня четыре раны: полагаю награждать следующим чином“. Но император Николай Павлович соизволил произвести штабс-капитана Шульца прямо в подполковники»⁴⁸.

В 1964 году «Военно-исторический вестник», издаваемый в Париже Обществом ревнителей русской военной старины, посвятил М. Х. Шульцу небольшую статью. Интересно, что в этом же номере помещен и очерк Л. С. Пенькова «От Темир-Хан-Шуры до Ахульго». Автор посетил места бывших сражений в 1914 году и вот что увидел тогда на горных уступах:

«Напасны были мои поиски обнаружить какие-либо остатки грозной твердыни Шамиля. Все было взорвано и уничтожено при взятии Ахульго... Вероятно, сам Шамиль, как трезвый реалист, вполне сознавал, что защита Ахульго была безнадежна. В течение нескольких недель 20 русских орудий поливали снарядами гору вдоль и поперек. При скученности защитников на небольшой площади им было невозможно устоять. Да, защитники Ахульго при штурмах оказывали безумную храбрость и героизм. Участники взятия Ахульго свидетельствовали, что даже женщины, переодевшись в мужское платье, становились с оружием в руках рядом с мужчинами на завалах...»⁴⁹ Даже семьдесят пять лет спустя после штурма земля Ахульго была усеяна пулями и картечью.

За Ахульго Шульц получил в награду не только Георгиевский крест. Была установлена и серебряная медаль на георгиевской ленте — единственная, насколько нам

⁴⁷ Топорков Ю. Мориц Христианович фон Шульц, современник Лермонтова // Военно-исторический вестник (Париж). 1964. № 24. С. 24.

⁴⁸ Городецкий Сергей. Lermontiana // Кавказское слово. 1919. 10 августа. № 163.

⁴⁹ Пеньков Л. С. От Темир-Хан-Шуры до Ахульго // Военно-исторический вестник (Париж). 1964. № 24.

известно, за всю шестидесятилетнюю историю Кавказской войны медаль, посвященная отдельному сражению. На одной ее стороне значилось: «За взятие штурмом Ахульго 22 авг. 1839 г.». Другую украшал вензель Николая I.

Можно ли отнести к боевым наградам Шульца стихотворение Лермонтова? Если да, то эта награда, как и все остальные, была оплачена кровью.

Храбрец Шулец передавал слова Лермонтова о том, что тот и сам хотел бы пройти через испытания, выпавшие на долю нашего героя: «Какая жалость, что я не попал под Ахульго, это, говорят, была удивительная экспедиция... Ах, я желал бы все испытать. Конечно, я пережил бы, так же, как и вы, тяжелые минуты, но все-таки желал бы их испытать...»⁵⁰

Кто знает, какие бессмертные творения мог оставить нам поэт, пройди он через адское пламя, полыхавшее на вершинах Дагестана. Но Ахульго — не Бородино, и дальше зарево этой битвы теперь едва различимо в исторических потемках. Нерукотворным же памятником ее героям навсегда остался лермонтовский «Сон».

«Он ранен был в бою у леса...»

Отправляясь в 1858 году в Россию, знаменитый французский романист Александр Дюма обещал читателям своего журнала «Монте-Кристо» подвести их к «скале, к которой был прикован Прометей», и «посетить стан Шамиля, этого другого титана, который в своих горах борется против русских царей». Популярность Дюма в России была невероятной. Его встречали так, что в одном из писем той поры писатель сравнивал великолепное русское гостеприимство с золотыми рудниками Урала. Даже Императорский фарфоровый завод выпускал изящные фигурки, изображавшие персонажей романа «Три мушкетера».

Российская столица встретила писателя как самого дорогого гостя. «Петербург принял г. Дюма с полным русским радушием и гостеприимством... да и как же могло быть иначе? — писал в „Петербургской жизни“ И. И. Панаев. — Господин Дюма пользуется в России такую же популярностью, как и во всем мире между любителями легкого чтения, а легкие чтцы составляют большинство в человечестве...»

Из Петербурга Дюма отправился в Москву, а оттуда через Нижний Новгород по Волге в Астрахань и дальше — в Кизляр. Преодолеть бескрайние российские просторы было не так просто. Обладая метким взглядом и острым умом, Дюма очень скоро уяснил себе, что «в России все зависит от *чина*». А потому, отправляясь в дальний путь, постарался придать себе генеральский вид: облачился в форменный костюм русского ополченца и за неимением российских наград украсил свой походный мундир испанской звездой Карла III. Расчет писателя вполне оправдался и обеспечил ему беспрекословное содействие местных властей: повсюду в провинции его именовали не иначе как «ваше высокопревосходительство», принимая за важного генерала. И Дюма успешно справлялся с этой ролью, выучив несколько самых необходимых русских слов. Принимая рапорт, коротко кивал: «Хорошо», а полагавшийся ему вооруженный конвой бодро приветствовал, привстав в тарантасе: «Здорово, ребята!»

Путешествие Дюма по России и Кавказу, как ни парадоксально, стало фактом русской литературы: в одной из статей о нем упоминает Ф. М. Достоевский. На выход в свет путевых записок Дюма он откликнулся едкой насмешкой: иной парижский путешественник, «пожалуй, напишет свое путешествие в Париже еще прежде поездки в Россию, продаст его книгопродавцу, и уже потом приедет к нам — блеснуть, пле-

⁵⁰ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. С. 605—606.

нить и улететь... Схватив первые впечатления в Петербурге, выучив мимоходом русских бояр (les boyards) вертеть стол, он решается, наконец изучить Россию основательно, в подробностях, и едет в Москву... Затем путешественник едет далее, восхищается русскими тройками и появляется, наконец, где-нибудь на Кавказе, где вместе с русскими пластунами стреляет черкесов, сводит знакомство с Шамилем и читает с ним „Трех мушкетеров“»⁵¹.

Так или иначе, путешествие продолжалось. Дюма проявил интерес к кавказскому оружию и одежде: известен фотоснимок, где писатель позирует в черкеске и папахе, с кинжалом и шашкой. Посетив Баку, Шемаху и ряд других достопримечательных мест, Дюма встретил новый 1859 год в Тифлисе, а потом из Поти на пароходе «Сюлли» отбыл в Марсель.

Вернувшись во Францию, Дюма выпустил три тома путевых записок под общим названием «Кавказ». В книгу писатель поместил и несколько понравившихся ему стихотворений Лермонтова в своих переводах: «Дары Терека» попали в главу «Абрек», а восемь остальных оказались в главе «Цитаты». Все они хорошо известны русскому читателю в оригинале. Все, кроме одного — стихотворения «Раненый».

Это не могло быть случайностью или ошибкой. Дюма был отлично осведомлен о русских литературных делах. В Дербенте он интересовался судьбой опального декабриста и писателя Александра Бестужева-Марлинского, некогда отбывавшего здесь годы подневольной солдатчины, а потом во Франции выпустил увлекательный роман «Султанетта», представлявший собой перевод-переделку повести Бестужева «Аммалат-Бек».

Что касается Лермонтова, то еще в 1855 году в журнале Дюма «Мушкетер» печатался перевод «Героя нашего времени», а в России в его распоряжении оказался прекрасный очерк жизни и творчества русского поэта, присланный ему Евдокией Ростопчиной. С Додо, как звали ее друзья, Лермонтов был знаком с юности. Посвящал ей стихи. Ее имя он упомянул в последнем письме из Пятигорска к бабушке своей Е. А. Арсеньевой: «Напрасно вы мне не послали книгу графини Ростопчиной; пожалуйста, тотчас же по получении моего письма пошлите мне ее сюда в Пятигорск...» Они особенно сблизились в последние годы, и вряд ли кто-то еще из друзей поэта мог бы нарисовать столь живой и психологически достоверный его портрет.

Послание Ростопчиной с рассказом о Лермонтове Дюма полностью поместил в своей книге, посвятив ему отдельную главу — «Письмо». В ее записках есть одна деталь, отчасти объясняющая, почему Дюма перевел и напечатал «Раненого», без колебаний приняв его за лермонтовский шедевр.

Ростопчина сообщает о поэте, что, находясь на Кавказе, «каждый раз только он оканчивал, пересматривал и исправлял тетрадь своих стихотворений, он посылал ее к своим друзьям в Санкт-Петербург. Эта пересылка была причиной того, что мы должны оплакивать потерю некоторых из его лучших сочинений. Тифлисский курьер, часто преследуемый чеченцами или кабардинцами, подвергаясь опасности упасть в поток или в пропасть, переправляясь вброд, где иногда для спасения самого себя он бросает вверенные ему пакеты, утратил две или три таких тетради Лермонтова. В частности, это случилось с последней, которую Лермонтов послал было к своему издателю, но она затерялась, и у нас остались только наброски стихотворений, содержащихся в этой тетради»⁵².

Всего в книге Дюма содержится восемь его переводов лермонтовских стихотворений («Дары Терека», «Дума», «Спор» и другие) и, сверх того, еще одно — «Le blessé»

⁵¹ Дурылин С. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. Т. 31—32. С. 554.

⁵² Дюма А. Кавказ. — Тбилиси: Мерани, 1988. С. 173.

(«Раненый»), публикацию которого знаменитый романист предварил особым замечанием: «Мы выписали из одного альбома стихотворение, которого нет в собрании сочинений Лермонтова...» И это отсутствие Дюма объяснил, ссылаясь на слова Ростопчиной о потерянной тетради: «...возможно, оно составляло часть той, последней посылки, которую потерял курьер»⁵³.

Предполагают, что этот рукописный альбом мог принадлежать Ростопчиной. И действительно, уезжая на Кавказ, Лермонтов подарил ей альбом и вписал туда посвященное ей стихотворение:

Я верю: под одной звездой
Мы с вами были рождены...
(Графине Ростопчиной. 1841)

Но этот альбом до нас не дошел. Другого же альбома, откуда Дюма мог выписать «Раненого», да и вообще русского оригинала этого стихотворения тоже никому обнаружить не удалось. Какие же есть основания считать неизвестный нам исходный русский текст лермонтовским?

Первый биограф поэта П. А. Висковатый, редактируя первое полное собрание его сочинений (1889), поместил стихотворение (во французском переводе Дюма) в разделе приложений и сделал осторожное предположение:

«Между стихотворениями нашего поэта мы такого не знаем и откуда мог его получить Дюма нам неизвестно. Характер стихотворения пожалуй и подходит к поэзии Лермонтова и мы думаем, не есть ли этот перевод только весьма вольное подражание стихотворению Лермонтова „Завещание“»⁵⁴.

Самое интересное, что Висковатый предлагает свой стихотворный (обратный!) перевод с французского:

Как зверь подстреленный, у леса он лежал...
Вокруг безмолвная природа.
Сочилась кровь — он тихо умирал
Без ласки теплой и ухода.
А думы вдаль летят — минуты сочтены;
И в нем сильнее тоска и муки —
Он знает, что забыт, хоть ею полны сны,
Хоть к ней простер хладеющие руки.

Высказывалось и прямо противоположное мнение, и высказал его глубокий и тонкий исследователь — Б. М. Эйхенбаум. В комментариях к полному собранию сочинений Лермонтова, выпущенному издательством «Academia» в 1936 году, он писал, что «предположение Висковатова неправдоподобно: стихотворение, приведенное у Дюма, не имеет ничего общего с „Завещанием“».

Там же дается подстрочный перевод французского текста:

«Видите ли вы этого раненого, который в судорогах лежит на земле? Он умрет здесь, у пустынного леса, и никто не облегчит его страданий; но кровь из его раны сочится с удвоенной силой и боль сердца особенно жестока потому, что, погружаясь в воспоминания, он знает, что забыт»⁵⁵.

⁵³ Там же. С. 175.

⁵⁴ Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. I. — М.: Издание В. Ф. Рихтера, 1889. С. 358.

⁵⁵ Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. — М.; Л.: Academia, 1936. Т. 2. С. 273.

На этом история «Раненого» не кончается: нам известны еще, по крайней мере, два интересных перевода этого стихотворения на русский язык. Но об этом несколько ниже. А теперь попробуем ответить на главный вопрос: есть ли основания считать исходный текст лермонтовским?

Рассмотрим три мотива, характерных для Лермонтова и отчетливо присутствующих в тексте «Раненого».

Время и место. В стихотворении «Раненый» не обозначены конкретные признаки времени и места, у Лермонтова же там, где стихотворный сюжет разворачивается в реальном внешнем пространстве, оно всегда имеет четкие топографические ориентиры. Действие, как правило, и начинается с обозначения обстоятельств времени и места:

Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул...
(Аул Бастунджи. 1833–1834)

В полдневный жар в долине Дагестана...
(Сон. 1841)

Особенно характерно в этом отношении стихотворение «Валерик»: автор-рассказчик, едва начав повествование о боевых действиях, прерывает себя, чтобы обозначить место событий:

Раз — это было под Гихами —
Мы проходили темный лес...

Поэту нет дела, что его читатель никогда до этого не слышал и никогда больше не услышит название горского селения Гехи, он навсегда вписывает его в свой текст, имея в виду какую-то понятную только ему художественную цель.

Определение времени и места события сопровождается у Лермонтова и другими уточняющими приметами внешнего мира, из которых можно выделить столь любимые им, художником, цветовые признаки. Здесь и «чета белеющих берез», и старинная башня, что стоит, «чернея на черной скале», там, «в глубокой теснине», «во мгле», где вообще, кажется, никакой цвет различить нельзя. Для краткости обратимся лишь к одному кавказскому батальному стихотворению — «Я к вам пишу...» («Валерик»):

Кругом белеются палатки...
Люблю я цвет их желтых лиц...
...один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит...
Сейчас, смотрите: в шапке черной...
Мы проходили темный лес...
...пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес...
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами...
...мутная волна
Была тепла, была красна...

Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом...

(Валерик. 1840)

Представлен почти весь спектр, только вместо голубого — лазурно-яркий и не хватает экзотических оранжевого и фиолетового, отсутствие которых понятно и восполняется замечательным набором: белый, черный, светло-серый, темный.

Объемы «Валерика» и «Раненого» несравнимы, но сопоставление их все же показательно в том смысле, что «Раненый» для Лермонтова слишком беден и бледен.

Ранение. Рана. Кровь. Весьма характерный для Лермонтова мотив, однако реализуемый у него несколько иначе, нежели в переводном тексте Дюма: описание ранения, если и не детальное, то всегда имеющее ряд уточняющих указаний:

С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя...

(Сон. 1841)

Скажи им, что навылет в грудь
Я пульей ранен был...

(Завещание. 1840)

...Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась...

(Валерик. 1840)

То же и в прозе. Рассмотрим три самых известных трагических эпизода из трех частей «Героя нашего времени»: смерть Бэлы, смерть Грушницкого и смерть Вулича.

Казбич поразил Бэлу ударом кинжала. Об этом мы узнаем со слов Максима Максимыча: «Бедняжка, она лежала неподвижно, и кровь лилась из раны ручьями... Такой злодей: хоть бы в сердце ударил — ну, так уж и быть, одним разом все бы кончил, а то в спину... самый разбойничий удар!»

О Грушницком Вернер сообщает в записке Печорину, что «тело привезено обездображенное, пуля из груди вынута».

Вулича казак ударил «шашкой, и разрубил его от плеча почти до сердца».

В «Раненом» ничего подобного нет.

Одиночество, забвение и душевные муки, связанные с ними. Здесь само собой напрашивается сравнение «Раненого» с лермонтовским «Сном», ибо не вызывает сомнений сходство внешней ситуации, нарисованной в том и другом стихотворении: некто, раненый и забытый, находится в пустынной местности, испытывая физические и душевные муки.

Но «Раненый» этой ситуацией исчерпан до дна — весьма неглубокого, как в смысле поэтических средств, так и в смысле психологизма. Чем же принципиально отличен от него «Сон»?

В восьми первых строках Лермонтов создает ту же исходную ситуацию — создает сильными, яркими ударами кисти, и поразительная жадность к подробностям бытия,

пожалуй, даже подводит его, ибо герой «Сна» успевает подметить и почувствовать слишком много (даже противоречиво много) для смертельно раненного человека: место и время события, причем время с точностью до часа — полдень; природные условия в текущий момент («жар», «солнце жгло»); рельеф и цвет окружающего горного ландшафта («уступы скал», «желтые вершины»); характер грунта («на песке»).

О себе герой сообщает, что ранен пулей в грудь, причем пуля не прошла навывлет, что рана глубокая и дымящаяся, кровотечение из нее незначительное («кровь точилась») и он успевает почувствовать каждую потерянную ее каплю, что следствием ранения явилось тяжелое бессознательное состояние («лежал недвижим», «спал я мертвым сном»).

Но самое главное, впрочем, даже не это. Если в «Раненом» изображенная ситуация представляет собой конечную художественную цель, то для «Сна» это всего лишь исходный момент, за которым происходят главные события сюжета. Причем — и это принципиально важно — действие теперь устремляется в иные сферы, весьма удаленные по обстоятельствам времени и места от исходных.

Для Лермонтова это весьма характерный прием построения лирического сюжета: рисуя то, что реально присутствует перед нами, он переходит к изображению того, что реально отсутствует и что составляет, собственно, художественную цель его медитативной лирики. И именно это разнит исследуемые тексты так глубоко, что не оставляет, кажется, сомнений в принадлежности их если не разным авторам, то, во всяком случае, разным способам поэтического мышления.

«Раненого» больше не включают в собрания сочинений Лермонтова. Но такова, видимо, магия поэзии, что, соприкоснувшись однажды с великими именами, это стихотворение продолжает жить своей особой судьбой. Записки Дюма на русском языке выходили дважды: в 1861 году в Тифлисе и там же в 1988-м, когда издательство «Мерани» выпустило прекрасно иллюстрированную книгу с дополненным переводом и необходимыми комментариями. Подготовил эту книгу М. И. Буянов, предложивший еще один перевод «Раненого»:

Узрели ль вы несчастного,
Что в корчах пал на землю
Пред лесом опустевшим?
Никто не облегчит его печали,
А кровь сочится из больного сердца.
И он ушел в свои воспоминанья,
Поняв, что всеми позабыт давно.

В 1989 году поэт Ал. Бакалеев выполнил вольный стихотворный перевод с французского, который мы предлагаем суду читателя:

Он ранен был в бою у леса
Шальной пулею черкеса.
Прошла навывлет в левый бок,
Судил ему так русский бог.
Земля чужая кровь впитает,
И смерть над ним уже витает.
Но что страшнее смертной муки,
Никто к нему не тянет руки.
Нет, он не пулею убит,
А тем, что здесь один забыт.

Древние говорили, что книги имеют свою судьбу. Кто знает, не найдется ли тот рукописный альбом, в котором автор «Трех мушкетеров» впервые увидел эти стихи? В истории «Раненого» есть еще непрочитанные страницы...

РЕЦЕНЗИИ

Ольга КРАПЛАК

НЕКРИТИЧЕСКИЕ ЭССЕ

Васякина моя

Оксана Васякина — поэтесса и писательница, автор книг в жанре автобиографической прозы «Рана» (2021), «Степь» (2022), «Роза» (2023), вышедших в издательстве «Новое литературное обозрение». Лауреат премий «Лицей» и «НОС», шорт-листер премии «Большая книга».

Читать Васякину — это как по одинокой заброшке среди полей шараться. Пока доберешься, жить перехочешь. Сначала в трамвае до конечной, а билетик дорогой и несчастливый. Потом мимо сараев идти под осатанелый лай злых дворняг. А там лесополоса, за нею — степь седая открывается, с репейниками да саранчой, сурепкой хрупкой, страшной куриной слепотой. И вечереет, и черт пойми, зачем оно все тебе. Однако тянет к себе странная тайна, да и старшие ходили туда костер жечь на майские.

Страшно хочется понять, что там такое чернеет вдали.

Как можно говорить о Васякиной?

Можно заранее обречь себя на полнейший провал и написать эпитафию, мол, Васякина съедобна только для маргинального кружочка тех, кто не посмеется от слова «психоаналитикесса». Слишком просто — малодушно отсечь себя от васякинской писанины, упокоить Васякину в коробочек, кинуть в волны и отпеть на славу. Ой, жила девица-синица, петь могла, а не пела, гнездышко свила, да гнездышко тесное. Горегорюшко, погибель, ой, что же делается-то, девоньки! Мать сыра литература!

Можно облачиться в доспех теории женского письма и умно выискивать маркеры феминности, памятуя о разнице между феминным и феминистским, цитировать то и это. Тем более что сама автор себе щедро настелила гипертекстовой соломки, считай, дала добро ее втискивать в некую структуру. Однако доспех тяжелый, ржавый, и не все в практике Васякиной можно объяснить ее очевидным желанием стать русской Элен Сиксу, переводной женской иконой для молений паствы, возжелавшей исконного.

Однако сварено отменно, не по рецепту, а на глазок! Славный кухонный подвиг — вот что я говорю как сестра по кухне. Хорошо поэтесса Васякина обращается со словом: с модной нечеткостью образов, которой не научиться. Вот кто сможет нарочно так поломать все, до слез, до иступления:

«Трусы мокли, и теплая липкая смазка тут же остывала на ластовице, как если бы в моих трусах умерла юная волжская вобла».

Ольга Краплак родилась в 1991 году и живет в Крыму, в городе Евпатория. Прозаик, в прошлом поэт. По образованию художник-график. Публиковалась в журналах «Юность» и «Мир фантастики». Стипендиатка мастерской журнала «Вопросы литературы».

Почему юная, почему вобла, почему умерла, почему волжская, в конце-то концов?! Каждое слово неправильное, но до чего же правильно это звучит в контексте, как здорово вплетается в узор новой-преновой словесности, где всякая истина, точность — мох на ушах, тлен, скука-математика, долой!

Можно принять роль исповедника, выслушать покаянные васякинские всхлипы, наложить епитимью, а потом отправиться слушать иных скорбящих, вон сколько их у гроба несчастливой юности стоит и плачет о проклятом поколении девяностых. Вот они, слева направо: Богданова, Валитов, Горбунова, Некрасова. Если сутана шею давит, то можно присоединиться к хору, у каждого ведь своя рана есть. И в серию «Роман поколения» улечься. Здорово же там, на безрыбье. Улитки ползают, сытная тина. Питательное гнилье.

Я лучше расскажу, как однажды в подмосковном подвале четкие литературные люди принялись меня пытаться, мол, ты кто по жизни. Список уважаемых имен в современной русской литературе оказался неприлично коротким, поэтому меня решили определять через ненависть. Как водится там, у них. Ненависть понятна и проста, и сразу от нее явь у людей происходит. И Оксана Васякина вдруг оказалась верным паролем, колоть меня взглядами перестали, заулыбались: своя. Так Оксана спасла меня, имя ее беду отвело. И я сразу же решила, что отныне она мне не чужая. И стала Васякина моей, собственной.

Я почти не знала ее, так, пробежалась по первой странице «Раны», а там такое подстерегает:

«Свет был хороший, и ветра не было, свет был, как в августе, золотой».

Тогда еще подумала, что редакторы совсем былинок не ловят — и расстроилась, потому как *было* ведь здорово это, про свет, и зачем *было* так небрежно просеивать текст, можно ведь *было* и поправить, да не *было* сита нужного. А теперь поняла, что неспроста, то прием фокусника: заколдовать время. Мол, вот и все, что было, не было и нету, и сплошь колокольный «был, был, был», и все, как у людей. Да, все пройдет, только Сибирь внутри Васякиной не проходит, нет. Пускай не проходит.

Однако прием этот слишком уж нарочный, нет секрета. Ничего ее текст не таит, нет в нем истины, только правда сплошная. Все расколдовано.

Вот Оксана рассказывает — о, что же это, ис-то-ри-я?! — про дочку маминой знакомой, летнюю подружку. Будто наспех переводит отрывок про первую страсть Гумберта, Аннабеллу Ли (не Lee, а Leigh, как просят там не путать). И все почти хорошо, писательница, наконец, пишет, пусть и неряшливым почерком, но Оксана тут же ломается, будто опомнившись ото сна, где она была счастлива. Она вдруг вопрошает:

«Осознала ли я тогда, что то, что я испытываю к этой девочке, — эротическое возбуждение?»

И, как будто этого окрика мало, тут же свивает эссешку про свой творческий метод, чтоб неповадно было историями баловаться в серьезном фем-пост-мета-что-то-там-романе.

Или птичьи истории. Говорит:

«Что-то очень старое, деревенское во мне поднимается, когда птицы приближаются».

И принимается гадать по перышкам, только снова нет никакого прозрения действительности, сплошная апофения на фоне болезненной тревожности. Воробушек чирикнул — к метастазам раковым. Снегирь в сугробе — смерть грядет. Почему? Потому. А вот глупая ворона разбила пепельницу — но дар вдруг ушел, вслед за мамой, и символа не разгадала Оксана. А ведь с вороной-то и был настоящая, подлинная тайна: Оксана везет урну с прахом, и страшно ей, каркуше-растяпе, уронить да разбить. Не надо надуманного ведьмовства, чтоб разгадать вороний секрет.

В том, что секрета нет — в том и секрет у Васякиной.

Вся она на виду и сама себя хлещет. Вот гляди, как у меня порвалась нить истории, и я вдруг вплела в ткань текста эссе ненужные, как я стихами вся привычно укуталась, ах какая я бедовая девка, да разве же это все литература!.. Да, критика «Раны» начинается прямо внутри романа:

«На протяжении полугода я пишу свою историю. И все в ней мне кажется неважным, рваным, неполноценным. Нарратив растаял в разбегающихся ручейках памяти. Ритм сбился. В книгу пришли стихи и эссе. Книга рассыпается и кажется мне не такойстройной и понятной, она не похожа на те книги, которые принято читать и любить. В ней нет настоящих сконструированных персонажей и сложных сюжетных линий».

Это даже не слом четвертой стены во имя новой искренности, это — сорванная крыша в шаткой конструкции текста. И читать просят только так, глядя сверху вниз, на беспомощную, униженную авторку. Тоска по холодным материнским глазам, ах, без них и не пишется! Ах, вот она я, такая вся нелюбимая!

А вот не стала я сверху глядеть, я в домик без крыши пробралась через разбитое окошко.

А там пусто, в доме васякинском. Только язык ласточки-Филомены гниет на столе, и стены расписаны цитатами многомудрыми да вырезками из эротических журналов и плакатами оклеены, до того бумагу ветры степные поели, уж не разобрать, где сосок, а где Земфира. И не спросишь ведь, зачем ты дом построила. И не спросишь, куда ушла. Стоит домишко маленький среди степи, сверчки прыгают, звезды светят — крыши-то нет, а смотреть на звезды те некому.

Приходи и живи, кто хочешь. Вот тебе наконец свой угол.

И ведь живут, но о многочисленных насельниках этого домика расскажем как-нибудь потом, когда они свои собственные домики выстроят.

О (не)романе «Комната» Виталия Михайлова

Виталий Михайлов — писатель, автор мистического романа «Комната» (2024, издательство «Городец»). Финалист премии «Лицей» имени Александра Пушкина в 2023 году.

Есть книги особого рода. Они ломают привычные представления о том, что такое книга вообще. Роман (а может, и не роман, может, нечто иное, как мы выясним дальше) Виталия Михайлова «Комната», недавно вышедший в издательстве «Городец», как раз из таких.

Я подошла к порогу «Комнаты» и замерла в нерешительности: уж больно неказистая дверца. Впору смеяться зло и тыкать пальцем:

— Глянь, у него там футболка в глаза бросается! Одичала футболка-то! В чьи глаза, в чьи глаза бросается футболка! Ну что за [!!!!!!]!

Выдать бы Виталию Михайлову черную метку графомана в виде замочной скважины — и пойти читать славную Лужбину с ее мерцанием неброским. И пускай сверхчеловеки ломают голову, как написать о «Комнате», чтоб не снобило за версту.

Можно так было поступить, но мне беспокоит от запертых дверей. Нет мне житья, если комната есть, а не открывается, а вдруг там сокровище какое спрятали.

Ну, покрутилась я у порога, поплакалась — да и распахнула дверь, шагнула вперед, в беду, тьму сырую, и во тьме что-то плачет. Стены шупаю, а стены холодные, страшные, но должен ведь быть выключатель где-то. Нет, то не выключатель, то гвоздь очередной извращенной метафоры торчит. То таракан бежит щекотно. И зовут таракана [!!!!!!], не путать он просит его с тараканом Живчиком, а также с [!!!!!!]-Из-Под-Раковины.

И представьте себе, я вдруг не путаю их! Видимо, все, пометила меня «Комната», напоролась на гвоздь тот — и хана, вползла комнатная зараза в кровь. Вот уже

и свет не нужен: как-то вдруг настроились сами глазные светильники. Откуда они только взялись... Неважно!

Словом, «Комнате» надо кровь свою показать, иначе — не берет. А уж как возьмет, то и не отпустит до самого конца, до слез. А слезы — это оттого, что не моргал несколько часов. Вот такое злое чудо.

Разобрались вроде бы с методом взлома «Комнаты». Что же там внутри?

А там — сон. Долгий сон, размахом и силой похожий на дерево в Булонском лесу. Оттого и начала нет, ведь во сне оказываешься сразу в середине всего, и не нужно знать, как попал на крышу этого ангара-кита, а под крышей — дом, а в доме — дети, а у детей — книга снов, а в книгу снов смотреть нельзя — накажут. Оттого и скачет нарративная синичка по веткам, ведомая только Тенью-подсознанием. Оттого и конца нет, только переход в трезвую явь прямо из Вивария с ящекоголовыми людьми, у которых отняли роскошь имен.

Пересказывать сны — дело неблагоприятное. То, что кажется важным и ярким, на поверку оказывается рассыпчатым бредом. Но здесь нам не пересказывают ничего, здесь нас втягивают внутрь и просто дают посмотреть самому. То есть это даже не текст, это нечто вроде... комнаты, черт возьми, где показывают всякое.

Да, хорошо бы, чтоб проектор не сбоил так, что приходится его лупить и отчитывать, чтобы по стенам ничего шестипалое на ползало беспокойно, а стулья не были украдены из детского садика им. Олега Рыбаченко. Однако в какой-то момент перестаешь замечать все эти стилистические преступления, и даже мелькает мысль об их преднамеренности. Я не уверена, что будь «Комната» чиста и прилична, вышло бы вот так вот вспороть мне кожу.

Как и положено сну, «Комната» наполнена отзвуками увиденного и прочитанного. Дом со странными, грустными детьми — это «Дом в котором» Мариам Петросян, таинственные двери и квантовые сдвиги реальности — это сериал «Потерянная комната», остров с культистами — конечно же, «Плетеный человек», приключения в доме опасной слепой старушки — триллер «Не дыши». Буквально каждому сюжетному повороту в «Комнате» можно при желании найти какой-нибудь аналог, какое-нибудь дежавю, тут все зависит только от степени пасхального психоза у сновидца. Хоть Мисиму выуживай, хоть Курвица. И «Комната» не пытается скрыть своей вороватости, наоборот, на стенах развешаны портреты потерпевших, и портреты эти хитро улыбаются, мол, ага, умный сновидец попался. К тому же все украденное до того ловко заплетено, что выходит свой узор, ни у кого такого нет.

О трактовках снов можно наговорить уйму всего, но это не дело простого сновидца, вроде меня. Наверняка кто-то решит войти в Эдипов штопор и разобраться с фиксацией автора на образе ключа, входящего в замочную скважину, и при чем тут отец, ящики и цифра девятнадцать. Более интересной мне кажется тема имен, точнее, то, как автор обращается с именами. Здесь есть что-то такое, из области писательства, мол, свои должны понять. Придумал персонажа — назови его, да так назови, чтоб смысл был. Желательно еще какой-нибудь хитрый, библейский. Имя-судьба. Дать имя — это дать ключ, а в романе «Комната» никаких ключей до срока давать нельзя. Позвенеть связкой «Анна, Кристина и Виолетта» можно разве что для пушей интриги. И поэтому решение исключить имена вовсе, да еще и выстроить на этом исключении главную сюжетную ниточку — это, как минимум, смело. И дает простор для разных умных замечаний, которые хоть и несколько нарочиты, но тем не менее звучат в сердце:

«Прозвище вытаскивает на поверхность то, что имя пытается скрыть. Наверное, ей скрывать было нечего».

Или упомянутое выше:

«Обитатели второго этажа могли позволить себе такую роскошь, как имя».

Вот так, имя — это роскошь, и сидишь ты, огорошенный эдаким трюизмом, как дурак. И шуршат в голове разные мысли, вроде: «А когда кошку зовут Кошка — это имя или кличка? А у кораблей имена или названия? А если имя сам себе дашь — это нарциссизм?»

Итак. В конце-то концов, хороший ли роман «Комната»? Нет, это плохой роман. Потому что не роман вовсе, а пространство. «Комната» — это комната, и оценивать ее стоит так, как мы оцениваем комнаты.

Ну что сказать. Бардак, конечно. Но жить можно, главное — не в одиночестве.

Лиминальная проза Анны Чухлебовой

Анна Чухлебова — литератор, автор сборника рассказов «Легкий способ завязать с сатанизмом» (2023, издательство «Городец»). Финалистка премии «Лицей» имени Александра Пушкина в 2021 году.

Есть такие пространства, в которых страшно быть, и непонятно, почему страшно, оттого и страшно, что непонятно почему. Например, гуляешь ты в межсезонье ночью по набережной, совершенно пустой, бесчеловечей. Помнишь, как оно должно быть, шумно-курортно, лица-лица-лица, до ужаса живо все. А сейчас никого, и вдруг — шаг! Нет, тополь шуршит, листья роняет. Жутко.

Все для человека, а человека — нет, и эта неправильность, неестественность мучает, не должно быть так. И глупая голова от страха пытается выдумать нечто из этого ничто — такова лиминальная проза Анны Чухлебовой.

Начиная с самой ткани языка, которая выглядит как шелк — а на этикетке полиэстер, 99 % (о, это манящая неполнота!). Хочется красивой сложности, но выходит неудобоваримо, как ребро раскладного дивана. Кто-то бы сказал, что все это у Анны взялось из восхищенного чтения Прилепина, у которого несурезицы — это такое колдовство¹, чтоб читателя огоршить, выбить читателю зубы, дабы не кусался. Дескать, почему ему можно — а Анне нельзя? Но дело в том, что никому нельзя, нет, никакое это не колдовство, если, знаете ли, нормальному, не искалеченному чтением прозы тридцатилетних читателю в челюсть кожаным ребром прописать (что-то не то вечно с этими ребрами) — то такой читатель книжку-то просто захлопнет, если не любит боль. К счастью для всех этих «колдунов», многие любят боль, даже я. Когда вижу подобную писательскую манеру, обращенную в обглоданную временем кость, то сразу мне хочется пристальнее вглядываться во мрак. Вдруг там все же есть что, ну не может же не быть, ну не бывает так, что совсем ничего, ни единого лучика. Я даже тут лучик нашла, вот, в рассказе «Коробка»:

«...липнут к жизни, как улитка к виноградной лозе».

Ну, с оговорками, конечно, касательно дурацких какулиток, но намек-то на жизнь есть!

Ведь почти по-человечьи! На 99 %! Только звук подвел! (Вообще, удивительно, насколько часто прозаиков подводит звук, ну читайте вы вслух, ну хоть робота читать заставьте, они нынче ученые). Впрочем, на эти замечания можно запросто ответить, мол, «у тебя просто уши другие». И что тут ответишь!

И вот в этом «почти» и заключена главная тайна притягательности Анны Чухлебовой как прозаика. Когда понимаешь, что перед тобой имитация, то это само по себе завораживает. Как разговаривать с нейросетью ночи напролет. Как в бездну глядеть, в черную дыру с непостижимой тайной сингулярности внутри.

¹ https://vk.com/wall37919763_4859.

Я бы сравнила успех Чухлебовой с успехом картины Климта «Поцелуй», где, как известно, никто не целуется. То есть ничего не происходит, но в этом-то небытии и заключено событие.

Сюжетно рассказы почти все до единого строятся согласно непобедимому девизу динамицисты.

Иногда выходит даже почти хорошо, как в «Кровообращении», где героиня сама страдает от своей невозможности дать. Еще чуть-чуть — и даже трагедия.

В большинстве же случаев — как только прорезается какой-нибудь живой росток, рассказ стараются поскорее свернуть. Надо чтоб все немедленно развелись, надо всех самоубить, снегом закидать на пустыре, и пускай как-нибудь оно там, само по себе. Кто-нибудь скажет, что нечего рассусоливать, церемонии разводить, помер Никодим — и Господь с ним, здорово и вечно. Да, я понимаю, что такое короткое дыхание, и с этим действительно можно жить прозаику. Но тогда и выкладываться в каждом забеге следует до предела, авось и сдашь зачет на аффекте, а вот жалиться на выдуманное слабое сердечко, вот мама записку дала, освобождение у меня по здоровью, понять-простить — это нечестно. Лучше на финише кровью харкать, чем убить рассказ.

Но если бы Анна так делала — то вышла бы книжка в моднейшей серии «Городца»?.. И это я не к тому говорю, что публикуют только тех, кто почти, да не полностью, только тех, у кого справочка-золотой билет. Хотя и их тоже, чего уж там. Просто себя надо действительно любить и беречь и оставлять запас сил на жизнь, на то, чтоб к моменту славы у тебя оставалось тело, которое будет греться у врат вечности. Однако хотелось бы все-таки посмотреть хоть одним глазочком, как Анна прекратит кутаться в черные драпировки, перестанет играть и явит миру что-то настоящее, оно же есть в ней. Не может не быть.

В конце концов, если что-то может быть сказано, оно должно быть сказано ясно, черт возьми, Аня! Хорошо сидеть в своей черной коробке, как тот черный квантовый кот! У тебя уже есть наблюдатель, ты точно жива, мы все подтвердим! Завязывай со своим декоративным сатанизмом, сама же говоришь, что это легко!

Кто-то скажет, что я просто пытаюсь оправдаться, накручиваю какую-то квантово-мета-пост-заумь вокруг того факта, что я месяц, в сущности, жевала лиминальный кактус, который вот-вот расцветет, да все никак. И даже будут правы, да, я действительно пытаюсь понять, что же заставило меня прочесть сборник и написать о нем.

Однако я хоть и странно провожу свое время, а все-таки дело не в этом. Я, понимаешь ли, верю в Чухлебову, напряженно ожидаю чуда.

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Наши русские чиновники: Антология / В. Карлгоф, А. Пушкин, Н. Гоголь и др.; сост., вступит. ст., примеч. И. Н. Сухих. М.: РИПОЛ классик, 2024. — 480 с. — (Антология русской души)

Русское чиновничество придумал Петр Великий, введя в 1722 году «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных...» — напоминает составитель антологии Игорь Сухих. Позднее в «Табели» что-то менялось, чины исчезали — оставались чиновники. В том числе в книгах, в образах, в культурной памяти. Собранные под одной обложкой тексты дают представление о том, как относились к русскому чиновничеству классики русской литературы, создавшие настолько яркие образы чиновников, что они и по сей день «живее всех живых». Русские писатели оставили подлинные картинки жизни и быта персонажей-чиновников, сумели воспроизвести и их

душевные переживания, чаяния, мысли. Это писатели, отразив в своих произведениях взгляды своих современников на чиновничество, в то же время формировали и отношение современников — и потомков — к многочисленному и разнообразному по материальному положению, по важности занимаемого поста чиновничьему люду. В антологию входят произведения В. Карлгофа, А. Пушкина, Н. Гоголя, М. Салтыкова-Щедрина, Н. Лескова, А. Чехова, Л. Андреева, М. Зощенко, М. Булгакова, А. Куприна. В них русские писатели по-разному, от сентиментальности до сатиры, изображают этот неустрашимый феномен национальной жизни. Текстам предпослана статья И. Сухих, где, анализируя представленные тексты, автор исследует эволюцию темы чиновничества в русской классической литературе. Две повести с одним названием, где герои — чиновники нижних ступеней — вышли практически одновременно. Но их судьба различна. «Станционный смотритель» Карлгофа (1827) перепечатывается в данной антологии почти через двести лет после публикаций в журнале и сборнике Карлгофа. «Повесть Белкина» Пушкина — один из шедевров русской прозы — создала особую тематическую линию повести о бедном чиновнике и многочисленные эхо-отклики в последующей литературе. Различие литературной судьбы двух «Станционных смотрителей» объясняется не только уровнем таланта их авторов, утверждает И. Сухих. Важен их литературный контекст. Карлгоф следует уже устаревшей к 30-м годам XIX века карамзинской манере. Он сентиментален и поэтичен, но его поэзия приторна, жеманна. Карлгоф создал идиллию и утопию — идеальную модель судьбы маленького человека, но соотносить ее с реальностью было невозможно. Демонстративно повторив заглавие повести Карлгофа, А. Пушкин изобразил своего героя в реальных обстоятельствах. В судьбе «мученика четырнадцатого класса» он показал не идиллию, а драму, причем не только/столько чиновника, но — отца, мужчины, человека. С «Повестей Белкина» начинается новая манера разговора русских писателей о русской жизни. Гоголевская «Шинель» продолжит пушкинскую традицию. Судьба гоголевского «вечного титулярного советника» еще трагичнее, чем пушкинского коллежского регистратора. А «Ревизор» Гоголя гениально продолжит сатирическую линию изображения чиновничества, зародившуюся еще в XVIII веке. «Ревизор» остается одной из вершин русской сатиры, пьесой, тема которой и герои актуальны на все времена. Новые сатирические страницы, чиновничеству посвященные, вписывают в историю русской литературы писатели, узнавшие этот быт изнутри. «Губернские очерки» (1856) Салтыкова-Щедрина придали гоголевскому гротеску более конкретные, бытовые черты, что неудивительно. Писатель, побывавший вятским и тверским вице-губернатором, «работал» со знакомым материалом. То, что у Гоголя выглядело фантасмагорией, у М. Щедрина приобрело характер неопровержимого факта, свойства системы. Причем Щедрин не просто изображал, но и объяснял особенности чиновничьего менталитета. И. Сухих выделяет важный аспект в монологе щедринского «Надорванного»: «Я столько получаю ежедневно оскорблений, что состояние озлобления не могло не сделаться нормальным моим состоянием. Кроме того, жалованье мое такое маленькое, что я не имею ни малейшей возможности расплыться в материальных наслаждениях». «Собственно, именно бедность чиновников, неустойчивость положения, недостаточность жалованья для безбедного существования, зависимость от всей иерархии начальства не только по службе, но часто и в быту оправдывали в глазах общества привычное взяточничество русских чиновников», — пишет Е. Жерихина в книге «Русский чиновник как исторический персонаж». Важные штрихи к коллективному портрету чиновничества, большую часть которого на взяточничество провоцировала сама государственная система, добавляет Лесков: честный чиновник — либо сумасшедший («Однодум»), либо иностранец, англичанин («Язвительный»). Писатель следующего поколения, Чехов, снова меняет художествен-

ную оптику. Он уже не издевается, а иронизирует и презирует преклоняющихся перед чинами, утративших собственное достоинство. Это и «Смерть чиновника», где сочувствие вызывает уже не бедный чиновник, а значительное лицо, старичок генерал, и рассказ «Толстый и тонкий», в котором тонкий лебезит перед одноклассником, узнав, что по чиновничьей лестнице тот на пять ступеней выше. Еще один тайный советник в одноименном рассказе, увиденный глазами ребенка, изображен писателем с добрым юмором, как все люди. Чехов помнит «Табель о рангах» (отсюда и заголовок), но не принимает ее во внимание. Он изображает не отставного чиновника, но – человека. Человека увидел в своем герое и Л. Андреев – остролюбодневный рассказ «Губернатор». В ходе революции 1905 года генерал отдает приказ о расстреле рабочей забастовки. А далее идет хроника объявленной смерти: угрозы в письмах генералу и членам его семьи, ожидание неизбежного, трагический финал. В антологию включена повесть М. Зощенко «Коза» (1923), точная вариация, калька гоголевской «Шинели», история коллежского регистратора, но в другую эпоху. И причудливая повесть М. Булгакова, «Повесть о том, как двойники погубили делопроизводителя», провоцирующая на воспоминания о Гоголе, Достоевском и еще глубже – Гофмане и других романтиках. А завершается антология на беззлобной ноте. Куприн из эмигрантской и исторической дали рассказывает забавный анекдот о том, как самому прямому и честному губернатору приходится к юбилею Отечественной войны 1812 года заниматься поиском «древних старожил», которые имели случай видеть Наполеона». А подчиненный готов на все: «Они у меня не только Наполеона, а самого Петра Великого вспоминают!» Собранные под одной обложкой тексты «на заданную тему» дают возможность сопоставить день минувший и день нынешний, оценить живучесть «особенностей чиновничьего менталитета», а заодно насладиться хорошим русским языком. А статья И. Сухих приглашает к размышлению..

Наталья Михайлова. Лиза и ландыши. М.: Кучково поле, 2024. – 254 с.: ил.

В книгу включено одиннадцать статей и очерков, в которых Наталья Михайлова, пушкинист, писатель, музеестроительница, рассказывает о поэтической культуре и литературном быте, о предметном мире и нематериальных ценностях ушедшей эпохи, эпохи Пушкина. Здесь и впервые опубликованный автограф А. Пушкина, и рассказ о его знаменитой Болдинской осени, и размышления о романе «Евгений Онегин». Руководствуясь словами самого Пушкина, что «всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства», Н. Михайлова воссоздает историю автографа А. Пушкина на шмуцтитуле альманаха «Северные цветы»: «Плетневу от Пушкина в память Дельвига 1832 15 февр. С.П.Б.» – и раскрывает ее трагическую подоплеку, дает свою интерпретацию человеческих и литературных отношений. Она подробно рассказывает о знаменитой Болдинской осени 1830 года, вошедшей в историю литературы как самый плодотворный период в творчестве поэта. «Читали ли вы Онегина?» – выносит она в заглавие вопрос и предлагает осуществить путешествие в мир «Евгения Онегина», в мир его автора и героев, в конкретную эпоху первой четверти XIX века, в которой живут и люди, пришедшие из века XVIII. В мир, где двойной лорнет, «недремлющий брежет», шляпа боливара, одноместные санки, альбомы с рукописными стихами (светское воспитание требовало от молодого человека умение написать в альбом мадригал, нарисовать цветок или пейзаж) – привычные для современников романа мелочи жизни, давно ушедшие из нашего быта. Н. Михайлова рассказывает о сути и значении этих мелочей. А еще – о богатейшей духовной среде обитания далекой эпохи. В романе «Евгений Онегин» органично присутствуют полководцы и философы, художники и актеры, писатели, друзья Пушкина. Всего названо около двухсот тридцати имен, и эти имена для современни-

ков Пушкина были многоговорящими, отсылали к русской истории, отражали заботы и улады текущего дня. В многоголосном хоре пушкинского романа звучат голоса самого поэта и Мицкевича, Языкова и Овидия, Дельвига и Гомера, Баратынского и Байрона, Жуковского и Парни, Батюшкова и Петрарки, Вяземского и Тассо. Образы, навеянные французским романистом Ретифом и баснописцем Флорианом. Непрерывный диалог русской и мировой культуры, шедший на страницах романа, был понятен современникам, но, увы, уже не нам. Н. Михайлова стремится приблизить к нам ускользающие от нас смыслы пушкинских строк. А еще дает взглянуть на былое сквозь оптику нового научного направления — истории эмоций, увидеть, какие жаркие споры кипели среди первых читателей «Евгения Онегина», как только заходила речь о том, какая участь ожидает литературных героев, созданных пушкинской фантазией. «Альбом есть памятник души...» — уверял дядя А. Пушкина, Василий Львович, отдавший щедрую дань альбомному творчеству, как и А. Пушкин, чьи альбомные стихи и рисунки стали предметом особого изучения. В романе «Евгений Онегин» он даже предложил читателю альбомную своеобразную типологию: альбомы светских красавиц, блистательной дамы и уездной барышни Ольги Лариной, заполненный стихами и рисунками Ленского. Традиция рукописных альбомов пришла в Россию из Западной Европы во второй половине XVIII века, в 1820-х годах альбомная культура переживала свой расцвет. Альбомы клали на столики в гостиных, брали с собой на балы и в путешествия. Их украшали, заключали в переплеты алого сафьяна, зеленой или коричневой кожи с золотым тиснением, с позолоченными или латунными накладками. В собрании Государственного музея А. С. Пушкина хранится более ста рукописных альбомов пушкинского времени. Н. Михайлова, исследуя эти памятники эпохи, комментируя находящиеся в них тексты, рассказывая о судьбах их владельцев (а среди них и светская красавица Елизавета Демидова, урожденная Строганова, и семейство Мариных), в то же время знакомит с читательскими вкусами и эстетическими пристрастиями людей давно ушедшего времени, их взаимоотношениями, мыслями и чувствами. Среди героев очерков и создатели той поэтической культуры, которая воспитала музу Пушкина. Это Н. Карамзин, автор ставшей вершиной его сентиментализма повести «Бедная Лиза», над которой московская публика годами пролиwała слезы на берегу последнего пристанища бедной Лизы — пруда близ Симонова монастыря. Это и И. Дмитриев (1760—1837), министр, поэт и друг Н. Карамзина, автор чувствительной песни «Стонет сизый голубочек» и сатиры «Модная жена», принесших ему широкую популярность. Среди литературных мэтров допушкинской поры и первый литературный наставник будущего гения, его дядя Василий Львович. «Писатель нежный, тонкий, острый, мой дядюшка...» Он был искусным стихотворцем и блестящим переводчиком. Из-под его пера выходили басни и сказки, элегии и романсы, песни, эпиграммы, мадригалы, подражания. Некоторые его строки актуальны и по сей день: «Слов много затвердить не есть еще ученье: / Нам нужны не слова, нам нужно просвещение». Он был почитаем современниками: в последний путь его провожала вся литературная Москва. Его судьба была драматична. Он неудачно женился, развод получить удалось, но церковный суд наказал его обетом безбрачия, из-за чего он не мог жениться на московской купчихе, матери двух его детей, живших в доме как воспитанники. Он страдал, особенно под старость, что не может дать им свое имя и состояние. В работах Н. Михайловой множество изящных литературоведческих открытий, тонких, прозорливых наблюдений. Она обнаружила, что на дереве у пруда, где бедная Лиза закончила свою жизнь, были начертаны рукой В. Л. Пушкина строки из сонета Петрарки, которые послужили эпиграфом в первом книжном издании «Бедной Лизы». В очерке «Читали ли вы Онегина?...» она, сопоставляя пушкинский текст с поминальными речами того времени, доказывает, что, рассказывая о смерти Ленского,

«Пушкин использовал веками отработанный жанр церковного красноречия». Отмечает особую чувствительность, присущую людям XVIII века. Так, прославленный полководец Российской империи генерал-фельдмаршал граф П. Румянцев-Задунайский, когда рожала его любовница, заливался слезами в соседней комнате. Генералиссимус, князь Италийский, граф Суворов-Рымникский любил церковное пение, сам пел на клиросе и платил пенсии лучшим певчим придворной капеллы. Императрица Елизавета Петровна, увидев однажды стадо быков и узнав, что их гонят на бойню, заплатила за них деньги и спасла от гибели. Завершает сборник глубокая статья о М. Лермонтове «Желанный парус».

Наталья Таньшина. Страшные сказки о России. Классики европейской русофобии и не только. СПб.: Питер, 2024. — 256 с. (Серия: Питер покет)

Кажется, после 24 февраля 2022 года западный мир охватила пандемия ненависти к России и всему русскому. Не впервые. Страшные сказки о России во все времена были популярны у европейцев. Эта книга — галерея образов России, созданных европейскими авторами XIX века, преимущественно французскими. Среди «сказителей» были убежденные русофобы и обычные конъюнктурщики, которые следовали модным тенденциям или работали на заказ. Среди книг, к которым обращается историк Наталья Таньшина — яркие образчики русофобии, выдаваемые за авторитетный источник информации. Одна из них — «Записки о Московии» (1549) австрийского дипломата С. Герберштейна, который дважды приезжал в Москву с дипломатической миссией. Миссии завершились провалом, свою неудачу Герберштейн объяснил ужасными свойствами русских и их неспособностью приобщаться к достижениям европейской цивилизации. Второй главной русофобской книгой о России является работа маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году». Отношение к ней неоднозначно, «Страсти по Кюстину» кипели в русском обществе по выходе книги в свет, кипят и поныне, всплески интереса к ней происходят всякий раз, как политическими игроками на международной арене и внутри страны востребован негативный образ России. У обоих авторов имелись серьезные личные причины испытывать неприязнь к России. Образ России в изображении зарубежных историков и публицистов неоднократно варьировался. Иногда трансформации проходили на страницах работ одного и того же автора. Так, в начале 1813 года Наполеон заказал историку Ш.-Л. Лезюру книгу о казаках, у которых, согласно наполеоновской пропаганде, человеческого были только руки и ноги. После поражения великой армии образ дикого и необузданного казака-варвара стал неактуален, и Лезюру пришлось внести некоторые уточнения. Сама жизнь опровергала инвективы Лезюра. Русские войска, вступившие в Париж 31 марта 1814 года, вызвали у обработанного наполеоновской пропагандой населения когнитивный диссонанс: парижане (среди них был и юный Гюго) не могли поверить, что галантные, красивые, говорящие на прекрасном французском языке русские — это и есть ужасные казаки, «глотатели свечей» и «пожиратели детей». Виртуозом политического «переобувания на ходу» в зависимости от политической конъюнктуры был духовник Наполеона Бонапарта аббат Прадт. В 1820-е он призывал Европу объединиться перед лицом «русской угрозы». Позднее, когда в условиях кризиса англо-французского «сердечного согласия» Франция искала союзников, он выступил за союз с Россией, оправдывал и даже обосновывал ее притязания на Польшу. О русской угрозе во второй половине 1820-х годов писали А. Рабб, Н. Жильбер, Д. Оберон. Переплюнуть Кюстина пытался французский путешественник Ф. Лакруа, в России не бывавший. Зачем приезжать в Россию, если все связанные с ней мифы и стереотипы давно сформированы? Один из масштабных антирусских мифов — о стремлении России подчинить себе весь мир — формировался еще на рубеже XV—XVI веков,

во времена «открытия» далекой «Московии» ренессансными путешественниками и, особенно, в годы Ливонской войны. Именно тогда перед европейскими государями встал вопрос: не окажется ли со временем «русская угроза» даже сильнее и серьезнее турецкой? Петровские преобразования заставили вспомнить о «русской угрозе» и породили самую страшную и живучую сказку о вечном российском экспансионизме, запечатленную в фальшивом «Завещании Петра Великого». Всплеск антирусских настроений вызвала Крымская война. Свой вклад в создание образа врага — русского варвара — внесли сентиментальный русофоб и исследователь северных земель Л.-А. Леузон Де Дюк, «творец истории Франции» знаменитый Ж. Мишле, живописец и график Г. Доре. Как целостная идеология русофобия формируется в XIX столетии, в век становления классических идеологий, общественного мнения и прессы. Тогда же в английской прессе появился и термин «руссофобия», а в России распространилось выражение «англичанка гадит». И не случайно: по окончании наполеоновских войн Россия и Великобритания становятся лидерами на континенте, и между ними начинается острое соперничество. Англичане боятся потерять Индию и увидеть Россию в Константинополе. Самый известный английский русофоб Д. Уркварт запугивал читателя «русской угрозой» и нагнетал панический страх перед Россией, вопрошая: «Станет ли мастодонт сарматских степей Левиафаном морей Запада?» В середине XIX века польский историк-расист Ф. Духинский выдвинул идею о расовой неполноценности русских, не славян, а подвида туранского племени наравне с монголами, и нашел последователей во Франции, чьи теории востребованы и сегодня. Непреодолимое отвращение к славянам в целом и русскому народу в частности испытывали классики марксизма. К. Маркс «колыбелью Московии» считал «кровавое болото монгольского рабства», революцию в России Ф. Энгельс мыслил альтернативой ее мировому господству. Подретушировать и смягчить образ «варварской России» попытался в конце XIX века французский историк А. Леруа-Болье. Многие из работ, о которых рассказывает Н. Таньшина, на русский язык не переводились. Она анализирует тексты, приводит цитаты, раскрывает историю их создания и конкретные ситуации, в которых они появлялись, проясняет цели авторов, задачи, которые они решили в контексте своего времени. Она пишет о том, кем, когда, почему и зачем формировались мифы о России и стереотипы ее восприятия, те, что действуют и сейчас. Те же страхи перед «необузданной, свирепой, варварской, дикой, деспотичной державой, стремящейся к мировому господству». Анализируемые ею тексты почти не отличаются от работ современных западных пропагандистов, поэтому и выглядят так, будто написаны сегодня. Несмотря на многовековое противостояние европейцев между собой, как бы они ни враждовали, друг для друга они остаются «своими», представителями одной традиции, одной культуры. Мы же в их восприятии на цивилизационном уровне из Других перешли в категорию Чужих. Водоразделом стали принятие Русью христианства по восточному образцу и отказ от католической унии, ордынское нашествие и иго. Для европейцев мы предстали наследниками Орды и перенесли на себя тот негатив, который прежде доставался Востоку. Конечно, кроме страшных сказок о России, иностранные авторы создавали и иные, добрые сказки, и таких тоже было немало. Порой Россия превращалась из империи Зла если не в воплощение мирового Добра, то в совершенно неопасное государство, а порой и в помощника и защитника. Тот или иной образ России — враждебной или дружеской — был необходим европейцам для решения собственных внутренних проблем и в зависимости от ситуации мог весьма быстро корректироваться.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит издательства за предоставленные книги

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ХАРБИН — «РУССКИЙ КИТЕЖ»

Часть 17

ХАРБИН. НОВОЕ КЛАДБИЩЕ. СВЯТО-УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

1945—1950 годы

Осенью 1945 года Советская армия освободила Харбин от японских оккупантов. В это время настоятелем Успенской церкви был *протоиерей Димитрий Лавров (1944—1949)*¹. Одним из штатных диаконов был *о. Аркадий Долгополов (1938—1948)*².

В. И. Иванов (1940-е годы): «Протоиерей Димитрий Лавров служил в Успенской церкви на новом кладбище, в ограду которого вблизи двух китайских кумирен упирался Большой проспект и куда надо было ехать на повозке (или добираться пешком), минуя Новогородний универмаг торгового дома „И. Я. Чурин и Ко.“. На местном жаргоне похороны на новом кладбище обозначались: еще одного „за Чурина“ повезли. Отца Димитрия многим приходилось видеть неоднократно при этих печальных процедурах или приглашали его отслужить панихиду на могиле близких, особенно на «Радоницу» (день поминовения усопших во вторник на второй неделе после Св. Пасхи). Под вечер этого дня (часов в 5 по полудни) харбинские архиереи в сослужении многих священников из кладбищенской и других церквей города служили на поляне возле Успенской церкви „Вселенскую Панихиду“ по всем „от века скончавшимся“. В этой

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Протоиерей Лавров Димитрий Васильевич. В начале 1920-х годов служил в Госпитальном городке Харбина, в 1927—1937 годах — в Свято-Серафимовской и Казанской церквях г. Маньчжурия. В 1944—1949 годах служил в Успенской церкви на Новом кладбище; в 1949—1955 годах — штатный священник. В 1955 году вернулся в СССР и был направлен в Астраханскую епархию (Харбинский синодик... С. 102).

² Диакон Аркадий Диомидович Долгополов. Священнослужитель в войсках Белой армии. Участник Ледяного похода через Байкал. Эвакуировался в Китай. Семья осталась в России. Служил в Свято-Николаевском соборе Харбина в 1920—1927 годах, на ст. Букэду в 1927—1928 годах и ст. Ханьдаохецзы в 1928—1932 годах. Затем в Затонской церкви Харбина и на Успенском кладбище. Скончался в 1947—1948 годах в Харбине (Харбинский синодик... С. 175).

панихиде всегда участвовал и о. Димитрий Лавров, который выделялся высоким ростом, стройной фигурой и большой копной длинных волнистых волос с изрядной проседью»³.

24 октября 1945 года в Харбин прибыли Преосвященный епископ Ростовский и Таганрогский Елевферий и священник московской Воскресенской церкви Григорий Разумовский, составлявшие Патриаршую делегацию. Гостей приветствовали местные харбинские архипастыри — архиепископ Дмитрий и епископ Ювеналий с духовенством, а на следующий день — архиепископ Нестор. «Мы посетили и служили литию на кладбищах, где похоронены герои первой японской войны и герои-освободители доблестные воины нашей Красной Армии»⁴, — вспоминал священник Григорий Разумовский.

«В июне 1949 года Святейший Патриарх Алексий благословил Преосвященного Нестора, епископа Курского, посетить отдаленный Харбин в сопровождении священника о. Анатолия Козловского. Начало этому далекому путешествию было положено молебном, который совершил сам Святейший Патриарх у раки Преподобного Сергия в Троицын день после литургии <...> Прибыв в Харбин, гости посетили несколько храмов; 22 июня, московская патриаршая делегация посетила два кладбищенских храма и отслужила там панихиду на могилах воинов, участников русско-японской и второй Отечественной войны»⁵.

Красные грабят, желтые грабят...

На территории кладбища помещался епархиальный свечной завод, снабжавший свечами, лампадным маслом, вином и кадильным углем все церкви епархии⁶. «Мой отец Яков Георгиевич Плетухин⁷ в 1935 году устроился в Епархиальный Совет управляющим свечного завода на Новом кладбище, — вспоминал его сын Александр. — Зимой там изготовляли свечи, а летом вино, ладан и все необходимое для церквей Маньчжурии, а также Пекина»⁸.

В 1945 году с приходом Красной армии жизнь в семье Плетухиных изменилась, рядом с Новым кладбищем были японские казармы и склады. «Охранявшие их солдаты узнали, что у нас под домом склад вина, приходили и требовали у отца вино, — продолжает Александр Плетухин. — Запас вина стал заметно убывать, и было принято решение перевести вино в собор св. Николая. Под собором были комнаты, туда и перевезли вино. 12 сентября в день моих именин я приехал из Лицея (обычно я приезжал из лицея после службы, и в понедельник утром меня отвозили, отец или служащий). После, когда гости разошлись, часов в 6 вечера пришли пьяные солдаты и стали требовать вино. Отец сказал, что вина больше нет, его забрали солдаты, пойдите

³ Иванов В. И. Отрывочные воспоминания 60-летней давности о харбинских русских православных священнослужителях и околоцерковных людях // Русская Атлантида. 2007. № 22. С. 27.

⁴ Разумовский Григорий, священник. Патриаршая делегация в Харбине // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 12. С. 17.

⁵ Козловский Анатолий, священник. Поездка в Харбин // Журнал Московской Патриархии. 1949. № 11. С. 7—8.

⁶ Падерин Николай, священник. Церковная жизнь Харбина. Из кн.: Церковь твою утверди: Из воспоминаний о церковной жизни Харбина. Сан-Паулу, 1967. Цит. по: Русский Харбин: Изд. Московского ун-та, 1998. С. 31.

⁷ Плетухин Яков Георгиевич. Родился в 1898 году в Самарской губернии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Воевал в армии адмирала А. В. Колчака. Имел ранение. Эвакуирован в Харбин. Работал на предприятиях города. В 1932—1933 годах участвовал в постройке Иверской часовни при Свято-Николаевском соборе. В 1935—1945 годах управляющий Епархиального свечного завода на Новом кладбище. Скончался 3 сентября 1951 года. Похоронен на Новом кладбище (Харбинский синодик... С. 227).

⁸ Плетухин Александр. Мой отец // Русская Атлантида. 2006. № 20. С. 23.

и посмотрите сами. Вино действительно исчезло. Вернувшись, солдаты поставили отца и меня к стенке и с автоматами стали угрожать: „Не-дашь вино — убьем!“ В это время к нам шел заведующий кладбищем Лука Петрович Попов. Увидев в окно, что происходит, он побежал в контору и позвонил в комендатуру. Вскоре приехала армейская полиция и забрала солдат, сказав, что больше вы их здесь не увидите»⁹.

В эти годы на Успенском кладбище по-прежнему производились захоронения. Среди многих других видных людей, похороненных на Успенском кладбище, были и деятели просвещения, такие, как Сергей Афанасьевич Таскин (1876—1952), основатель и создатель одной русской гимназии, просуществовавшей в китайском городке Якеши с 1937-го по 1955 год, и такие, как иммунолог Всеволод Владимирович Кожевников (1886—1946). Военный врач, прошедший фронты Великой войны 1914—1918 годов и побывавший в составе русского корпуса генерала М. А. Лохвицкого во Франции, в 1918—1920 годы доктор Кожевников продолжил свою работу в госпиталях Сибири, в Тюмени и Томске, откуда в марте 1920 года и приехал в Харбин. Там Всеволод Владимирович вместе с коллегами-врачами работал над разработкой вакцин против распространившейся чумной инфекции в Маньчжурии, использование которой фактически остановило распространение страшной эпидемии в Северо-Западном Китае в начале 1920-х годов¹⁰.

В 1949 году — возникновение красного Китая. В том же году настоятелем Свято-Успенской церкви стал *о. Николай Депутатов*¹¹. Короткое время сверхштатным священником был *о. Георгий Козлов* (1950—1951)¹², штатным диаконом — *о. Николай Бродяной* (1955—1958)¹³, а псаломщиком — *Симеон Федорович Фесюнов*¹⁴ (1953—1958).

1956 год — отъезд последних русских из Китая, остались единицы. В 1958 году местными властями были закрыты оба православных кладбища Харбина — Покровское (Старое) и Успенское (Новое) (около 100 000 могил). В том же 1958 году протоиерей Николай Депутатов покинул КНР и выехал в Австралию. С 1962 года — настоятель собора в г. Брисбене. Там он и скончался 25 мая 1982 года¹⁵.

Последним настоятелем Успенской церкви числился *протоиерей Фотий Хо*. В 1957—1958 годах он служил в Свято-Николаевском соборе Харбина, в Успенской церкви в 1958—1959 годах, в Преображенской церкви Корпусного городка до 1962 года. Переведен в Пекин, где и скончался от туберкулеза 10 июля 1965 года.

⁹ Там же. С. 23.

¹⁰ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 208—209 (в 1935 году В. В. Кожевников вышел из советского гражданства. С 1936 года работал в Русско-немецкой лечебнице).

¹¹ Протоиерей Депутатов Николай Михайлович. Родился в 1896 году в Саратовской губернии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Эмигрировал в Китайский Туркестан. В Харбине с 1922 года. В 1939 году окончил здесь богословский факультет Института Святого Владимира. Принял священнический сан в 1941 году и служил первое время на ст. Якеши КВЖД. Переведен в Успенскую церковь Харбина (1949) (Харбинский синодик... С. 122).

¹² Иерей Георгий Павлович Козлов. Служил на ст. Барим (1937), в пос. Драгоценка Трехречья (1937—1938), на ст. Чжалантунь и Бухэду КВЖД (1938—1939), на ст. Барим (1940), в Успенской кладбищенской церкви Харбина. В 1950-х годах — в Михайло-Архангельской церкви г. Дальнего. Вернулся в СССР и вскоре скончался (Харбинский синодик... С. 152).

¹³ Протоиерей Николай Александрович Бродяной. Служил в сане диакона в церкви на ст. Ханьдаохецзы КВЖД в 1941 году. Далее служил в Свято-Николаевском соборе Харбина и в Успенской церкви на Новом кладбище до 1955 года. Выехал в США, где был рукоположен во священника от Московской патриархии. Служил в Филадельфии в Андреевском соборе (Харбинский синодик... С. 121).

¹⁴ С. Ф. Фесюнов — отец Софии Семеновны Троицкой — регента и автора воспоминаний о Харбинской епархии и певческой культуре Харбина.

¹⁵ Харбинский синодик... С. 122.

А тем русским харбинцам, кто остался, довелось перенести новые испытания.

В 1966 году, в ходе «культурной революции», китайскими хунвейбинами Успенское кладбище было полностью разрушено бульдозерами и превращено в парк, а надгробные мраморные и гранитные плиты были использованы на облицовку набережной реки Сунгари, многие плиты были уложены надписями вверх, и по ним ходили прохожие¹⁶.

Н. А. Анчугова (Брагина): «Новое кладбище было варварски уничтожено новыми китайскими властями: надгробные плиты были взяты для укрепления дамбы на реке Сунгари, могилы были разрыты, а черепами мальчишки-китайчата играли в футбол»¹⁷.

Разрушение русских кладбищ в Харбине было совершено в нарушение законов КНР, в частности 20-й («При конфискации и реквизиции земли могилы и рощи на кладбищах должны сохраняться в неприкосновенности») и 21-й («Знаменитые древние памятники или памятники культуры исторического значения должны тщательно охраняться: храмы, монастыри, церкви и другие общественные здания, а также дома помещиков не должны разрушаться») статей Закона о земельной реформе КНР, а также 88-й и 97-й статей Конституции КНР¹⁸.

Покровский храм был превращен в книжный склад, а Успенский — в комнату смеха с кривыми зеркалами. Купол храма был убран, вместо него устроена плоская крыша¹⁹. Колокольню Успенского храма венчала пятиконечная звезда. Не имея никакой помощи из России, православные в Китае отстаивали свою церковь только глубокой верой и горячей молитвой²⁰. В «Сборнике памяти 1-го Харбинского Русского реального училища» (1987) указано, что в храме был открыт киоск, обслуживавший посетителей парка, устроенного на месте кладбища²¹.

Надежда Разжигаяева (1999): «Перед Успенским кладбищем все приведено в порядок, появился ряд газонов, вазы с растениями, чистота идеальная. Все буддистские ларьки упорядочили, перенесли их в магазины. Там я на обратном пути купила „золотого“ Будду. После аллеи старых плакучих ив вышли к Успенской церкви, там сейчас музей с экспозицией бабочек — это, видимо, лучший выход. Походили по аллеям, на одной из них появился ларек в виде часовенки. Пусть так — все же признак уважения к месту и дань традициям. Камни с надписями на аллеях, думала, убрали совсем. Нет, их перевернули. На одном из них сбоку увидела остатки чудного орнамента. Прошла мимо места, где были похоронены бабушка и прабабушка за тополиной аллеей, сфотографировала здесь газон со скамьей. Думаю, наши лежат спокойно, фонтан чуть сдвинут»²².

«Поспешила на Успенское кладбище. Купила в буддийском ларьке две веточки с маленькими розочками, попросила веревочки, чтобы привязать их к дереву, и окунулась в толпу. С тылу подошла к Успенской церкви, сориентировалась по папиному плану, на-

¹⁶ См.: Поздняев Дионисий, свящ. Православие в Китае (1900—1997). М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1998. С. 157. / Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 213.

¹⁷ Анчугова (Брагина) Н. А. Поэзия и жизнь Ольги Корчагиной // Русская Атлантида. 2007. № 22. С. 35.

¹⁸ Обращение советских граждан-жителей Харбина к Председателю КНР Мао Цзэдуну.

¹⁹ Тыкоцкий Г. Б. Православные храмы Харбина. Екатеринбург, 1999. С. 48—49.

²⁰ Поздняев Дионисий, свящ. Указ. соч. С. 157 (по состоянию на март 2016 года велись переговоры, чтобы сделать этот храм действующим. «Видишь православного китайца — душа радуется!»).

²¹ Сборник памяти 1-го Харбинского русского реального училища. https://archive.org/stream/sbornikpamiati1g028800/sbornikpamiati1g028800_djvu.txt Дата посещения 27.11.2022.

²² Харбин глазами наших детей. Из писем Нади Разжигаяевой родителям // Русская Атлантида. 2000. № 3. С. 44.

шла нашу тополиновую аллею. Удивительно, но в первый свой заезд я привязала цветы именно на тот газон, где лежит бабушка, хотя совсем не знала, где ее искать»²³.

В. Феофилов (2003): «К сожалению, следы пребывания наших отцов и дедов уничтожаются в Харбине, и горсточка оставшихся русских влачила жалкое существование. Проезжая через Гонконг на кладбище, я видел много могил русских военных, погибших в борьбе с бандитами, а теперь в Харбине из большого кладбища устроен парк, а кладбище находится далеко за городом»²⁴.

Архимандрит Августин (Никитин) (2005): «Если продолжить путь по Dongdazhi jie, то вскоре улица приведет к ЦПКО (Центральный парк культуры и отдыха). Ошибиться невозможно: громадное колесо обозрения видно издалека. Слева каменные львы охраняют вход в буддийский монастырь. Обитель действующая; во дворе высится огромная позолоченная статуя Будды. Когда-то буддийский монастырь и православное кладбище соседствовали — друг от друга их отделяла высокая каменная стена. Нынче за „буддийской“ стеной — парк культуры.

При входе на бывшее православное кладбище высится колокольня, увенчанная пятиконечной звездой. В кладбищенском храме, тоже бывшем, разместился центр компьютерных игр. На территории китайского „диснейленда“ тесно от всевозможных аттракционов. Бетонной стеной огорожено кладбище советских воинов, погибших в боях за освобождение Харбина. Несколько десятков ухоженных могил с обелисками, но доступа к ним нет, ворота на замке»²⁵.

Н. Н. Лалетина (Николаева) (2005): «Дом, в котором живет семья Чен, в 10 минутах ходьбы от нашего бывшего Успенского кладбища. Этот путь, который к нему ведет по Большому проспекту, начинаясь от магазина Чурина, почему-то кажется намного короче того, по которому ездили и ходили пешком в детстве. Кладбища давно нет, и на его месте парк с сохранившимися от прошлой жизни уже состарившимися деревьями, дорожками меж них, занесенными снегом. Ничто не напоминает о нем, разве, что оставшаяся арка при входе, да старая церковь Успения со звездой вместо снятого креста, превращенная в клуб с дискотекой. Под асфальтом спят надежно укрытые до второго пришествия останки тех, с кого начинался Харбин, кого не смогли в свое время перенести в другое место упокоения, на новое кладбище за Харбином.

Никаких больше ориентиров нет, все исчезло. Бывало, по приметным памятникам искали родные могилы. Памятник священнику Панормову²⁶, стоящему с приподнятой в проповеди рукой, от него влево ходили к могиле Демидова, теткинго мужа; или от памятника детскому доктору Казем-беку шла дорожка к бабушке Екатерине. Хожу и подсчитываю в уме, сколько шагов и где надо пройти, чтобы попасть к этому месту. Но раньше кладбище, как и Большой проспект, казалось большим, все стало несоизмеримо с прошлыми детскими мерками. Бродим по заснеженным тропинкам. Жизнь, кажется, остановилась на этой территории, в заснувших до весны детских аттракционах, каруселях и качелях. Только красный дракон, скрутившись и взвившись по столбу

²³ Указ. соч. // Русская Атлантида. 2001. № 6. С. 60.

²⁴ Феофилов В. Кое-что о Харбине // Русская Атлантида. 2004. № 13. С. 59.

²⁵ Августин (Никитин), архимандрит. Харбин. Страницы русской истории // Эхо планеты. Февраль 2006.

²⁶ Протоиерей Евгений Николаевич Панормов родился ок. 1871 года. Во время Гражданской войны работал в омском правительстве, затем священник в Белой Армии, благочинный Отдельной казачьей бригады, Сводной казачьей дивизии и Второго стрелкового корпуса Дальневосточной армии. После эвакуации в Маньчжурию служил в харбинской Алексеевской церкви в Модягоу (1923–1930). Скончался 13 ноября 1930 года. Похоронен на Успенском кладбище. На могиле был его скульптурный памятник во весь рост в священническом облачении (Харбинский синодик...С. 103).

ввысь, вот-вот готовый взлететь, напоминает, где я нахожусь, куда занесло... на осиротевшее русское кладбище, где и живых-то за весь день не встретили!»²⁷

Славутская А. М. В Харбине 70 лет спустя (2006 год)

Успенская церковь находится на территории парка развлечений, где, как известно, раньше было русское кладбище. Церковь была построена для короткого последнего отпевания на кладбищенской земле. Она вся закрыта виноградными лозами, видна лишь одна колокольня, да и то не вся, церковь будто укрылась от человеческих глаз со стыда за поруганные могилы. Посажен виноград руками старых русских харбинцев. С тех пор за ним не ухаживали, а виноград все же буйно разросся.

Когда мы собирались ехать к Успенской церкви, я позвонила в Москву своей харбинской подруге Наташе Селюгиной, с которой мы неожиданно встретились через 70 лет на ассоциации «Харбин-1935 год». Позвонила, чтобы узнать фамилию ее дяди, похороненного на этом кладбище, как она как-то рассказывала. Но в парке развлечений не было и следа от старых могил. Могильные плиты пустили на строительство, выложили ими парковые дорожки; нет-нет, да и промелькнут под ногами на плитах русские буквы. Надгробный камень, что лежал на могиле известного русского судьи, разрезан на три части: соорудили столешницу и подпорку для нее, а третью часть служит лавкой у стола. Сидят, закусывают, а на лавке еще можно различить высеченные надгробные слова.

Когда Н. Н. смотрит на все это, его доброе, приветливое лицо вдруг меняется, глаза становятся колючими, злыми. Иногда он приходит в парк и ходит по газону, под которым покоятся более 60 тысяч русских харбинцев, ходит с включенным ручным магнитофоном, который снова и снова повторяет молитву об усопших: «Помяни, Господи, и вся в надежди и воскресения и жизни вечныя, усопших...».

Но есть место в парке левее Успенской церкви, где кладбищенские могилы сохраняются в полном порядке. Это некрополь советских воинов, павших при освобождении Харбина. Глухой бетонный забор окружает это грустное место. Сквозь решетчатые ворота (они всегда на замке) хорошо видны общий высокий памятник и ровные, тесные ряды могил с одинаковыми надгробиями. Три из них неизвестным солдатам. Остальные — именные, на которых можно прочитать впечатляющие строки. Например, «Здесь похоронен прославленный советский разведчик Чуркин» Или: «От Сталинаграда до Берлина, от Харбина до Харбина прошел боец Бабушкин».

Николай Николаевич знает, где были могилы харбинцев, вошедших в историю города. В числе их могилы Сторожева и Гондатти. Сторожев, который впоследствии стал священником Успенской церкви, отслужил последнюю литургию для царской семьи перед расстрельной ночью. Когда его начинали расспрашивать об этом, он плакал и, не отвечая, уходил. Гондатти Николай Львович (начальник земельного отдела Управления КВЖД до прихода Советов) был замечательным человеком, очень много сделавшим для города. Его именем были названы район Гондате́вка и улица Гондате́вская. До назначения на КВЖД он был генерал-губернатором Приморского края, получил высший японский орден от императора Японии. Во время японской оккупации Маньчжурии его пришли арестовывать. Японский капитан один вошел в дом, оставив стражу на улице, потребовал, чтобы Гондатти к нему вышел. Вскоре Гондатти появился в полной генеральской форме с орденами на груди. Капитан стал объявлять приказ на арест, но вдруг осекся, побледнел и, низко кланяясь, стал пятиться к выходу: он увидел на груди бывшего генерал-губернатора высший японский орден. Больше Гондатти не трогали. Скончался он в 1946 году и был похоронен на Успенском кладбище²⁸.

²⁷ Лалетина (Николаева) Н. Н. Картинки с китайской природы. Харбин // Русская Атлантида. 2005. № 17. С. 55.

²⁸ Славутская А. М. В Харбине 70 лет спустя // Русская Атлантида. 2007. № 23. С. 83—84.

Т. П. Верижская (2007): «Поехали на Успенское кладбище. Когда из разломанных памятников сделали дорожку, ведущую к выходу, удалось прочесть некоторые фамилии, после чего китайцы перевернули эти плиты обратной стороной. Советское кладбище тоже должны перенести на новое, но это стоит больших денег. Там похоронено более 60 солдат и командиров. После Успенского кладбища поехали на Соборную площадь. Вместо собора и клумбы, которая была устроена после сноса, появилась непонятная металлическая композиция»²⁹.

Новый участок в Санкешу. Кладбище Хуан-Шан

В 1958 году были разрушены оба православных кладбища Харбина — Покровское и Успенское. По распоряжению китайских властей для захоронения был предложен участок земли в районе Санкешу, приблизительно в 25 километрах от центра Харбина. Выделенный участок стал называться кладбищем Хуан-Шан. Всем было предложено перенести прах ранее захороненных на этот участок, но немногим это удалось сделать. Туда же православными прихожанами были перенесены две церкви — Иоанно-Предтеченская из района Московских казарм и Борисоглебская из района Ченхе. Позже эти два храма были соединены в один. Разрушенные же русские некрополи стараниями трудолюбивых китайцев постепенно были обращены в парки, все могилы сровняли с землей. В начале 1990-х китайское правительство выделило средства на постройку нового храма, освященного во имя Иоанна Предтечи, строительство которого было завершено в 1995 году³⁰. В эту церковь были перенесены Престол и святыни из Борисоглебского храма в Ченхе³¹.

Русское присутствие в Харбине едва угадывается в местах упокоения представителей диаспоры. Так, на русском кладбище в Харбине сохранялся памятник командиру и экипажу миноносца «Решительный», капитану 2-го ранга князю Александру Александровичу Корнильеву. Он и члены его экипажа героически погибли при обороне крепости Порт-Артур. Их тела тогда были доставлены в Харбин по КВЖД. Похороны состоялись на кладбище в центре города. Четырехгранную стелу венчал двуглавый орел — символ Российской империи. С приходом в 1945 году Советской армии ее политическое командование решило навести порядок в русских некрополях. С памятника морякам был сбит орел, и водружена красная звезда, а для придания большей убедительности в нерушимости советской власти стелу украсили гербом Советского Союза, по форме являвшим собой некое подобие кладбищенского венка. С такими символами останки моряков были перенесены на новое кладбище в район Хуан-Шан. Только в 2003 году памятнику вновь был возвращен первоначальный облик³².

Г. В. Хатковский (2003): «Было предложено перенести прах умерших на выделенное примерно километрах в тридцати от Харбина место для перезахоронения — кладбище Хуан-Шан, но в это время уже почти не осталось в Харбине русских, которые разъехались по разным странам, а большинство — на Родину, поэтому мало кому удалось перезахоронить своих близких, но оставшимися в Харбине русскими были перенесены церкви — Иоанно-Предтеченская (из Московских казарм) и Борисо-Глебская (из Ченхэ), соединенные в один приход. В 1995 году китайским правительством была построена новая церковь Иоанна Предтечи, а также благоустроена территория.

²⁹ Верижская Т. П. Путешествие из Новосибирска в Харбин // Русская Атлантида. 2008. № 28. С. 71.

³⁰ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 213.

³¹ Поздняев Дионисий, свящ. Православие в Китае (1900—1997). М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1998. С. 156.

³² Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 233—234.

Так и мои родители остались в земле харбинской, а над ними топчутся чьи-то ноги, попирая прах проживавших там русских людей. В Австралии выпущена уникальная книга бывшей харбинки Татьяны Жилевич (Мирошниченко), которая собрала многочисленные фотографии, оставленные ей отцом, который был фотографом в Харбине: „В память об усопших в земле Маньчжурской и харбинцах“, а у меня остались только воспоминания о родных и пожелание им Царства Небесного»³³.

Н. Н. Лалетина (Николаева) (2005): «Малая доля могил Успенского кладбища была перенесена на „самое новое“ кладбище в район за городом Хуан Шань в 1958 году. Сюда перенесена и Иоанно-Предтеченская церковь из Московских Казарм. В этом же году была отслужена и последняя Вселенская панихида на Успенском кладбище на братской могиле в г. Харбине. Сюда перенесен прах известного в городе доктора Казем-Бека, погибшего при спасении ребенка, зараженного дифтерией. Памятник „обезглавлен“, креста нет. Перенесен прах 4-х студентов Политехнического института, погибших в 1946 году в перестрелке с бандитами в Ченгаузе. Также перенесены два уникальных обелиска в память о погибших воинах времен русско-японской войны 1904—1905 гг. На одном из них, видимо позднее, затерт крест и вместо него — пятиконечная звезда и герб Советского Союза»³⁴.

А. М. Славутская (2006): «Новое кладбище хорошо содержится, построены красивая православная церковь и синагога. Антон с поклоном клал по гвоздике на надгробные плиты доктору Казем-Беку, фабриканту Савинову и другим. Вдруг послышалась канонада: это на китайском кладбище, расположенном неподалеку, происходили похороны. По китайским обычаям, тело покойника сжигают и урну с пеплом опускают в могилу. Если умерший был с положением, дают залп из хлопушек. Затем все едут в ресторан на поминки. Никаких поминальных речей или особых блюд. Через час расходятся»³⁵.

Т. П. Верижская (2007): «Поехали на новое кладбище (дальний пригород Харбина). Там есть православная часовня, конечно, закрытая на замок. Посетили могилу доктора Казем-Бека (памятник сборный, а не тот, что был на Успенском кладбище). На одной из могил некоей Сенниковой молодые китайские дети и внуки отстояли панихиду, записанную за рубежом на магнитофон. Среди молодых родственников была русская девушка из России, вышедшая замуж за одного из этих полукровок. После панихиды раздавали кутью, все истово крестились.

Памятники все хорошие, в основном из мрамора. Заказывают их в Благовещенске. Среди перенесенных с Успенского кладбища могил есть родители ныне живущей в Омске Марии Баранцевой, последний православный священник Покровской церкви о. Григорий с роскошным памятником из черного мрамора (1925—2001), о. Стефан — священник из Алексеевской модяговской церкви, убитый хунвэйбинами, вся семья Мятых (родители и два брата), последние русские жители Харбина. Оставшийся в живых Михаил Мятых был псаломщиком и певчим в Покровской церкви, когда я приезжала в Харбин в 1993 г. Нашел вечное упокоение замученный в годы „культурной революции“ председатель Общества граждан СССР Антонюк, отец и сестра Лидии Хаиндрава, отец Валентин Берестов, настоятель Иверской церкви, доктор Ильин и новые могилы с простыми деревянными крестами, часто без табличек. Прекрасный

³³ Хатковский Георгий Витальевич. Юность моя — Харбин // Сибирская православная газета. 2003. № 5.

³⁴ Лалетина (Николаева) Н. Н. Картинки с китайской натуры. Харбин // Русская Атлантида. 2006. № 18. С. 59.

³⁵ Славутская А. М. В Харбине 70 лет спустя // Русская Атлантида. 2007. № 23. С. 84.

памятник из белого мрамора у Нины Афанасьевны Давиденко (главный бухгалтер пристанского Чурина, а потом Общества граждан). Она дожила до девяноста двух лет, хотя была репрессирована в годы „культурной революции“. На кладбище мы встретили группу омичей, приехавших в Харбин по приглашению мэра города»³⁶.

...1975 год — последняя русская поэтесса Нора Крук, родившаяся в Харбине в 1920-м, уехала из Гонконга в Австралию.

Арсений Несмелов³⁷. Стихи о Харбине

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят,
что построен
Русской ты рукой.
Пусть удел подобный горек, —
Не опустим глаз:
Вспомяни, старик историк,
Вспомяни о нас.
Ты забытое отыщешь,
Впишешь в скорбный лист,
Да на русское кладбище
Забегит турист.
Он возьмет с собой словарь
Надписи читать...
Так погаснет наш фонарик,
Утомясь мерцать!³⁸

Бывшая харбинка *Н. Грачева-Мельникова*, проживающая в Австралии, после посещения в 1998 году Харбина написала следующее стихотворение:

Неразумные люди, за что же
Обезличили город родной?
А в церквах — зала ужасов, рожи
Осквернили Престол наш Святой.

И кресты вы в безумстве сорвали
И на месте их звезды зажгли —
Это варварство будет едва ли
Украшеньем китайской земли.

³⁶ Верижская Т. П. Путешествие из Новосибирска в Харбин // Русская Атлантида. 2008. № 28. С. 69.

³⁷ Арсений Несмелов (наст. имя и фам. Арсений Иванович Митропольский, др. псевдонимы: А. Н-ов, А. Н-лов, А. Арсеньев, Н. Арсеньев, Арсений Бибилов, Сеня Смелов, Николай Дозоров, Н. Рахманов, Анастигмат, Тетя Розга, Не-пыли; 8 (20) июня 1889, Москва — 6 декабря 1945, село Гродеково Приморского края, тюрьма для пересыльных) — русский поэт, прозаик, журналист. Участник Белого движения. В Харбине с 1924-го по 1945 год. В августе 1945 года арестован и вывезен в СССР. Согласно официальной справке, умер 6 декабря того же года в пересыльной тюрьме в Гродекове (ныне поселок Пограничный в Пограничном районе Приморского края).

³⁸ <https://stihi.ru/2009/06/04/105>. Дата посещения 27.11.2022.

И строителей этого края
 Вы могилы попрали, кроша,
 И теперь на дорожках сверкают
 Под ногами — кресты, имена.

«Спи, сынок дорогой» — мы читаем
 И не смеем на надпись ступить
 В этом парке, где громко играет,
 А вернее, оркестр гремит.

В нашем мире побед и печалей
 Все историю свято хранят,
 А Харбин почему-то отдали
 Тем, кто прошлого знать не хотят.

Но живые свидетели дышат.
 Это тополь высокий стоит,
 Помнит он, как подъезды и крыши
 Русский зодчий с азартом творит.

И веселые пышные вязы
 Все по-русски еще говорят,
 А березки воздушные рядом
 О харбинцах ушедших грустят.

Те деревья стоят, как свидетель
 И как памятник правды живой,
 Они гордо справляют столетье —
 Харбина юбилей роковой³⁹.

Маргарита Таут⁴⁰. Белая церковь Успения

Памяти всех похороненных на харбинском Успенском кладбище, снесенном в начале 60-х годов

Помню: по дням поминальным
 Дома, собрав узелок,
 Шли мы на кладбище дальше —
 Русской судьбы уголок.

Белая церковь Успения
 Собой замыкала проспект,
 Как символ земного свершения,
 Как реквием тем, кого нет.

³⁹ Цит. по: Хатковский Георгий Витальевич. Юность моя — Харбин // Сибирская православная газета. 2003. № 5.

⁴⁰ Таут Маргарита Павловна родилась в 1936 году в Харбине в семье русских эмигрантов. В 1954 году окончила в Харбине среднюю школу и еще шесть лет прожила в Китае. Лишь в 1960 году по индивидуальному разрешению она выехала с бабушкой и дедушкой в Ташкент.

Легли там под звон погребальный:
Харбинец, освоивший край,
И беженец многострадальный,
Заброшенный жизнью в Китай,

Участники многих сражений,
Свидетель которым наш век,
Известный гуманным служеньем,
Прославленный врач Казем-Бек.

Там бабушка, дядя и мама,
Так много знакомых имен!
И память рисует упрямо:
Мы к ним по аллеям идем...

Где ангелы грустно молчали,
Над роскошью мраморных плит,
Где просто кресты осеняли
Прах тех, кто под ними лежит⁴¹.

Подольск. 2000 г.

Ольга Корчагина. Папе

Я о смерти тогда мало знала,
Просто слишком была молода.
Ты ушел, ты со мной не простился,
Ты ушел, не сказав мне куда.

Почему не встанешь, обнимешь?
Почему ты холодный, как лед?
Мне сказали, что умер мой папа,
В сердце мне забежал холодок.

Помнишь, брал ты меня на колени,
Говорил, что научишь летать.
Как спокойно и радостно было
На руках мне твоих засыпать.

Помню бег вороных, всех в пополах,
И печальный трезвон у ворот.
Похоронен ты был на «Успенском».
Время шло, только рана живет.

Хоронили тебя на «Успенском»,
Где белели кресты и кресты.

⁴¹ Цит. по: Верижская Т. П. Путешествие из Новосибирска в Харбин // Русская Атлантида. 2006. № 20. С. 84.

Там на Радоницу все собирались,
По рядам невозможно пройти.

Шли года, коммунисты у власти
Оскверняли святыни мои.
Нет крестов! Только кости белели
И торчали из черной земли.

Словно смерч пролетел над «Успенским».
Все кресты и иконы сожгли!?
Все могилы сровняли, сломали,
Где останки, любимый твои?

Говорят, только время все лечит,
Почему же «та рана» жива?
Я всю жизнь тебя, папа, искала,
Но такого, как ты, не нашла.

Мне всегда так тебя не хватало!
Ты был друг и отец для меня.
Спи спокойно, любимый мой папа,
Буду помнить, пока я жива!⁴²

26.05.2000

⁴² Цит. по: Анчугова (Брагина) Н. А. Поэзия и жизнь Ольги Корчагиной // Русская Атлантида. 2007. № 22. С. 36.

Contents

Prose and Poetry

Boris Kovalev. Poems • 3

Dmitry Tarasov. Experience of Immortality, or Lieutenant of the Tenginsky Infantry Regiment. *Novel* • 7

Evgeny Chigrin. Wolves and Moirae. *Poems* • 60

Anatoly Buzuluksky. Pushkin's Tenderness. *Poems in Prose* • 67

Alexander Kuraptsev. Poems • 76

Non-Capital Russia

Maria Znobishcheva, Alexander Makarov, Elena Chasovskikh. Tambov Lyricists. *Poems. Foreword by M. Kudimova* • 82

Anna Bakalova. City of People. *Short Story* • 92

Andrey Belozerov. Sad Magic. How to Get to the Library. *Short Story.* There is No Moscow. *True Story* • 103

Universe of Childhood

Alla Kechedzhan. City Island. *Mariupol Stories* • 128

Publicistic Writings

Pavel Usanov. The Riddle of the Industrial Revolution: What Event Caused the Industrial Revolution in England • 142

Criticism and Essays

Vera Kalmykova. „And My Gaze Greedily Chased Every Color and Line“ • 176

St. Petersburg Bookman

Territory of Memory. *On the 210th Anniversary of M. Yu. Lermontov.* Ekaterina Sosnina. Mystical Trace in the Biography of M. Yu. Lermontov. **Art of Reading.** Nikolai Markelov. Lermontov: the Caucasian Context. **Reviews.** Olga Kraplak. Uncritical Essays. **Book Island.** E. Zinovieva's Publication • 191

Pilgrim

Archimandrite Augustine (Nikitin). Harbin — „Russian Kitezh“. *Part 17* • 243

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал «Нева»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-72-50
E-mail: nevaredaction@mail.ru

Страница «Невы» в «Журнальном зале»: <https://magazines.gorky.media/neva>
Сайт «Невы»: <http://nevajournal.ru>, <https://neva-journal.ru>

*Проект «Сберечь и приумножить во имя будущего наше духовно-
нравственное наследие» реализован на средства гранта Санкт-Петербурга*

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет АО «Почта России»,
подписной индекс П1743.

Свежие номера журнала в Санкт-Петербурге можно приобрести в магазинах
прессы у станций метрополитена.

**По вопросам, связанным с оптовой и мелкооптовой продажей,
приобретением** отдельных номеров журнала за последние годы, обращайтесь:

в Санкт-Петербурге — в редакцию журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18,
тел. (812) 312-49-23, e-mail: officeneva@mail.ru).

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала
«Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте
издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>, <https://neva-journal.ru>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-83135 от 26 апреля 2022 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Учредитель: ООО «Журнал «Нева»

Сдано в набор 15.08.2024. Подписано в печать 17.09.2024.
Выход в свет 04.10.2024. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 800 экз. Свободная цена. Заказ № 57

Адрес издателя ООО «Журнал «Нева»: Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 18

Отпечатано в типографии ООО «ИПК „БИОНТ“»
190026, Санкт-Петербург, Средний пр., 86
Тел. (812) 207-58-43